

Посвящается внуку Алессандро

**Все определяется тем, чего
ищешь в жизни, и еще тем, что ты
спрашиваешь с себя и с других.**

С. Мозм

Вагиф Гусейнов

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ОДНА ЖИЗНЬ

Книга вторая

**ПРОТИВОСТОЯНИЕ
ПРЕОДОЛЕНИЕ
ПОСТСКРИПТУМ**

Москва – 2013

УДК 82-94
ББК 84-4
Г962

Гусейнов В.

Г962 Больше, чем одна жизнь. Кн. 2. — М.: Издательский дом «Красная звезда», 2013. — 424 с.
ISBN 978-5-88727-100-2

УДК 82-94
ББК 84-4

Часть третья

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

**...жизнь есть не что иное, как постоянно
побеждаемое противоречие**

И. С. Тургенев

ДРУГИЕ ВРЕМЕНА

Новый первый секретарь

Новый этап в жизни республики начинается с прокрутки только что испробованной «технологии» — новой формы общения с народом. Делегации партийных организаций, общественности, министерств и ведомств вновь направляются в ЦК партии. На этот раз — для встречи с К.М. Багировым: свежая идея взята на вооружение. В данном случае она призвана продемонстрировать преемственность курса. Не только в содержании проводимой политики, но и в стиле работы. «Доступ к телу продолжается», — шутят острословы, глядя на группу тружеников села, дожидаящуюся своей очереди у парадного подъезда.

К.М. Багиров пытается копировать не только методы, но, прежде всего, внешние приметы алиевского властного стиля. Притом, что он по природе, жизненной школе, выучке совершенно иной человек. Он приглашает к себе людей не для того, чтобы выслушать их, почерпнуть свежей информации о том, что происходит, как живет народ за пределами партийной резиденции. Важно нагнать на людей побольше страха, чтобы им и не подумалось, что с отъездом Г. Алиева начинается иная жизнь, без нескончаемых проверок и ультимативных требований дать больше хлопка, винограда, мяса, нефти, газа, текстиля, кондиционеров, суперфосфата и т.д.

Все чаще слышится в кулуарах, пишется в справках и отчетах: приписки, двойная бухгалтерия! А как быть бедняге председателю колхоза без очковтирательства, коли не родит земля хлопка столько, сколько обещано с высоких трибун? Что делать директорам промышленных предприятий, если не хватает сырья, рабочих рук, того, другого, третьего?

Советская производственная машина явно дает сбой, возможности мобилизационного ресурса исчерпаны, государственный механизм устарел, повсеместно говорят о новых подходах к решению социально-экономических проблем. Требуется новая политика.

Кямран Мамедович знает производство не хуже моего, а может, и лучше. Знает, что творится на стройплощадках. Стоит привлечь его внимание к вопросам обновления, о которых пишут и говорят в Москве. Попытка осмыслить социалистический опыт, соотнести реальные итоги строительства нового общества с современной действительностью чувствуется в выступлениях Ю.В. Андропова. Он явно настроен на проведение реформ, на то, чтобы взбодрить людей, вернуть им веру в способность КПСС на обновление. Все эти вопросы требуют широкой дискуссии, обсуждений.

Кямран Мамедович со скучающим видом выслушивает мои дефиниции.

— Андропов, — говорит он, — не перестает напоминать, что противники Советского Союза объявили странам социализма экономическую войну, вынашивают замыслы вмешательства в их внутренние дела, рассчитывая таким образом расшатать общественный строй, добиться военного превосходства. Так что ему есть чем заняться на международном плацдарме. А на внутренней строительной площадке у него есть новая, мощная опора — Гейдар Алиев, который в последних своих высказываниях, по существу, обрисовал основные направления нашей работы. Мы должны следовать курсом, разработанным и проложенным им. И не надо ничего изобретать. Вместо того чтобы теоретизировать, лучше бы мобилизовать горком на улучшение снабжения. А то я вижу у некоторых ваших работников голова закружилась от брежневской похвалы...

Все ясно. Нет, все-таки правы политики, утверждающие, что Багиров был выбран как неукоснительный и самый послушный продолжатель алиевского дела. Не курса — дела.

Трудно быть преемником сильного, волевого, яркого лидера. Образ — это имидж. А имидж вовсе не вся личность. Обыватель, вслушивающийся в гневные тирады партийного лидера, сокрушающего признанные авторитеты, не может не восхищаться убедительностью и смелостью обвинений.

Для аппарата К.М. Багиров вовсе не был новой фигурой. «Стены этого кабинета впервые услышали матерщину», — так коротко высказались бывалые сотрудники Отдела пропаганды и агитации о новом секретаре, когда Кямран Мамедовича Багирова перебросили из города химиков и металлургов в ЦК в качестве главного идеолога компартии. Прежде в этом кабинете они общались с тонким эстетом Джафаром Джафаровым, знатоком театра, кино, музыкальной классики, блестящим литератором Шихали Курбановым, цитировавшим по памяти Шекспира, Пушкина, Низами, Вургуну, помнили и Данилу Пириевича Гулиева, умело оперировавшего цитатами из классиков марксизма-ленинизма...

В роли Первого К.М. Багиров больше напирает на голосовые связки, грозно вращает зрачками, отпускает соленые шутки. Как-то перед Первомаем выехали вместе посмотреть город, праздничное убранство. Нет ли каких-либо замечаний, может, придумать еще что-либо по части цветов, традиционных гуляний на природе в рабочих районах.

— Тебе лучше под утро проехаться по городу и взглянуть, не снесло ли ветром портреты членов Политбюро, а то начнутся разговоры всякие...

Сказал, как отрезал, и ушел, громко хлопнув дверью машины, таким незатейливым, а точнее говоря — хамским способом выразив свое недовольство моей персоной, непонятно, чем вызванное. Впрочем, гадать о причинах раздражения, которое вдруг охватывает нового шефа при моем появлении, долго не пришлось.

Первый накат

Звонят из ЦК: орготдел готовит на Бюро вопрос о работе Бакинского горкома. Создана комиссия, в распоряжение которой необходимо предоставить все соответствующие документы. Цель проверки сформирована хитро и не вызывает особых опасений: «О стиле и методах работы Бакинского горкома партии в свете требований XXVI съезда и последующих Пленумов ЦК КПСС, решений XXX съезда Компартии Азербайджана».

Ничего экстраординарного, тема плановая. С точно так же сформулированной справкой в свое время был отстранен от власти Мжаванадзе, хрущевский человек во главе Грузии, напоминает дока в вопросах организационной партийной работы Юра Мамедов. И приводит свои аргументы: формула предполагает рассмотрение всех направлений деятельности горкома под любым углом зрения. С таким подходом можно разнести в пух и прах любую организацию, ибо, как бы ни выполнялись решения съезда, общее состояние дел в целом по стране продолжает оставаться более чем неблагоприятным.

Нет ли тут преувеличений? Юра чрезмерно осторожен и подозрителен по характеру. Обжегшись на молоке, дует на воду. Так-то оно так, да только Юрий Гусейнович — один из наиболее информированных функционеров аппарата. Он знает, что говорит...

Как бы там ни было, существующий порядок нужно соблюдать неукоснительно. Подобно тому, как горком регулярно изучает деятельность райкомов, их конкретные действия в многообразных взаимоотношениях с партией коммунистов на местах, выдвигает, поощряет одних, наказывает и лишает командных постов других, так и Центральный комитет Компартии вправе дать оценку деятельности горкома в этом плане: объективно, глубоко, профессионально. Ничего личного, никакой предвзятости, все — для пользы дела. Именно так я понимаю задачу.

Члены проверочной бригады, до того сидевшие с каменными лицами, согласно кивают головами, с облегчением встречая мои слова, обращенные к сотрудникам:

– Предоставить в распоряжение руководителя проверочной группы (заместитель заведомо ЦК Компартии Азербайджана Ш.М. Фарзалиев) все необходимые материалы.

И поручение Л.А. Соколову, второму секретарю горкома:

– Подготовьте в кратчайшие сроки справку о деятельности горкома по изучаемому вопросу, обратив внимание на нерешенные вопросы, недоработки и недостатки, которых хватает. Чем мы руководствуемся при составлении такого рода документов?

– Не пытаться выглядеть лучше, чем есть на самом деле, — отвечает бывший моряк, корабль которого после многолетнего плавания по Каспию прибыл к благополучному партийному причалу.

Опытный мужик, моряк-каспиец, а унынья своего не может скрыть. Ясное дело — шепоток по коридорам пошел: «Проверка!»

Н-да, дела у меня — хуже некуда. Да Бог с ней, с проверкой. Тон секретарский и манеры коробят, как-то незаметно испарился из секретарской лексики флер аппаратной дипломатичности. В общем, и с сотрудниками, даже с членами Бюро, новый руководитель практикует этакий сержантский стиль покрикивания, одергивания, беспричинного недовольства. Культура взаимоотношений приобрела, мягко говоря, несвойственные аппарату формы. Боюсь, столь радикальную смену этических норм я долго не выдержу...

– Что-то зачастили ко мне на прием юные дамочки, одна смазливее другой. Что бы это значило? — обращаюсь я к своему помощнику, просматривая очередной список заявителей.

– Обратил внимание, как тут не заметить? Вот и сейчас вас дожидается одна очаровательная жалобщица. Наверняка собирается с обворожительной улыбкой сообщить, что обладает информацией государственной важности, которой может передать только тет-а-тет.

– И с чем связан такой наплыв девиц в приемную товарища Гусейнова? У Али Габиевича на приеме такое не наблюдалось?

– Товарищ Керимов был мужчина, как говорится, в возрасте, кадр старой школы, строгих правил.

— Спасибо за ценное наблюдение. Я и не подозревал, что веду себя столь легкомысленно, что стал объектом внимания девиц легкого поведения.

— Извините, я не совсем точно выразился. Все знают — вы молоды, пришли из комсомола.

— И поэтому представительницы слабого пола повалили гурьбой на прием к первому секретарю?

Помощник догадывается о моих подозрениях относительно причин повышенного внимания некоторых особ к моей персоне. Но он никогда напрямую не выскажется по поводу того, что видно невооруженным глазом — зачем ему вступать в интригу? Достаточно того, что ему однажды уже было строго наказано не отлучаться из приемной, пока последний заявитель не покинет кабинет. А мне нужно быть побдительнее в разговорах по телефону, при частных встречах и беседах. Впрочем, жизнь высокопоставленного партийного чиновника изолирована по определению. На отдых я не выезжаю уже третий год, лето провожу на госдаче, которую с давних времен называют правительственной; особой близости с кем-либо из высоких чинов не имею; вечеринки и гулянки остались где-то далеко позади — в комсомольском прошлом, как и друзья из детства, спортивной юности и журналистских троп...

Напряжение, которое физически сдавливало каждого, кто появлялся в нескончаемо длинных коридорах ЦК при Г. Алиеве, исчезло вместе с ним. На Бюро громче стали разговаривать, перекидываться репликами. Багирову и самому, видно, приелась бесконечная игра в этаких неприступных комиссаров, тем более, что она давно не убеждает зрителей, живущих своей жизнью. Однако приемчики, заимствованные из чекистского арсенала, без чего управленческая технология лишилась бы жизни, действенности, не отброшена. Надо полагать, что надобность в них сохраняется.

К.М. Багиров — человек, в общем-то, не честолюбивый, лишенный амбициозности и яркой индивидуальности, как и политико-государственного мышления. Он полагает, что спецслужбы в арсенале средств управления — такой же инструментарий, как и любая иная государственная организация. Однако же все делается топорно, грубо, непрофессио-

нально. Он даже не скрывает, что регулярно советуется с экс-первым по текущим вопросам работы ЦК, Совмина и других партийно-государственных структур.

Реакция аппаратчика любого уровня с тренированным слухом на это сообщение — однозначная. «Он в курсе всего!» А простой народ трактует происходящее бесхитростно: «Багиров — его человек, потому и поставлен рулить. Без его разрешения он и чихнуть не смеет». Будет ли народ при таком положении вещей уважать ЦК, Компартию, руководящую, направляющую силу? Уважение давно заменено чиновничеством. Впервые в жизни возникло новое ощущение — работа стала в тягость. Она не приносит ни радости, ни удовлетворения и, как видится, ни особой пользы. Так, суета, унылое ожидание развязки. Даже неожиданное разрешение выехать на курсы АОН при ЦК КПСС не веселит. Ясно: посчитали, что в отсутствие В.А. Гусейнова легче копать на него компромат, давить на людей, брать объяснения.

Увы, очень скоро обнаруживается нескрываемый избирательный подход в формировании будущего документа, явная тенденциозность в толковании материалов, фактов, добытых членами проверочной комиссии. Это следует из намеков ее руководителя Ш. Фарзалиева в беседах с работниками аппарата.

Самостоятельность в политическом мышлении в глазах большинства партийного чиновничества столь же опасна, как и критичность. О них хорошо рассуждать на научных конференциях, вбрасывая в аудиторию «жареные» факты и малоизвестную информацию о деятельности того или иного руководителя, организации. А на практике ценятся согласование и послушание. Не шагнул ли я со своим московским демократизмом за черту дозволенного?

Говорить с Багировым на эти темы бесполезно. Он явно продолжает линию по приучению горкома, заимствованную у своего предшественника. Заимствованную или переданную ему как эстафетную палочку? Очень скоро можно будет получить ясный и точный ответ на эти непростые вопросы. Вызов из Академии общественных наук при ЦК КПСС послушать лекции на месячных курсах, организованных для секретарей крупных горкомов и обкомов, подоспел как

нельзя кстати. Встречусь с Гейдаром Алиевичем, чтобы поставить все точки над «і». Заодно можно будет отойти от душливой атмосферы нашептываний, интриг и сплетен, бьющих через край в аппарате. Старые страсти в новой редакции. К тому же в Москве грядут перемены, да и страна живет ожиданиями, а в Академии соберутся первые лица республик, регионов всей Российской Федерации. Лучшей возможности получить информацию о настроениях в стране, думах, которыми живет партийная масса, — трудно себе представить.

— Тебя все на дискуссии тянет, конференции. Тут у нас дел не впропорот. Придется повременить.

Багиров, как обычно, неприветлив, говорит нехотя, каждым словом и мускулом лица подчеркивая недовольство. С трудом подавляю в себе желание сказать что-то вроде того, что, мол, недавно и он сам, Кямран Мамедович, в ходе недавней своей встречи с партактивом только и рассуждал о слабой связи науки с жизнью, формальной образованности руководящих кадров. К тому же год назад сам побывал на курсах секретарей-идеологов. Правда, московские научные светила не оставили заметного следа в его впечатлениях.

Пожалуй, выпалить такое было бы мальчишеством. Есть партийная субординация, дисциплина и устоявшаяся форма взаимоотношений с Первым. Из этого выросла непререкаемость его авторитета. Тем, кто помнил словопрения, порой даже бурные, в доалиевском ЦК, между интеллигентнейшим Вели Юсифовичем Ахундовым и его партнерами по Бюро, пришлось расстаться с руководящими кабинетами или дурными привычками. Так служение сменилось прислуживанием. Что тут сказать? Не лучше ли молча сложить бумаги в папку и, попрощавшись, удалиться?

Нет, не сработаться нам с новым Первым, предпочитающим всему иному посиделки с бывшими прорабами. Вот и заседания Бюро стали напоминать пятиминутки на стройплощадке...

Мой поезд застрял на путях, и неизвестно, когда объявят отправку. Все вокруг суетятся, делают вид, что выясняют причины задержки, а машинист молчит. Ждет команды.

И команда из Москвы поступает, но вовсе не та, на которую он рассчитывал. В орготделе ЦК КПСС удивлены столь пренебрежительным отношением руководства Компартии Азербайджана к вопросу переподготовки руководящего состава, или в Баку не знают, какое значение придает Юрий Владимирович повышению теоретических и политических знаний руководителей всех звеньев Компартии? Это — крик. Реакция следует моментально.

— Кямран Мамедович считает ваше присутствие на месячных курсах при ЦК КПСС обязательным.

Первый общается со мной через своих орговиков. Небось решил, что я подключил свои московские связи. Хотя все и говорят о жестком нраве нового генсека, решительно приводящего в движение застоявшийся партийный механизм. Новые поветрия уже взбаламутили стоячие воды в Москве и волнами расходятся по стране. Потребуются годы, чтобы они докатились до самых до окраин. Дело не только в устоявшихся привычках — действует фактор необъятностей: страны и бюрократии.

...Лекторы, как и все мои старые знакомцы, преисполнены оптимизма: начинается новая фаза социалистического строительства. Человек, нашедший выход для вздыбленной восстанием Венгрии в 1956 году, сумеет разбудить от спячки Советский Союз в 1982-м! Дай-то Бог! Может, и до каспийских берегов докатится волна начатых перемен...

Однако на Старой площади ничто не свидетельствует о начавшемся вращении тяжелых маховиков механизма могучего государства. Как, впрочем, и в Кремле.

Монолитная фигура Гейдара Алиева, словно высеченная из черного гранита, в глубине кабинета призвана подтверждать непоколебимость власти. Молчаливо свидетельствует о том и кабинет, обитый красным деревом, в котором когда-то восседал непобедимый большевик В.М. Молотов. Когда-то и Вячеслав Михайлович, именно так — по имени и отчеству — поминает Гейдар Алиевич давнего хозяина кабинета, возможно, самого верного соратника Сталина, словно бы он не на пенсии, а только что удалился в соседнюю комнату и с минуты на минуту вернется, вот так же молча, отключенными от душевного отсека глазами, внимал иностранным

посетителям, принуждая их ждать его томительной реакции. Каким будет ответ наркома? Война или мир?

Оказывается, я допустил много ошибок. Противопоставил себя руководству республики. Нехорошо повел себя, одним словом.

— Почему же никто мне не указывал на них? Старшие товарищи могли ведь и поправить.

Самые важные шаги я сверял с Его мнением. До тех пор, пока был принят. Я до сих пор не могу понять, чем вызвал немилость человека, который, я видел, доверял мне всецело и которому стольким обязан. Меня смущает не неприятие моей персоны Кямраном Багировым. В конце концов, он вправе формировать собственную команду. Зачем взрывать обстановку? Я готов покинуть партийную номенклатуру и заняться, как и прежде, журналистикой. Тем более, что есть мнение, будто я не гожусь для партийной работы и лучше меня вернуть в печать.

Разумеется, вопросы, поднятые мной перед хозяином кремлевского кабинета, — сущие мелочи, ничто в ворохе государственных задач, которые поставлены перед ним партией, лично Юрием Владимировичем Андроповым, государственными проблемами, которые он отныне призван решать. Азербайджан — одна из 15 республик. Не более. А Багиров — новый руководитель. Ему виднее, как и с кем работать.

Он не слышит меня. Более о моих ошибках и самостоятельности — ни слова. Только, как бы между прочим, реплика: «Напрасно ты связался с Пугачевым... С этим интриганом...» Не может он забыть упрямства Юрия Николаевича, воспротивившегося назначению Багирова. Значит — война.

На войне как на войне

Она начата, как и все войны современности, внезапно и безо всяких соблюдения дипломатии.

Один за другим сражены наповал Юра Мамедов и Адиль Рамазанов. Первый из них приглашен в кабинет секретаря по идеологии сразу после того, как Ю.Н. Пугачёв, пообщавшись с коллегами по ЦК, направляется в аэропорт.

(Юрия Николаевича переводят в Москву. И не в аппарат, а в тихий кабинет тишайшего из государственных ведомств — по науке и технике. Значит, Г. Алиев и тут успел руку приложить. Тяжела, однако, десница командора...)

В кабинете, помимо Г.А. Гасанова, непосредственный шеф Юры, заведующий адмотделом Сабир Гусейнов и секретарь по сельскому хозяйству И.А. Мамедов. Все — с непроницаемыми лицами.

— Есть предложение освободить тебя от занимаемой должности, — своим неповторимо зычным голосом оглашает приговор Гасан Азизович.

Он мог бы и не говорить об этом. Юрий Гусейнович все понял и без слов.

— Раз предложение поступило, значит, надо уходить, — только и сказал заместитель заведующего.

С тем и покинул кабинет, где его коллеги, каждый из которых доселе отзывался о нем исключительно в восторженных тонах. Не долго думая они сняли его с карьерной дистанции, каждый метр которой Юра преодолел благодаря своим стараниям, способностям и упорству.

К.М. Багиров, выросший с ним на одной и той же чемберкендской улочке, оформлял освобождение высокопоставленного и достаточно авторитетного лица, входящего в номенклатуру Бюро ЦК, опросным путем. На бюро пришлось бы объяснять причину столь внезапного решения, смотреть постоянно партнеру по теннисному корту в глаза. А это тягостно. Я ведь упоминал — сердобольным человеком был Кямран Мамедович, совестливым...

Адиль Рамазанов оказался в том же кабинете часом позже, едва попросившись со своим шефом у трапа самолета. Он не обладал сдержанностью и выдержкой своего комсомольского товарища и высказал «тройке» все, что думал по поводу той непартийной, беспринципной роли, которая им была отведена.

В Москве веет переменами. На кухнях только и разговоров о предстоящих громких отставках. Они уже начались. На лицах моих коллег из столиц союзных республик растерянность. Лекторы, видные философы и обществоведы, теоретизируют по поводу специфики развитого социализма.

Реальный мир социализма, между тем, трещит по швам. Региональные партийные вожаки бурчат об удручающем влиянии на морально-психологический климат в городах и всех прибывающих «черных тюльпанов» и раненых из Афганистана.

— Программа месячных слушаний составлена толково. Лекции ученых на уровне, — выражаю я общее мнение. — Все съехавшиеся с разных концов страны партийные работники полагают: коли нас собрали в Москве, было бы в высшей степени полезно послушать информацию руководителей партии о текущем моменте.

Предложение встречено с пониманием, ожидается выступление одного из секретарей ЦК КПСС. И тут же вслед сообщают шепотом: «Андропов болен. Почки...»

Ежедневная связь с Баку приносит неприятные новости: инструктор орготдела Агаси Адыгезалов собирался вылететь на денек в Москву — контрольные сдать, навеститься к сестре, у которой семейное торжество. В аэропорту ему устроили настоящий допрос с пристрастием, выпотрошили багаж и т.д. — случай небывалый.

Вот и поднялся занавес. Первый акт, так сказать. И ружье повесили на стене, которое всенепременно грохнет искомым компроматом.

Известно, когда поднимается занавес финального акта: 11 октября 1983 года. Уже и текст приговора готов — страниц 20 машинописного текста — проект постановления ЦК Компартии Азербайджана «О стиле и методах работы Бакинского горкома партии в свете требований XXVI съезда и последующих пленумов ЦК КПСС, XXX съезда Компартии Азербайджана (первые страницы посвящаются выполнению производственных планов, решению экономических и социальных проблем. Без этого нельзя, ибо возникает резонный вопрос: если все так плохо, то зачем же каждый год Красные знамена вручаются? Нет, писари в ЦК свою задачу туго знают).

Успехи тружеников были бы значительными, «если бы стиль и методы... более полно отвечали...» Вот они, мои преступления: «Работе горкома партии присущи декларативность, низкая требовательность, несамокритичность, поверх-

ностный подход к решению проблем... Горком не проявляет последовательности и боевитости... В последние два года количество рассматриваемых на Бюро вопросов возросло...» Точно подсчитали: не в полтора, не два раза, а в 1,3 раза!

«Городской комитет, его бюро не стали доподлинными органами политического руководства».

До сих пор в ходу было иное патетическое словцо — «подлинное». Как стать нам, несчастным неумехам, «доподлинными органами, люди?! Впрочем, ответ на этот вопрос найден: «...Настрой на дела, а не на громкие слова — должны пронизывать всю деятельность горкома». Вот вам, Вагиф Алиовсатович, и итог вашей борьбы со славословием в документах и на собраниях! Как же вы не догадались «повысить уровень требовательности... сосредоточить усилия... более настойчиво осуществлять... усилить контроль...» А все почему? Все потому, что «многие недостатки в стиле и методах деятельности Бакинского горкома явились результатом слабой работы его первого секретаря В. Гусейнова, «который к тому же проявляет недостаточную компетентность, неискренность, непродуманность, нарушает принципы коллегиальности... нежелание прислушиваться к советам и рекомендациям товарищей...»

В отличие от преамбулы документа, где говорилось о деятельности горкома в сфере социально-экономической политики, примеров, подтверждающих диктаторские замашки первого секретаря горкома и прочие недостойные партийного руководителя черты, явно маловато, авторы не утруждают себя обоснованием столь серьезных обвинений. И сразу зачитывают приговор:

«Бюро ЦК КП постановляет: «За слабое руководство, существенные недостатки и просчеты в стиле и методах работы, подборе, расстановке и воспитании кадров... В.А. Гусейнову указать».

Это, разумеется, проформа для усыпления бдительности. Вердикт будет согласован и оглашен в мой судный день — 11 октября. «Указать» на фоне столь серьезных обвинений, с учетом уровня обвиняемого, достаточно веская формула.

Интересно, у кого, у какой партийной организации стиль и методы работы вполне соответствуют требованиям? И еще

интересно мне, каким образом можно обосновать эту сверхзадачу, рабочий стиль коллективного органа ведь формируется годами. Что-то я не припомню, чтобы руководящие товарищи из штаба партии в течение двух с лишним лет упрекали бы меня за негодный стиль.

Впрочем, у меня в руках всего лишь проект постановления. Его мне вручили сразу после прибытия из Москвы. Мол, пока вы там совершенствовались, мы тут, в Баку, тоже не сидели сложа руки. «Указать»? Неужели на этом точка? Проект постановления в части наказания редко меняется при принятии окончательного решения. Не часто, но меняется...

В истории горкома трудно отыскать пример, когда бы его руководителя снимали до истечения первого трехлетнего срока.

Очередная бакинская городская конференция назначена на декабрь 1983 года. Почему бы не привести в исполнение приговор на столь представительном собрании коммунистов?

Ан нет! Порешили прикончить втихую, на Бюро, без лишнего шума. Тоже старый способ. Того и гляди, какой-нибудь излишне привередливый знаток партийной практики возьмет ибрякнет во всеуслышание: «Так человека только из Москвы перевели — и уже снимать! Что же он такого надедал? Чтобы Баку, четвертый город Союза, поднять, решить его проблемы, нужны десятилетия, а не два с половиной года!» А вдруг после такого рабочего спича пожелают высказаться и другие? Совладать с конференцией будет непросто. На Бюро сопротивление в любом виде исключается — все свои. И потом, столь радикальное решение можно под шумок вписать в общую кампанию по укреплению дисциплины, ответственности, педалируемую новым союзным руководством. Все продумано до мелочей.

А мне и в самом деле впору подумать о линии поведения на Бюро. Введенный в практику в последние годы способ выбивания снисхождения таков: признать ошибки, покаяться, можно пустить и слезу, даже хорошо бы. Багиров ведь сердобольный. Боюсь только, что у меня ничего не получится. Ни брать на себя чужие грехи, ни пускать слезу мне не пристало. А главное — Бакинский горком Компартии Азер-

байджана — это, господа, не фунт изюма вам! В кабинете, бывшей резиденции бакинского губернатора, сживали Сергей Миронович Киров, Мир-Джафар Аббасович Багиров. Последний и перед легендарным Руденко — союзным прокурором, государственным обвинителем — на эшафоте не сломался. А тут хоть и Багиров, да не тот.

Надо готовиться к бою. Кто-то же должен однажды сломать этот лживый от начала до конца ритуал смиренности, покорности. Почему не первый секретарь Бакинского горкома? Даже если окажется в единственном числе.

Последний бой

Итак, 11 октября 1983 года. Бюро ЦК. Входят (из боковой двери) К.М. Багиров и новый Второй — В.Н. Коновалов, работавший многие годы в отделе тяжелой промышленности ЦК КПСС, опытный, знающий инженер-металлург. Он только-только появился в Баку, многие и многое ему тут незнакомо.

Перечислим их так, как утверждено это было для официальных сообщений: К.М. Багиров, В.Н. Коновалов, Г.А. Гасанов, В.А. Гусейнов, Ф.Э. Мусаев, С.Б. Татлиев, Г.Н. Сеидов, З.М. Юсифзаде, Р.Э. Мехтиев, Д.М. Муслимзаде, Л.Х. Расулова, Г.Ш. Эфендиев.

В соответствии с планом работ на Бюро выносятся вопросы «О стиле и методах работы Бакинского горкома партии в свете требований XXVI съезда и последующих пленумов ЦК КПСС, решений XXX съезда Компартии Азербайджана».

С отчетом выступает товарищ В.А. Гусейнов — первый секретарь Бакинского горкома. Информировать товарищ Ш.М. Фарзалиев — заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК Компартии Азербайджана (руководитель бригады ЦК по изучению данного вопроса).

Все взоры устремились на председательствующего. К.М. Багиров еще не свыкся с ролью хозяина — действия его лишены уверенности, суетливы, долго перекладывает какие-то бумаги в лежащей перед ним папке. Наконец, подносит к очкам записку с изложением повестки дня. Читает: «На Бюро

ЦК Компартии Азербайджана выносятся вопрос...» И далее по тексту. Немного импровизации: «Материалы, подготовленные комиссией орготдела ЦК, предварительно были представлены членам Бюро. Ознакомилось с ними и руководство горкома. Прежде чем перейти к обсуждению, хотелось бы выслушать мнение членов Бюро горкома, товарищей Гусейнова, Соколова, Аббасова и других».

У меня нет никаких сомнений ни в истинных целях, ни в ожидаемом характере начинающихся слушаний. Достаточно ясно предвижу и возможные последствия. И все-таки: как быть? Соглашаться с происходящим или повести откровенный, нелицеприятный разговор? Ко мне уже подходили некоторые товарищи с советами: не перечить, не дай Бог... Главный довод, неотразимый, как удар вне правил: «Сам знаешь, откуда ветер дует. Не ты первый, не ты последний...» Лучше признать ошибки, сказать, что недостатков и недоработок куда больше, чем указано в постановлении, мол, молодой, исправлюсь и в том надеюсь на коллег по Бюро и, как заведено, «лично на товарища Багирова». Однако помимо меня есть и члены нашего горкомовского Бюро. Как они отнесутся к дискуссии и к тому, что наворочено в проекте постановления? Ведь документ как бы подсказывает им: речь не о вас, виноват Гусейнов. Не постановление — служебная ориентировка.

Перед глазами пасмурное лицо Первого — нет, на снисхождение рассчитывать не приходится. Самая правильная линия — самая трудная и самая опасная: надо постараться вскрыть истинные мотивы действия. Выступать самокритично, но и указать на очевидную подтасовку фактов, непартийные приемы, примененные при проверке, все то, что они хотели бы оставить за кадром. Соглашаться можно с чем угодно, но признаться в неискренности, лживости, диктаторстве — нет уж, увольте!

Фактически речь идет о заговоре против горкома: он будет поднят, его право на самостоятельность, инициативность отброшены, его руководитель, осторожно включавший механизмы внутрипартийной демократии и разделения ответственности, как неудобный единоличной власти, подлежит политической ликвидации. Очень важен и психоло-

гический контекст. Главное — не горячиться и сохранять спокойствие.

А начинаю я вот с чего. Вопрос о стиле и методах работы партийной политики — один из фундаментальных и в теории партийного строительства, и с точки зрения накопленного практического опыта. Нет точных и ясных критериев, отсюда — и вольные трактовки. Споры на эту тему никогда не прекращались, усиливаясь и обостряясь на одних этапах и стихая — на других. Можно говорить о ее неизбежной актуальности. Есть некая закономерность — внимание партии концентрируется на этой стороне работы, как правило, на переломных этапах. Вот и сейчас наступило время для серьезного, критического и объективного осмысления практики руководства...

Я делаю необходимую паузу, чтобы глянуть на следующий тезис своего выступления.

К.М. Багиров демонстративно перебирает лежащие перед ним бумаги и, не поднимая головы, бросает:

— Не будем удаляться в дебри теории. Вопрос поставлен конкретно, в рабочем порядке. Не стоит выходить за рамки повестки дня.

— При таком подходе я могу отказаться от отчета, ограничившись лишь тем, что попрошу приложить к документам заседания Бюро текст своего выступления.

К.М. Багиров собрался вроде бы возразить, но потом махнул рукой, дав таким образом понять присутствующим, что он не видит необходимости спорить и разрешает продолжить мои теоретизирования из уважения к моему сану — как никак член Бюро ЦК.

А я, между прочим, уже перехожу к конкретике, мысленно похвалив себя за выдержку. Говорю о том, что бюро горкома и я лично, как первый секретарь, согласны с основным выводом проекта Постановления: да, стиль и методы работы Бакинского комитета не в полной мере отвечают требованиям партии, курсу, установкам XXVI съезда КПСС и XXX съезда Компартии Азербайджана. Но отмечаю отсутствие серьезного анализа такой большой и серьезной проблемы и несомненную тенденциозность в подборе фактов, желание любыми способами обосновать те или иные выводы. А самое

главное — все обнаруженные недостатки и упущения напрямую связываются с личными качествами первого секретаря, фактически персонифицируя саму проблему. И с этим я при всем желании никак не могу согласиться.

И далее — развертываю аргументацию в связи со сказанным:

Первое. Стиль и методы работы, практикуемые бюро Бакинского горкома и мною, не являются и не могут быть какой-то особой, исключительной практикой, наработанной и применяемой отдельно взятой парторганизацией. Всё, о чем мы сейчас говорим, в той или иной мере, в диапазоне — лучше-хуже, вы найдете в любом партийном органе — от парткома до ЦК. Потому что все мы руководствуемся общим курсом нашей партии, ее решениями и директивами, сложившимися традициями.

Второе. Я нахожусь в руководстве Бакинским горкомом около двух лет. Применительно к коллективу, который находился в стадии формирования, говорить о стилях и методах, как о сложившемся факте, наверное, не очень правильно. Речь может идти о допущенных ошибках, недостатках, намечающейся тенденции — в лучшем случае. Допускаю, что имели место и личные промахи, ошибки, да и, возможно, неполная готовность к руководству порученным участком. Но это совсем иное дело, иной подход!

Опыта руководства крупными партийными организациями я, действительно, не имел и не скрывал этого, напротив, этим и объяснял свою неготовность к столь ответственной должности, когда мне её предложили. Тем не менее, по настоянию первого секретаря ЦК Г.А. Алиева, я был выдвинут на этот пост. При этом мне была им же обещана помощь и полная поддержка в работе. И в последующем все важнейшие решения организационного и идейно-политического характера принимались мною по согласованию лично с Гейдаром Алиевичем Алиевым, а в последующем с товарищем К.М. Багировым.

— Это обстоятельство не снимает ответственности с руководства горкома, с вас лично, как первого секретаря, — сухо замечает К.М. Багиров.

— Конечно. Но я имею в виду всего лишь объективность подхода к изучению дел в партийной организации,— согла-

шаюсь я, складывая листики с тезисами выступления — главное я уже сказал и теперь могу обойтись без шпаргалки.— ЦК КПСС положительно оценивал работу Бакинского горкома — это хорошо известно. Возможно, у нашего руководства свое, отличное мнение на сей счет. В таком случае необходимо дать разъяснение по этому поводу. И потом есть же, в конце концов, принцип разделения ответственности. Если мы работали так плохо, как значится в записке комиссии, то следует хотя бы одной строчкой признать, что в чем-то и вышестоящий орган, в данном случае ЦК, секретари, соответствующие отделы, также недоработали. Делаем-то мы одно общее дело, значит — и отвечать нужно вместе, а не только устраивать показательные разгоны.

В.М. Коновалов: В справке указывается, что вы нарушаете принцип коллегиальности в работе, принимая решения, не советуясь с членами бюро, секретарями. Это же принципиальный вопрос!

— Полный абсурд! — взрываюсь я. — Как можно принимать, например, на ответственную должность кого бы то ни было, минуя отраслевого секретаря или заведующего отделом?!

С огорчением отмечаю, что выдержка изменила мне. В обмене репликами зазвучали резкие тона. Это всегда плохо, а в обмене мнениями с первым лицом в партии — тем более, как бы ни был он неправ.

Следующий выпад председательствующего возвращает к действительности.

К.М. Багиров: Вы здесь неискренни. Вот тут сидят товарищи, они скажут.

Ш.М. Фарзалиев: Некоторые работники горкома занимаются сбором информации неслужебного характера, компрометирующего... руководящих работников.

К.М. Багиров: Вы говорили, что коллегиальность нарушается. В чем это выражается?

Ш.М. Фарзалиев: Во-первых, общими данными по выступлениям на пленумах, бюро.

В.М. Коновалов: Так в чем же все-таки нарушение коллегиальности?

Ш.М. Фарзалиев: В решении кадровых вопросов...

В.М.Коновалов удрученно разводит руками.

Ситуацию пытается разрядить Г.Н. Сеидов, предсовмина, член Бюро ЦК:

— Здесь написано, что в аппарате сложился нездоровый морально-психологический климат. Каково ваше мнение, — обращается он к Л.Л. Соколову, нашему второму секретарю.

Л.Л. Соколов: Я этого не замечал, такими данными не располагал и Фарзалиеву ничего такого не давал.

В.Н. Коновалов: Откуда все это тогда взялось?

Возникает неловкая пауза. Мне незачем ее прерывать. Пусть сами выкарабкаются из дурацкой ситуации, в которую попали по собственной инициативе. За Ш.Ф. Фарзалиева отвечает председательствующий, беря инициативу в свои руки.

— Я неоднократно советовал товарищу Гусейнову перевести некоторых работников горкома на другую работу — тех, о ком сложилось отрицательное мнение, — говорит он, обращаясь к В.Н. Коновалову.

Тот молча упирается взглядом в меня.

— Да, — отвечаю я, — это было не более двух месяцев назад. Чтобы кадры снимать, передвигать по вертикали и горизонтали, нужны как минимум две вещи: время и достаточные основания. Люди ведь не тюки, чтобы по собственной прихоти перебрасывать их с полки на полку.

К.М. Багиров: Указание первого секретаря для вас должно быть законом!

Нет, Кямран Мамедович не вспыхнул, спокойствие не изменило ему. Он, таким образом, ставит меня перед дилеммой: либо возразить, рискуя вызвать на себя его гнев, либо соглашаться со столь странной трактовкой внутрипартийной демократии, вызвавшей недоумение Второго секретаря и заставившей напрячься всех присутствующих на заседании..

— Извините, Кямран Мамедович, следование субординации партийной этики не отменяет, а предполагает учет правил внутрипартийной демократии, четко обозначенных уставных норм КПСС. Особенно в наше время. Мы вдоволь посмеялись над печально знаменитым королевским изречением «Государство — это я!» Если руководители горкома и райкомов возьмут на вооружение такой стиль подчиненно-

сти, мы получим десятки удельных князей, о чем уже пишет центральная пресса, в том числе и партийная. Это ли нам нужно?

Каюсь, и мне не хватило выдержки, я допустил несколько неуместных для таких собраний колких фраз.

В ответ К.М. Багиров вскакивает с места и, брызжа слюной, кричит, что я слишком много на себя беру, что никто не давал мне права поучать Бюро ЦК, первого секретаря, что я, наконец, одним своим присутствием взвинчиваю обстановку на заседании. Далее из его уст льется что-то невнятное, оратор начинает валиться на бок, закатив глаза...

Мне нестерпимо больно, обидно, стыдно за человека, взявшегося руководить многотысячной правящей партией и республикой, наверное, не представляя себе, сколько здоровья, физических и нервных сил потребует эта трудоемкая работа. Но еще более обидно за себя, невольно ставшего причиной некрасивой сцены...

Объявляется перерыв, присутствующие, включая приглашенных, поспешно расходятся, пряча глаза друг от друга. Бесшумными тенями возникают врачи «неотложки» из лечебной комиссии клиники неподалеку, где прикреплена вся высшая номенклатура.

Надо заметить, что это был не первый обморок Кямрана Мамедовича, которым завершались его частые нервные вспышки. Первый секретарь страдал серьезной болезнью. Аппарат об этом уже знал. Как и Гейдар Алиевич, который вообще-то требовал от подчиненных повышенной работоспособности, полной самоотдачи, чему учил в том числе и собственным примером. В данном же случае он закрыл глаза на серьезный изъяз в здоровье руководителя столь высокого ранга. Собственные расчеты заслонили в нем решение государственника.

Логично предположить, что заседание, скорее всего, перенесут на следующий день, как это обычно делается в таких случаях. Но нет, через час-полтора тягостного ожидания нас всех вновь приглашают в зал заседаний. Меня и сейчас одолевают те же мучительные ощущения крайней неловкости, когда перед глазами возникает болезненно бледное лицо Кямрана Багирова, с глубокими синими впадинами вокруг

глаз. Он совсем плох. Ему самое время отдыхать. Если бы не неприятная экзекуция, от которой он не может уклониться, человек в общем-то безвредный, не злой, скорее, даже добродушный, вынужденный заниматься тем, что претит его натуре, жизненному складу и чисто человеческим потребностям.

Конечно, я мог бы опустить этот неприятный эпизод, произошедший на Бюро, к которому, как ни печально, оказался причастен, — дело прошлое, Кямран Мамедович ушел в мир иной и, увы, рано. Но из песни слов не выкинешь. Так все было, и без упоминания о припадке, приключившемся с ним, не понять ни самого действия, которым он управлял, ни внутренних, скрытых мотивов решений, которые он должен был принять.

Итак, раунд второй.

— Здесь говорилось о том, что в аппарат и на ответственные должности вообще продвигалось много людей из комсомола. Из упомянутых 450 человек более 160 входят в номенклатуру ЦК, — средний возраст бакинской номенклатуры ныне 36 лет, что в этом плохого? Это бывшие работники ЦК, первички, советских, комсомольских органов, выпускники партшколы.

— Да, действительно, среди них немало тех, кто работал в комсомоле в мою бытность секретарем ЦК ЛКСМ Азербайджана. Но дает ли это обстоятельство право говорить о подборе кадров благодаря приятельским отношениям? Речь идет о людях, которых я знал много лет по комсомолу — резерву партии! Знаком с их деловыми и моральными качествами. С некоторыми даже дружен — я не скрываю этого. Номенклатуру я формировал не за счет своих земляков. Нет в ней и ни одного родственника, даже дальнего. Я подбираю людей, способности, опыт и знания которых мне известны и которые пользовались авторитетом и уважением прежде.

К.М. Багиров: Что вы можете сказать о случае с инструктором Адыгезаловым, самовольно выехавшим в Москву? Мы знаем, что он не просто так ездил туда...

Странно, что этой зряшной, никчемной историей занялся лично Первый секретарь. Где же остальные? Юсиф-заде, например...

— Из этой истории верно лишь то, что он вылетел в столицу, как обычно, сдавать контрольные экзамены, но в данном случае не оформил соответствующим образом выезд. За это и был наказан. Кроме того, он собирался принять участие в семейном торжестве, в связи с чем и спешил, прихватив с собой гостинцы, продукты, с которыми в Москве, как известно, напряженка.

К.М. Багиров: Я вам покажу заявление того, кто привез к нам в постпредство коробки. Я не хотел поднимать этот вопрос...

И тут выходит из тени З.М. Юсиф-заде, председатель республиканского КГБ. Без генеральской подмоги ничего не выйдет, он должен выстрелить в «яблочко».

— А что за посылки вез инструктор? Что было в коробках — драгоценности какие? Кому они предназначались? — с деланным неведением вопрошает Зия Мусаевич, поднимая с кресла Фарзалиева.

— Вес 50 кг — растерянно бормочет тот.

Раздаются смешки: 50 кг драгоценностей — это оригинально!

— В основном помидоры, огурцы, зелень, — поясняет он.

— Я бы хотел довести до членов Бюро следующее, — вмешиваюсь я в разговор. — При проверке деятельности горкома, практически на всех этапах, применялись приемы, давно осужденные КПСС, как чуждые партии. За сотрудниками горкома, включая первого секретаря, члена Бюро ЦК, велась слежка силами спецслужб. Их телефоны прослушивались, а упомянутый Адыгезалов подвергся фактическому давлению, обыску в аэропорту. На него оказывалось давление, недопустимое в отношении граждан вообще, в случае же с партийным работником означающее, что в политической практике руководства республики реанимированы методы и приемы, применявшиеся во времена Ежова и Берия. Честно говоря, я полагаю, что эта грязная работа инициирована на приятельской основе и велась людьми из милиции. Однако сегодняшнее поведение члена Бюро, председателя КГБ Азербайджана З.М. Юсиф-заде дает основание утверждать, что все, о чем я говорил выше, осуществлялось с его ведома и по его прямому указанию.

Тот делает попытку подняться, как школьник, вытягивает руку, что-то на ходу возражая, но я резко останавливаю его:

— Кто дал вам право засылать в приемную руководителя Бакинского горкома партии людей из агентурной сети? Их имена, место работы и связи с вашими людьми нами зафиксированы. И я настаиваю на полном служебном расследовании. Если потребует, обращусь непосредственно в Политбюро ЦК КПСС, сделаю данный факт достоянием общественности.

З. Юсиф-заде смолк, опустил голову и весь как-то обмяк. К.М. Багиров откинулся на спинку кресла и почему-то зевнул, видимо, начали действовать успокаивающие средства, которыми его напичкали.

К сожалению, я закусил удила. Явственно чувствую, что выхожу за рамки дозволенного. Однако где тормоза, на которые нужно нажать, чтобы остановить возмущение, копившееся во мне месяцами, а теперь выплеснувшееся наружу помимо моей воли?

— Мало того, что ваши люди с явно провокационными намерениями направляли ко мне на прием сомнительных девиц, так вы еще здесь, на Бюро ЦК, позволили клеветнические заявления! На какие драгоценности вы намекаете? И что вы за руководитель спецслужбы, если остались в неведении о «ЧП» в аэропорту? Или у нас беспричинное задержание и обыск партийных работников в порядке вещей?

З.М. Юсиф-заде вновь пускается в сбивчивые рассуждения о коробках с овощами.

— Вы находитесь на Бюро ЦК, а ведете себя так, словно пытаетесь поставить себя над Бюро, а организацию, которую возглавляете, — над компартией. Вы знаете, чем эти попытки закончились для ваших предшественников.

Тут К.М. Багиров, словно придя в себя после забытья, примирительно подводит итоги перепалки:

— В отрыве работаем мы от горкома. Это тоже имеет место. Вдруг бросаемся проверять, и сразу всплывает куча недостатков, о которых мы не знали.

Это соображение принимается развивать В.Н. Коновалов:

— Конечно, Вагиф Алиовсатович как партийный работник еще молод. А что, вы не знали об этом? Знали. Нет у него достаточного опыта партийной работы? Да, нет. Мало

знаком с хозяйственными проблемами? Надо было помогать ему. Виноваты, конечно, и отделы ЦК, и мы, как члены Бюро ЦК. Эта организация у нас под боком...

Однако приглашение самокритичней взглянуть на взаимоотношения ЦК и городского горкома партии, чреватое возрождением давних привычек противостояния, штабного командования, не встречает понимания у других членов Бюро. Они говорят о том, что надо несколько усилить проект постановления (С.Б. Татлиев), что коллегиальность — это единодушное одобрение (Г.А. Гасанов), что Гейдар Алиевич буквально расписал в своем выступлении, что надо делать и как надо работать горкому (И.А. Мамедов).

К.М. Багиров тут же подхватывает эту мысль: «Главное, чтобы каждая строчка выступления Гейдара Алиевича была глубоко изучена, рассмотрена по всем аспектам». А вывод из всего сказанного, как и положено, произносит аксакал, роль которого в последнее время доверена Г.Н. Сеидову. Это старый прием в новом исполнении, призванный продемонстрировать демократизм принятия суровых оргвыводов. Говоря проще, решения о наказании. Тем самым дается понять, что оно исходит не от Первого и не под его давлением, а выражает мнение большинства членов Бюро.

— В выступлениях товарища Гусейнова и секретарей горкома не прозвучало искренности, они старались уходить от ответов, — говорит он, словно зачитывает сводку о выполнении производственных планов трудовыми коллективами. — Сегодня выявились серьезные недостатки в стиле и методах работы руководителей горкома... Я думаю, что они заслуживают большого наказания.

Это установка для присутствующих. Пора и мне сказать слово. Последнее. Как на суде. И выслушать приговор, который не только уже вынесен, но и отпечатан на бланке и лежит в правом кармане пиджака первого секретаря. Придется сказать честно и, как они все ожидают, вполне искренне, что я думаю о духе товарищества, партийности и принципиальности.

— Я нахожусь в составе Бюро ЦК Компартии Азербайджана с некоторым перерывом с 1976 года. Никогда ни у кого не возникало сомнений в моей искренности. Не слышал я и за-

мечаний о том, что веду себя неправильно. Неискренность есть врожденная черта или приобретенная многими годами пребывания в общей обстановке лжи, обмана, беспринципности. В первом случае перевоспитывать всех, боюсь, вряд ли удастся, а во втором — если уж меняться, то надо меняться всем. Не думаю, что столь опытные, умудренные жизнью люди не понимают этого. Но и я понимаю вас, членов Бюро ЦК — вы вынуждены принимать сейчас суровое решение в отношении одного из своих товарищей, к которому доселе не предъявлялось никаких претензий. Взятку я не беру, приписками не занимаюсь, земляками себя не окружаю, не попался я и на грязную провокацию с девицами. Вот и приходится вам кивать на порочный стиль и методы. Хотя и знаете, что они тут ни при чём. То есть все мы всё хорошо понимаем. Гусейнов не вписывается в состав нынешнего руководящего органа. У него иной взгляд, мышление, иное видение проблем, иные представления о партийной работе, иные подходы к управлению общественными, производственными, политическими процессами. Так и надо говорить: открыто и честно. Вывод о проявляемой мною неискренности — весьма странен в этой ситуации. Я далек от мысли утверждать, что действия мои совершенны, рабочий стиль безупречен... И то, как это обвинение обосновывается, позволяет мне усомниться в беспристрастности и искренности членов Бюро. И наша совместная работа в этих условиях и при таких взаимоотношениях была бы верхом ханжества и фарисейства. Этого я не могу себе позволить. Я готов выслушать вердикт, который уже находится в правом кармане пиджака К.М. Багирова.

Никто не проронил ни слова. Остальным также известно содержание решающего абзаца Постановления ЦК Компартии Азербайджана от 11 октября 1983 года: «Освободить товарища Гусейнова Вагифа Алиовсат оглу от обязанностей Первого секретаря Бакинского городского комитета Компартии Азербайджана, как не обеспечившего руководства порученным участком работы.

Просить ЦК КПСС утвердить данное постановление»¹.

---

¹ Постановление Бюро ЦК КМ от 18 октября 1983 г. Протокол 110, ф. 1, опись 72, коробка 19, дело 125, стр. 15.

Ну а потом мне, очевидно, в порядке компенсации, предлагают министерский пост в Республиканском комитете по спорту.

— Считайте, что ЦК оказывает вам особое доверие, рассматривайте это как ответственное поручение, — важно говорит К.М. Багиров, словно и не было этой циничной разборки.

Так и подмывает сказать: оказывать доверие человеку неискреннему, чуждому коллективистскому стилю руководства — не слишком ли рискованно? Но я уже выговорился и остыл и потому благодарю первого секретаря и членов бюро за проявленную заботу и отказываюсь от предложения.

По лицу Первого секретаря видно, что он озадачен таким поворотом. Наверное, полагал, что я кинусь благодарить и слезно просить о помощи и поддержке на новом поприще, заверяя, мол, погорячился по молодости, виноват, исправлюсь.

— Бюро, мне кажется, несколько преувеличивает значение моих юношеских спортивных достижений. Времена, когда я мальчишкой ходил в спортивный клуб и на одном энтузиазме бил рекорды, становился чемпионом, остались далеко в прошлом. Нельзя же человека назначать министром связи, почты и телеграфа на том основании, что он в школьные годы увлекался филателией! Боюсь, что согласиться возглавить Госкомспорт с моей стороны было бы опрометчиво.

— Это мнение Бюро.

— А как же быть с мнением члена Бюро, которому предлагается возглавить министерство? Я полагаю, что при сложившихся обстоятельствах мне правильной было бы вернуться в журналистику.

— Но у нас нет вакансии редактора в партийных изданиях вашего уровня.

— А я и не преследую цель занять номенклатурный пост. Могу поработать и рядовым корреспондентом. Эта работа не менее интересна, уважаема и ценима в газетном мире, как и любая другая, с более высоким должностным статусом. Такова специфика журналистского дела.

Предложение застаёт Первого секретаря врасплох. Он растерян, озадачен и явно нервничает от бесплодных пре-

ний. Он воспринимает мое несогласие как бунт в тихой заводи, где деятели и покрупнее меня ведут себя куда смирней и послушней. Есть и внутренняя, непроизносимая логика в видимом недовольстве К.М. Багирова. Человек, отстраненный от партийной власти, скинутый с самой ее вершины, не может скатиться вниз, к самому ее подножью. Он должен получить некую компенсацию: набор льгот и преференций. И материальные возможности, таящиеся в праве распределять должности и бюджет. Власть секретаря горкома большая, но и полномочия министра вполне сопоставимы и... т.д.

Речь идет, как может показаться, о восполнении материальных потерь, моральной поддержке перед очевидным фактом пущенной под откос политической карьеры. Так принято. Но в данном случае мне предлагается переходный период, отстойник, пребывание в котором грозит окончательным крахом. Не стоит обольщаться обещаниями о помощи.

С точки зрения сложившихся традиций, привычек и логики, Вагиф Гусейнов ведет себя нестандартно, проще говоря, собирается отчубучить. «Зачем это ему нужно?» — написано на лице первого секретаря. А для меня это самый простой способ вернуться в мир, который я добровольно покинул, и попытаться освободиться от пут, коими меня накрепко привязывают к министерскому креслу, которое в нужный момент превратится в катапультирующее устройство со всеми угрожающими последствиями.

Короче, после долгих препирательств переговоры о моем назначении продолжились на следующий день. Твердо обещаны помощь и поддержка, гарантом чего выступает предсовмина Г.Н. Сеидов: пересмотрим и бюджет, обеспечим всем необходимым строящиеся объекты и в целом, и с укреплением материально-технической базы республиканского спорта.

И мне ничего не остается, как, скрипя зубами, отправиться на новый участок.

Не потому, что я верю сеидовским обещаниям. Просто таков принцип подчиненности в партийной власти. Решение вышестоящих органов является обязательным для нижестоящих, для каждого коммуниста. Так было всегда. В полном соответствии с постулатом: личное подчиняется коллектив-

ному, частное — общественному. Личность — ничто, народное, социалистическое — все. Я когда-то согласился с ним, разглядев в нем волю большинства, устремленного к высшей цели. Но молодости свойственно окрашивать пути, ведущие к цели, ореолом романтики. А сколько мне сейчас? Неужто незаметно — подкралась старость? Через месяц пробьет 41 год, незаметно, как седина, проросшая на висках неизвестно когда. Но разве это старость? Ты на середине пути — еще не все сказано. Главное — никогда не отчаиваться!

Спустя месяц К.У. Черненко (он еще не генеральный, ведет Политбюро в отсутствие Ю.В. Андропова), получив постановление Бюро ЦК Компартии Азербайджана относительно стиля и методов работы Бакинского горкома и его первого секретаря, скажет своему помощнику В.В. Прибыткову: «Это тихая расправа. У меня руки не доходят. Ты уж сам подумай, как разобраться и помочь, чтобы окончательно не схарчили парня. А я поговорю с Юрием Владимировичем, как только он вернется из клиники. С этой практикой шельмования кадров надо кончать. Экий политический гангстеризм. И не только в Азербайджане...»

Но Ю.В. Андропов более не вернется в Кремль. Через пару месяцев, в середине февраля 1984 года, на удивление партии и народа, генсеком изберут Константина Устиновича Черненко. Но к тому времени, когда Виктор Прибытков возьмется напомнить об ошельмованном секретаре горкома в Баку, К.У. Черненко сам переберется в кремлевскую клинику. Появление на экране тяжелобольного пожилого генсека убедит меня в том, что удача отвернулась от меня. Неужели навсегда?

В министерском кабинете

Я ничуть не лукавил, когда пытался разъяснить членам Бюро, что все мы знакомы в лучшем случае с внешней, соревновательной стороной спортивной жизни. Сам же спортивный мир давно группируется по своим, неведомым широкой публике, да и правительственным инстанциям, законам, сросшись с так называемыми околоспортивными кругами, где крутится масса далеких от стадионов и кортов лич-

ностей, где лоббируются интересы спортивных клубов, обществ, команд, планируются рекорды, делаются ставки на одних и перекрывается дорога другим. А главное – идет распределение финансовых потоков, уследить за которыми ни тренерам, ни руководству Госкомспорта не под силу.

Могу сказать, что первое же знакомство с положением дел в обществах и сборных командах открыло мне глаза на то, что никто из нас, составлявших партийное руководство республикой, не имел даже отдаленного представления о том, чем живет весь этот особый мир, кем и как он управляется, куда движется.

Представлять Госкомспорту нового руководителя поручается, как выясняется, зампреду Совмина Ф.Г. Ахмедову. Столь ответственную, обставленную хором обещаний и посулов миссию мог бы возглавить и секретарь ЦК, коли спорт, как писалось и декларировалось, – это здоровье народа. ЦК, столь озабоченный состоянием дел в спорте, продолжает мелочное сведение счетов, лишив «смотрины» партийной поддержки. Таким нехитрым способом мне с первой минуты дают понять – с тобой вопрос закрыт. Одновременно следует сигнал подчиненным: «Гусейнов направлен в штрафбат, он наказан. Ату его, ату!»

Оглядев членов коллегии ведомства, который мне предстояло встряхнуть и «поднять на должный уровень», я имел все основания воскликнуть: «Ба, знакомые все лица!» Передо мной Юра Мамедов, Феган Алиев – коллеги по руководству азербайджанским комсомолом, Гасан Акперов – игрок знаменитой бакинской волейбольной команды 1960-х, блиставшей на союзных площадках, наш комсомольский выдвиженец... Если честно, то ни у меня, ни у моих перечисленных выше замов совместная работа особого энтузиазма не вызывает – это видно по лицам, унынию, витающему в тесном кабинете, короткой, сбивчивой речи зампреда Совмина, бодро заверившего присутствующих в неперемнности грядущих спортивных успехов – таких громких, как и победные достижения наших хлопкоробов, виноградарей, морских нефтяников, и с тем стремительно покинувшего нас.

После пережитых баталий последних трех лет мне впору лечиться в кардиологический санаторий на обследование.

Юра Мамедов подавлен не меньше моего. Судьба Гасана Акперова предрешена — он уходит. Ф. Алиев не знает, чем занять себя — точно так же, как и несколько лет назад в комсомоле...

Среди членов коллегии вызывающе ерзает ректор физкультурного института Самур Новрузов, норовя обратить на себя внимание присутствующих эпатажными репликами. Он почти ликует, в очах огонь злорадства. И это притом, что наши пути никогда не пересекались. Видит бог, я ничем его не обидел. Кажется, ректор вот-вот вскочит на стул и призывно завопит: «Распни его! Распни!»

Мне еще не раз предстояло соприкоснуться с неутоленной мстительностью толпы, когда к ее ногам швыряют свергнутую власть. Уроки одинокого бунтаря в исполнении Новрузова научили меня не удивляться безумству людей, испытывающих сладостное наслаждение от возможности больно кольнуть того, на кого доселе приходилось взирать с деланным почтением. Я научился молча сносить незаслуженные обиды, принимать равнодушно хулу, не оспаривая лугов, коих кругом больше, чем кажется с командных высот. «С этим любителем демократии и независимости хлопот не оберешься. Потреплет он мне нервы наверняка...» — подумал я в первые же минуты знакомства с С. Новрузовым, о котором было известно, что он дружен с «Багировской строительной бригадой». И не ошибся.

При таком раскладе среди руководящих кадров трудно рассчитывать на успех. Тяжело, но не невозможно. Перспектива просматривается одна: продержат меня в этом мутном отстойнике, а затем после очередного провала «Нефтчи» на футбольном чемпионате бесцеремонно вышибут из председательского кресла, свалив на мою бедную головушку все поражения на спартакиадах, чемпионатах, олимпиадах и других мыслимых и немыслимых соревнованиях. Этот финал многократно приблизится, если опустить руки и обреченно дожидаться неминуемой развязки. Выход один — всеми силами попробовать преодолеть инертность бюрократии, взбодрить спортсменов, нацелить их на рекорды, на победы. Это же молодые люди, жаждущие славы, успеха, известности. На этом можно многого добиться. Спортивные победы средни военным — с победителями не спорят. А там,

глядишь, и можно будет выехать за пределы Азербайджана. Наша советская страна огромная. В Баку житья мне не дадут. Добьют не эти, так другие стражники земляческой орды бывшего шефа, коим несть числа, заполнившие все кабинеты управления республикой. А пульт управления — кого включить, а кого выключить — теперь почти недосыгаем. Он ни на минуту не выпускает его из своих цепких рук, надежно защищенный стенами Кремля под прикрытием грозной тени Андропова. Так что спасение в одном — убраться подальше из родного города, вдруг ставшего чужим...

Нельзя сказать, что Ю.Г. Мамедов окрылен моим оптимизмом. «А что нам остается делать? Если есть иной выход — покажи». Иного выхода нет. Это видно по вечно грустным глазам моего комсомольского товарища.

— Давай, брат, тряхнем стариной. Покажем, что работать мы умеем, несмотря на осуждение Бюро ЦК родной партии стиля и методов, которым неизвестно где и у кого мы научились...

Итак, вперед!

Я излагаю концепцию прорыва в спортивном движении членам коллегии. Большинство из них остались на своих местах — как руководители обществ, так и тренеры сборных (наиболее заметное передвижение в руководстве — Ю.Г. Мамедов переведен в первые замы. Кямран Мамедович этим своим жестом как бы извинился за неудобства, причиненные своему партнеру по корту, и теперь они вновь по утрам с ракетками на бульваре).

Объективно условия для перелома имеются. Главное из них — меняются критерии оценок развития спорта в стране. Они, судя по последним установкам Госкомспорта СССР, смещаются в сторону международных норм. О результатах нашей работы теперь будут судить не по данным массовости спортивного движения, по количеству мастеров, разрядников и т.д., а по числу и качеству медалей, завоеванных на союзных и международных турнирах, чемпионатах и олимпиадах. Отсюда вытекает возможность скорректировать традиционное стремление охватить как можно большее число видов спорта в республике. Речь идет о неизбежной профессионализации всего спортивного дела — от органи-

зации до повышения мастерства. Придется учесть и факт остаточного принципа, на который переведена практически вся социальная сфера страны: образование, медицинское обслуживание, даже наука, что тут говорить о спорте? Таковы реалии. Выход таков: не расплывать бюджетные средства в стремлении охватить как можно больше видов спорта, а сосредоточить их на основных — 10–15 перспективных направлениях. То же — с техническими ресурсами, тренерскими кадрами. Отдельно — о формировании сборных. С упором на местные ресурсы не поднять конкурентоспособность команд, атлетов.

Весь опыт спортивного движения на национальных окраинах свидетельствует о пользе широкого сотрудничества между республиками, регионами. Заниматься надо не переманиванием, не перехватом звезд, а приглашением перспективных, желающих проявить себя наставников, талантливых, подающих надежды спортсменов, которые по разным причинам не могут пробиться на пьедестал победителей или в сборные команды. В этом плане надо разработать и наладить поисковую работу. Полагаю, что городские власти и руководство республики изыщут возможности для решения жилищно-бытовых проблем будущих звезд.

Практическая реализация этих планов во многом зависит от контактов с головной организацией — Госкомспортом СССР, истинно могучей империей на 1/6 части Земли, во главе которой стоял спортивный император, но отнюдь не самодержец, организатор столь талантливый, сколь и демократичный Марат Владимирович Грамов. С ним у меня проблем не будет, хотя, в отличие от своего предшественника С.П. Павлова, он не из комсомольского братства.

Бросать негодных и неудобных молодых деятелей из комсомола на спортивное поприще, до которого руки не доходят у высокого начальства, завязнувшего в дебрях разоружения, войны в Афганистане и накатывающих девятым валом проблем социалистического содружества, не сегодня придумано. И если быть искренним до конца, поработали комсомольские лидеры совсем неплохо: и олимпиады выигрывали советские спортсмены, и чемпионаты. С объединенными западными спортивными силами на равных сража-

лись, на многих стадионах, площадках и водных трассах побеждали. Даст Бог, и мы не подведем.

Тут как раз поступило сообщение из Госкомспорта — приглашают на коллегию. Звоню предсовмину Г.Н. Сеидову, как и положено. Гасан Нейматович, совсем недавно заверявший меня во всяческой поддержке, не колеблясь, дает задний ход: «Вагиф, дорогой, и я из партийной шинели вышел, и ты первым секретарем горкома поработал, решай эти вопросы в ЦК».

Не ответ — шифрограмма. Руководитель любого министерства и ведомства, не говоря уже о Госкомспорте, подотчетен Совмину. И в другое время достаточно было звонка курирующему заму. Не то сейчас.

Речь идет не столько о Госкомспорте, сколько о нынешнем его руководителе — Вагифе Гусейнове. Он — персона нон-грата!

Ну что ж, мы — люди негордые, дисциплинированные. Звоним в ЦК. А там вопросами спорта нынче занимается товарищ Мехтиев Рамиз Энверович, потому как он уже секретарь по вопросам идеологии. Поднялся ступенькой выше. Формально — повышение. По существу, К.М. Багиров, как и все предшественники, желает иметь во главе орготдела своего человека. Желание это реализовано с разрешения Г.А. Алиева. Мехтиев становится полноправным членом Бюро и, как канал связи с республикой, обретает большие возможности.

— Мы подумаем и сообщим через некоторое время, — отвечает он голосом, преисполненным важности, осознания значимости собственной функции.

Назавтра кто-то из инспекторов пугливо сообщает:

— Вагиф Алиевсатович, на эти дни назначено несколько совещаний. Командируйте в Москву первого зама.

Судя по всему, мне долго придется переучиваться, постигая теорию и практику азербайджанского опыта управления общественными процессами. Вот, например, познал теперь и то, что включает в себя и вопросы командирования. Придется прибегнуть к старым комсомольским хитростям. Воспользуемся отпуском на вполне законном основании (я уже несколько лет не знал положенных всем гражданам 24 дней

отдыха) и слетаем в Трускавец — подальше от аппаратных интриг, поближе к целебным водам.

После процедур, через две недели, я в столице. Получил «добро» на приглашение нескольких спортсменов из резерва сборной страны. Плюс хороший совет — воспользоваться возможностями гребной базы в Мингечауре, ставшей тренировочным центром сборной СССР по водным видам. С мингечаурскими ребятами я знаком со времен начала комсомольской карьеры. Одно плохо — информация о ситуации «наверху» не вселяла оптимизма. Андропов отодвинул в тень Константина Устиновича, палата в кремлевской клинике стала фактически рабочим кабинетом нового генсека. Не до личных вопросов. Может, оно и к лучшему — сосредоточимся на рабочих проблемах.

Например, как оперативно решать многочисленные вопросы комплектования команд, сборов и — бесконечную боль общественности — судьбу футбольной команды «Нефтчи», который год с помощью изощренных финтов (не столько форвардов, сколько мастеров договорных матчей) чудом умудряющейся зацепиться за высшую лигу. Если не заняться командой вплотную, головной боли не избежать. Как совместить несовместимое, справиться с поставленной задачей, вывести Азербайджан из группы аутсайдеров?

Первое — не сдаваться. Второе — работать, стиснув зубы, несмотря ни на что. Неопределенность «наверху» не может продолжаться вечно. Надо выдержать натиск временщиков и выстоять.

Лично Ю.В. Андропову

А в Баку меня ждет сюрприз — комиссия Комитета народного контроля. Проверка комплексная. Это значит — засели люди товарища Г.Ш. Эфендиева плотно и надолго. В чем-то даже интересно: что же такое я успел наделать за прошедшие 2–3 месяца?

«Был бы человек, а статья найдется». В справедливости этого афоризма мне еще не раз придется убедиться. Как и в мертвой хватке того, кто распорядился держать меня под

колпаком до решающей минуты, когда будет нанесен последний удар, после которого уже не подняться.

Комиссия неспешно перелопачивает тонны словесной руды — отчетов, приказов сборов, вплоть до расписок в получении командировочных, скрупулезно изучается проектно-сметная документация ремонтно-строительных работ, длина и ширина моего кабинета, количество цемента, камня-кубика (я сознательно исключил какую-либо переделку в своем кабинете, стен которого давно не касалась кисть маляра).

На городской партконференции между тем раздается давно ожидаемый первый мощный залп компромата. К.М. Багиров вновь принимается анализировать деловые и моральные качества «людей Гусейнова» в аппарате горкома. Ясно, что никто мне, вчерашнему первому секретарю Бакинского горкома, ответного слова давать не собирается. Но и оставлять без реакции этот выпад никак нельзя. Кто может помешать мне подняться с места и, выйдя к первым рядам, выкрикнуть:

— На заседании Бюро ЦК 11 октября я обстоятельно высказался по данному вопросу. Могу добавить, Кямран Мамедович, что материалы, которые предоставили вам для сегодняшнего выступления, абсолютно не отражают действительное положение вещей. Вас неверно информируют, сознательно вводят в заблуждение. Проверьте, ибо я мириться с таким безобразием не намерен!

Зал замер, тишину нарушает лишь шиканье тех, кто рекомендует в таких случаях молчать, повесив голову. Нет уж, нам такой хоккей не нужен!

Давненько, пожалуй, с ахундовских «оттепельных» времен, ничего подобного стены Клуба имени Дзержинского не слыхивали и не видывали. То ли еще будет!

«...В ходе обсуждения обвинений, выдвинутых против меня как первого секретаря Бакинского горкома, так и руководства горкома в целом, обнаружилась их полная несостоятельность. Несмотря на это до сих пор с высоких трибун продолжается кампания лжи и настоящей травли. Работа Госкомспорта республики, которым я направлен руководить, фактически парализована», — это из моего письма в ЦК КПСС, лично товарищу Ю.В. Андропову

Я пишу о несправедливых, непартийных действиях в отношении меня, члена ЦК Компартии Азербайджана, о грубых нарушениях Устава, кадровой политики КПСС, атмосфере доносительства, царящей в рядах Компартии, поощрении подхалимства, низкопоклонничества, откровенной ставке на nepoтизм, формирование властвующего клана. Пишу также о чрезвычайно опасной тенденции — применении в жизнедеятельности партийной организации, ее руководящих органов практики спецслужб. Более того, стало нормой прослушивание телефонов ответственных работников всех рангов. Я в ранге министра, член ЦК, до сих пор нахожусь под наблюдением КГБ, следят даже за членами моей семьи...

Пусть знает.

— И чего вам нейдет, сидели бы тихо. Не до вас сейчас.

Посланец ЦК КПСС, прибывший разобраться с начинающим разгораться скандалом в краснознаменной республике, выражением лица, красноречивым взглядом своих испуганных глаз говорит одно, а в словах звучит совсем другое. А я не могу ему сказать, что, пока Юрий Владимирович поправится и вернется к своим делам, будет поздно. Разве что придется с сожалением признать, мол, лес рубят — щепки летят. Поймите же вы, мы наступаем на старые грабли...

— Доказать сможете все эти перечисленные обвинения? Откуда вам, например, известно о прослушках, слежке?

— Мне об этом сообщают мои товарищи, коммунисты, возмущенные не меньше моего тем, что вынуждены выходить за рамки своих полномочий, профессиональных обязанностей. Люди помнят и знают, что партия однажды осудила эти методы. Они понимают, чем это грозит. Понимают, что они фактически способствуют разложению политической системы, основ государственности.

Мой собеседник явно растерян.

— Ваши представления о принципах партийности, коммунистической морали, как и убеждения о недопустимости подмены партийных форм и методов работы, не вызывают возражений. Но зачем вы все это затеяли? Будучи правым в принципе, вы предпринимаете действия в наименее удобных для вас условиях. Аппарат вас не поддержит. Необходим большой разговор. Когда он созреет...

— В таком случае подскажите, как мне руководить новым участком работы, если мне не позволено контактировать с руководством в Центре, если мне запрещен выезд даже в Москву, на коллегию Госкомспорта. Москва ведь столица СССР, а не штаб-квартира НАТО. И чем объяснить тренерам, спортсменам, наконец, мое отсутствие на ответственных, крупных соревнованиях за пределами Азербайджана?

Так и осталась для меня тайной реакция Ю.В. Андропова на мое полное возмущений и обид многогранное обращение: хотел ли разобраться или ограничился чисто бюрократической реакцией? А может, знал, что в вотчине алиевской творится нечто такое, что угрожает устоям: невероятные приписки во всем — хлопководстве, виноградарстве, даже в топливном секторе, не говоря уже о промышленности. Пройдет пару лет, и следователь по особо важным делам Прокуратуры СССР В.И. Калинин обнаружит несуществующий документально колхоз-миллионер, председатель которого — обладатель многочисленных правительственных наград и госпремий, простодушно признается: «Я чуть-чуть не дотянул до Героя соцтруда...»

Узнает он о чудовищных расправах над теми, кто попал под жернова репрессивной политики, по масштабам вполне сравнимой с беззаконием, свирепствовавшим четырьмя десятилетиями ранее, о руководстве, формирующемся на кланово-земляческой основе, nepотизме, ставшем нормой. Андропов ничего не знал обо всем этом? Трудно поверить. Во всяком случае, не я один — тысячи коммунистов живут с надеждой на восстановление главного, без чего не может функционировать государственная система, — законности, веры в страну граждан сверху донизу.

Ю.В. Андропов, по некоторым данным, раздумывает над тем, чтобы провести четкое разделение ответственности между партией и правительством. По его мысли, ЦК КПСС должен был сосредоточить свои усилия на идейно-политических вопросах, отношениях с внешним миром. Забота правительства — разработка и реализация социально-экономических программ. Он понимает, что предстоит большая реконструкция системообразующих структур, сложившихся за костенелых конструкций государственности. Для этого-то

он и подбирает, наверное, волевых, работоспособных командармов из имеющегося в наличии партийного воинства — другого резерва неоткуда было черпать для задуманных преобразований. Хотя ради исторической правды стоит вспомнить о том, что кое-кто из сталинских наркомов еще продолжает верную службу советской власти (Н.К. Байбаков — бессменный председатель Госплана, Е.П. Славский — руководитель атомной промышленности). Позже М.С. Горбачёв походя поведал, что он был посвящен в андроповские тайны: «Ничего принципиально нового, не реформы...»

Рисовался Михаил Сергеевич, любовался собой, завороченный собственной исключительностью.

Личность Ю.В. Андропова формировалась под воздействием трех мощных мобилизационных школ — советской разведки, аппарата ЦК КПСС и ее штаба — Политбюро. Наиболее развитые черты характера его — чрезвычайная осторожность и непроницаемость натуры, мыслей, замыслов, чувств. Можно говорить о том, что он намерен был осуществлять свой обновленческий проект точно так же, как и пробиравался к управлению страной, — постепенно, шаг за шагом, ничем не обнаруживая своих сокровенных намерений.

Человек его жизненной школы, политической биографии никак не мог примириться с раковыми опухолями на теле социалистического организма: громоздкой системой управления, разбойными группировками и кланами, тихой сапой пробравшимися к рулю советского государства.

Легче всего было смахнуть с шахматной доски состарившиеся фигуры из Политбюро, по существу — своих старых товарищей. Это и есть признак квазисистемности в реформах, чреватой резкими поворотами, шараханьями. Он лучше, чем кто-либо «наверху», представляет, какой гигантский корабль достался ему. Знает: каждый резкий, непродуманный поворот грозит крушением. И счет потерь — неисчислимым. Первые лица, вышедшие из прошлой эпохи, мыслят иными социальными, философскими категориями. Под народом подразумевается не население, не этническое имперское многообразие, а советская общность, в рамках которой сохраняется своеобразие каждой нации. Одновременно в советском плавильном котле они поддерживают новый тип

межнациональных отношений, все то, что рождено опытом социалистического строительства.

Не кавалерийская атака на застои, а неспешное размывание образовавшихся заторов, создание новых условий для продвижения вперед, памятуя при этом о стратегическом противостоянии с политическим противником. Ускорение без поспешности.

Ю.В. Андропов размышлял над равновесием советских правящих структур. Оптимальный баланс виделся в новом уровне самостоятельности исполнительной ветви — правительственных организаций, министерств, ведомств, хозяйственных субъектов. Отголоски этих дискуссий, волнами разбегавшихся в Москве, доходят и до республик.

Хорошо помню — многие идеи, муссируемые новации ожидалось с нетерпением, надеждой. Андропов располагал доверием большинства, какой бы неоднозначной, возможно, и противоречивой, ни представлялась его фигура.

Правящая партия, я убежден, в большинстве своем готова была к плодотворной дискуссии о будущем страны и судьбах социализма.

Эти ожидания всплыли на поверхность с появлением во главе страны Ю.И. Андропова, а вовсе не М.С. Горбачёва, как потом внедрили в сознание людей послушные чужой воле отечественные СМИ.

Именно с первыми публикациями, выступлениями о назревших переменах из Москвы в Баку поступила установка от Г.А. Алиева: «Ничего не менять. Всем оставаться на местах. Никаких корректировок в курсе». На поведении руководителей сверху донизу сказывалась их политическая ментальность. Ю.В. Андропов думал о будущем страны, о неизбежных трансформациях социализма в стремительно меняющемся мире. Г.А. Алиев, готовый выполнить любой приказ нового генерального, весь сосредоточен на своем будущем. Отсюда его размышления о пущенных под откос карьерах предшественников в Совмине СССР, стремление, находясь в Москве, исподволь готовить запасную площадку в Баку, чтобы всегда иметь возможность опереться на послушного и слабовольного ставленника. Более всего он боялся перемен.

А слово свое К.У. Черненко сдержал. Не будучи человеком творческого склада, сильного интеллекта, он, тем не менее, оказался руководителем последовательным и, когда нужно, твердым в исполнении принятых решений. Правда, без помощи и поддержки «комсомольского братства» вряд ли мне удалось бы заполучить «охранную грамоту» нового генсека. Мне повезло (фиксируйте, не оставляйте без внимания, ловите негаданно мелькнувший миг удачи, когда поток невезения тащит вас в неминуемый водоворот!) — сразу два помощника К.У. Черненко оказались моими давними комсомольскими друзьями: В.В. Прибытков и В.И. Печенев. Конечно, сейчас работа, которую они провели в кабинетах ЦК КПСС в связи с неожиданно возникшим «Делом Гусейнова», могут квалифицировать лоббистской. Но это будет оценка с точки зрения сегодняшнего дня, с изрядной примесью рыночной психологии и отношений. А в наше время речь шла о том, чтобы обеспечить объективное разбирательство ситуации, сложившейся вокруг крупного партийного работника не только ввиду явно необоснованного снятия с должности, но и откровенной травли. С нескрываемым намерением, как точно выразился К.У. Черненко, «схарчить».

Между прочим, словцо, примененное генсеком, свидетельствует о том, что и он, и в ЦК КПСС вообще довольно хорошо были знакомы с практикой преследования неугодных лиц, взятой на вооружение не только в Азербайджане.

Постепенно препоны, мешавшие беспристрастно и с пониманием отнестись к вопросам, поднятым в моем изрядно нашумевшем письме на самый «верх», были сняты. В один из дней поступает сообщение от друзей: «Константин Устинович говорил с Багировым по твоему вопросу». Каков был разговор — никто не знает. Однако в Баку гадают: «Что бы это значило? Как же, «наш человек» в Кремле?»

Очень скоро самому К.М. Багирову пришлось искать ответ на этот жизненно важный вопрос. В ходе одной из командировок в Москву его приглашают в орготдел ЦК КПСС и по-деловому доводят до сведения результаты расследования заявления В.А. Гусейнова на имя товарища Ю.В. Андропова. Факты, приведенные в нем, в целом подтвердились. Константин Устинович просит обратить внимание руководства

ЦК Компартии Азербайджана на следующее. Ошибаются все. Решать вопросы, связанные с недостаточностью опыта, знаний и других преходящих фактов, следует по-партийному, то есть честно, объективно, взвешенно, в рамках того курса, которого придерживается партия на данном этапе. В заявлении приводятся факты о злоупотреблениях партийного руководства республики. Это серьезно, а главное – не лишено оснований.

К слову, заявитель, несмотря на проявленный в его деле субъективизм, проявляет выдержку, действует в рамках партийной этики, как и положено между товарищами по партии. Он не выдвигает против лично вас, Кямран Мамедович, каких-либо персональных обвинений, акцентирует внимание на неправомерных действиях окружающих, проявлениях группировщины. Такого рода явления нужно гасить, Кямран Мамедович, проявлять непримиримость, принципиальность...

Первый секретарь приглашает меня для беседы «по ряду поднимаемых руководством Госкомспорта вопросов».

– Ты понимаешь, тут пишут в Москву все кому не лень. По полмиллиона писем в год. Писать ведь не запретишь.

– Это вовсе не новое явление. Люди бросались с челобитной к Кремлю еще в царские времена. Когда на местах жить становится невозможно, одни просто покидают родные края, а кто не может позволить себе искать счастье на просторах большой страны, вынужден просить помощи у Центра. Нет иного выхода. К тому же не запрещено уставами. Все законно.

– Когда я слышу такие речи, меня всего буквально трясет. Когда такое говоришь и пишешь ты, меня трясет вдвойне.

Разговора не получилось. Я спешно покидаю кабинет, дабы избежать очередной истерики с обмороком. Багирова и впрямь начинает трясти... Да и мне самому никакой радости не приносит общение с руководителем республиканской партийной организации, безуспешно копирующим худшее в стиле работы своего предшественника. Особенно режет слух его бесцеремонное, подчеркнутое «тыканье». Это он усвоил. Но Гейдар Алиев никогда не шел на переговоры с теми, кто пытался искать правды в ЦК КПСС. Кямран Ма-

медович не может позволить себе такого барства. Значит, нет былой уверенности.

Ситуация в Кремле все больше осложняется. Положение в Политбюро остается во многих отношениях противоречивым и неясным, говорят мои конфиденнты. Нет единого взгляда, подхода к самым актуальным проблемам внутренней и внешней политики. Идет перегруппировка сил, личностей. Стабильность мнимая, кажущаяся. Надо выжидать. Г.А. Алиев — новый человек на кремлевской арене. Он — исполнитель, а отнюдь не самостоятельный игрок. Но, тем не менее, фигура. Другое дело, что Алиев брежневско-андроповской поры — это одно, а сейчас он смотрится уже иначе.

Однако кое-какие сдвиги в спортивных делах у нас наметились. В Мингечауре тренируются вместе со сборной СССР наши гребцы — дело новое, успешное. Появились талантливые легкоатлеты, заговорили об азербайджанских гандболистках, сформирована женская сборная по хоккею с мячом. Дело новое в Союзе, бакински сразу утвердилось в числе ведущих команд, привлекаются к играм сборной СССР. Кстати, число «сборников» увеличилось, как и «трофеи» с чемпионатов СССР, международных соревнований. Жаль вот только «Нефтчи» — нашей единственной команде в высшей лиге — никак не удается блеснуть классом, стабильной игрой. Но футбол — особая статья. «Нефтчи» поручено патронировать Бакинскому горкому, первый секретарь которого Ф.Э. Мусаев лично взялся обеспечить успешное выступление на чемпионате СССР любимой команды бакинцев. Руководитель он жесткий, требовательный, из «Бригады строителей», пользуется поддержкой Кямрана Мамедовича и, само собой, Бюро ЦК. В молодости играл в одной из футбольных команд Баку. Ему и карты в руки.

...К концу года страна подводит итоги проделанной работы. Рапортуют хлопкоробы, садоводы, строители, нефтяники о своих производственных достижениях. Есть что сказать и Госкомспорту. По спортивным показателям: числу завоеванных медалей, призовых мест, представительству в сборных СССР Азербайджанская ССР впервые за многие годы с 16-го места переместилась на 8–9-е.

Это мое, исполненное радости за азербайджанских спортсменов, сообщение К.М. Багиров выслушивает так, словно я рассказываю об ужасающих последствиях стихийного бедствия. Однако на предсовмина информация производит таки впечатление. Более того, порождает нестандартные идеи.

— Я побывал недавно на нескольких промышленных предприятиях. Сам понимаешь, с продовольствием напряженно, вот и решили члены Бюро встретиться с трудовыми коллективами, поговорить, как говорится, с людьми по душам. Представь, Вагиф, рабочие все в один голос только и говорят о футболе, о «Нефтчи». Оказывается, команда уже который год борется не за золотые медали, а за право остаться в высшей лиге. Короче, футбол сегодня для нас важный фактор улучшения настроения людей. Рабочие на заводе кондиционеров так и сказали мне: «Проиграют второй круг, не дай Бог, вылетят из высшей лиги — как тут работать, перевыполнять планы? Сделайте что-нибудь, Гасан Нейматович». А что я могу сделать? Вот и подумал, может, возьмешься за «Нефтчи»? Удалось же тебе вывести на 8-е место Азербайджан! Если надо, я с Кямраном Мамедовичем переговорю, сообща поможем тебе, чем надо! Ты пойми, футбол — это хорошее настроение рабочего класса!

Гасан Нейматович, конечно, далек от футбольных страстей, но как опытный директор завода понимает: коли нет колбасы на прилавках, невозможно рабочему человеку помочь с квартирой, импортной мебелью, то надо подсобить чем-то иным. Футболом, например. Это ведь в наших силах! Тем более что отвечать придется опять же Гусейнову.

Закрепится «Нефтчи» в десятке сильнейших — Кямран Мамедович не преминет отметить, похвалить за хорошую идею товарища Г.Н. Сеидова, вылетит «Нефтчи» — тащите Гусейнова на плаху! Действительно, лихо придумано. Опытный человек все-таки Гасан Нейматович, алиевскую школу прошел!

Г.Н. Сеидов подключает первого секретаря к своему футбольному замыслу с такой оперативностью, словно речь идет о тушении пожара на морской буровой.

— Вагиф, отнесись к этому партийному поручению, как к моей личной просьбе, — говорит Кямран Мамедович.

И я вижу, что футбол действительно его достал — дальше некуда.

Партийное поручение — футбол!

В начале своих воспоминаний я рассказывал о скандальном матче в Ташкенте, когда засудили «Нефтчи», а наши от обиды ушли с поля. Тогда С.П. Павлов считал нужным разобраться с инцидентом лично, на коллегии Госкомспорта. С того времени много воды утекло, футбол стал иным. На стадионах свирепствовали «договорные матчи», ничем не прикрытая коррупция, закулисные сделки. «Старики» Алик Мамедов, Толик Банишевский, Казбек Туаев рассказывали, что «мода» на договорные матчи пошла из Киева.

Руководство киевского «Динамо», чтобы сохранить силы своей команды для выступлений на европейской арене, пыталось облегчить ей жизнь на отечественном чемпионате. Футбольная бюрократия в Москве с пониманием отнеслась к идее договорных матчей. Как же — победы на международной арене благоприятно сказываются на самочувствии народа, создают здоровую морально-психологическую атмосферу в массах. И пошло-поехало. Опробованный метод «загулял» по всей стране. Очень быстро пришли к расценкам на игры с нужным результатом.

Более всего меня буквально бесило, что никто с этим безобразием и не думал разбираться. Не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться: существующее болото устраивает всех чиновников Госкомспорта СССР, и клубы, и тренеров, а печальнее всего — и спортсменов. Сообща они задолго до конца чемпионата не на стадионах, а в кабинетной тиши или на приятных застольях решали, кому оставаться в середине турнирной таблицы, кому делить медали, а кому вылетать. Команды продолжали идти проторенной дорожкой, и никто из власть предержащих эту цепочку не пытался прервать. Футболисты, надо сказать, оказались талантливыми актерами, они блестяще режиссировали нужную игру — одно лишь мастерство и никакого обмана! Ни массовый зритель, ни комитет по этике не придерется. Покупали не то что отдельных арбитров — целые судейские бригады.

Ведь если не удастся уговорить — начинается шантаж, угрозы. Причем судьи, к которым имеются нарекания, продолжают свистеть почему зря.

Классический случай — судейство, в общем-то, квалифицированного арбитра из Латвии Андзюлиса, которого по сию пору в Баку поминают недобрым словом. Он буквально вырвал из рук «Нефтчи» победу в матче с ЦСКА на Кубок СССР. Было это еще в середине 1970-х. А я веду репортаж свой из футбольного закулисья СССР десятилетие спустя, в середине 1980-х. Впрочем, чем я хочу удивить современного болельщика, трансформировавшегося в чудище под именем «фанат»?! Вон эксперты утверждают, что почти треть матчей в России считаются договорными. Об азербайджанском футболе ничего не берусь сказать. Обидно-с...

И все же при всем при этом главная беда «Нефтчи» — не перечисленные выше болезни, обретшие, кстати, международные масштабы. Главной бедой команды, ее неумолимого падения, неуспехов, утраты профессиональных навыков является первый секретарь Бакинского горкома партии Фуад Мусаев, которого острые на язык футболисты за глаза называют «Главным тренером». В том, что ЦК поручил Бакинскому горкому патронировать всеобщую любимицу, ничего удивительного нет — так или иначе поступают и в Москве, и в республиках. Известно, что все вопросы, связанные с жизнедеятельностью ЦСКА, решаются Министерством обороны с его неограниченными финансовыми, материально-техническими и иными возможностями. Устойчивая и плодотворная связка армии и спорта немало поспособствовала тому, что на местах партийные комитеты занялись заимствованием этого опыта. Беда в другом: в том, что первый секретарь горкома полагает, что поручение ЦК обязывает его заниматься всем — от хозяйственных проблем до выполнения чисто спортивных задач.

...Он днюет и ночует на базе «Нефтчи», который, надо отдать ему должное, быстро реконструирован, обеспечен транспортом, оборудованием, инвентарем. Все хозяйственные и технические вопросы решаются оперативно. Очень скоро, однако, выясняется, что пригласить в команду нужного игрока без ведома «Главного тренера» не рекоменду-

ется. «Все вопросы согласуются с ним!» — понуро комментируют кураторы «Нефтчи» в Госкомспорте. Он присутствует и на тренерских совещаниях, дает свои рекомендации по составу, тактике предстоящей игры. Навыки футболиста им не забыты. И он увлеченно делится ими со своими подопечными, охотно сопровождая тренировки байками о своей футбольной молодости.

По-человечески я понимаю Фуада Энверовича. Профессиональное же отношение к спорту велит мне напомнить тренерам об их обязанностях и ответственности за выступление «Нефтчи» на чемпионате СССР. А команда катится вниз в турнирной табличке. Выход видится в смене тренеров. Возражать Ф.Э. Мусаеву бесполезно. На беду свою он излишне резок в общении вообще, безапелляционен в оценках и решениях. В один из моментов кто-то из приближенных секретаря горкома смущенно обращается ко мне, наблюдающему очередной матч у скамьи запасных: «Фуад Энверович сказал, что каждый раз, когда вы приходите на матч, мы проигрываем. Нога, говорит, тяжелая...»

Всяких секретарей горкома мне доводилось видывать, но суеверным на моей памяти остался только он, Фуад Энверович.

— Ну что ж, если мое отсутствие нужно для победы отечественного футбола, я могу оставить стадион. А вместе с ним и министерское кресло, — с этими словами я покидаю матч, который, между прочим, команда проиграла-таки.

В конце концов, «Нефтчи» прочно закрепился на последней ступеньке, и К.М. Багиров, с трудом сдерживая себя, вопрошает: «Ну что? Что мешает тебе выправить положение?!»

Приходится подробно, ничего не утаивая, рассказать о чудачествах «Главного тренера», заключив свой грустный рассказ неожиданным для собеседника выводом:

— Согласитесь, Кямран Мамедович, странно спрашивать с меня и тренеров за неудачи команды, если тренерские функции узурпированы всесильным партийным боссом.

В логике сказанному не откажешь, и первый секретарь на очередной дискуссии по поводу выступлений «Нефтчи» на футбольном чемпионате объявляет:

— Я запрещаю кому бы то ни было вмешиваться в дела команды! У «Нефтчи» есть тренеры, есть председатель Госкомспорта, под личную ответственность которого поручается выправить ситуацию в футболе! Пусть все остальные оставят футбол в покое. Все! Вы слышите, Фуад Энверович?

Вот тогда-то я и прибегнул к нестандартному решению проблемы, о котором и сейчас вспоминаю с улыбкой, в то же время с болью за себя и за спорт, грустно размышляя над тем простым фактом: если мы не в состоянии изменить обстоятельства, то они меняют нас. Ничуть не церемонясь с нашими принципами и переживаниями. Доверив команду ее непосредственным наставникам, я пригласил на дружеский ужин нескольких «баронов» подпольного бизнеса. Не буду называть их по именам: одних уже нет, а те далече — кто в Израиле, кто в США, кто в России.

Выпив за здоровье «теневиков», которые, кстати, не меньше Багирова переживают за неудачи бакинской команды, я им говорю:

— А ведь мы с вами неплохо работали, когда я руководил горкомом.

Мои собеседники напрягаются при упоминании слова «горком».

— Вы исправно давали два плана — один для государства, другой для себя. Притом, что имели редкую возможность не делиться с партийным боссом.

Лица собеседников вытягиваются, как в мультфильмах у отрицательных персонажей.

— Взятки и иных подношений я у вас не брал, хотя припоминаю: некоторые активно добивались финансовой легализации наших отношений. Не настало ли время произвести окончательный расчет, господа «теневики»?

По лицам присутствующих нетрудно догадаться: если мои слова и восприняты как шутка, но только не лучшего сорта.

— У вас есть возможность расплатиться так, чтобы войти в историю отечественного спорта в наилучшем виде.

Несколько слов о меценатских традициях знаменитых бакинских нефтепромышленников дореволюционной поры, опекавших музыкантов, поэтов и даже кое-кого из революционеров. Нет, Боже упаси, лично мне, Гусейнову Вагифу,

ничего не надо. А вот все заботы по организации соответствующего сервиса, связанного с приемом и проводами судебных бригад, созданию тесного взаимодействия с соперниками по таблице, да и формированию благоприятного климата в федерации футбола СССР как истинные патриоты азербайджанского спорта в целом и футбола, в частности, они могли бы взять на себя.

Затянувшуюся паузу, вызванную, очевидно, тягучими вычислениями стоимости предстоящих услуг, прерывает прагматичный вопрос одного из дельцов:

— А с ФИФА как быть? Я имею в виду благоприятный климат...

— Пока этот вопрос не стоит в повестке дня.

В ответ — вздох облегчения и искренней благодарности.

Словом, в тот футбольный сезон «Нефтчи» не то что с трудом зацепился за спасительную предпоследнюю ступеньку, но даже сделал пару шагов вверх в таблице чемпионата.

Я решил, что наступил самый подходящий момент переговорить с Кямраном Мамедовичем о сокровенном. Он, кстати, больше не страшит меня грозным вращением зрачков, не кричит, не топает ногами.

— Самое худшее, Кямран Мамедович, у нас позади. Баку вновь значитесь в футбольных столицах. Кругом даже заговорили об азербайджанской шахматной школе. Я имею в виду не только блистательные победы Каспарова, но и большую группу юных азербайджанок — Айнур Софиеву, Фирузу Велиханлы и других. У нас и ранее имелись выдающиеся шахматистки — Татьяна Затуловская, например. Но теперь женская команда представлена азербайджанками.

Первому секретарю приятно слушать рапорты об успехах республики. Спорт — его хобби, особенно футбол. К тому же, помимо улучшения морально-психологической атмосферы на производстве, теплеет отношение трудящихся и к нему, первому секретарю. А эта задача не из простых после яркого Гейдара Алиевича. Он, конечно, наш бессменный лидер, вождь, не побоимся громкого словца. И все же пора выбираться из-под его тени. Но так, чтобы не привлечь лишнего внимания. Всем известно: бдительный Рамиз Энверо-

вич обо всем рапортует дорогому Гейдару Алиеву, который, и это тоже все знают, интересуется делами республики, помогает партийной организации своими ценными советами, рекомендациями, наставлениями.

— Так вот, Кямран Мамедович, как вы смотрите на то, чтобы я покинул свой пост по собственному желанию? Благо, готова и достойная замена — Юрий Гусейнович Мамедов, которого не надо представлять ни вам, ни Бюро, ни спортивной общественности. А я бы вернулся к любимому делу — к журналистике. Это желание легко реализуемо и здесь, в Баку, и в Москве. Я мечтаю поработать собкором за рубежом. Вот изучаю английский на старости лет...

Улыбка детского простодушия слетает с крупного лица Кямрана Мамедовича, миг превращая его в официального хозяина высокого кабинета, товарища Багирова. Я вижу и физически чувствую, каких усилий ему стоит, чтобы сдержаться. Это трудно, невероятно трудно для человека, исполняющего ту роль, которую ему отвела судьба и жизненным кредом которого является стремление жить дружно.

— Пойми ты, наконец, Вагиф, не я решаю твой вопрос. Я уже раз говорил об этом Юре Мамедову. Теперь ты вынуждаешь сказать тебе об этом открыто. Обращайся к нему. Ему решать, где тебе находиться и кем работать.

И он тычет в портрет улыбающегося дежурной улыбкой Г.А. Алиева, члена Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя председателя Совета министров СССР, портрет с относительно молодым лицом, который трудящиеся носят на праздничных демонстрациях мимо правительственных трибун. Двухметровый портрет его, вместе с портретами других членов и кандидатов Политбюро ЦК КПСС, установленный перед Домом правительства на площади им. В.И. Ленина, недавно исполосовал ножом неизвестный. Службы свалили все на свирепый бакинский норд. На бульваре, однако, говорят о другом, называют даже имя отчаянного молодого человека, бывшего комсомольского работника, оперативно вычисленного в КГБ.

Гейдар Алиев со стола улыбочиво как бы подтверждает вынужденные признания своего преемника бывшему своему любимцу.

К диалогу мне нечего добавить. Подождем до лучших времен. Хотя никто не знает, когда они наступят для меня, лучшие времена. И наступят ли вообще.

На партийной работе мне всякого довелось навидаться. Многое еще предстояло узнать. Но случай, когда первый секретарь ЦК Компартии легко и просто признается, что его власть, по сути, условна и ограничивается предшественником, давно отбывшим в Москву, единственный.

Несколькими днями позже это открытие дополнится и другой информацией, серьезно обогатившей мои представления о руководстве республикой. Предложение ректора Бакинской партийной школы Т.К. Кочарли о назначении моего друга с журналистских времен Р.Г. Агаева заведующим кафедрой Н.А. Мамедов, заведующий орготделом ЦК партии, немедленно отклонил: «Ваш кандидат значится в списке лиц, которых распоряжением Гейдара Алиева запрещено брать в номенклатуру!»

Абсурдность ситуации заключается еще и в том, что речь шла о выпускнике аспирантуры АОН при ЦК КПСС (!), которому в Москве предлагалась работа, входящая в номенклатуру ЦК КПСС. А список тот — конкретный и длинный — заорг будет хранить как зеницу ока, чем немало будет гордиться даже много лет спустя, оказавшись в качестве беженца в Соединенных Штатах Америки...

Я по сию пору хорошо помню главное ощущение, определявшее все мое настроение в тот момент: не было у меня ни капельки уныния. Напротив, появилась даже ясность. К тому же в Москве многие открыто и все настойчивей говорили о неизбежности перемен.

КОНТЕКСТ

Грешно говорить, но дорогу к переменам открыл своим уходом К.У. Черненко, продержавшийся в кресле генсека чуть более года. История порой жестоко мстит тем, кто рассчитывает обмануть ее. Словно бы в насмешку над партией и ее лидерами, не озаботившимися о своевременной демократической смене руководителя, генсеки не дотягивали даже до половины первого срока пребывания на своем посту.

Что бы там ни было, а объективной основой вызревания грантокраши, как называли процесс старения членов Политбюро, явилось

отсутствие демократических механизмов и прочных традиций ротации руководящих органов партии. И в этом виноваты были все мы, коммунисты. Но, прежде всего — высшее руководство КПСС, ибо прерогатива принятия кардинальных решений принадлежала ему. Разговоры были, установки давались, намеки делались, а бессменность в правящем классе, выдаваемая за стабильность, сохранялась. Вернее, неукоснительно блюлась. Чего уж тут кривить душой? А это, между прочим, создавало условия для той или иной формы узурпации власти.

Много писалось о посредственности К.У. Черненко, отсутствии у него ярких черт лидера. Все это так. Но все же это далеко не полный портрет Люди, близко знавшие Константина Устиновича, работавшие с ним, отмечали и ряд несомненных достоинств, которыми он обладал и которые необходимы руководителю государственного масштаба. Прежде всего, стоит сказать о том, что необходимость обновления, перестройки системы политического управления партией были высказаны им уже при вступлении на должность генсека. Говорил он и об ускорении социально-экономического развития, для чего, по его мнению, требовалось перестроить весь хозяйственный механизм, всю систему управления экономикой. Так что ему не чужды были идеи перестройки и придания большей динамичности экономическому развитию СССР.

Идеи эти он выдвинул до М.С. Горбачёва и успел кое-что сделать в этом направлении, предоставив хозяйственникам некоторые реальные возможности для повышения эффективности государственного производства, его ускоренного развития.

Упомяну об этом вовсе не для того, чтобы лишить Горбачева лавров первопроходца в демократизации общественной жизни. Хочу просто подчеркнуть — идеи обновления были выстраданы советским обществом, их уловила и правящая партия — КПСС. К.У. Черненко, будучи хорошим исполнителем, не медля, взялся за реализацию программных положений.

Можно предположить, что осуществление проектов обновления и демократизации, если бы позволили возраст и здоровье при этом, пошло бы без горбачевских кавалерийских атак, сомнительного нового мышления, сгубивших все дело и страну. Как и то, что деятели авантюрного плана, типа Ельцина, не оказались бы на политическом мостике социалистического флагамена.

К.У. Черненко, впрочем, как и Л.И. Брежнев, в отличие от последнего генсека КПСС, прошли хорошую жизненную школу, немало поработали в центральных органах партийной и государственной власти, разбирались в людях, владели искусством управления в полной мере, знали толк в кадровой политике, чего, повторюсь, нельзя сказать ни о М.С. Горбачёве, ни о Б.Н. Ельцине, до конца политической карьеры оставшихся управленцами регионального масштаба, на действиях и мышлении которых лежала печать неистребимого провинциализма.

О том, каким образом выбор пал на М.С. Горбачёва, написано немало вполне достоверного и многого такого, что было придумано позже. Вполне доверяю тому, о чем поведали в своих воспоминаниях А.А. Громыко (младший), Е.М. Примаков. Первый очень точно передает политическую атмосферу властной Москвы, маневры закулисья, факт переговоров с авторитетнейшим членом Политбюро, патриархом советской, да и мировой дипломатии Андреем Андреевичем Громыко, слово которого, пожалуй, имело решающее значение в выборе генсека. Могу лишь сказать, что мало кто из тогдашних аналитиков высоко оценивал шансы Горбачева, за которым прочно укрепилась репутация «сельхозника». Он и сам всем своим тихим просиживанием в цеховской заводи только подтверждал мнение о нем, как о ничем особенно не блиставшем деятеле среди соратников высшего руководящего органа. Разве что молод. Но что за плечами?

Никто не мог ни тогда, ни позже привести убедительных примеров организаторского таланта, политической прозорливости, проявлений решительности, подтверждений волевых качеств. Биография генсека красноречиво свидетельствовала о его очевидном «кабинетном» происхождении: учился, как и тысячи других, пришел в комсомол, откуда повела его судьба по теплым кабинетам райкомов, горкомов, области — сперва комсомола, а затем и партии.

Удачлив, однако, был Михаил Сергеевич — по жизни шазал неспешно, но уверенно, крутых поворотов избегал, романтические позывы целины, гигантских строек Сибири не одолевали юношу. Все в кабинетах да на трибунах. Словно кто-то вел его, прокладывая маршрут на самый верх — так, чтобы не опрокинулся ненароком, не сказал чего лишнего. Судьба ли берегла или кто-то патронировал? Сейчас уже известно: Ю.В. Андропов. Чем приглянулся молодой, ничем не выделявшийся из общего строя функционеров регионального партийного воинства секретарь? Проникнуть в высокие кабинеты и быть принятым ему помогла специфика его региональной вотчины: подавляющее большинство союзных здравниц, санаториев, пансионатов, зон отдыха, обслуживающих правящую советскую элиту, находилось в пределах его власти. Однако от Кавказа и до Крыма много больших руководителей имелось, а уверенно, неспешно, а главное — не привлекая внешне к своей персоне внимания, шагнул в направлении Кремля только он, Горбачев. Чем он обратил на себя внимание пронизательного Андропова?

Мои бывшие комсомольские товарищи из Ставрополя говорили, что он может быть иногда резковат, но предпочитает в целом ладить с людьми, избегает разгонов, публичной порки за допущенные ошибки. Словом, вполне в стиле времени. Припоминали, впрочем, как новый секретарь, пришедший на смену обаятельного К.Ф. Кулакова, долго и упорно пробивал пленум, обещавший преобразования на селе, но так и не прозвучавший и вскоре позабытый всеми.

Там, за горизонтом!

Мы еще вернемся к тем двум поворотным дням в исторических судьбах Отечества — 10–11 марта 1985 года, когда перед страной возник тот, который поставил точку в ее великой истории. Но это иные сюжеты. Не будем прерывать повествования, ибо и моя собственная судьба приблизилась к новому повороту (я это чувствовал), не ведая, что влеком течением событий, смысл которых откроется много позже.

Народная мудрость о том, что срок мрачных дней недолог, верна. Надо только набраться терпения и ждать. Ас-сабр, великое это слово — «терпение» (не путать с «долготерпением»), многократно повторенное в священных книгах народов. Вот и над моей головой чья-то невидимая рука разогнала тучи.

Как бы там ни было, а что-то меняется в стране... Притихли фанфары победного шествия пятилеток. Рассказывают, что новый деятельный орговик Е.К. Лигачёв строго предостерег К.М. Багирова от старой привычки руководить с оглядкой на Гейдара Алиевича, призвал действовать самостоятельно, окончательно избавиться от старых замашек: шумихи, мелочной опеки, беспричинных преследований.

Егор Кузьмич — сибиряк, мужик простой, работающий. Его кавказскими застольями и дорогими подношениями не заманишь. «Спиртного не употребляю, из напитков предпочитаю только легкие — яблочный, например», — сказал, словно отрезал, перед приездом в Баку по случаю вручения Красного знамени.

После этого визита и началась массовая реабилитация «жертв алиевской революции», как шутят в парткомиссии. Да и в кадровой политике все смелее обращаются к резервам вне Нахичеванской автономии. На международном конгрессе кардиологов, когда слово предоставляется академику В.Ю. Ахундову, зал неожиданно устраивает бывшему руководителю республики овацию, воздавая дань уважения человеку, имя которого будит воспоминания о благодных днях азербайджанской «оттепели», времени небывалого подъема национальной культуры, социально-экономического становления. Бурные аплодисменты — еще и своеобразный стихий-

ный протест против запрета на публичное озвучивание имени Ахундова, дпящегося с 1969 года...

В иные времена не избежать бы ни бывшему первому секретарю, ни нынешнему генеральской выволочки. А тут — молчок, хотя просигналил наверняка верный Рамиз Энверович в Москву о «ЧП». Нет, по всему видно — задули новые ветры, новыми надеждами зажила страна.

В Москве только и разговоров, что о новых подходах к партийной работе, большей самостоятельности. Первыми подхватили новые веяния в Ленинграде и Прибалтике. Центральные газеты стали смелее, заговорили о запретных темах. В Баку власть притихла, притаилась. Хотя все знают — Алиев, наведавшись летом в родные пенаты, дал понять: «Азербайджан и ранее двигался ускоренными темпами, показывал пример борьбы за социалистический образ жизни. Что касается разговоров о демократии, самостоятельности и пр. — это дело временное».

Так что бакинская пресса мыслит по старинке. Другое дело, время — умелец-древоточец — незаметно делает свое дело.

Я не устаю периодически напоминать К.М. Багирову о «своем вопросе». В конце концов, Юра Мамедов, взявшийся выполнять дипломатическую миссию посредника между опальным другом и первым лицом, партнером по корту, однажды возвращается с коротким сообщением, переданным со свойственной ему лаконичностью: «Кямран Мамедович просил передать, что он не будет возражать, если Гусейнов поедет работать в Москву, о чем он неоднократно выражал пожелание».

Сказать, что я на следующий же день вылетел в Москву, было бы преувеличением. Но то, что летел я не в самолете, а на собственных крыльях, — это точно. Запомнилась лишь фраза кого-то из провожающих: «Единственный за всю историю министр, добровольно подавший в отставку и тут же уехавший в Москву». Шутка шуткой, но кто мог тогда, в начале осени 1986 года, вообразить, что понятие это, чисто теоретическое в советской правительственной практике, скоро утвердится в качестве теста на истинный демократизм?

До самой Москвы не верилось, что с меня наконец-то сняли путы, что происходящее не игра, что пройдет день-другой и меня не завернут назад, «возвращайтесь, мол, и разберитесь с партийной организацией». Но атмосфера новой, демократизирующейся Москвы наилучшим образом подтверждала правоту моих самых оптимистических выводов. Кажется, застой, заизвестковавший кровеносные сосуды государственного организма, руководство партии рассчитывает размыть свежей кровью. В аппаратных коридорах, как в венах управления, мелькают молодые лица, деловито рассказываются в президиумах высоких собраний энергичные руководители из регионов.

Кто-то советует генсеку в руководящие структуры активно двигать кадры с Урала, из Сибири. Это вам не столичная избалованная бюрократия! Там, за Уральским хребтом, при 40-градусных морозах Сибири, живет и здравствует другой народ — здоровый духом и телом, работающий, прямой. В 1941-м, припомните, товарищи, кто защитил, прикрыл грудью Москву, преградив дорогу фашистам? Панфиловцы, герои сибирской дивизии! То-то!

Говорят, в Свердловске вырос партийный работник нового типа — Ельцин Борис Николаевич — нестандартно мыслящий, деятельный, умеющий разговаривать с рабочим классом. Может, пригласить его в Москву?

— Боюсь, наломает он дров, — морщится молодой, симпатичный предсовмина Н.И. Рыжков. — Нет вдумчивости в нем. Лезет напролом, топором размахивает. К тому же себялюб. Никак не может налюбоваться собой, любимым.

Генсек советует все-таки присмотреться к уральскому умельцу.

— То, что надо! — рапортует Е.К. Лигачёв, направленный на «смотрины».

Хлынули во власть практически все, кого я знал по ЦК ВЛКСМ: кто в центральном партийном аппарате, кто в регионах возглавил партийные комитеты, кто в министерствах и ведомствах, от которых пухнет столица великой советской державы. А бывшие комсомольцы, ясное дело, укрепляют доверенные участки теми, кого хорошо знают.

Б.Н. Пастухов направлен послом, Г.И. Янаев в совпрофе, В.А. Мишин — тоже. Всюду встречают с распростертыми объятиями. Вот что значит большая Родина!

Дело не только в развитом корпоративном мышлении, как может показаться на первый взгляд. Комсомолия — действительно целый мир, пристанище молодежи, юношества, жаждущего самоутверждения, самореализации. А юность, как известно, время обретения дружбы, когда верится в лучшее, время оптимизма. Вот откуда устойчивость традиции, которую не смогла отменить и перестройка, в чем нам предстояло еще убедиться.

Пятилетие — с 1982 по 1986 год — оказалось самым трудным в моей жизни, и я вряд ли бы выбрался из капкана, составленного опытным ловцом, если бы не помощь друзей, если бы не комсомольская юность моя. Сейчас даже трудно представить, чтобы кто-то за тысячи верст в верхних этажах верховной власти, исключительно дружбы ради, рискуя собственным положением, обеспечил политическое прикрытие, напоминая первому лицу державы о незаслуженно обиженном человеке где-то там, в далеком Баку. И все это без каких-либо корыстных мотивов! Потому я и называю комсомолию братством.

Искренне печалюсь, что оно оказалось отброшенным перестроечной идеологией, как нечто отжившее — как может молодость во цвете лет отжить себя?!

Первоначально мне рекомендовано присмотреться к журналу «Вокруг света». Он давно уже без редактора, а издание интересное, со своим читательским интеллигентным активом. Затем ведутся переговоры с «Комсомольской правдой» — это ближе, роднее, там немало моих знакомых и друзей. Предлагают и номенклатурные должности: в министерствах и главках союзного простора — только разворачивайся!

Но тут Марат Грамов дает дельный совет: «На данный момент тебе нужна временная площадка. Ты человек широкого профиля. Тебе нужно присмотреться. С твоим опытом международника, связями найдется место во многих структурах. В том числе и у нас. Журналистский профиль — дело хорошее. Плюс знание внешнеполитических проблем, зарубеж-

ных связей — это качественно иная перспектива». Так я «высмотрел» новый журнал «Олимпийская панорама», только-только рожденный в недрах советского агитпропа, в котором точно могли быть востребованы мои журналистские навыки, умение организатора и знания, опыт международного.

Действительно, то, что мне надо — подбирай журналистскую братию, пиши о любимом спорте, знакомься с зарубежным опытом организации информационного обеспечения олимпиад — никакой политики! Не работа, а рай после бакинских интриг. К тому же самостоятельная единица, без надзирающего начальства над головой. Твори себе в удовольствие, формируй свою команду! К тому же на дворе гласность. Пиши — не хочу. Газеты теперь нарасхват. Можно такой спортивный журнал раскрутить!

А что? Может, и впрямь лучше не придумаешь? Чем не площадка для новой жизни в Москве, после того, как я унес ноги из ставшего чужим родного края? Начнем жизнь с чистого листа, с чего начиналась когда-то моя столь завидная карьера в Баку.

Чем хороши граждане «Страны комсомолия» в Москве — никто не морщится, не таращит глаза, мол: «А что скажет Гейдар Алиевич?» Он, товарищ Г. Алиев, для моих бывших коллег, восседающих в высоких креслах практически во всех ведущих союзных министерствах, не говоря уже о партийных кабинетах, парит где-то в заоблачной выси. Им и в голову не приходит, что член Политбюро, один из «большой двадцатки», может заинтересоваться кадровыми перемещениями где-то там — внизу. Москва не Баку. Не поймут просто. Скажут, не по рангу действует, перед ним проблемы глобальные.

На очередной вечеринке по случаю дня рождения кого-то из бывших сотрудников сталкиваюсь с давним знакомым Юрой Сепелевым. Впрочем, Юрой он звался, когда мы познакомились с ним в жаркой Калькутте. Я — секретарь ЦК ВЛКСМ, руководитель делегации советской молодежи, а он советский генконсул. За время, прошедшее после нашей первой встречи, Юрий Фаддеевич успел поработать послом, а вернувшись из-за границы, определен начальником Главного управления МИД СССР по работе с дипкорпусом.

— Зашел бы к нам в МИД. Поговорим за жизнь. Заодно посмотришь, чем мы там, в УПДК, занимаемся.

Об этой функции МИД СССР — империи А.А. Громыко — мало кто знает. Впрочем, в МИДе ныне новый император — Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе. Таков итог первой рокировки М.С. Горбачёва.

Андрей Андреевич на правах «патриарха» озвучил предложение избрать Михаила Сергеевича генеральным секретарем ЦК КПСС на заседании Политбюро, немедленно собравшемся после кончины Константина Устиновича. Теперь А.А. Громыко — формальный президент Страны Советов — председатель Президиума Верховного совета СССР. А МИД возглавил Эдуард Амвросиевич. Не Воронцов, не Чаплин, не Комплектов — высокопоставленные профессионалы советской дипломатии, а партийный секретарь из Грузии. «Громыко — это океан. По сравнению с ним, каждый из нас не более чем капля...»

Но в капле воды иногда отражается целый мир чувств, тайных замыслов, скрытых целей. Горбачёв, Шеварднадзе, Лигачёв когда-то познакомились в Москве на комсомольских съездах.

Мы с Ю.Ф. Сепелевым нынче находимся примерно в такой же диспозиции. Коротко поведав, скажем так, о специфических функциях мидовского управления, призванного заниматься обустройством дипломатического корпуса в Москве, он вдруг предлагает:

— Иди к нам. Работа интересная.

— Чем я буду заниматься тут? Нужен ли я тебе и нужно ли это мне?

Сепелев, как следовало из его разъяснений, основательно продумал свое предложение:

— Ты — человек проверенный, надежный, опытный в такого рода деятельности. А главное — не надо учить специфике. Контингент — иностранцы, сфера — внешнеполитическая. Осмотришься, а там и плавно перейдешь на чисто дипломатическую стезю, как это сделали многие, воспользовавшись партийным набором.

Тут мне пришлось горько улыбнуться, вспомнив о визите Намика Ахундова, заведующего отделом зарубежных связей,

сообщившего мне о возможности воспользоваться предоставленным местом на курсах дипакадемии. А может, это судьба? Зачем противиться зову судьбы и шарить в потемках нужную тропу, когда она сама приоткрыла дверь?

— Так это же мечта любого дипломата! И не для начинающего, а опытного! — определил ситуацию В.М. Мишин, к которому я заявился за советом. — Тут и раздумывать нечего. Из УПДК — прямая дорога в дипломатию. А это твоя родная стихия. Предоставь молодым, полным сил искушать судьбу, будущее на партийном поприще...

То же говорят друзья-товарищи, помогавшие мне с московской пропиской. М.В. Грамов, смирившись с неизбежностью расставания с новым редактором, соглашается с логикой моих рассуждений: «Обе дороги ведут к дипломатии. Одна короче, другая — подлиннее». А мне скоро 44...

Словом, звоню через неделю Сепелеву: «Согласен, старина! Действуй!» А тому надо начинать многоходовые согласования — дело нешуточное. Первый заместитель начальника УПДК — номенклатурная должность. И начинать лучше с министра. «Знаю я его, — говорит Эдуард Амвросиевич, великий тактик. — Продумать надо его вопрос». Ясное дело — Г.А. Алиев. Видно, долго придется ждать.

Юрий Фаддееич звонит: «Приезжай ко мне, надо проталкивать твой вопрос в наших коридорах». «В коридорах» сталкиваюсь с давним знакомцем Борисом Чаплиным. Мы с ним году в 1981-м в Баку познакомились. Посол СССР во Вьетнаме Б.Н. Чаплин в 1981 году сопровождал делегацию братской страны во главе с Ле Зуаном, прибывшую в Баку знакомиться с практикой морской нефтедобычи. В районе Вунгтау были обнаружены залежи нефти, и вьетнамские товарищи завязали контакты с Баку, где накоплен был огромный опыт в этом многотрудном деле. Бакинцы — геологи, промысловики, бурильщики — выехали во Вьетнам, а я, как мог, содействовал плодотворному сотрудничеству нефтяников: возил на нефтепромыслы, сводил со специалистами. Тогда-то и сдружились, переписывались, не раз пути-дороги наши пересекались.

— Я тебе уже устал говорить, что с кадрами плохо работаешь, — поучает он Сепелева. — Наконец-то определился с

первым замом, — кивает он на меня. — Веди его немедленно в кадры.

А в кадрах — В.М. Никифоров, начальник управления. Знаю его по орготделу ЦК КПСС. Ему-то и карты в руки. Вышли на Е.К. Лигачёва — он теперь чуть ли не второй человек в ЦК. А тот: «Не надо мне пересказывать эту историю с Гусейновым. И как подстраховали парня — тоже помню. Не зря старались... В Баку он работал смело, самостоятельно, без оглядки на лица. Словом, с кадрами так, как это делалось в Азербайджане, поступать нельзя».

На коллегии МИД СССР

С тем и пошли мы с Никифоровым на коллегию. А там по лицам можно новейшую историю МИД СССР писать: Б.Н. Чаплин, Ю.М. Воронцов, В.Г. Комплектов, В.П. Логинов, А.А. Бессмертных.

«МИД заполучил опытного организатора. Я помню его во главе Баку — управлять современным мегаполисом дорожного стоит» (Б.Н. Чаплин). Не удержался — ударился в воспоминания: «Ле Зуан, помнится, поучал своего министра-нефтяника, мол, в Баку товарищ Гусейнов каждого бурового мастера знает».

«Если коллегия примет положительное решение, то МИД заполучит весьма ценного работника (Ю.М. Воронцов). Я также запомнил Вагифа Гусейнова по прежней дипломатической работе. Недели две мы вместе колесили по Соединенным Штатам, встречались с молодыми демократами и республиканцами. Переводил его выступление в Конгрессе, Сенате. Это зрелый, опытный работник, потенциал которого может по-новому раскрыться на дипломатическом поприще».

«Оказывается, в коллегии МИД СССР, кроме меня, все хорошо знают товарища Гусейнова. Придется и мне сказать несколько слов о нем. Как-никак соседями были несколько лет в Закавказье», — берет слово министр.

И говорит Э.А. Шеварднадзе о моей комсомольско-партийной деятельности так, словно и нет в природе постановления о недостатках в стиле и методах работы Бакинского горкома. Та страница перевернута — всем все понятно.

И в заключение: «Ну что, утверждаем?» И, как водится, — слова напутствия, советы о том, на что обратить внимание, как взаимодействовать с иностранными посольствами, у которых не убывает претензий, причем большей частью, увы, вполне справедливых...

Я чувствовал: и Шеварднадзе, и его замы между собой достаточно подробно обсуждали мою историю. В их словах, тщательно подобранных оценках, нарочито лишенных необходимой в кадровых вопросах дипломатичности, улавливалось коллегиальное желание поддержать человека, выволить из изоляции, в которую загнали его недобрые силы.

Итак, второй московский этап в моей судьбе. Он начинается обнадеживающе. Теперь я точно знал причину перемен в настроении К.М. Багирова. Г. Алиев невольно отпустил вожжи, перестал патронировать Азербайджан. Время пришло иное. Дух брежневского долголетия выветрился.

Я и сейчас, после стольких тяжелых лет и долгого лихолетья, во тьме которых канули лица, имена, встречи и расставания, помню до мельчайших подробностей финал целого жизненного этапа. И не потому, что выдающиеся авторитеты советского политического истеблишмента столь лестно отзывались о моих более чем скромных заслугах и талантах.

Крепко оседают в душах две вещи: предательство друга и спасительный круг, брошенный товарищем, когда рассчитывать не на кого и не на что...

Нелишним будет напомнить и важную особенность исторического момента. Новые люди, пришедшие в Кремль, убедили генсека в простой необходимости — обновленческий процесс необходимо начинать с кадровой политики. В гигантской федерации с множеством республик, автономий, краев, областей, регионов кадровый потенциал правящей партии и государственной системы управления, по существу, ограничивался возможностями Москвы. Новые люди в руководстве страной говорили о цене человеческого капитала, предлагали расчистить заторы, мешавшие нормальному кровообращению государственного организма.

Я оказался в нужный момент в нужном месте. Означало ли это, что судьба вновь улыбается мне?

Управление по обслуживанию дипкорпуса

А УПДК МИД СССР — это целая армия чиновничьего люда: дипломатов, управленцев, технических работников. Одних только заместителей у начальника главка пятеро. Сам Сепелев все больше в командировках, ничего не поделаешь — переговоры о дипломатическом взаимодействии, подготовка и подписание документов обязывают присутствие первых лиц. Но все равно высокое начальство то и дело выражает недовольство — в Москве тоже дел хватает, а Юрий Фаддеевич, как всегда, в разъездах. Первый заместитель тем и хорош, что большинство вопросов взаимодействия с дипкорпусом берет на себя.

Управление по обслуживанию и работе с дипкорпусом (УПДК) МИД СССР имеет давнюю историю. Создано оно в 1920-х годах молодым советским правительством для оказания помощи дипломатическим миссиям. Помощь и содействие сводились к решению повседневных вопросов жизнедеятельности в развороченной революционными событиями стране. Со временем смысл обязанностей не очень то изменился, повысились качество и масштабы оказываемых услуг. Организация поездок дипломатов по стране, решение транспортных вопросов, жилья, а также питания, медицинского обслуживания, посещение различных культурных и иных мероприятий. Короче, управление, по сути, занимается всеми сторонами жизни иностранных дипломатов, аккредитованных в Москве. Делается все это, естественно, на паритетных началах с другими государствами, на основе двусторонних соглашений.

Нетрудно заметить, что сложился, я бы сказал, архаичный стиль решения вопросов. Каждую мелочь повседневной жизни дипломата, работающего в Москве, приходится согласовывать с множеством организаций. Архаизм, конечно. Но к нему люди привыкли. Впрочем, в такие же условия в странах пребывания поставлены и советские дипломаты. А нередко в еще более сложные.

Располагается УПДК в старинном особняке на Остоженке. Обитатели особняка любят рассказывать гостям о том, как когда-то Луначарский выделил его для знаменитой

Айседоры Дункан. Американская знаменитость провела здесь часть своей московской жизни, отмеченной драматической любовной историей с Сергеем Есениным.

У Юрия Фаддеевича Сепелева направления работы расписаны между заместителями: вопросы капитального строительства, кадров, работа региональных отделений и т.д. Штат растет не по дням, а по часам, зашкаливая за 10 тыс. сотрудников, обеспечивающих жизнедеятельность более ста с лишним посольств, торгпредств, около тысячи различных представительств компаний, международных организаций и т.д.

Середина 1980-х годов — начало перестройки и хаоса в экономике, бесчисленных административных и политических шараканий, накала страстей в обществе. В этом водовороте надвигающихся перемен, которые со временем назовут перестройкой, Ю.Ф. Сепелев, вернувшись из очередной поездки в Штаты (Европу, Юго-Восточную Азию — надо везде успеть побывать), не забывает напомнить о государственной установке в виде главной задачи, поставленной передо мной. Она сформулирована предельно ясно: постоянно совершенствовать вопросы, связанные с налаживанием жизнедеятельности многочисленного дипкорпуса, членов их семей, тысяч бизнесменов, которых все больше и больше, огромного числа журналистов, аккредитованных в Москве, их командировок по стране, обеспечивать бесперебойное строительство школ и детских садов.

Между тем катастрофически ухудшается состояние советской экономики. В Москве сворачивается снабжение товарами быта, продовольствия. С утра я, впрочем, как и весь наш «убойный отряд», разъезжаю по столице пробивать в министерствах и ведомствах свои вопросы. Юрий Фаддеевич Сепелев, Иван Иванович Сергеев (будущий замминистра иностранных дел), Анатолий Александрович Казьнин и другие проявляют просто чудеса изобретательности в условиях усугубляющего дефицита и разгильдяйства.

Мы понимаем и помним заповедь УПДК — наши старания, помощь иностранным дипломатам в Москве бумерангом отдаются на работе советских людей за рубежом. Хотя, что поделаешь, здесь мы находимся в куда более сложном положении.

Меня хорошо поймут читатели, которые помнят пустые прилавки в Москве, низкий уровень сервиса, талонную систему — этакий бренд распределительного социализма. Как справедливо пишут порой хроникеры той эпохи, все это было. Возможно, кто-то скажет: лучше не вспоминать об этом смутном периоде советской истории. Может, так оно и лучше. Да только это уже история, а из нее, как из песни, слов не выкинешь.

Скажу также, что из сложившейся ситуации, во многом нового для меня дела помогали выходить опять же старые комсомольские связи. Они, старые комсомольские товарищи, как скоро выяснилось, сидели повсюду. И второе — советская ментальность, отличительная черта чисто советского патриотизма. Каждый советский министр, чиновник любого ранга привык считать: как бы не было плохо, нельзя ударить лицом в грязь перед иностранцами, гостями страны, тем более, оттуда, из капиталистического Запада. Иной буквально рычит: «У меня детсады недополучают мясопродукты, а вы тут со своим дипкорпусом!» И, матюкнувшись в сердцах, тем не менее, поднимает правительственную трубку: «Отпустите из резервов...»

КОНТЕКСТ

За три года работы в МИДе много интересного произошло на моей памяти. Об одной истории, которая на несколько лет омрачила советско-американские отношения, стоит рассказать подробнее. Сообщаю то, что знаю и помню. Информация, как говорится, из первых уст, хотя об этом написано и сказано немало.

Речь идет о скандалах вокруг нового здания посольства США в Москве и советского посольства в Вашингтоне. Последнее обстоятельство обычно умалчивается, а тогда, в 1980-е, оно утонуло в информационном шуме и гаме, поднятом американцами, а также демократизирующимися на глазах СМИ Москвы, Ленинграда и далее везде.

Немного истории. Еще в 1969 году в Вашингтоне и Москве было подписано советско-американское соглашение о строительстве в столицах обоих государств новых комплексов посольств. Согласно этому соглашению, СССР отвели земельный участок в Маунт-Алто — в северо-западной части Вашингтона. А для США — позади старого здания их же посольства по улице Чайковского.

В этот период, скорее всего, и было санкционировано использовать строящееся здание американского посольства для возможного оперативно-технического проникновения КГБ. Известно также, что каждое мероприятие подобного рода, как правило, КГБ СССР согласовывало с инстанцией, то есть с ЦК КПСС.

Судя по всему, эксперты ФБР и ЦРУ обнаружили присутствие так называемых закладок в стенах и перекрытиях где-то в 1982–1983 годах. Однако в открытой американской печати первые упоминания об этом появились в 1984–1985 годах. Интересно, что американское посольство к тому времени было возведено почти до двух третей.

В 1985 году Конгресс США принял специальный закон, запрещающий использование нового здания советского посольства, к тому времени уже достроенного в Маунт-Алто. Естественно, что американцы не удержались от соблазна нашипиговать его специальными устройствами, которые были обнаружены специалистами КГБ и полностью затем обезврежены.

Если верить публикациям американских СМИ, прибывшие в Москву американские разведчики были поражены техническим совершенством обнаруженной аппаратуры и изощренностью всей операции советской контрразведки.

«Вашингтон пост» цитировал представителя ЦРУ: «У нас штука подобного уровня существует пока в чертежах». Американские контрразведчики не преминули показать по ТВ «жучки», которые якобы были вмонтированы в местах пересечений и в стержне механического каркаса стен. Поразительным было то, что эти «жучки» обычным рентгеновским методом не обнаруживались, так как материал, из которого они были изготовлены, имел ту же плотность, что и сама арматура. Расписывали устройства, которые якобы были снабжены некими аккумуляторами, постоянно подзаряжавшимися за счет «дыхания» самого дома — движением водяных паров штукатурки. Вершиной же всей это инженерной задумки сочли саму конструкцию здания, которую американцы вскоре назвали «восьмизэтажным микрофоном». Американские эксперты сделали вывод, что направленные на здание излучения соответствующей частоты изменяются некими специальными конструктивными элементами, которые способны улавливать звуковые колебания, возникающие при разговоре. Таким образом, к советским контрразведчикам поступает информация о том, что произносится внутри посольства. Приемники излучения находятся, как утверждали американцы, в расположенной через дорогу церкви Девяти мучеников.

Восхищение сотрудников спецслужб США техническим совершенством операции КГБ только прибавило интерес к скандалу, получившему международные масштабы.

Попортила кровь и мне эта шумиха вокруг американского посольства. Разумеется, много чего можно было сказать в адрес СССР и его спецслужб по сему поводу. Раздражали не американцы, а свои — диссидентствующая публика и нарождающаяся демократия, подпевавшая фактически ЦРУ — никуда от этого не денешься. Вот тогда-то и стала все явственней обнаруживаться ущербность тех, кто любой ценой возжелал в одночасье изменить не только политическое мышление, но и исконный патриотизм — как чуждый демократическим ценностям. К сожалению, уже тогда стало мове-тоном вслух говорить об этих нюансах, естественных для граждан убеждениях. Очень скоро все убедились: от такой позиции до прямого предательства — один шаг

Тема посольств систематически поднималась на различных саммитах. Подчеркиваю: обсуждались не только советские подходы, говоря по-горбачевски, но и американские штучки. Как и положено в международных отношениях. Стояла эта тема и на повестке дня встреч министров иностранных дел, стоит напомнить осень 1991 года, когда председателем КГБ назначили В.В. Бакатина.

В первые же дни затребовав ряд документов, он выступил с предложением в одностороннем порядке передать США схему технических устройств для нового здания американского посольства. Когда официальному лицу ЦРУ Роберту Страуссу принесли 70 листов схем установки прослушивающих устройств, он сказал журналистам: «Это самый удивительный и невероятный день в моей жизни».

Дождались ли Бакатин и его команда ответных равноценных шагов со стороны американцев? Ждут до сих пор, шутят ветераны спецслужб.

В американских спецслужбах и в среде политиков много разных людей, но идиотов там нет. Да и законы о национальной безопасности там исполняются безукоризненно. Шаг сделанный Бакатиным, не имеет аналогов в истории спецслужб, как и тот факт, что его поступок — публичное предательство — был встречен едва ли не аплодисментами. Более того, вскоре стало известно о прокладке под советское посольство в Вашингтоне секретного туннеля, оснащенного спецаппаратурой для прослушки. Его строительство обошлось американской казне в сотни миллионов долларов. И не случайно власти США сняли запрет на вселение в посольство наших дипломатов.

К тому времени сотрудник ФБР Роберт Хансе передал сведения об этом туннеле в Москву. Естественно, грешно было бы не использовать этот факт и не довести до главного противника «выверенную и нужную» информацию. Ровно за три дня до Беловежской пуши, 5 декабря 1991 года, последний глава КГБ В.В. Бакатин передал официальному представителю ЦРУ схему прослушки в здании аме-

риканского посольства в Москве. Характерно, что в ЦРУ на первых порах не поверили в происходящее. По меркам любого государства подобная акция не просто выдача государственной тайны, а измена Родине и карается высшей мерой наказания. Но времена на дворе были другие. Святые для каждого гражданина понятия «Родина», «патриотизм», «страна» выглядели, как вывернутые наизнанку, обветшалые одеяния далекого прошлого.

После мрачной атмосферы интриг, в которой я вынужден был пребывать, находясь в Баку, обстановка высокой ответственности, уважительности и взаимовыручки как нельзя лучше способствует обретению душевного равновесия, профессиональной рабочей формы.

Между тем появляются новые возможности для того, чтобы найти свое место во внешнеполитической сфере. Я зачислен в группу подготовки дипломатов из так называемого партийного набора.

— Опыта и знаний тебе не занимать. Надо только подтянуть английский. Думаю, сфера будущей дипломатической деятельности — соцстраны, хорошо тебе знакомые, и страны социалистической ориентации «третьего мира», — говорит, напутствуя, В.М. Никифоров. — Конечно, по партийному ранжиру тебе следовало бы подобрать и соответствующий уровень. Сразу послом, думается, трудно будет тебя определить, но ранг советника-посланника обеспечим. А дальше — плыви уже сам. Тебе не привыкать.

У меня вновь возникло ощущение избавления от неведомых пут, сковавших все мое существо, все мои мысли и чувства. Теперь я, как когда-то в юности, легко и непринужденно устремляюсь вперед, уверенный, что справлюсь с любой проблемой, что нет непреодолимых преград.

В ожидании перемен

Заканчивался 1987 год. В Москве цвела золотая осень. В Кремле заговорили о необходимости перемен. Собственно, этого и жаждала страна. Однако ожидание людей чаще бывает конкретным. Одни жаждали большей свободы и хотя бы кусочка демократии, как у них там, за океаном или в Европе. Другие хотели вернуть сытную, безоблачную

жизнь, хотя бы как пару десятилетий назад. Третьи мечтали избавиться от пустой говорильни партийных вождей и начать работать так, как им мыслилось — без оглядки на Центр, дутые планы, бесконечные согласования, опираясь на экономическую заинтересованность, о которой так убедительно писала «Литературная газета» и не рассуждал только очень ленивый. Многомиллионная партийная номенклатурная масса ждала, когда наконец раскрутится маховик критического пересмотра пройденного вместе с дорогим Леонидом Ильичем пути. Так заведено в партии...

Ю.В. Андропов начал было осторожно подбираться к этой теме, да не успел развернуться. На К.У. Черненко надежд было мало. Другое дело — Михаил Сергеевич. Он назвал период своих предшественников застоєм и требует ускорения. А как ускоряться, если все застыло, заостенело. Как? Необходимо перестраиваться. Начинать надо с верхних эшелонов. Рыба гниет с головы, отвечают.

И тут неожиданно произошло то, что с нетерпением долгие годы ждали в Азербайджане, о чем уже с некоторых пор стали все громче поговаривать в московских политических кругах, все смелее писала партийная пресса.

На октябрьском Пленуме ЦК КПСС, рассматривавшем рутинные вопросы подведения итогов 1987 года, был освобожден от занимаемой должности и выведен из состава Политбюро ЦК КПСС наш Г.А. Алиев. Я не оговорился, назвав его, как принято было — наш, то есть свой, близкий человек — полпред республики. Хочу быть правильно понятым. Какие бы сложности ни сопутствовали нашим личным отношениям, он оставался в представлении многих из тех, кого он, не раздумывая, убрал своей твердой, непоколебимой рукой со своей дороги, главой партии и республики.

Читатель меня бы не понял, если бы я принялся доказывать, что вмиг забылись все личные обиды. Нечто похожее пережили, думаю, и многие в Азербайджане, кто имел счастье или несчастье работать под началом этого действительно крупного руководителя. Но не будем кривить душой — крепко думалось о поломанных карьерах, судьбах и жизнях. А им, увы, несть числа. Кто подсчитает точно, что осталось от построенного социализма в результате правления

Г. Алиева и его клана, словно спрут, сдавившего все сферы жизнедеятельности благодатной и поистине некогда солнечной республики? Кто-то же должен отвечать за все это — рано или поздно.

Так думалось всем нам. И информационное сообщение о пленуме ЦК КПСС не оставило сомнений — началось...

ГОД ДРАКОНА

Отставка без почестей

«Уходящий 1987 год был годом глубоких перемен, крупномасштабных решений».

М.С. Горбачёв имел право заявить это в традиционном новогоднем обращении к советскому народу. И эти его слова вызывали доверие. Как и то, о чем он решил напомнить: «Решениями январского и июньского Пленумов Центрального Комитета партии, всенародно обсужденным и принятым Законом о государственном предприятии определены основные направления революционной перестройки общества. Нынешний год как бы завершает ее первый этап. Огромное завоевание этого этапа — новая политическая и нравственная атмосфера, сложившаяся в стране. Общество выходит из застойного состояния, нарастают общественная активность и ответственность советских людей за дела страны».

И эти слова генсека также отражали новую реальность. Потому запомнил впервые за последние годы, как бы точнее сказать, наплыв оптимизма... Раньше ведь как было: год определяющий, за ним — завершающий, затем — год качества. А тут — грядут перемены.

Одно, пожалуй, удивило — оказалось, что наступающий 1988 год обещает быть годом Дракона. По сему поводу газеты рекомендовали встречать его во всем коричневом. Если, конечно, не хочешь испытывать судьбу. Нет, не могу сказать, что это мой любимый цвет...

По-разному вели себя при жизни лидеры революционной страны (а Советский Союз как флагман социализма, по сути своей миссии, имел право считаться таковым). По-разному смотрелись, по-разному ушли, разные места заняли в истории страны, в создание которой внесли разный вклад, по-разному остались в памяти народа, которым управляли.

Н.С. Хрущев ушел, так сказать, скоропостижно. И большинство с удовольствием его позабыло, как досадный политический промах. О Брежнев вспоминали разве что со свержением очередного его фаворита. Они ушли, и ветер времени унес в небытие память о них. А вот Ленин остался. Как и Маркс, Энгельс. И Сталин все время возвращается, несмотря на правду о его деспотизме, которой испытывают память о генералиссимусе хулители. Подумать бы им, отчего память людская столь избирательна? Подивиться бы чуду восставшего из небытия духа.

КПСС постепенно отходила от старой, репрессивной практики преследования бывших руководителей по политическим мотивам. Н.С. Хрущев был обвинен в волюнтаризме при принятии государственных решений. Хотя позже, по мнению одних, он избавил страну от сталинизма и тем принес «оттепель» — советский синоним процесса демократизации. По мнению же противников, число которых растет по мере объективизации оценок исторического процесса, отменив сталинский культ, он с удовольствием насаждал свой, подвел мир к грани ядерной катастрофы и оставил страну без хлеба. И то было правдой, но неполной. Тем не менее, врагом народа ни его, ни позже других объявлять не стали, что свидетельствовало о серьезной эволюции в политическом мышлении, теории и практике КПСС.

Не то было с наследием Л.И. Брежнева. Можно по-разному относиться к вторжению в Чехословакию (1968 год) и необъявленной войне в Афганистане, процессу разрядки и ряду других политических вех, которыми обозначены 18 лет пребывания у власти человека, несомненно, неординарного, крупного деятеля. Однако во всех случаях есть верные критерии оценки деятельности любого политика в глазах широких масс — практические результаты проводимой политики. В отличие от историков, политологов, да и самих политиков, простые граждане, образующие понятие «народ», исходят из своего повседневного жития: стало ли лучше жить, повысилось ли благосостояние, не ввергли ли его в военные авантюры? К тому же брежневское правление лишено было преимуществ предшествующих вождей, руководивших огромной страной в условиях малограмотности и закрытости.

Брежнев и его команда имели дело с новым государством, с высоким образовательным уровнем (даже Дж. Кеннеди вынужден был

признать несомненную эффективность советской системы образования). «Железный занавес» с появлением электронных средств коммуникаций, спутников и бурного международного сотрудничества прямо на глазах превращался в прозрачные и прохудившиеся шторы. Хельсинки, по сути, явилось признанием невозможности существования социализма в условиях изоляции.

К тому же на политическое руководство СССР давил со все более возрастающей силой новый фактор — социальный. За ухудшение условий жизни трудящихся кто-то должен был ответить. Ю.В. Андропов именно так понимал начатый курс на ускорение государственной дисциплины и наведения порядка в стране, прежде всего — в сфере хозяйствования.

Наиболее удобной мишенью явились регионы и республики — производители сельхозпродуктов.

Берется на прицел Шараф Рашидович Рашидов (первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, кандидат в члены Политбюро!). 31 октября 1983 года он внезапно умирает. Перед тем в Ташкенте проездом побывал Г.А.Алиев. Говорили, что именно он доставил недобрую весть руководителю республики, производившую большую часть советского «белого золота». Ю.В. Андропов, несомненно, владел информацией о фантастических махинациях в хлопковых республиках и, по некоторым сведениям, готовил показательный судебный процесс в Узбекистане. Ш.Р. Рашидов то ли застрелился, то ли принял яд. А может, большое сердце не выдержало стресса. Как бы там ни было, в Азербайджане, где в ахундовские времена с трудом удавалось собрать 250–300 тыс. тонн хлопка, с появлением у руля республики Г.А. Алиева производство «белого золота» довели до 1 млн тонн. Секрет «хлопкового бума» хорошо известен обоим кандидатам в члены Политбюро: «рекордные» урожаи азербайджанских хлопкоробов растут благодаря стараниям узбекских коллег.

Расследование «хлопкового дела» в Узбекистане угрожает Баку неприятностями. Очень скоро факты огромных приписок станут достоянием следователей Прокуратуры СССР, о них заговорит центральная пресса.

Освобождение от занимаемой должности Динмухамеда Ахмедовича Кунаева (16 декабря 1986 года) — первого секретаря ЦК Компартии Казахстана, члена Политбюро — означает, что тучи сгущаются и над Г.А. Алиевым.

Д.А. Кунаев дружен был с Л.И. Брежневым со времен его целинной эпопеи. В отличие от Ю.В. Андропова, нового генсека М.С. Горбачёва ничто не связывало с Г.А. Алиевым. К тому же, судя по всему, своей «очистительной» работе Горбачев склонен придавать некий «восточный» акцент, что облегчает задачу и создает видимость благополучия в целом по стране. Смерть супруги, последовавший затем инфаркт отсрочили исполнение «приговора» в отношении Г.А. Алиева

То, с какой легкостью Горбачев отправил брежневского фаворита в отставку осенью 1987 года, свидетельствовало об ослаблении позиций последнего в высшем эшелоне власти. Слабость эта определялась особенностями тактики дворцовой игры, которую вел Алиев, делая ставку на две главные фигуры в Кремле — Брежнева и Андропова.

В разведке такое поведение определяют как очевидный признак двойного агента. Его информацией пользуются, услуги принимают, но рассчитывать на полное доверие обеих сторон, не говоря уже об остальных, трудно.

М.С. Горбачёв начал «копать» под Г.А. Алиева давно. И увлеченно занимался этим, даже отправив его на пенсию, видимо, планировал добить азербайджанского лидера окончательно. «Копаем, — говорит, — и дело вроде образуется почище рашидовского», — свидетельствует А.С. Черняев в своем «Дневнике помощника президента СССР». Это я к тому, что позже сам Гейдар Алиевич, а затем и азербайджанская политическая публицистика станут утверждать, мол, Алиева убрали, чтобы быстро и безболезненно удовлетворить требования армян о присоединении Нагорно-Карабахской автономной области к Армении. Несомненно, присутствие в составе высшего политического руководства Советского Союза азербайджанского деятеля, кем бы он ни был, могло вызвать дополнительные коллизии при осуществлении замысла сепаратистов. Только не те люди армянские сепаратисты, чтобы отказаться от своей цели из-за одного-единственного азербайджанского деятеля в Москве, даже в ранге члена Политбюро.

Всю предварительную политическую и организационную работу по «миацуму» армянские сепаратисты проделали как раз в годы наибольшего влияния Г.А. Алиева. И он ничем не обнаружил готовности дать отпор грубо сработанной, длившейся годами политической провокации. Его карьере пришел конец, потому что кончилось время тех сил, в связке с которыми Алиев оказался на вершине власти.

Настоящие стратеги выигрывают решающие битвы. А главное — они умеют предвидеть ожидаемые перемены. Почерк стратега виден и по тому, какие он предлагает программы преобразований и пути их реализации. Пробраться

к власти можно с помощью интриг и случайного стечения обстоятельств. Как ею распорядится политик, на что направит силы, какие идеи выдвинет, на что потратит драгоценное время и возможности, предоставленные ему историей, — вот в чем раскрываются истинные масштабы и талант большого политика.

Уместно было бы здесь сказать и о том, что в процессе подготовки отставки в ЦК КПСС приглашались бывшие вторые секретари, работавшие с Г.А. Алиевым в республике: С.В. Козлов, Ю.Н. Пугачёв, а также некоторые из его соратников, в том числе и автор этих строк. Аттестуют товарищи своего лидера, еще входящего в состав Политбюро, стараясь сохранять объективность. Но куда денешься от, скажем, приписок, о которых он, несомненно, знал. Именно приписки создавали финансовую базу «теневой экономики», разрушая государственные устои реального социализма. Так что в некотором роде Г.А. Алиев являлся хозяином двух республик: одной конституционной, советской социалистической, а второй — подпольной, преступной. Руководить таким преступным симбиозом можно только методами криминального мира. Отсюда и землячески-клановая система, сформированная им и державшаяся, по сути, на воровской круговой поруке и тщательно разработанном методе доноительства, слежки, прослушивания, от чего не было застраховано даже ближайшее окружение.

Г.А. Алиев держит процесс разбирательства под своим контролем, он обладает достаточной информацией об итогах визитов своих бывших соратников в орготдел, к Е.К. Лигачёву. Не брезгует и давлением на потенциальных недоброжелателей: кого запугивает, кого уговаривает, униженно просит вспомнить все хорошее.

В один из дней алиевский голос раздался в телефонной трубке одного из моих давних друзей — человека авторитетного, заслуженного и известного на всю страну: «Скажи Вагифу, чтобы не катил бочку на меня. И без него доброхотов хватает. Ведь он же молодой, приличный, неиспорченный человек!» В ответ на напоминание друга, мол, все это так, но и с Вагифом поступили, мягко говоря, нехорошо, не потоварищески. И тут следует ошеломляющий торг: «Напомни,

сколько хорошего я ему сделал. Можно триста просьб выполнить, а однажды отказать. Так и тут — я много доброго сделал и лишь раз сплеховал. Он должен понять это!»

Дело не только в том, что человек его уровня и, казалось бы, соответствующего государственного масштаба, считал возможным вовлекать в свои дразги людей, далеких от политических игр. Как крупный игрок он выглядел не блестяще и невольно выдал то, что должен был бы тщательно скрывать: он искренне полагал, что власть дает ему право раздавать должности, а взамен требовать рабского послушания и, когда надо, лишать некоторых работы, будущего, а если понадобится, и жизни!

Он не оставил в моей душе ни капли того искреннего восхищения, которое я испытывал много лет назад, с трепетом вслушиваясь в его речи о честном, принципиальном служении народу, родине, социалистическим идеалам.

Вопросник орговики составили так, чтобы избежать всего личного — только то, что спрашивают тысячи людей, обращаясь в последнюю инстанцию. Я мог смолчать только о том, чему не был свидетелем. О главном — разлагающем влиянии на государственное управление, общество в целом, практике спецслужб, привнесенной в партийное руководство республикой, подмене кадровой политики земляческим кланом Г. Алиева — я писал еще Андропову. «Поднимите этот документ. Я ведь не в качестве жалобы направлял в ЦК КПСС аналитическую записку, в которой предупреждал о неизбежности политического кризиса, порожденного, в том числе, и фактическим самовластием кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. Люди ведь искренне верят в то, что наступило время гласности, время перемен...»

М.С. Горбачёв не удостоил брежневского человека чести быть отставленным с почестями, которые сулит аудиенция у генсека.

Решение Политбюро в отношении первого зампреда Совета министров, члена Политбюро ЦК КПСС Гейдара Алирза оглу Алиева объявил Е.К. Лигачёв: «Руководство партии не считает целесообразным ваше пребывание на высоких постах».

Алиевский ответ, что он — рядовой партии и готов выполнить и это ее требование, было встречено с пониманием.

Реакция Е.К. Лигачёва на напоминание о том, что Алиев не так уж и стар и мог бы быть полезным партии и советскому государству, не оставляла сомнений: он проиграл. Проиграл по-крупному. И это только начало падения с властных высот, до которых ему никогда теперь не добраться. «Пока займитесь здоровьем. Закончим разбираться с некоторыми вопросами, а там видно будет...»

Грозовая туча над головой

Скорее всего, дальнейшая судьба экс-руководителя Азербайджанской ССР, как и судьба самой республики, развивалась бы по накатанной схеме, а намек на это содержался в совете Е.К. Лигачёва, если бы не странная, можно даже сказать — загадочная цепь событий, которыми взорвалось Закавказье, а вместе с ним и вся страна.

Это были дни моей подготовки к выезду в Канаду, на дипломатическую практику.

В суматохе предстоящих сборов и оформления заграничного выезда я, честно говоря, не придавал особого значения невнятным слухам о странных петициях из Степанакерта и Еревана, как и сообщению из Парижа, где академик А. Аганбегян вдруг принялся рассуждать о том, что, мол, коль скоро грядут перемены, можно надеяться и на то, что будет разрешен и давний вопрос Карабахской автономии, возвращение которой в «лоно матери» — Армении — он, известный экономист, ждет не дождется, как и все его соотечественники.

Подумалось: вроде бы серьезный ученый, давал советы Брежневу, вырос, можно сказать, в Москве. Ему бы сейчас засесть со своими коллегами за реформирование экономической модели социализма, а он — туда же, вместе с дремучими националистами!

Попытка разузнать что-либо из бакинских источников не удалась, знакомцы, отважившиеся поддерживать связь с опальным экс-секретарем горкома, уклонились от прямого разговора, да так, словно бы речь шла о закрытой, строго засекреченной, чуть ли не государственной тайне. Зато в московских интеллигентских кругах информации о брожении в далеком, затерянном где-то в кавказских горах

Карабахе крутилось столько же, сколько об откровенно сепаратистском движении в Прибалтике. И эта страусиная тактика длилась долго. Все встало на места в двадцатых числах февраля 1988 года, когда радиоголоса передали сообщение о внеочередной сессии областного совета народных депутатов НКАО. Поражала осведомленность зарубежных радиостанций, да и некоторых московских СМИ.

Утверждалось, что сессия обсудила вопрос о передаче Нагорно-Карабахской автономной области в состав Армении. Трагикомизм ситуации заключался в том, что в Баку никто не знал ничего определенного о беспрецедентном событии. Еще меньше у кого-либо обнаруживалось желание комментировать происходящее. Мне не составило труда раздобыть переписку официального сообщения о сессии областного совета в Москве, кажется, в редакции ТАСС.

Помнится, меня поразил не факт решимости депутатов облсовета, посягнувших на святая святых — советское территориальное устройство, а формулировка документа, лишённого даже подобия обоснования на передел существующих границ. «Идя навстречу пожеланиям трудящихся НКАО, просить Верховный совет Азербайджанской ССР и Верховный совет Армянской ССР проявить чувство глубокого понимания чаяний армянского населения Нагорного Карабаха и решить вопрос о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР. Одновременно ходатайствовать перед Верховным советом Союза о положительном решении вопроса о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР».

Тревожные мои вопросы, обращенные к знакомым в инстанции, выявили обескураживающую деталь: в ЦК КПСС, на нижних этажах аппарата, о происходящих явно неординарных событиях знали не больше моего. Некоторые надеялись выведать подробности у меня. Обнадеживающе прозвучали заявления о том, что Михаил Сергеевич в курсе, держит вопрос под личным контролем, уже командировал в Степанакерт и Ереван Разумовского и Демичева (уровень, как показалось по первым ощущениям, достаточно высокий для такого общественного взрыва: первый — секретарь ЦК КПСС, второй — первый заместитель Председателя Прези-

диума Верховного совета СССР. Оба — кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС).

Я еще не знаю, что это ощущение беды так и останется со мной. Станет частью моей жизни, и не только моей — каждого, родившегося азербайджанцем.

Но вот и «тассовка» — информационное сообщение о состоявшемся активе в Степанакерте с участием высокопоставленных посланцев высшей инстанции Советского Союза. Трудно обнаружить в скупых строках официального сообщения, как и в тексте доклада, с которым выступил на собрании Г.П. Разумовский (я его тоже раздобыл), свидетельства чего-то чрезвычайного, угрозы существующему порядку. Как всегда, воздается должное самоотверженным усилиям трудящихся, добывающихся выполнения плана пятилетки, выражена уверенность в преданности интернациональным традициям, социалистическим идеалам, характерным для большой семьи советских народов. Но есть и некие негативные влияния. Я вьедливо вчитываюсь в эту часть доклада: «В адрес ЦК КПСС, Президиума Верховного совета СССР и других центральных органов стали в последнее время поступать письма и заявления о присоединении НКАО к Армении. Имеют место также выступления в самом Нагорном Карабахе, в которых выдвигаются те же требования».

Мне, многократно составлявшему официальные тексты, редактировавшему сообщения о критических событиях, нетрудно прочесть многое из того, что притаилось меж ровных строк, выглаженных утюгом многоступенчатой цензуры, меж тщательно взвешенными оценками и суждениями...

Об их противоречивой миссии, как и о пребывании в Ереване А.Н. Яковлева, позже написано и сказано будет немало. Все они, как и большая группа работников ЦК КПСС, в пожарном порядке брошены в объятый пламенем сепаратизма край, причем без предметного видения проблемы, достаточной информации и знаний истории вопроса, без каких-либо полномочий.

Позже Г.П. Разумовский признавался, что в их задачу входило «выяснить на месте обстановку, глубину конфликта и тактическими мерами повлиять на улаживание ситуации» («Из-за НКАО меня часто критиковали в Азербайджане»)...

Единственным практическим результатом пребывания посланцев Москвы явилось освобождение от должности первого секретаря Нагорно-Карабахского обкома Б.С. Кеворкова, возглавлявшего партийную организацию 14 лет кряду, порядком уставшего от сепаратистских интриг и не скрывавшего, что окончательно потерял контроль над ситуацией в области.

Побывавшие в НКАО и Ереване партийные работники были просто напуганы размахом, организованностью акций и агрессивностью митингующих. «В один из моментов бушующая толпа в Степанакерте окружила машину с гостями, оглушив криками «Карабах!» — вспоминал позже Разумовский.

В те же дни мне удалось ознакомиться с другим документом, к которому Г.П. Разумовский и П.Н. Демичев апеллировали как к программному, называя его то постановлением ЦК КПСС, то постановлением Политбюро ЦК КПСС. Как оказалось, он поступил в Степанакертский обком, фактически минуя ЦК Компартии Азербайджана (беспрецедентный случай в практике КПСС!), к тому же под грифом «Совершенно секретно».

Работники аппарата, снабдившие меня информацией об этой первой реакции высшего политического органа СССР на беспрецедентный вызов о пересмотре существующих границ, не без горечи подчеркивали, что секретный документ можно было видеть в руках участников актива, в то время как группа консультантов, прибывшая умиротворять взбунтовавшееся население, им не располагала.

Наспех составленный документ, скорее, записка, чем решение (тем паче — постановление), сообщал о необходимости налаживания назревших социально-экономических проблем автономной области, содержал ряд рекомендаций по гармонизации национальных отношений, дальнейшему совершенствованию национально-культурной автономии.

Эти установочные положения получили конкретное развитие в заверениях Г.П. Разумовского о том, что «Правительство СССР готово рассмотреть предложения по вопросам социально-экономического и культурного развития области»³. И это притом, что те, к кому были обращены обещания

³ «Бакинский рабочий», 23 февраля 1988 г.

Разумовского, не скрывали, что ждут от Москвы нечто большего — Нагорного Карабаха. И без всяких экивоков.

Бросались в глаза непоследовательность, противоречивость предпринятых мер. С одной стороны, призывы к гласности, демократизации, которыми ловко прикрылись сепаратисты, с другой — секретное решение Политбюро, фактически в обход Азербайджана. С одной стороны, очевидные признаки сепаратизма, с другой — долгое молчание СМИ и политического руководства страны.

Тогда объяснение этим двусмысленностям виделось в инерции мышления. Главное ощущение тех первых дней кризиса, обжегшего душу каждого из нас, — неготовность, точнее, абсолютная беспомощность перед фактом наглого, беспрецедентного вызова. Каюсь, я, как и многие, еще полагал, что время совместной жизни под лозунгами интернационализма продолжится, что свирепствующая на площадях Степанакерта и Еревана националистическая вакханалия — это лишь часть населения. Есть партийная организация, комсомол, наконец, вспомнились быстрые, реактивные на всякого рода патриотические почины карабахские комсомольцы.

Роберт Хачатурян, один из них, первый секретарь областной комсомольской организации — умный, грамотный, внимательный к людям. Наконец, есть спецслужбы. Кстати, в НКАО руководителем отделения КГБ был Жора Септа — воспитанник комсомола республики, бакинец. Возможно, в сознании людей произошел сбой. Должно утихнуть. А как же иначе? В Москве, судя по всему, рассчитывают обуздать разгул сепаратистских страстей бюджетными вливаниями, сменой правящих фигур, объясняя все происходящее действиями отдельных безответственных лиц.

Баку хранит молчание, свидетельствующее не столько о политической выдержке, сколько о психологическом стрессе.

Трагедия Сумгаита

...И тут раздался вопль Сумгаита, заставивший содрогнуться всю страну. Официальной точке зрения никто в Москве

не верит, потому что события комментировались множеством «очевидцев», заполнивших государственные органы, редакции газет и телевидение. Ужасы неопишемого насилия, подобно тайфуну, захлестнувшего весь Сумгаит (город молодежи — Комсомольск на Каспии!), подтверждаются письмами, заметками, сообщениями добровольных корреспондентов, выспавших невзгод отсюда на головы руководителей СМИ.

По рукам гуляет телесюжет, снятый французскими журналистами (так уверяют все: и кто смотрел ленту, и кто слышал о ней краем уха) — на кадрах хулиганье, играющее в футбол человеческими головами. «Когда, кто и каким образом среди разбушевавшейся толпы запечатлел кошмарную сцену?» — проносится в те часы в голове... Не дает покоя мысль о невозможности и нереальности такого, и ощущение того, что слово уже произнесено, а от его обвинительного заряда никуда не уйти, не скрыться, не спрятаться, как от стилета, мрачно сверкнувшего в руках проходимца, переродившего путь на узкой ночной тропе.

В эти минуты, когда я вновь и вновь возвращаюсь к жутким дням степанакертского бунта, на который эхом отозвалась бессмысленная стихия улиц Сумгаита, на канале «Euronews» мелькают кадры видеоленты из далекой, залитой кровью Сирии. Обгорелые развалины того, что еще недавно было людским жилищем, чьи-то тени на чудом уцелевшем балконе, чьи-то тела выбрасываются на пепелища города, по улицам которого бегают боевики с автоматами. Ведущий поясняет, что сюжет снят в развороченном войной Хомсе.

Поди узнай, сидя в Москве, Хомс ли это, кадры ли, заснятые в объёме войной Бейруте, сирийские ли оппозиционеры обстреливают мирных граждан или боевики «Аль-Каиды»... После опыта Карабахской войны я ничему не удивляюсь. И хорошо понимаю, какие силы пронеслись по Ливии, ворвались в города Сирии, а там, глядишь, возникнут в Иране и далее, в странах, включенных в очередной геополитический проект США. Сейчас на эту тему выстроит десятки версий любой среднестатистический обыватель — что на Южном Кавказе, что в России.

Тогда, в 1988-м, весь Союз воспринимает происходящее в Ереване и Степанакерте как исключительное волеизъяв-

ление масс, подключение людских толпищ к процессу демократизации, реализуемому молодым, энергичным генсеком. Долгожданным...

А Сумгаит что? Это ответ варваров, твердят хором армянские агитаторы. Интриги советских консерваторов, управляемых вездесущим КГБ, намекают «Голоса». И в это охотно верят, потому что среднестатистический советский обыватель представить себе не может, что давно является мишенью политических и информационных технологий. Проще говоря, и армянами, и азербайджанцами манипулируют силы, неподконтрольные ни КГБ, ни Политбюро, ни победоносной Советской армии.

И опять — сбивчивая, неопределенная информация из Баку. Растерянность собеседников, которая, тем более, смущает, что разговоры с некоторыми московскими журналистами не приносят облегчения. Хуже того, тема эта становится единственной и главной, которая возникает при первом знакомстве, при первом упоминании Баку, Азербайджана.

Вся информация о событиях рассыпается слухами, и нет им преграды в виде твердого, непоколебимого, правдивого государственного слова.

Тремя суровыми испытаниями тестировала новую власть в Кремле история. Чернобыль (апрель 1986 года), первая кровь перестройки — декабрьские волнения молодежи в Алма-Ате, недовольной снятием первого секретаря ЦК Д.А. Кунаева и заменой его «варягом» Г.В. Колбиным по «рекомендации» московского Политбюро и, как следствие, применение силы, приведшей к кровопролитию, карабахский взрыв (февраль 1988 года) и Сумгаит (последний день февраля 1988 года).

И каждый раз события заставляли партийно-государственные службы врасплох. М.С. Горбачёв вскоре признается: «Мы не успели... Счет шел на часы...». Генсеку верят — такой не может обманывать. Скрыли от генсека информацию. То же — в кабинетах: «Михаил Сергеевич работает вплотную. Разберемся. Соответствующие указания уже даны всем структурам, ответственным за порядок. Надо, однако, признать: сплеховало азербайджанское руководство. Прежде всего — партийное. Что тут говорить: алиевское наследие...»

И никто не задается уже вопросом: а как же Армения? Там же все началось. В Ереване ведь сидел К.С. Демирчян — умный, ответственный товарищ. Ответ: «Тоже хорош... За сиделись...»

Вот и вся аналитика...

При слове «Сумгаит» не раз еще мне вспомнится тот разговор с Г. Алиевым по поводу Дж. Муслим-заде: «Раз ты настаиваешь...» Настаивал не я — друзья, товарищи, которым я доверял и имел на то право. Но что от того? Пройдет еще какое-то время, и расследования установят нечто невероятное, не укладывающееся в представление об ответственности руководителя и гражданина: наш протеже — первый секретарь Сумгаитского горкома партии Джангир Муслим-заде в канун событий выехал в Подмосковье на отдых (!). И первый секретарь ЦК компартии Азербайджана К.М. Багиров «благословил» выезд. «Он, как и некоторые другие члены Бюро, вел переговоры относительно своих политических перспектив в связи с ожидаемым смещением К.М.Багирова», — сообщают из Баку. До того Дж. Муслим-заде выступал на пленуме горкома партии, рассмотревшем вопросы партийного руководства перестройкой, затем состоялся Пленум ЦК компартии Азербайджана с той же повесткой дня.

Ни в докладе Багирова, ни в выступлениях Кеворкова, Муслим-заде нет ни намек на обращения «трудящихся» НКАО в союзные организации относительно присоединения области к Армении. А ведь именно в эти дни шел сбор подписей, готовились петиции, направлялись «делегации» в Москву. Наконец, уже прозвучало провокационное заявление Аганбеяна — никакой реакции!

Главной бедой, катастрофической ошибкой всех, кто олицетворял политическую систему Союза (себя я никоим образом не отделяю, хотя в масштабах державы являлся микроскопической величиной), явилось то, что все, словно по команде, забыли, видимо, о войне, которая велась десятилетиями, о противнике — супердержаве, превосходившей СССР практически по всем компонентам, образующим военно-политическую мощь, за исключением ядерного щита. Возможно, безмятежная жизнь за непроницаемой броней

этого щита и убаюкала всех нас. И мы прозевали финал, завершающий удар Третьей мировой войны?

Или нас искусно убедили, что нет никакой смертельной схватки, что мы просто вступили на путь реформы, а задуманные преобразования в огромной стране с тоталитарной психологией и ортодоксальным коммунистическим мышлением не могут быть безболезненными. Год-два, и все пройдет, установится демократия нового типа — советская по форме и американская по содержанию.

В данном случае я пока не ставлю вопрос о том, кто мог внушить нам этот чистейшей воды бред. Не об этом речь. Я пытаюсь ответить на вопрос, почему мы все в это поверили?

Причин много, а главная та, в которой никто не хотел признаваться: мы, сидевшие на всех этажах политической системы, не были политиками в обычном смысле этого понятия. Политические вопросы жизнедеятельности СССР, его взаимоотношений с внешним миром, проблемы войны и мира, совершенствования политической системы и ее подсистем, государственного устройства, а в связи с этим — борьба точек зрения, платформ, программ и проч. являлись прерогативой узкой страты, политического руководства Советского Союза. Все остальные — от партийных деятелей до руководителей министерств, республик, городов, регионов являлись исполнителями директив, разработанных в Центре и спускаемых регулярно вниз. Мы, скорее, были политическими организаторами директивного толка и действовали в соответствии со своими талантами и опытом. Говорю об этом вовсе не в оправдание медлительности действий советского руководства или ошибок, допущенных на местах, в частности, в Баку и Сумгаите...

На тот момент мне хотелось понять логику действий республиканского руководства. И хотя я давно отдалился — и политически, и географически — от Баку, информация о настроениях в Азербайджане, передвижениях в руководстве поступала по разным каналам. Ни для меня, ни для тех, кто, так или иначе, был причастен к азербайджанским делам, не было секретом, что ряд лиц за спиной обреченного на немедленный уход К.М. Багирова всю раскручивали собственную кампанию для того, чтобы занять его место.

Упершись взглядом в сокровенное кресло, они не придали должного значения карабахскому взрыву, оказались не в состоянии оценить надвигающуюся угрозу и ее возможные катастрофические последствия для республики. Более того, в заговоре сепаратистов и связанных с ним межнациональных стычках некоторые увидели шанс занять освобождающееся кресло Первого. Увы...

В политическом руководстве Азербайджана были убеждены в кратковременном характере горбачевского курса, принимали его призывы и кадровые обновления как традиционные, едва ли не ритуальные действия. Многие искренне верили, что бывший босс действительно отправлен на заслуженный отдых, мол, отдохнет малость, а там вновь будет востребован партией и государством. Наиболее рьяные сторонники, родичи и близкие к семье выдвигенцы распространили слухи о том, что в Политбюро всерьез задумываются над тем, чтобы вернуть Гейдара Алиевича в прежнем качестве. Мол, нет достойной замены.

Однако не бывает дыма без огня. «Дым» заключался в том, что экс-первый и сам вполне помышлял о том, чтобы вернуться на свое место. Бывшее, которое в данном случае считалось живым, ибо Кямран Багиров оставался еще в должности первого секретаря ЦК Компартии. Ему передали даже намерение бывшего шефа. Он не смел перечить. Да только в ЦК КПСС никто не поддержал. Но члены руководящей группы, каждый в отдельности, полагали, что достаточно немного усилий, и взор нового генсека остановится на нем одном, наиболее подходящем претенденте на высшую власть. Этим, собственно, и была вызвана энергичная деятельность «грузинского клана», имевшего наибольшее влияние в Бюро и на управленческие структуры. К нему примыкал и Дж. Муслим-заде, лоббируя холодной зимой 1988 года собственные интересы и интересы расположившихся на самом веру руководящих структур своих земляков: предсовмина Т.Н. Сеидова, секретаря ЦК Г.А. Гасанова.

Внешне эта тройка вполне подходила для формирования ядра нового руководства. Достаточно было предсовмина передвинуть в кресло первого секретаря ЦК, что являлось привычным кадровым решением, как секретаря по идеологии с

образованием и опытом строителя едва ли не механически мог возглавить правительство, а бывший комсомольский вождь, руководивший Сумгаитом, логично и обоснованно становился главным идеологом, идя по проторенной стезе Кямрана Мамедовича.

Шансы вроде бы имелись, причем немалые, да только не учли решающего фактора — мнения нового генсека. Верить в ожидаемые всем обществом перемены можно, но лишь отказавшись от старого багажа, всего того, что связано с прошлым.

Чтобы подобрать нового руководителя для бурлящего Азербайджана, М.С. Горбачёву вовсе не нужно было вглядываться в биографические справки алиевских соратников. В годы, когда комсомольские вожаки Миша Горбачев в Ставрополе, Егор Лигачёв в Сибири, Эдик Шеварднадзе в Грузии мечтали о будущих свершениях, у них был свой фаворит — речистый, энергичный и по-настоящему демократичный, каким и должен быть истинный лидер молодежи, секретарь ЦК ВЛКСМ Рахман Везиров.

Абдурахман Везиров: новый курс

Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Пакистане Рахман Халилович Везиров неожиданно появился в Москве в мае 1988 года. На тот поворотный момент в его жизни Рахману Халиловичу до 58 лет оставалось несколько дней. С тех пор как в 1976 году он покинул родные пенаты — Баку, Рахман Халилович успел поработать генконсулом в Калькутте, послом в Непале, и вот теперь благополучно завершал свое пребывание в Пакистане в том же дипломатическом качестве. Здесь он принял активное участие в инициированных М.С. Горбачёвым переговорах по выводу советских войск из Афганистана.

Я, наверное, один из немногих, кто знал о негаданном вызове его из пакистанского далека в Москву. У нас всегда были ровные, добрые отношения. В некотором роде мы — братья по несчастью. Его, как и меня, Г. Алиев в свое время (1969 год) пригласил вместе выправлять положение в Азер-

байджане. Однако к 1976 году А.Х. Везиров счел за благо оставить партийную работу и запроситься на дипломатическую работу, что у него получилось на удивление хорошо. Теперь, видно, мой черед блеснуть на дипломатическом поприще. И тогда наши карьерные пути-дороги совсем будут схожими...

Мне не надо ломать голову над внезапным вызовом Рахмана Халиловича. Обычно в ходе кратковременных визитов в Москву он напоминает о себе. Случается — встречаемся, чтобы обменяться новостями, поговорить по душам. На сей раз Везиров не дает о себе знать, что только подтверждает мой вывод — с новым руководителем Компартии Азербайджана «наверху» определились. Н-да... Оперативно действуют товарищи «наверху», спешат. Видно, совсем плохи дела у нас там, в Баку.

Моя догадка буквально через день находит подтверждение в информационном сообщении ТАСС: в Баку состоялся пленум ЦК Компартии Азербайджана, рассмотревший организационный вопрос.

«Пленум освободил от обязанностей первого секретаря и члена Бюро ЦК Компартии Азербайджана К.М. Багирова в связи с уходом на пенсию по состоянию здоровья. Первым секретарем и членом Бюро ЦК Компартии Азербайджана избран Абдурахман Халил оглу Везиров.

В работе пленума участвовали член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Е.К. Лигачёв и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Г.П. Разумовский. Е.К. Лигачёв выступил перед участниками пленума»⁴. О чем его выступление — ни слова. Впрочем, нетрудно догадаться.

Начинается эпоха перестройки?

Новый курс Политбюро ЦК КПСС доверило возглавить Везирову Абдурахману Халил оглу (таково полное имя нового секретаря, а в быту, для товарищей, он просто Рахман). Впрочем, теперь запросто, по-дружески с Рахманом Халиловичем вряд ли удастся поговорить. Он — в Баку, а я собираюсь на дипломатическую работу. Как и он 12 лет назад.

⁴ «Бакинский рабочий», 22 мая 1988 г.

Это, пожалуй, не единственное сходство в наших биографиях.

А.Х. Везиров родился в 1930 году. В партии со студенческих лет. Окончил Азербайджанский индустриальный институт им. М. Азизбекова (нынешняя Нефтяная академия). С 1951 года — комсорг ЦК ВЛКСМ в Азербайджанском индустриальном институте, далее — секретарь, второй секретарь, первый секретарь ЦК ЛКСМ Азербайджана. Секретарь ЦК ВЛКСМ. С 1970 года — первый секретарь Кировабадского горкома партии, зав. отделом ЦК КП Азербайджана, с 1976 года — на дипломатической работе.

Сразу после пленума член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Е.К. Лигачёв и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Г.П. Разумовский встречаются с первыми секретарями обкомов, горкомов и райкомов КП Азербайджана. Затем — бросок на Бакинский завод холодильников им. 50-летия СССР, встречи и беседы с рабочими и инженерно-техническими работниками о ходе перестройки, переменах в жизни страны. С тем и отбыли в Москву.

И все? А что, собственно, еще? Сменили руководство и в области, и в республиках. Почти синхронно. У соседей поставили С.Г. Арутюняна. Сурен Гургенович тоже воспитанник комсомола, работал также секретарем ЦК ВЛКСМ после Везирова. Они в дружеских отношениях. Не знаю, как в Армении, но в Азербайджане давно ждали решительной смены «караула». Теперь можно надеяться на то, что разбушевавшиеся реки войдут в свои берега.

Везиров и Арутюнян не новички в политике, не впервой работают с массами. С места в карьер — по-комсомольски — проводят серию акций. Важнейшая из них — встреча двух руководителей в пограничных районах республик — Инджеванском и Газахском. По сухой «тассовке» трудно составить полное впечатление о настроениях людей, общей атмосфере: «Участники встречи посетили районы двух республик, рассмотрели вопросы, связанные с усилением экономических и культурных связей, интернационального воспитания трудящихся».

К этому сообщению подверстываются отклики трудящихся. Рабочие, колхозники, представители интеллигенции

говорят: «Такую встречу надо было провести давно». Сам факт личного общения А.Х. Везирова и С.Г. Арутюняна заставляет поверить, что проблемы Нагорного Карабаха будут успешно разрешены в духе партийных документов. Чувствуется, что встреча внушает уверенность: обстановка будет нормализована.

Вроде бы гласность, новое мышление на дворе, а действуем, говорим и пишем по старинке. В том, увы, ничего нового — страна огромна, а партия и народ не оркестр, чтобы следовать взмаху дирижерской палочки. Прежние руководители повинны, и они должны уйти. С этим никто не спорит. Но идеи, как говорили когда-то марксисты-ленинцы, уже овладевают (если не овладели окончательно!) массами. Идет армянизация НКАО. Московские редакции по-прежнему осаждают делегации из Нагорного Карабаха. Они приезжают в столицу, пишет «Правда», чтобы «рассказать о наболевшем, посоветоваться, поспорить»⁵. «Ведь любому здравомыслящему человеку ясно: решить весь пакет социально-культурных, экономических проблем НКАО, разрушить искусственную культурную изоляцию от Армении — вот что главное. И в ЦК КПСС это поняли».

Эти слова об изолированности НКАО от Армении мне попадались. Они звучат лейтмотивом во всех «голосах» и уже обрели статус аксиомы. Слава Богу, есть и другие ценные признания историка из Шуши Э. Мнацаканяна: «Решения партии и правительства в отношении НКАО — достаточно конструктивны и долгожданны. Я лично и мои друзья — к слову, и армяне, и азербайджанцы — устали от этого нервного напряжения, в каком живем вот уже сколько времени. И тут я надеюсь, что работники права все же более четко будут осуществлять свои прямые функции — охранять законные права своих сограждан, независимо от национальной принадлежности».

А где же азербайджанцы из Шуши, Гянджи, Баку? Столица превращается в основную политическую площадку противоборства. ЦК КПСС готовится к XIX Всесоюзной партийной конференции — М.С. Горбачёв возрождает старую тра-

⁵ Черненко А. Мне больно, земляки! // «Правда», 28 мая 1988 г.

дицию: проведение широких дискуссий между съездами. И это, честно говоря, всем по душе. Решится ли новый генсек и его команда на открытую дискуссию?

Новый руководитель Азербайджана стеснен сроками. Спустя неделю после избрания первым секретарем он должен сформировать делегацию на предстоящую партийную конференцию. Он не был в Баку целых 12 лет. У него нет ни команды, ни людей, на которых можно положиться. А главное — нет клана. Между тем, у молодых функционеров в ходу шутка: «Клан кланом выбивают». В этой шутке-прибаутке не какая-то доля, а вся горькая правда. Весь состав ЦК — люди Г.А. Алиева. Помимо профессиональных управленцев, опытных и знающих людей — десятки земляков, родственников. То же — аппарат ЦК. То же — руководители горкомов, райкомов. То же — в Совете министров. Мало кто знает, но во многих районах хотя секретари и меняются каждые 2–4 года, но кланы остаются — толстосумы-теневики, решающие все щепетильные вопросы. Это — теневая власть.

Пленум 30–31 мая, рассказывают друзья, бурными аплодисментами встречает сообщение об освобождении от обязанностей секретаря и члена Бюро ЦК КП Азербайджана Р.Э. Мехтиева. Дрожащим голосом он говорит о допущенных ошибках, искривлениях партийной линии. Не моргнув глазом, валит все на Хозяина: «Все мы работали под руководством Алиева, выполняли его указания!»

Исключен из рядов КПСС Б.С. Кеворков. Та же участь постигает Дж. Муслим-заде — «за крупные недостатки в организаторской и политической работе, приведшие к трагическим событиям в Сумгаите». Но все это — перевернутая страница. Новая — избрание делегатов на XIX Всесоюзную конференцию КПСС.

В московских партийных организациях разворачиваются самые настоящие баталии вокруг кандидатур делегатов. И дня не проходит без сенсации: то баллотируются кандидаты от руководства, то появляются самовыдвиженцы. Бурные дискуссии разворачиваются прямо на улицах. Очень много новых имен в составе делегаций Ленинграда, республик Прибалтики. Весьма активны историки, литераторы, журналисты. Причем рядом с именитыми появилась масса

рядовых научных сотрудников. Интеллектуальный уровень конкуренции обещает быть высоким.

Добрая половина делегации Компартии Азербайджана — рабочие и колхозники, нефтяники, магиностроители, хлопкоробы, доярки, табаководы, военнослужащие. Последних подозрительно много, как и представителей союзных министерств и ведомств. Это обстоятельство считается полезным с точки зрения укрепления связей с союзными организациями. Но то, что приносило эффект на прошлых выборах депутатов союзного парламента, вряд ли даст практическую пользу на партконференции. Что сможет сказать о позиции центральных газет, радио и телевидения в отношении освещения событий вокруг НКАО, фактов предвзятости, исторических искажений, неточностей, к примеру, Ю.А. Беспалов — министр химической промышленности СССР, или В.Ф. Мальцев — чрезвычайный и полномочный посол СССР в СФРЮ? Вряд ли сможет блеснуть ораторским искусством и боевитостью и наша номенклатура. Понятно, что команда практически была сформирована еще при старом руководстве... Да, не позавидуешь Рахману Халиловичу...

Впрочем, мое внимание, как и всей советской дипломатии, широкой общественности, приковано к поистине исторической встрече — в Москву прибывает президент США Рональд Рейган. А с ним госсекретарь Дж.Шульц. Советско-американский диалог продолжается. Его реальный результат — Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ратификации договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности» (договор был подписан несколькими месяцами ранее — 8 декабря 1987 года в Вашингтоне).

По поручению правительства договор по ратификации представил член Политбюро, министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе. Он говорит: «Этот договор воплощает в себе новое политическое мышление в действии. Он открывает широкий простор — и притом в глобальном масштабе — для движения к безъядерному, ненасильственному, более безопасному миру».

Интересно, сам Эдуард Амвросиевич верит, что это время не за горами — эпоха ненасильственного мира, думалось в те дни. Двадцать последующих лет дали исчерпывающий ответ на сей вопрос...

Рейган остается звездой и в роли президента. Воистину мы становимся свидетелями эпохальных событий. Газеты пишут о дополнительных вливаниях в экономику страны из высвобождающихся средств. Все только и говорят: если остановить гонку вооружений, выбраться из афганской бойни, Союз обретет второе дыхание. Может, и вправду ВПК сможет выпускать высококачественные промышленные товары для нужд трудящихся?

— Кастрюли? Детские велосипеды? — едко улыбается один из обозревателей «Литературки». — Не больно обольщайтесь: предприятия ВПК — это высокотехнологичные, современные производства.

Полны сомнений и некоторые дипломаты, обратившие внимание на то, что американцы приветствуют демократические процессы в СССР, но не скрывают своих сомнений в их политических результатах. А помочь в преодолении экономических проблем они, видно, не собираются. Однако всеобщую эйфорию, магическое воздействие всесоюзной говорильни заглушают голоса скептиков. Полки по-прежнему пусты. Сказывают, на Первомайских праздниках видели группы пожилых людей с портретами Л.И. Брежнева.

И все же М.С. Горбачёв выглядит убедительным. После встречи с Рейганом он собрал в Свердловском зале Кремля делегации из 40 стран мира, прибывшие на советско-американскую встречу, и повел доверительный разговор. Не побоялся сделать центральным в своем выступлении вопрос о правах человека в СССР, педалировавшийся американским президентом: «Мне показалось, что по некоторым вопросам президент — к ним я бы отнес оценки и суждения о правах человека в Советском Союзе — приехал с позициями вчерашнего дня... Мы далеки от того, чтобы представлять свою страну совершенной во всех отношениях. Но я вам скажу: мы своей страной гордимся, мы эту землю веками обживаем, защищаем, радуемся, переживаем, боеем за все, что здесь

происходит, а сейчас развернули огромный процесс, который назвали перестройкой»⁶.

Это были звездные часы М.С.Горбачева. Насколько убедителен он, когда развивает идеи перестройки, особенно перед широкой аудиторией, настолько же вызывают вопросы практические решения по установлению новых общественных отношений.

Лучший пример — карабахский конфликт. После некоторого затишья вновь начались митинги в Ереване и Степанакерте. В НКАО третью неделю продолжается забастовка. Баку отвечает митингом трудящихся азербайджанской столицы, на котором выступает новый руководитель республики А.Х. Везиров. Это, по существу, его первый выход в массы: «Сегодня, всесторонне рассмотрев просьбу депутатов Совета народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области о передаче НКАО из Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР, Президиум Верховного совета Азербайджанской ССР постановил считать ее неприемлемой», — сообщил он под всеобщее ликование площади. И добавил старинное народное изречение: «Торпагдан пай олмаз» («Земля не даруется»).

Можно не сомневаться, что противная сторона ответит тем же. Увы, конфликт сползает на путь, ведущий в тупик.

Узел

«Партийным и советским органам республик предложено нормализовать обстановку вокруг Нагорного Карабаха, обеспечить общественный порядок и строгое соблюдение социалистической законности, выработать и осуществить меры по дальнейшему социально-экономическому и культурному развитию автономной области».

Это из сообщения ТАСС незадолго до XIX Всесоюзной конференции КПСС. На нее все возлагают особые надежды, конференция, полагают многие, ответит на все вопросы, расставит все точки над «i».

И это при том, что ситуация давно вышла из-под контроля властей. И об этом лучше всего свидетельствует официаль-

⁶ «Правда», 30 мая 1988 г.

ная информация «Азеринформа», заставившая меня (меня ли одного?) содрогнуться:

«На 14 июня с.г. из Армянской ССР в нашу республику прибыло свыше 4 тысяч человек. В Баку, Агдашском, Зенги-ланском, Уджарском, Газахском, Агсуинском и Имишлинском районах созданы штабы по встрече и размещению в этих зонах лиц, прибывающих железнодорожным и другими видами транспорта.

Свыше 900 граждан временно были размещены в пансионатах Абшерона. Им была оказана материальная помощь, организовано бесплатное питание. В результате проведенной работы значительная часть из них возвратилась на свои места проживания в Красносельский и Ехегнадзорский, Сисианский, Азизбековский и другие районы Армянской ССР.

Всего в районах республики размещено 3839 человек. Они обеспечены работой и жильем.

С учетом создавшейся обстановки Советом министров республики принято решение разрешить в порядке исключения гражданам, изъявившим желание переехать из Армянской ССР в Азербайджанскую ССР и наоборот, производить обмен частных домов на дома местных Советов, министерств, ведомств и жилищно-строительных кооперативов», говорится в сообщении. Вот так-то...

Беда в том, что суть армяно-азербайджанского спора из Москвы не понять и не разобраться. Руководство страны готово признать некоторые социально-экономические ущемления автономии и принять энергичные практические меры по их ликвидации. Уже принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 24 марта 1988 года «О мерах по ускорению социально-экономического развития Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР в 1988–1995 годах». Союзное правительство предлагает разработать комплексную программу развития на период до 2005 года. И это притом, что программу ускоренного развития СССР никто не отменял. Анализ социально-экономического состояния области, куда как благоприятного по сравнению с другими регионами республики, автономиями РСФСР и других союзных республик, публикуемый экспертами Баку, никто не воспринимает всерьез.

В Ереване и Степанакерте на митингах, солидаризируясь с идеями и целями перестройки, с М.С. Горбачёвым, требуют «миацума» – воссоединения Армении и Нагорного Карабаха как исторически единой «великой Армении». Для этого армянские агитаторы, проторившие дороги во все союзные органы и СМИ, хранят в своих портфелях самиздастовские сочинения с ворохом исторических сведений с библейских времен до решений Кавбюро ЦК РКП(б) в июле 1921 года.

Чтобы разобраться в подлинности исторических фактов и документов, подтверждающих историческое право армян на часть территории соседней республики, нужен целый институт и многие годы исторических исследований. Странным образом в ходе официальных встреч и общественных дискуссий формула исторического права на Карабах трактуется и воспринимается как юридический постулат.

Баку слабо защищается, отмахивается от исторических сведений, делает упор на конституционное устройство СССР, на митинги отвечает митингами, на заявления – заявлениями, на решения Верховного совета Армении – решениями азербайджанского парламента. Логика развития событий и нежелание обидеть какую-либо из конфликтующих сторон неумолимо подвели Кремль к тому, чего он старался избежать: вынесение обсуждения нагорно-карабахской проблемы на высокий союзный уровень – на заседание Президиума Верховного совета СССР.

Наступает пора лоббистской деятельности. Этот термин произносится в Москве с негативным флером, как нечто несвойственное советским взаимоотношениям. Но речь идет именно о лоббировании политических интересов. И тут выясняется, что на М.С. Горбачёва и его команду давят с нескольких сторон: сами сепаратисты, угрожающие выходом из Союза, знаменосцами чего являются три прибалтийские республики, формирующиеся преимущественно в Москве так называемые неформальные группировки из бывших диссидентов, радикальных представителей инакомыслия, бесчисленное множество интеллектуалов из демократизирующейся массы и откровенно поддерживающие армянский мятеж США, Западная Европа.

Год назад в ходе визита в Соединенные Штаты советская делегация неожиданно объявилась в Армянском культурном центре, который вполне можно назвать дашнакским. Раиса Максимовна, позиционировавшая больше, чем первая леди, произнесла фразу, одну из многих неосторожных реплик, которыми сопровождается разгорающийся конфликт: «Надо всемерно укреплять дружбу между советским и армянским народами...»

В Баку очень быстро вычислили причину беспрепятственного проникновения в высокие московские кабинеты армянских агитаторов — Георгий Хосроевич Шахназаров. Пока разбирались с новым помощником генсека, всплыли другие имена: Брутенц, Оников, Карагезьян, Ситарян — и несть им числа в аппаратах ЦК КПСС, Совмина, Госплана, не говоря уже о ТАСС, Гостелерадио, «Правде», «Известиях» и т.д. И многие из самых влиятельных фигур московского армянства — бывшие бакинцы. Теперь они москвичи. Приняты в лучших домах, живут и работают бок о бок с такими же, как они, москвичами, которые, как и они, осели в столице, — кто со времен царей, кто в годы царствования А.И. Микояна. Средний москвич плохо представляет себе Кавказ вообще, простодушно путает грузина с армянином, не очень представляет, к кому из них этнически ближе азербайджанец.

Один весьма знающий и опытный дипломат говорит мне: «Никак не пойму, из-за чего сыр-бор. Какая разница, где хотят жить карабахцы — в Армении или Азербайджане? Они же не добиваются выхода из СССР!» Я об этом разговоре вспомню через несколько дней, вслушиваясь в каждое выступление, каждую реплику участников заседания Президиума Верховного совета СССР.

Итак, вечер 26 июля 1988 года. Я прихожу домой пораньше, чтобы, наскоро перекусив, сесть перед телевизором. Миллионы людей в Азербайджане, Армении, Москве — по всей стране — точно так же замерли у «голубых» экранов. Кто и когда с таким замиранием сердца внимал тому, что говорилось на заседаниях советского парламента?

До того на заседаниях Президиумов ВС РСФСР, Украины, Грузии состоялись обсуждения ситуации, сложившейся

между двумя закавказскими республиками (их еще продолжают называть братскими), принято обращение к народам конфликтующих республик, ко всем коммунистам, депутатам, коих призывают найти приемлемые мирные решения. Во имя Союза, социализма, перестройки. Теперь слово за советским парламентом.

Кому, как не верховному законодательному органу, поставить точку в этом беспрецедентном конфликте, угрожающем основам советской федерации?!

Я внимательно прослушал весь телематериал, который, было видно, подвергся монтажу. Телеотчет, однако, представлен развернутым, со всеми нелицеприятными выпадами, речами, колкими репликами, сохранением общей напряженной атмосферы.

Рано утром бросаюсь к киоску и весь вечер посвящаю изучению информационного отчета. Я и сейчас в деталях помню все нюансы высказанных суждений, неизвестных до того фактов, точные очертания позиций противоборствующих сторон и Горбачева — третейского судьи.

Обращаюсь сегодня к своим записям и архивным материалам исключительно точности ради.

Это было, пожалуй, единственное представительное, проведенное на высоком уровне государственное обсуждение возникшей проблемы, располагавшее достаточными полномочиями для принятия исчерпывающих решений. Как следует из выступления, проект постановления был подготовлен загодя — как водится, участники дискуссии успели ознакомиться с ним.

Выступивший первым на заседании заместитель председателя Президиума Верховного совета СССР, председатель Президиума Верховного совета Армянской ССР Г.М. Восканян выразил не только собственную точку зрения, обращаясь к собравшимся: «По всей вероятности и к нашему глубокому сожалению, мы не смогли довести до членов Президиума всю остроту и трагизм ситуации в Армении и НКАО. В случае принятия такого постановления оно вызовет у армянского народа и боль, и разочарование».

Г.М. Восканян предлагает членам Президиума ВС СССР попытаться найти компромисс, альтернативу. М.С. Горбачёв

тут же спрашивает оратора, в чем он видит компромисс? Но этот основополагающий вопрос остается без ответа.

С.Б. Татлиев, заместитель председателя Президиума ВС СССР, председатель Президиума Верховного совета Азербайджанской ССР, ошеломляет собравшихся сообщением о том, что число азербайджанских беженцев из Армении на данный момент перевалило за 20 тысяч! Об их судьбе и гонениях, которым подвергается азербайджанское население Армении, никто не говорит. Высокое собрание призывают проникнуться болью и надеждами армян. Однако на начальных этапах выдвигались обоснованные требования, касающиеся социальных, культурных и иных нужд населения. Сегодня же об этом никто не говорит. Твердят лишь о передаче НКАО в состав Армении. Но закон о Нагорно-Карабахской автономной области, принятый в 1981 году по представлению самого же областного совета, не предусматривает за ним такого права. Как бы поощряя эти незаконные действия, Верховный совет Армянской ССР принимает решение, суть которого – притязания на территорию другой советской союзной республики, на перекройку территориально-административного устройства Азербайджанской ССР. Тем самым игнорируется статья 78 Конституции СССР.

Но есть и другая сторона этого вопроса. 36 процентов советских армян проживают вне Армянской ССР, в том числе около миллиона – в Азербайджане и Грузии. Как быть с ними?

Тем не менее, Г.А. Погосян, только что вставший во главе Нагорно-Карабахского обкома партии, настаивает на том, что «армянское население Нагорного Карабаха не может быть удовлетворено одними лишь материальными благами в ущерб национально-культурному и духовному развитию».

Следом подавляющее большинство выступающих (за исключением представителей Армении), главы депутатей РСФСР (В.П. Орлов), Казахстана (З.К. Камалиденов), Белоруссии (Е.Е. Соколов), Эстонии (А.Ф. Рюйтель), Таджикистана (Г. Паллаев), Литвы (В.С. Астраускас), Молдавии (А.А. Мокану) – все заместители председателя Президиума ВС СССР, председатели Президиумов ВС своих республик называли действия властей НКАО противоправными и ан-

тиконституционными. Этой же позиции придерживались член Президиума ВС СССР, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Р.Н. Нишанов; ректор МГУ, академик А.А. Логунов, директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, академик Е.М. Примаков, член Президиума ВС СССР, председатель Президиума Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами В.В. Терешкова, Генеральный прокурор СССР А.Я. Сухарев и др.

Итог дискуссии подвел А.А. Громыко, председатель Президиума ВС СССР, следующим образом: «Я еще раз напоминаю положение статьи 78 Конституции: «Территория союзной республики не может быть изменена без ее согласия. Границы между союзными республиками могут изменяться по взаимному соглашению соответствующих республик, которое подлежит утверждению Союзом ССР». Просто и ясно. Не все это хорошо усвоили... Начинать строить правовое государство с нарушения его основного закона — нонсенс». Этим убеждением прониклись, думаю, в те минуты многие — и кто находился в зале заседаний, и далеко за пределами Москвы. Многие, но не все. И прежде всего, армянская депутация, многочисленные идеологи и реализаторы идеи «миацума».

Позиция М.С. Горбачёва видится проникнутой государственными интересами. Генсек формулирует общее мнение: «Исходя из коренных интересов двух народов, интересов всех советских людей, прежде всего, мы должны подтвердить существующую реальность и тот факт, что Нагорный Карабах входит в состав Азербайджанской ССР».

Он оставляет определенный люфт для компромисса: «Одновременно здесь были высказаны предложения, касающиеся усиления гарантий жителям Нагорного Карабаха... Нужно, чтобы наше решение включало и этот элемент — гарантии...»

Но вот что интересно. В целом резко критическом со стороны генсека обмене мнениями (скорее — перепалке) с ректором Ереванского государственного университета С.А. Амбарцумяном М.С. Горбачёв все-таки вынудил самого, пожалуй, неистового оппонента из армянской депутации пораз-

мышлять о возможных компромиссах. И тот, как казалось, стал по ходу импровизировать на заданную тему: «В порядке компромисса я предлагаю несколько вариантов: временно можно создать президентское правление для Нагорного Карабаха. Можно временно вывести НКАО из подчинения, я подчеркиваю — не вывести из состава Азербайджанской ССР, а временно вывести из подчинения Азербайджанской ССР и подчинить специальному органу типа триумvirата. Направить, скажем, из ЦК, из Верховного совета и Совета министров какой-то тройственный орган, который временно бы правил, пока мы сумеем найти справедливое конституционное решение для НКАО».

Стоит привести и реакцию М.С. Горбачёва: «Когда я говорю о компромиссе, то имею в виду другое. Вы такой компромисс предлагаете, который сохраняет отчуждение между двумя народами. Это нам не нужно».

В противоречивом водовороте суждений предложения ректора, казалось, не произвели должного впечатления и на остальных участников заседания. Но в целом в Азербайджане, как, впрочем, и я сам, вздохнули с облегчением — самое трудное миновало. Высший орган государственной власти, генсек КПСС лично подтвердили незыблемость федеративных отношений, отвергли попытки насильственной перекройки существующих межреспубликанских границ, территориальных претензий к Азербайджанской ССР. Позиции, занятой Азербайджаном, было сказано все-таки «да». И это, несомненно, являлось серьезным политическим успехом нового руководителя республики А.Х. Везирова.

Впервые за последние полгода я ложился спать с таким ощущением, словно принял приличную дозу успокоительного. И тут раздается звонок:

— Слышал новость: Горбачёв принял Сильву Капутикян и Зория Балаяна?

— Ну и что с того?

— А то, что те растрезвонили по «Голосам», мол, еще не вечер, Михаил Сергеевич обещал вернуться к вопросу, — сообщил кто-то из земляков.

Ни я, думаю, ни другие в СССР в те дни не предполагали, что за этим, возможно, случайным эпизодом, проявлением

внимания к людям может таиться склонность к лавированию, маневрированию между компромиссом и решимостью. И меньше всего я мог предположить, что пройдет несколько месяцев, и рекомендации, положения, с таким трудом согласованные на самой вершине советской власти, будут забыты, отброшены, а в Нагорном Карабахе начнется практическая обкатка моделей урегулирования, близких или тождественных высказанным С.А. Амбарцумяном, казалось бы, неприязненно встреченным генсеком.

Так оно и бывает в политике, когда встречаются нерешительность с нахрапом. Когда хочется угодить всем, решить болезненные государственные вопросы компромиссом там, где требуется силой утвердить право Закона.

Меня бросают на кадры

И все же настроение у меня вполне оптимистичное. С Карабахом, видимо, все постепенно уладится. А мне скоро на практику в одном из посольств СССР. В связи с предстоящей дипработой, видимо, и поступило приглашение в ЦК. Однако меня препровождают к Е.К. Лигачёву. У Егора Кузьмича нет времени на расспросы. Что тут объяснять? И так все ясно.

— Сам знаешь, что творится в республике. Надо наводить порядок. Людей нет. Пришлось перебрасывать из Равалпинди Везирова, а второго секретаря Поляничко Виктора Петровича — из Кабула. Слышал о таком? Из вашей комсомольской плеяды.

Нет, я впервые слышу это имя. А Егор Кузьмич продолжает:

— Опытный человек, с хорошей трудовой биографией, немало поездил по стране, работал завсектором печати тут у нас. Последние три года — в Кабуле, советник ЦК КПСС при Политбюро ЦК НДПА — такова его официальная должность, а фактически Виктор Петрович являлся советником Бабрака Кармаля и Наджибуллы. Много полезного сделал для стабилизации ситуации в Афганистане в плане разработки политики национального примирения.

Руководство ЦК КПСС считает, что политико-дипломатический опыт, приобретенный Поляничко и Везириным в

регионе, оказавшемся в фокусе мировой политики, может дать практический эффект и в Азербайджане, где также придется мирить народы, тушить пожары ненависти. В этой связке Везирову — Поляничко недостает опытного орговика, человека, хорошо знакомого с кадровым потенциалом республики, спецификой комплектования партийных и советских структур. Все они сформированы известно каким образом... Неспособность партийных, государственных организаций, правоохранительных органов взять сегодня под контроль ситуацию во многом связана с ослаблением партийного влияния на общественные процессы.

Далее Е.К. Лигачёв развивает эту свою мысль конкретно по направлениям деятельности Компартии. Я стараюсь сосредоточиться на основных положениях анализа внутривнутриполитической ситуации в республике, но глаза, видимо, выдают меня. Мой собеседник уловил некое недоумение или вопрос, который пульсирует вот уже несколько минут в висках: «А как же дипработа — мечта, до которой еще час назад было рукой подать? Неужели в Баку не сыскать партийного работника, которому можно доверить кадровую политику в русле новых требований?»

Лигачёв не экстрасенс, разумеется, но он опытный, умудренный жизнью человек. Он уловил внутреннее колебание, нараставшие во мне сомнения, опасения, связанные с возвращением на дорогу, с которой меня однажды вынудили сойти. Как можно утаить сомнения от человека, повидавшего на своем веку немало сломленных судеб, схожих с моей?

— Обновлять кадровую политику придется на марше. У вас там почти фронтовая обстановка. Земляческая спайка и новый фактор — бьющий через край национализм. В ход пускается все: и Карабах, и связи, и капиталы, причем немалые, поверь. Не до дипломатической карьеры нынче всем нам, Вагиф Алиовсатович.

Спорить тут бесполезно. И как возразишь? Как бы я выглядел в собственных глазах, спрыгивая с поезда, спешащего на выручку республике? Пересаживаясь в комфортабельный вагон «СВ», чтобы умчаться подальше от страны, которая с каждым днем все беззащитней перед натиском доселе невиданного явления — армянского сепаратизма...

Пока я собираюсь в путь-дорогу, появляется А.Х. Вези-ров — накоротке переговорить и поздравить меня с назначением. Все решается быстро, без проволочек — под стать генсековской манере принимать решения на ходу, скороговоркой формулируя стратегические задачи. Я сам себе кажусь участником кинематографического действия, постановщик которого одним взмахом руки сменил один московский кабинет на другой — бакинский.

Первый рабочий день в новом качестве — заведующего отделом организационно-партийной работы — начался буднично, так, словно я и не покидал новое тяжеловесное здание, нависающее красной гранитной громадиной на спуске к бакинскому бульвару. Прогулялся пешком — минут пять неспешной ходьбы от дома (в нем проживало большинство членов Бюро ЦК — действующих и бывших), и вот я уже в новом своем кабинете, из окна которого просматривается здание бакинского горкома, покинутого мной пять лет назад...

Не стоит будить воспоминания. За окном — утро нового дня, как пишут газеты. Но что поделаешь, если первый рабочий день начинается с появления человека, который вот так же возник передо мной, чтобы аккуратно, день за днем добывать компрометирующие данные, выколачивая их из загнанных в угол сотрудников — таких же, как и он, партийных работников.

Коренастый, крупный мужик вдруг плюхается на колени у самой двери и начинает клятвенно заверять, что не хотел писать той справки, его, мол, заставили, требовали, запугивали — такая обстановка была, стиль такой. И он перечисляет имена тех, кто требовал переписывать раз за разом ту справку, будь она проклята!

Его сбивчивые признания не вносят ничего нового в ту историю «о стиле и методах», как не вызывают никаких эмоций имена, произносимые им, Шамилем Фарзалиевым. Очень возможно, что он часом ранее общался с некоторыми из тех, кого он сейчас готов полить всеми нечистотами этого громадного здания, что нисколько не помешает обмениваться рукопожатиями и впредь.

Говорили, что за труды свои по проверке горкома его должны были направить на самостоятельную работу — воз-

главить один из райкомов Баку. Не успели? Или не захотели — мавр сделал свое дело...

Если бы Ш.Фарзалиев, при столь роковом повороте судьбы (его вина или чужая — неважно), оставался партийцем, готовым отвечать за каждый свой шаг и каждое слово, я бы его понял. Шанс у него такой имелся. Достаточно было написать грамотное заявление о невозможности совместной работы — мне или курирующему секретарю, я бы оценил умение сохранять выдержку, а главное — достоинство...

— Не будем тратить время на ритуальные приветствия. Вы меня знаете достаточно хорошо, как и я многих из вас, — говорю я своим подчиненным несколькими минутами позже на первом рабочем совещании. — Мои требования: строгая дисциплина, полная самоотдача, профессионализм. Это прежде всего выражается в знании обстановки в партийных комитетах, обладании исчерпывающей информацией по курируемому участку, высокой культуре исполнения порученных заданий. Сплетнями — кто с кем живет, кто кому нравится и что обо мне думают, не интересуюсь. У нас в республике нестандартная обстановка, ошибки политического штаба, который мы все образуем, могут дорого обойтись компартии, республике, народу.

Звучала моя речь, может, несколько выпендренно, но я почувствовал — кончилось время всеобщего благодушия, время бурных, долго не смолкающих аплодисментов. Судить о нас будут не по рапортам о выполнении планов...

Ш.Фарзалиев ушел, и я его больше никогда не видел. А мы остались один на один с дилеммой: как быть с аппаратом ЦК, который неслучайно называют штабом партии. Связанный множеством приводных ремней с низовыми подразделениями партии, он выполняет роль единого мобилизационного центра. Другой системы управления районом, городом, министерствами, ведомствами, газетами, театрами — республикой — в нашем распоряжении нет.

А сейчас внимание всех сосредоточено на одной точке — Карабах. Будоражит беспокойный Ереван. Оттуда ползут слухи все более зловещие. Республика притихла. Ждет, что скажет новое руководство. А нам и самим интересно: что сообщит наш первый — Абдурахман Халилович. Он — посла-

нец Политбюро, ему доверил республику новый генсек. Все знают: М.С. Горбачёв и А.Х.Везиров — товарищи по комсомолу. Так что Азербайджану, можно считать, опять повезло. Что ни говори, а личные отношения многое определяют в политике. Слава богу, научены опытом. Так думают не только простые люди. Так полагают и в партийных комитетах, очень надеясь, что теперь-то положат конец истерическим воплям «многострадального» народа Армении и его незаконным, несправедливым, раздирающим душу каждого азербайджанца территориальным претензиям.

А.Х. Везиров кратко вводит меня в курс дела. Нужно разобраться с кадрами. Некоторых, наиболее одиозных фигур, например, таких, как Рамиз Мехтиев, Иса Мамедов, придется убирать в спешном порядке. Абдурахман Халилович с досадой покачал головой, вспомнив, как названные товарищи, слывшие самыми преданными людьми клана, не долго думая стали катить бочку на своего кумира с трибуны майского пленума, а вслед за этим плести интриги и в кулуарах, пытаясь найти понимание у нового руководства.

Установка в отношении его ставленников такая: никаких гонений, никакого сведения счетов. Не будем уподобляться им! Покажем, что мы выше их и в этом! Иначе азербайджанская вендетта превратится в политическую традицию.

— Хватит! Сыты по горло: и партия, и номенклатура, и народ!

Сейчас обиженные кинутся писать, жаловаться, посыплются мстительные письма, может, и не лишённые оснований, но все же нам ни в коем случае не стоит поддаваться эмоциям, наставляет Первый. Это все преходящие факторы. Постепенно подбирать молодых, энергичных, не тронутых порчей клановости, кумовства и прочих наносных явлений. Наша опора — Баку и его рабочий, трудовой класс, его интернациональные традиции. Нам надо поднять дух того Баку, который мы знали, которым гордились!

Абдурахман Халилович любит азербайджанскую столицу, город его комсомольской юности, как истый бакинец — горячо, преданно. Как и все мы. Где-то в глубине души он, возможно, смирился с тем, что нынешний Баку обманул его ожидания.

— Надо сберечь Баку, чего бы нам это ни стоило.

Он с досадой говорит о социальном напряжении, которое чувствуется при первом же общении с людьми. Отсюда вывод: необходимо избегать новых трещин в обществе, и без того расколотом алиевщиной. Этот термин-клише вброшен в политический лексикон союзной прессой. Не стоит, пожалуй, злоупотреблять им — все-таки он бьет в нынешних условиях и по Азербайджану. Хотя, с другой стороны, для многих, на себе испытавших гонения, несправедливости 13 красноречивых лет, термин является чем-то вроде психотерапии.

Отдельно о Горбачёве. Михаил Сергеевич обещал всяческую поддержку Азербайджану. Он знает об интернациональных традициях Баку, Азербайджанской республики. Наша задача — не поддаваться провокациям армянского национализма, степанакертской мафии. Надо объяснить людям: никто в Москве не собирается отнимать у нас Карабах. Как жили мы одной дружной семьей: азербайджанцы, русские, евреи, грузины, армяне — десятки национальностей, так нам и жить.

Нельзя сказать, что наш руководитель излучает оптимизм, но он выглядит уверенным и старается подбодрить аппарат, партийные комитеты, командиров производств, глав министерств, а прежде всего — руководство правоохранительных органов. Все правильно. Так и должно быть. Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы видеть — люди истосковались по решительным действиям, ясности и определенности в указаниях партийного руководства.

Везиров вообще оптимист по натуре. Он уверен, что политическое руководство страны разберется, кто прав, кто виноват, расставит всех по местам.

Вот и в Ереване сменили руководство — день в день со «сменой караула» в Баку. Нынешнего партийного руководителя Армении Арутюняна Сурена Гургеновича наш шеф знает с давних комсомольских времен — Везиров был секретарем ЦК ВЛКСМ, когда только начинала восходить комсомольская звезда будущего, 12-го руководителя армянских коммунистов. Везиров с ним на «ты», тот также с дипломатической выучкой, чтит в Абдурахмане Халиловиче старшего това-

рища, терпеливо выслушивает наставления, которыми периодически потчует его по старой памяти азербайджанский коллега. После каждого такого телефонного диалога Абдурахман Халилович, в сердцах бросив трубку, резюмирует непростую ситуацию, в которой оказались они — два бывших комсомольских товарища, друживших семьями. «Запустили болезнь. Карабахом-то здесь, в ЦК, наши славные идеологи не занимались!»

Этот упрек адресован, разумеется, прежнему руководству и, прежде всего, всем его пятерым «главным» идеологам: Данилу Пириевичу Гулиеву, Рамизу Гусейновичу Мамедзаде, Кямрану Мамедовичу Багирову, Рамизу Энверовичу Мехтиеву и нынешнему хозяину кабинета на пятом этаже — Гасану Азизовичу Гасанову. Пять секретарей за 13 лет — не многовато ли? К тому же один из них переброшен из КГБ, два других — опытные строители. Гасан Азизович уже успел отличиться в Агдаме, плюхнувшись на колени перед разъяренной толпой, намеревавшейся двинуться в Аскеран, чтобы разобраться с теми, кто застрелил азербайджанского паренька и поднял на весь мир шум из-за Карабаха. Г.А. Гасанов после того случая, поведав журналистам о своем «подвиге», ходит в «героях».

После Сумгаита, однако, действия коленопреклоненного идеолога подвергаются переоценке. Многочисленные комментаторы полагают, что события развивались и трактовались бы совершенно иначе, если бы карабахским азербайджанцам не выкрутили руки — перед сепаратистской ордой возникла бы стена сопротивления непосредственно в Нагорном Карабахе.

Нет, не просто будет утихомирить сепаратистов, превративших теперь Сумгаит в некий жупел, которым они размахивают почем зря, а то и хлещут по щекам каждого, кто напоминает им о нерушимой дружбе советских народов и принципе нерушимости границ. Беда в том, что мы слишком плохо знаем историю края, нет исследовательской литературы. А за пределами Кавказа знают про НКАО столько же, сколько в Баку о Ханты-Мансийском крае. Люди надеются, ждут, когда Москва скажет свое веское слово и разрешит спор, в котором все вроде бы ясно, как дважды два четыре.

— Главное — избежать обострения, не допустить кровопролития, — считает Везиров.

Удастся ли?

Степанакерт связан с Ереваном тысячами каналов и человеческих контактов. Остановить инфильтрацию сепаратизма практически невозможно. Секретари партийных комитетов, с которыми я успел переговорить, сообщают о переменах в психологическом климате рабочих коллективов. Коммунисты-армяне несклонны осуждать незаконные требования карабахцев. Русскоязычные зажаты между ними и азербайджанцами, радикализирующимися по мере поступления противоречивой информации из Степанакерта и Армении. Поговаривают об осадном положении, в котором оказались населенные азербайджанцами районы Армянской ССР. Многие покидают республику, увеличивается обмен квартирами. Власти в Баку втихомолку решили пресечь эту набирающую силу тенденцию: хитроватые крестьяне стали меняться селами. Это — первичная информация. Чтобы владеть ситуацией, надо владеть информацией. Ясно одно: всех оглушил Сумгаит. Как он стал возможен?

Проглядели, упустили, не заметили...

В Азербайджане действует большая следственная группа Прокуратуры СССР, следователи работают автономно. Официальный Баку демонстративно держит дистанцию, хотя московской группе помогают, чем могут, правоохранительные органы республики. Информация просачивается кое-как. Сыщики идут по следам зачинщиков стихийного взрыва, их интересует криминальный подтекст кровопролития, насилия, совершенного над гражданами. Но ведь известно — межнациональные конфликты, где бы они ни происходили, подпитываются историческими мотивациями, управляются идеологиями национализма, вооружаются внешними силами. Взглянуть бы на сумгаитские события под этим углом зрения...

Следователи пока высвечивают то, что лежит на поверхности, партийно-государственные структуры города молча самоустранились. Ответственность за случившееся несут те, кто осуществлял власть в республике, городе, на заводе...

Многие выжидают. Но под градом обвинений, подозрений, откровенной лжи и грязи, потоками льющихся на весь город, республику и весь народ, люди все чаще возмущенно спрашивают: «Первый же выстрел прозвучал в Карабахе? Сепаратистский вызов и есть детонатор, который смутил молодежь! Почему армянский след стараются скрыть?»

Уже известно: Сумгаит был переполнен беженцами из Армении и Карабаха. Секретарь Абшеронского РК Компартии Азербайджана З. Мамедов переселил из Армении своих родичей, односельчан, а за ними потянулись и другие. Поди разберись, кто среди молодых людей искренне возмущен, вспомнил старые обиды, а кто провокатор. Пронесся слух: среди зачинщиков были замечены армяне. В ЦК некоторые отмахиваются. Но слух этот неожиданно находит прямо-таки зловещее документальное подтверждение: один из главарей погромщиков, насильников — Эдуард Робертович Григорян, 1959 года рождения, неоднократно судимый житель Сумгаита. Эту информацию мне передал Джаваншир Меликов, собкор «Социалистической индустрии», с которым мы дружны с репортерских времен. Следователи подтвердили факт. Но особого значения ему не придают — мол, отбросы общества, уголовники с врожденными преступными инстинктами, они национальности не имеют. Одним словом, уголовное дело. Армянские агитаторы, однако, распространяют слухи о том, что случившийся взрыв был направленного действия. И направление ему придали из Баку.

— У армян синдром геноцида, вечно преследуемого народа. Это придумали их идеологи и церковь, вдолбили в головы нескольким поколениям. Между прочим — при потворстве ЦК КПСС во главе с дорогим Леонидом Ильичем.

Эта саркастическая тирада принадлежит Зие Мусаевичу Бунятову — выдающемуся историку, академику, Герою Советского Союза. У меня с ним давние дружеские отношения, он еще с комсомольских времен консультирует меня по средневековой истории Азербайджана, Кавказа. Его знания — обширны, версии и трактовки событий оригинальны.

— Что же он — такой бдительный, зоркий и всезнающий, делал вид, что не видит памятник жертвам геноцида в Ере-

ване? Много чего не замечал наш человек в Политбюро. Много чего недоглядел...

Просматриваю протоколы Бюро ЦК. Бросается в глаза небрежность стенограммы, пропуски, неточности... Беседую с людьми, встречаюсь на предприятиях с коммунистами. Самое поразительное впечатление производят партийные газеты — они пишут, информируют, комментируют так, словно термин «застой» не имеет и грамма негативного содержания. В Москве дня не проходит, чтобы «Комсомолка», «Известия», «Правда», не говоря уже о рупоре перестройки — «Московских новостях», не взорвали очередную «бомбу». В «Бакрабе» — трудовые рапорты передовиков, отклики трудящихся, осуждающие проявление национализма, заодно и хулиганствующих элементов, обтекаемые статьи секретарей парткомов о буднях трудовых коллективов. Как говорил Станиславский: «Не верю!» Хотя, если задуматься, мы находимся в театре абсурда.

Академик З.М. Бунятов много чего знает. С ним трудно спорить. Армянский фактор в истории Азербайджанской ССР мы, действующие политики, упустили, принимали механизмы интернациональной идеологии за некий *perpetuum mobile*. А это вовсе не так. Не исключено: мы находимся на пороге переходного периода к новым союзным, а значит, и межнациональным отношениям. Пугающе действует ощущение бесконтрольности, которая распространяется из Степанакерта. И на фоне новой действительности поражает отсутствие ответственности у тех, кто обладал почти абсолютной властью в республике. Желание наказать виновных где угодно, но только не в собственной политике, к разработке и реализации которой причастны компартия и ее руководители. Вот этого желания не просматривается ни в одной из дискуссий, возникающих на заседаниях Бюро ЦК с начала кризиса, с материалами которых я внимательно знакомлюсь.

К.М. Багиров докладывает членам Бюро о своей поездке в Степанакерт (конец февраля). Собравшиеся угрюмо молчат. Или произносят какие-то невнятные речи. Может показаться, что члены Бюро, политическое руководство чего-то ждут. Ждут или выжидают? Скорее, второе. Багиров уже не имеет никакого влияния: ни на ближайшее окружение,

ни на ситуацию в целом. Все говорят о неожиданности карабахского вызова. Но это могут утверждать обыватели. А тут – Бюро ЦК компартии, единовластный орган.. Понятно, что партийные органы области, представляющие этнически однородную среду (по официальным данным, на весь аппарат обкома партии – один-единственный азербайджанец, да и тот лектор отдела пропаганды), скорее всего, могли вести свою игру, потакая националистам, особенно после Сумгаита. Но спецслужбы?! В первую очередь подразделение КГБ республики.

Что думает по этому поводу полковник Г. Септа, председатель областного комитета КГБ, наш комсомольский товарищ?

– О фактах активизации националистических проявлений регулярно докладывалось руководству, сообщалось по инстанциям. Фиксировались и случаи приезда эмиссаров из Еревана, оживление группировок, находившихся в поле зрения службы.

Он говорит об особенностях жизни в условиях анклава. Степанакерт – это не Баку. Человеческая масса сравнительно однородная. Активизация националистических группировок началась не вчера и не сегодня. Степанакерт тысячами живых нитей связан с Арменией, в то время как отношения с Баку чисто официальные.

А как же прозевали усиление сепаратистских настроений, сбор подписей за созыв внеочередной сессии депутатов облизполкома?

– Докладывалось, писалось начальству, неоднократно обсуждались возникающие проблемы с Кеворковым. Москвичи смотрели на все это сквозь пальцы, мол, у нас тут и не такое разворачивается. Бакинское руководство ни разу не проявило должного беспокойства: ни в случае с целенаправленным распространением книги «Очаг», фактически ставшей призывом к «миацуму» (присоединение области к Армении), ни позже, когда сепаратисты ловко прикрылись лозунгами большей демократии, гласности. К февралю все было ясно. Не было бы Сумгаита, полыхнуло бы где-нибудь в другом месте.

Г. Септа, как и многие другие обладатели информации о невидимых для внешнего взгляда процессах, не говорит о

широком заговоре. Но он ставит вопрос о том, что сведения о подлинных настроениях и устремлениях в Армении и НКАО не могли не стекаться в единый Центр — Москву. Ни он, ни другие не чувствовали обеспокоенности московского начальства. Инертно вели себя партийные органы в Баку.

— Юсифзаде — член Бюро ЦК компартии. Он был просто обязан проинформировать товарищей...

...Я просмотрел протоколы Бюро ЦК за период с конца 1987 до майского пленума 1988 года. Ни единого слова о признаках брожения в НКАО. Об «Очаге» пошли разговоры раньше, я тогда находился в Баку. О книге знали и в ЦК, тихо возмущались, говорили, что секретарю по идеологии (Р. Мехтиев) поручено подготовить научно обоснованную статью об идейно-политической вредности книги З.Балаяна, являющегося собкором «Литературки» и вмиг ставшего героем националистических сил Армении, глашатаем «миацума».

А как же наш «ответ Чемберлену»? Статья лучших идеологических сил? Кто-то из лекторской группы любезно предоставил мне объемистый текст, пару лет назад отправленный в ЦК КПСС. Позже на основе этого критического материала была подготовлена подвальная статья для «внутренних» нужд. Классический пример взвешенного партийного реагирования: ссылки на классиков марксизма-ленинизма, программные документы ЦК КПСС, несколько абзацев о том, на чью мельницу льет автор (ясное дело — империалистических сил), обтекаемая критика исторических сведений идейного содержания, но так, чтобы критиков самих, не приведи Господь, не заподозрили в национализме или каком-нибудь ином «изме». И все же это отражение определенной позиции. Но не позиции всей партии, не говоря уже об обществе. Доклад в Москве не стал предметом даже закрытой дискуссии. А ведь генсек уже взывал к открытости, гласности!

Только раз возник на Бюро ЦК разговор о сигналах в связи с действиями сепаратистов. Правда, «поезд» к тому времени, как говорится, уже ушел — события стремительно развивались под диктовку митингов Еревана и Степанакерта.

Мое внимание привлекли не только признания Б.С. Кеворкова — первого секретаря Нагорно-Карабахского обкома

партии, но и сам контекст обсуждений обстановки в области. Примечательно, что заседание Бюро состоялось 17 мая 1988 года (через несколько дней пленум ЦК вынесет вердикт К.М. Багирову, надо успеть отреагировать на бурные события в НКАО!). На повестке дня — вопрос об ответственности руководителей автономной области за события в НКАО. Формулировка однозначно указывает, что руководство рассчитывает обуздать нештатную ситуацию привычным набором оргвыводов. Для этого необходимо определиться с главными виновниками. Однако Б.С. Кеворков предлагает взглянуть на проблему шире, копнуть глубже: «За 14 лет работы в НКАО мне приходилось сталкиваться с тем, что этот вопрос поднимался различными представителями интеллигенции Армении, армянской общественностью в Москве, которые отправляли письма в ЦК КПСС, Президиум Верховного совета СССР, в другие инстанции. Среди них были и фанаты, одержимые этой националистической идеей, которые обращались по данному вопросу десятки и больше раз...»⁷

Итак, Москва знала. Должны были знать и в Баку. Но я что-то не припоминаю в бытность свою кандидатом в члены Бюро ЦК компартии Азербайджана сообщений на эту тему. Если они и поступали, то к первому лицу. Как он реагировал на такого рода обращения — известно ему одному. Судя по дискуссии на упомянутом заседании, поток обращений в Москву усилился в послебрежневский период, особенно в связи с появлением М.С. Горбачёва и инициированным им процессом демократизации.

Второй секретарь обкома партии В.А. Богословский, проработавший в НКАО не меньше Б.С. Кеворкова, также настаивает на информированности всех инстанций о росте сепаратистских настроений. «В области действительно длительное время (подчеркнуто мною. — *В.Г.*) занимались сбором подписей, писали письма, заявления в ЦК КПСС, Президиум Верховного совета. Это было не только в прошлом году, но и раньше»⁸. «Раньше» — это значит весь предше-

⁷ Государственный архив политических партий и общественных движений АР. Ф. 1, о. 83, д. 65, л. 7.

⁸ Там же, л. 18–19.

ствующий период. Мне не надо было задаваться вопросом, отчего же партийное руководство так и не удосужилось сделать националистическое движение предметом изучения, анализа.

Тема армянского национализма относилась к числу табуированных. «Гейдар Алиевич вообще запретил публиковать какие-либо критические материалы из НКАО, — напомнили сотрудники отдела пропаганды и агитации. — Ничего, кроме производственно-культурной тематики!» Выносить в печать вопросы территориальных претензий, содержащихся в публикациях армянских ученых, литераторов, конечно, было небезопасно. Но куда опасней было отворачиваться от проблемы, делать вид, что ничего не происходит. Более того, живописать радужную картину торжества интернационализма в НКАО, давно трансформировавшейся из автономии в этнократический анклав.

Откровенно тревожные сигналы, как выяснилось на упомянутом заседании, поступали непосредственно политическому руководству республики: «Мне приходилось докладывать об этом ЦК КП Азербайджана в записке от 14.08.1984 года, в записке от 10.12.1984 года. Я информировал ЦК КП Азербайджана в связи с выпуском политически вредной книги З. Балаяна «Очаг». Еще 10.09.1985 г. я сообщал, что писатель Ханзадян обратился с письмом, требуя передать НКАО в состав Армянской ССР...»⁹

Это не единственное ценное признание Б.С. Кеворкова. Он напомнил членам Бюро и о том, что летом 1987 года, когда приступили к сбору подписей в поддержку передачи НКАО Армении, в сектор закавказских республик ЦК КПСС были приглашены Коновалов, первый секретарь Нахичеванского обкома партии Мустафаев и он, Кеворков. Их ознакомили с текстом, в котором выдвигались территориальные требования к Азербайджанской ССР. Петиция имела чисто политическое содержание, руководство же республики реагировало старым добрым методом умолчания. Так были причудены: политические решения — прерогатива Москвы!

---

⁹ Государственный архив политических партий и общественных движений АР. Ф. 1, о. 83, д. 65, л. 18–19.

Еще больше в протоколах заседания поражает другое: раз за разом члены Бюро пресекают попытки выйти за рамки заведомо принятой к рассмотрению версии: недоработал обком, корень зла в заразе национализма, поразившей кучку отщепенцев. Между тем руководители области утверждали, что события начались еще осенью 1987 года в Ереване и лишь после этого перекинулись в Степанакерт. «Все это было разыграно по нотам», — заключил Б.С. Кеворков¹⁰.

И это был не единственный многозначительный намек на спланированный характер событий. Кеворков и его коллеги попали в тяжелую ситуацию. И относительно своей участи у них не могло быть никаких сомнений. Сама ситуация подсказывала им избрать метод защиты, удаляющий поиск истины от излишней политизации возникшей проблемы. Ведь было известно, что действиями толпищ исподтишка манипулировали хозяйственники-теневики (А. Манучаров, Г. Погосян, Дадамян и др.). При этом Б.С. Кеворков был опытным человеком, с широким кругозором, хорошо представляющим, как может аукнуться на его судьбе любое неосторожное слово. Тем поразительней, что он, несмотря на бесцеремонные попытки В.И. Коновалова прервать его, доводил свою мысль до конца: «Я хочу сказать, что многие вещи известны, а многие — неизвестны». Это в связи с его рассуждениями об ошибочной позиции Центра, явно потакающего именитым националистам из Армении (писателю Ханзадян после личного обращения в ЦК КПСС о передаче НКАО в состав Армении присвоено звание Героя Социалистического Труда, тот же Балаян, входящий в высокие московские круги, и др.). Он даже говорит о скоординированности действий вожаков сепаратистов и некоторых высокопоставленных партийных чиновников. Он не может найти вразумительного ответа на вопрос о том, чем вызвана смелость хозяйственных руководителей, теневиков, довольно уязвимых в роли политических вожаков сепаратистских акций.

Мне впрору было поразиться смелости партийного руководителя, обреченного на заклятие, неожиданно заявившего

---

¹⁰ Государственный архив политических партий и общественных движений АР. Ф. 1, о. 83, д. 65, л. 18–19.

членам Бюро: «Из целого ряда причин сказалась та, что, видимо, была — их абсолютная уверенность, что вопрос решен в ЦК (то есть в ЦК КПСС. — В.Г.). Кто пошел на провокационное утверждение, сумел их убедить? — остается вопросом»¹¹.

Коновалов в этом месте прерывает выступающего, не предполагая, что за этим последует убийственная реплика обвиняемого: «Уже известно, кто лидер бунта. Надо наказать его, ведь у нас есть статья в Уголовном кодексе за разжигание национальных отношений».

Предложенное остается без ответа. Ничего не вышло и из попытки как-то связать бывшего руководителя партийной организации области, кандидата в члены Бюро ЦК компартии Азербайджана с ярким армянским националистом Г. Погосяном — первым секретарем обкома, избранным на место Б.С. Кеворкова. «Если бы Кямран Мамедович был здесь, я бы сказал, кто рекомендовал его», — спокойно отреагировал Б.С. Кеворков. И всем было ясно, что уже в этом — кадровом вопросе его не обвинить.

Увы, К.М. Багиров действительно отсутствовал на Бюро, решения которого с нетерпением ждали в республике. И не только коммунисты. Можно по-человечески посочувствовать ему, с трудом выбравшемуся из степанакертского людского водоворота, когда разъяренная толпа готова была перевернуть машину с высокопоставленными визитерами из Москвы и Баку. И все же...

Моему возвращению «на круги своя» предшествовали еще два кадровых хода, предпринятых союзным руководством. Первым заместителем министра внутренних дел республики был назначен Виктор Павлович Баранников — человек вроде бы опытный, на милицейской работе отнюдь не новичок: в органах внутренних дел с 1961 года. Меня, правда, несколько смутило то обстоятельство, что в последнее время В.П. Баранников работал начальником отдела Главного управления БХСС МВД СССР. Это подразделение, как известно, к разряду боевых не относилось, а ситуация требо-

¹¹ Государственный архив политических партий и общественных движений АР. Ф. 1, о. 83, д. 65, л. 22.

вала как раз милицейского руководителя-оперативника — жесткого, умеющего контролировать правопорядок, само имя которого внушало бы если не страх, то, по крайней мере, уважение экстремистски настроенных группировок и лиц.

Публично мы избегали в ту пору энергичных терминов, подбирали эвфемизмы, дабы не дать лишнего повода для обид и разжигания страстей.

Везиров укрепил обновленческий процесс в руководстве МВД другим своим выбором, назначив заместителем министра — начальником Управления кадров МВД Мусеиба Ильясовича Ильясова.

М.И. Ильясов в органах внутренних дел с 1951 года. В последнее время работал начальником отдела МВД республики. Его возраст приближается к пенсионному — Везиров знает его с комсомольских времен. Убрали наконец аморфного представителя чекистской карьерной бюрократии З.М. Юсиф-заде. Во главе азербайджанского подразделения КГБ Москвы вновь счёл целесообразным поставить своего человека — Ивана Ивановича Гореловского. К указу Президиума Верховного совета Азербайджанской ССР подверстывается следующая биографическая справка о новом руководителе службы безопасности: родился в 1942 году, русский, из семьи рабочего, само собой — член КПСС, образование — высшее. Окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Генерал-майор. В 1979–1986 годах — ответственный работник ЦК КПСС.

Ни слова о его профессиональной карьере, когда и за что ему присвоено звание генерал-майора. Зато народный телеграф очень скоро оповестил всех любознательных граждан в НКАО и Баку, что новый председатель КГБ Азербайджанской ССР является близким родственником Л.И. Лукьянова, заведующего административно-правовым отделом ЦК КПСС, ближайшего сподвижника генсека. Из чего можно было сделать безошибочный вывод о сильных позициях И.И. Гореловского в верхах, как и о том, что до генерал-полковника ему остается самая малость. Данное сообщение в пикку сепаратистам комментировалось сторонниками А.Х. Везирова как умелый аппаратный ход последнего. В Степана-

кертe же это назначение объявили происками консервативных сил в ЦК КПСС, засевших на Старой площади.

Абдурахман Халилович, надо сказать, и впрямь чувствует себя в коридорах центральной власти как рыба в воде. В данном случае сложная ситуация сама подсказывала необходимость укреплять пошатнувшиеся с некоторых пор позиции Азербайджана в Москве. Ради этого при случае можно было и потрафить интересам высокопоставленных лиц.

Ситуация, на мой взгляд, действительно требует сочетания гибкости, осторожности с решительными (когда этого требовали обстоятельства) действиями. Два раунда политической схватки с армянскими националистами, проведенные на «московской площадке», азербайджанская сторона с полным на то правом могла записать в свой актив.

Партийный форум — XIX Всесоюзная конференция КПСС, как и высшая государственная власть — Президиум Верховного Совета СССР, однозначно высказались против каких бы то ни было территориальных перекроек в условиях советской федерации вообще и в отношении передачи Нагорного Карабаха Армении, в частности.

Однозначное «нет» сепаратизму

Обнадеживало не только однозначное «нет» сепаратизму. Руководство КПСС, подтверждая курс на обновление всех сфер общественной жизни, подчеркивало, что ищет приемлемые, эволюционные пути активизации всех форм национальной государственности и автономий. М.С. Горбачёв однозначно высказался за идею децентрализации, максимальной передачи на места многих управленческих функций.

А.Х. Везиров следующим образом сформулировал отношение Азербайджана к предлагаемой реорганизации существовавших федеративных отношений: «Жизнь требует укрепить статус автономных округов, автономных областей и автономных республик, расширить их права, но в органическом соединении с обязанностями и ответственностью за общесоюзные интересы. Надо, чтобы и народности, которые не имеют своих государственных территориальных об-

разований, могли бы в полной мере выражать и удовлетворять свои потребности».

На этой платформе, как представлялось, можно выстроить новый тип взаимоотношений как с Арменией, так и с собственной автономией, опять же опираясь на союзный федеративный договор, обновление которого также признавалось актуальной проблемой общегосударственного устройства СССР. Нужно было лишь время, терпение и желание. Тот факт, что смена руководства республик, находящихся в состоянии конфликта, сопровождалась столь существенным поворотом к предмету спора, желание понять и вникнуть в существо позиций сторон в известной мере разрядило атмосферу. На какое-то время забастовочные и митинговые страсти пошли на убыль. Хоть и с трудом, но все же удается сдерживать накал страстей, готовый выплеснуться на экраны, в эфир, на страницы газет.

Власти в Азербайджане демонстрируют большую готовность контролировать ситуацию. Митинги в мае, июне, августе, инициированные властями, призваны были подтвердить готовность Компартии Азербайджана к общественному диалогу, что полностью отсутствовало в предшествующий период.

Газеты довольно обильно цитируют представителей армянской части населения (как правило, вне Степанакерта), призывающих в миру, спокойствию, осуждающих экстремизм. Академик А. Заманов публикует статью в связи с 100-летием Мариэтты Шагинян¹², называя ее «чудом XX века». «Правда» пишет о подстрекателях Паруйре Айриkyане и московском самиздатовце Григорянце, которые, подстроившись под сторонников демократизации и гласности, в сущности, занимаются подрывной деятельностью. Однако тишина и спокойствие кажутся.

Атмосфера, подобно тучам в карабахском небе, сгущается неожиданно, и затишье сменяется взрывом эмоций. Словно кто-то получает приказ вновь взвинтить обстановку. Кто? Засела в голове фраза Кеворкова о том, что кто-то в ЦК КПСС убедил сепаратистов, что их требования будут удовлетворены. Надо только дружно надавить и выстоять. Кто?

¹² «Бакинский рабочий», 2 апреля 1988 г.

«...Некоторые советские граждане» сталкиваются с неприятностями как раз потому, что, как нам кажется, они пытаются осуществить свободу слова, в частности, Айрикян в Армении и Григорянц в Москве. Почему это происходит?» — спрашивает Р. Кайзер у М.С. Горбачёва¹³. Американский журналист работал в 1970-е годы в Москве, шеф-редактор «Вашингтон-пост», автор нашумевшего бестселлера о Советском Союзе. Наивно полагать, что имеет место чисто газетное любопытство.

Тактика М.С. Горбачёва сводится к умиротворению мятежной области с помощью ускоренного решения социально-экономических проблем. В Степанакерт из союзных резервов перекачиваются финансы, продовольствие, товары, промышленное оборудование. Площадь отвечает: «Нам нужна свобода, а не подачки!» Поступает информация о том, что на путях неделями неразгруженными простаивают товарные поезда. Впрочем, от сооружения областного телецентра, который, по признанию председателя Комитета по телевидению и радиовещанию НКАО Г. Согомяна, помогла запустить вся страна, никто в области не возражал.

«Передачи областного телевидения выйдут в эфир на армянском языке», — поделился планами областной министр, начисто забыв о гражданах НКАО азербайджанцах. «Объем вещания в дальнейшем будет расти. Карабахские тележурналисты с первых же дней поведут борьбу с факторами, тормозящими наше продвижение вперед, внесут свой вклад в интернациональное воспитание людей»¹⁴. Дай-то Бог...

Азербайджанское руководство старается следовать в какой-то мере выработанному совместно с Москвой общему курсу умиротворения. Ход реализации постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по ускорению социально-экономического развития Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР в 1988–1995 годах», находится на контроле руководства Компартии и правительства республики.

Вот некоторые данные о практических решениях и ведущихся работах.

¹³ «Правда», 5 апреля 1988 г.

¹⁴ «Бакинский рабочий», 2 июня 1988 г.

«Выделены дополнительные средства и материально-технические ресурсы для обеспечения уже в текущем году начала работ по ускоренному развитию ряда важнейших отраслей народного хозяйства НКАО. Решен вопрос создания в 1988 году филиала института «Азгоспроект» в Степанакерте. Досрочно завершены работы по обеспечению приема передач второй общесоюзной программы и программы Ереванского телевидения населением Степанакерта, Шушинского и Аскеранского районов. Согласованы планы подготовки кадров для Нагорно-Карабахской автономной области в 1988–1990 годах в учебных заведениях Армянской ССР.

В целях обеспечения большей занятости населения в будущем году в районах НКАО будут созданы четыре филиала предприятий электронной и радиотехнической промышленности. Предусмотрен ввод в действие завода железобетонных изделий, промкомбината, базы механизации и других объектов»¹⁵. Обо всем этом регулярно докладывается на Бюро, публикуется в союзной, республиканской прессе. Иные республики добиваются принятия решений и выделения ресурсов на сооружение остро необходимых объектов из этого длинного перечня годами...

Но меня, прежде всего, интересует состояние партийных организаций. На каких они позициях? А не устанавливается ли в области двоевластия? Судя по сообщениям из Еревана и наблюдениям Абдуррахмана Халиловича, Компартия Армении во многом скрытно или явно разделяет идеи сепаратистов, власть не сдает, выжидает.

На некоторые вопросы могут дать ответы контакты руководителей компартий — Везирова и Арутюняна. Крайне важно восстановить и всячески развивать отношения с областной партийной организацией. Ведь это же составная часть компартии Азербайджана! — искренне возмущается Абдуррахман Халилович вкрадывающимся в отношения однопартийцев отчуждением. Все вроде бы согласны с этим. Но как действовать в ситуации, когда карабахские коммунисты говорят: «Народ хочет «миацума», и мы ничего не можем с этим поделать»?

---

¹⁵ «Бакинский рабочий», 24 июля 1988 г.

В июле в Баку прибывают члены Бюро Нагорно-Карабахского областкома КП Азербайджана. Следует их встреча А.Х. Везировым. Чем вызван такой формат?

Разговор шел в основном вокруг известных партийно-государственных решений, направленных на исправление сложившейся ситуации. Акцент делается на устранение серьезных недостатков, которые имели место на протяжении длительного времени в решении многих вопросов, затрагивающих интересы армянского населения автономной области, особенно в сфере культуры, образования и кадровой политики.

Как-то незаметно всем нам навязали сепаратистскую точку зрения относительно положения армянского населения НКАО. Тактические уступки ради общей стабилизации?

Члены Бюро обкома партии проинформировали о работе областной партийной организации по реализации постановления Президиума Верховного Совета СССР.

Была особо подчеркнута исключительная важность задачи восстановления добрых, братских отношений между азербайджанским и армянским населением. Рассмотрен ряд неотложных вопросов хозяйственного и культурного строительства автономной области.

Так, в общих фразах, 25 июля первый секретарь ЦК КП Азербайджана проинформировал своих коллег по Бюро и застывший в томительном ожидании народ о встрече с руководством Нагорно-Карабахского обкома партии.

А.Х. Везиров считает, что Михаил Сергеевич держит ситуацию под контролем, дал соответствующие поручения всем ведомствам и министерствам. Центральные власти в полном соответствии с принципами федеративного устройства советского государства берут на себя часть задач Союза, а республика — свои.

В конце июля следует официальное подтверждение сказанного.

Центральный комитет КПСС и Президиум Верховного Совета СССР принимают постановление «О практических мерах по реализации постановления Президиума Верховного Совета СССР по вопросу о Нагорном Карабахе».

В соответствии с постановлением представителем ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР в Нагорно-

Карабахскую автономную область Азербайджанской ССР направляется член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, заведующий отделом ЦК КПСС А.И. Вольский.

Сформулирована и цель миссии — исключительной в истории партии и советского государства: организация и координация работы партийных, советских и хозяйственных органов Азербайджана, Армении и НКАО по выполнению решений ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета министров СССР по Нагорному Карабаху. Для этого А.И. Вольский наделяется соответствующими полномочиями. Какими?

ЦК компартий Азербайджана и Армении, парламентам и правительствам обеих республик, а также соответствующим союзным министерствам и ведомствам дано указание оказывать полномочному представителю ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР всемерную помощь и содействие в осуществлении задач по безусловному выполнению принятых партийных и государственных решений. В этих целях ему предоставлено право при необходимости привлекать для решения возникающих вопросов ответственных работников аппарата ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, министерств, ведомств и других центральных органов.

Из числа депутатов Совета национальностей Верховного Совета СССР, как это предусмотрено постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 18 июля 1988 года, образована специальная комиссия.

Москва, кажется, понимает свою конституционную задачу. Помнится, в заключительной речи на заседании Президиума ВС СССР М.С. Горбачёв, как бы между прочим, предложил дополнить проект постановления соображением о том, чтобы сформировать некую группу представителей высших союзных органов, которая помогла бы организовать сотрудничество двух республик. Надо полагать, Вольский и комиссия займутся в том числе тем, что не афишируется в официальных сообщениях и обсуждениях «на уровне». А именно: нейтрализацией сепаратизма и восстановлением правопорядка. Это то, что более всего волнует людей по обе стороны, чуть было не сказал — фронта, изнурительного противостояния.

Информация, поступающая из Шуши, Мардакерта, Мартуни, Аскерана, где партийные комитеты продолжают работать в привычном режиме, не говоря уже об Агдаме, Лачине и других прилегающих к НКАО районах, остается тревожной, хотя районные руководители придают своим сообщениям, как могут, максимально оптимистический тон. Учатся составлять сбалансированную информацию. Если отбросить выдержки из высказываний трудящихся на собраниях, встречах с представителями партийных комитетов, то складывается следующая картина.

По-прежнему не работают промышленные предприятия, транспорт, учреждения; обостряются проблемы обеспечения населения Степанакерта продуктами питания. В связи с тем, что дестабилизировано движение по транспортным артериям, соединяющим НКАО с другими регионами республики, возникли трудности и с обеспечением животноводства концентрированными кормами.

Полевые работы в области продолжаются. Однако ситуация, сложившаяся в Степанакерте, отрицательно сказывается и на уборочной страде. Во многих хозяйствах области немало необработанных площадей, занятых под зерновые.

Не похоже на карабахских крестьян...

Командование воинских подразделений, поддерживающих общественный порядок в области, сообщает, что каждый день у ряда лиц армянской и азербайджанской национальностей изымается несколько единиц оружия. А это уже информация к размышлению...

О том же сообщает В.П. Поляничко, секретарь по идеологическим вопросам Р.Я. Зейналов, секретарь по сельскому хозяйству Т.Х. Оруджев. Они регулярно выезжают в область, проводят совещания, беседы на партактивах, встречаются с трудовыми коллективами, наводят порядок в местных редакциях: журналисты, пропагандисты, агитаторы, по меткому выражению Рафика Ягубовича, явно прибавили в боевитости. Жаль только — стреляют по своим. Интересно, как бы поступили в «Фигаро», если бы газетчики вдруг ополчились на своего работодателя?

А. Везилов в своей оптимистично-энергичной манере требует не обращать внимания на мелочи: «Что поделаешь —

национализм. Ленин писал, что эта болезнь еще долго будет сидеть в нас». Оно, конечно, верно. Но если коммунисты начинают проповедовать национализм, возникает закономерный вопрос о том, как он будет уживаться с интернационализмом? Он ведь, интернационализм, не временная политическая установка, а основа коммунистических убеждений, составляющая существо коммунистической идеологии. Не получается ли, что некоторые братские компартии как-то незаметно трансформировались из коммунистических в национал-коммунистические?

Недолгие размышления по этому безрадостному поводу подводят к печальному открытию: возможно ли такое сочетание двух непримиримых идеологий — национализма и коммунизма? Лукавят товарищи идеологи. Вопрос стоит сурово и бескомпромиссно: или национализм, или коммунизм. Гибрид в данном случае исключен.

Яблоко можно привить к груше. «Косточковые прививаются к косточковым», — учил отец на даче, без усталости экспериментируя над капризным своим садом в местечке под Баку, названном по-русски — «Вишневка». Он же говорил: «Вот инжир или, как сказано в Библии, смоковница, растет вроде бы повсюду на Абшероне, а инжировых садов, как и яблоневого в Губе, маслиновых в Баку, абрикосовых в Ордубаде — нет. И никто не берется рассадить. Такая природа у нее, смоковницы...»

Откуда взялась идея коммунизма — известно. А вот как два соседа, многие годы делившие хлеб и соль, вдруг становятся ненавистниками? Как, например, преодолеть ненависть тысячам азербайджанцев к своим бывшим согражданам в Армении, изгнавшим их от могил дедов и прадедов? Они продолжают прибывать в Баку, где уже засело в лексике давно забытое слово — унижительное по сути и странное для советского человека, привыкшего воспринимать действительность как рукотворное благополучие, — «беженец».

Ни простые крестьяне из-под Кафана, ни педагоги из ереванских школ, ни партийные работники-азербайджанцы не могут уразуметь простую вещь: если советская власть продолжает существовать в Москве, то почему их в одночасье выбросили из домов и запретили возвращаться на земли,

которые они веками поливали потом и кровью? Если же советская власть пала, то кто свалил великий и могучий СССР? Ведь на Советский Союз вроде бы никто не напал...

Проблема выплескивается на улицы

В ЦК КП Азербайджана вынуждены вплотную заняться проблемой, которая вдруг выплеснулась на улицы и площади Баку, Сумгаита, Кировабада — городов и сел доселе безмятежной республики. Единого мнения о том, как остановить поток прибывающих из Армении соотечественников (для многих это — бывшие земляки, родственники, близкие друзья), как их обустраивать и что вообще делать, — нет.

Партийный босс Баку Ф. Мусаев категорически против того, чтобы размещать беженцев в санаториях, пионерских лагерях, домах отдыха, как стали поступать в некоторых районах. Он предлагает бросить все силы на строительство поселков, городищ на свободных землях Карабаха. По природно-климатическим условиям они близки к прохладным горным местам, к которым привыкло большинство переселенцев, считает он. К тому же они прекрасно владеют армянским языком, что тоже немаловажно.

— Не забывайте: это — взрывоопасный человеческий материал, — предостерегает В.И. Поляничко.

— И поэтому его надо расселить в Баку? Здесь ведь на каждом шагу они будут соприкасаться с армянами: на улице, на заводе, на стадионе! Искры достаточно для взрыва!

Все понятно и без гневных речей Фуада Энверовича. В пользу его суждений говорит и следующей довод: размещение многотысячных азербайджанских поселений в карабахской зоне отрезвляюще подействует на Ереван, потакающий экстремистам.

В 1948 году, когда решением советского правительства из Армении было депортировано около 100 тысяч азербайджанцев (это было сделано под предлогом наплыва репатриантов из-за рубежа), в Баку создали республиканский комитет. Он-то и занимался всеми вопросами размещения переселенцев, вспомнил кто-то. Идея подана, и она тут же приобретает директивное воплощение...

«В целях усиления работы с лицами, прибывающими в республику из Армянской ССР для временного проживания, оперативного решения вопросов по их размещению и созданию жилищно-бытовых условий» ЦК КП Азербайджана принимает решение образовать Республиканскую комиссию. Ее поручено возглавить Г.А. Сеидову – председателю Совета министров Азербайджанской ССР. У предсовмина три заместителя – от каждой ветви власти и внушительное количество помощников из числа ответработников министерств, ведомств, профсоюзов и других организаций, вовлеченных в урегулирование проблемы, которую удалось обозначить в официальном сообщении предельно туманно, дабы успокоить собственных граждан: «В связи с событиями в НКАО и вокруг нее в последние месяцы определенное число азербайджанцев, проживающих в Армении, приехали в Азербайджанскую ССР. Партийными, советскими органами республики, городов и районов им уделяется необходимое внимание. Вместе с тем в ряде мест допускается бездушное отношение к их нуждам и заботам, своевременно не решаются вопросы размещения, бытового и медицинского обслуживания»¹⁶.

А суть проблемы в том, что с подобным явлением в межреспубликанских отношениях местные власти сталкиваются впервые. Пока руководство республики добивается внятного ответа федеративного центра – Москвы, в ведении которого вопросы безопасности республик, народ пытается справиться с неожиданно нагрянувшей бедой так, как это принято у азербайджанцев исстари: делятся куском хлеба, как могут, устраивают на ночлег. Многие верят, что это явление временное, найдут управу на хулиганье, как не раз бывало, разберутся со всеми, и потоки людские повернут назад, и живут сосед с соседом мирно и дружно, как прежде. Но Москва во всем винит местную азербайджанскую власть за... нерасторопность, неспособность найти адекватные решения в нестандартной ситуации.

Похоже, Москва смирилась с тем решением, которое приняли темные силы в Армении, – на глазах всего Союза ты-

---

¹⁶ «Бакинский рабочий», 26 мая 1988 г.

сячи азербайджанских семей выбрасывают из своих домов, предлагая перебраться к своим в Азербайджанскую ССР. Кто с наспех прихваченными пожитками тащится по дорогам и горным тропам, кто добирается поездом (они еще ходят!), кого перебрасывают через условную границу армянские власти, все еще называемые советскими и партийными органами.

Запомнился вопрос, заданный М.С. Горбачёвым ректору Ереванского государственного университета С.А. Амбарцумяну на заседании Президиума ВС СССР:

Горбачёв: Сколько азербайджанцев проживало в Ереване до революции?

Амбарцумян: Не знаю, затрудняюсь сказать...

Горбачёв: А ведь вы — ученый и должны владеть этой информацией. Я скажу вам: 44 процента населения Еревана составляли азербайджанцы. А сейчас их сколько?

Амбарцумян: Не знаю. Наверное, меньше одного процента.

Горбачёв: И я при этом не хочу винить армянскую сторону в том, как это получилось¹⁷.

Многого не знали или не хотели знать в Москве. Например, то, что известно историкам: к тому времени, когда земли, именуемые Армянской ССР, отошли к России, они назывались Эриванским ханством. И никто не подвергал сомнению тот факт, что заселены были эти земли исстари тюрками-азери, сформировавшими свой тип государственности — ханство. Как и в Нахичевани, Карабахе со столицей в Шуше... Мудрено ли, что Зия Бунятов, преданность которого советским идеалам трудно подвергнуть сомнению, на одной из последних дискуссий в Академии наук прямо-таки заявил: «Интенсивная армянизация Закавказья началась с приходом России в начале XIX века...» Не такая уж давняя история, между прочим.

В связи с этими размышлениями всплывает в памяти другой сюжет из острой полемики М.С. Горбачёва с известным армянским литератором В.А. Петросяном:

Горбачёв: Так вот я задаю вопрос, как нам, членам Президиума Верховного Совета, поступить? Если переподчинять

¹⁷ «Бакинский рабочий», 19 июля 1988 г.

НКАО — единственный путь, то мы тогда должны всю нашу страну перекроить... Никто не подвергает сомнению, что проблема Нагорного Карабаха есть и ее надо решать. Речь идет только о том, как решать — вот о чем идет речь. А вы предлагаете только один вариант.

Петросян: Потому что опыт многих десятилетий, Михаил Сергеевич, доказывает, что другой невозможен.

Горбачёв: Нет, мы подумаем, что вы сказали, а вы подумайте, что сказали мы¹⁸.

Я внимательно вчитывался в текст дискуссии, развернувшейся на заседании Президиума. И тогда, летом 1988 года, и много позже, пытаюсь найти свидетельства решимости, готовности решения проблемы, достойные державы. Но ощущение того, что верховное лицо в СССР М.С. Горбачёв и сам не знал, как поступить, так и не покинуло меня. Это первое. Второе: в многочасовом обмене мнениями трудно было разглядеть четкие, твердо обозначенные очертания позиции Центра как органа, как гаранта Союза. Генсек много говорил о том, что не хотел бы никого обижать, что необходимо искать решение, удовлетворяющее всех. Лишь в одном месте заключительного слова генсека вскользь прозвучала мысль: «...Люди никогда не простили бы за то, что не остановили, не употребили власть».

Горе правителям, которые не могут остановить граждан, преступающих закон!

Имеет ли государство право на насилие?

Я не сторонник философствования вообще. Я — скорее человек действия. Но именно в те дни, когда я просматривал литературу и документы о разгорающемся конфликте из-за Нагорного Карабаха, неожиданно мелькнула мысль: «А имеет ли государство право на насилие?» Если нет, то почему же все, что известно о государстве как системе управления людьми на определенной исторической территории, лучшими демократами всегда мыслилось насилием над личностью?

---

¹⁸ «Бакинский рабочий», 19 июля 1988 г.

Если же такое право ему дано, то почему же он не может воспользоваться им, когда иные силы считают возможным угрожать устоям государственности, ввергая в смуту большинство народа, лишая его главного, ради чего создано государство, — безопасности и благополучия?

Эти соображения, периодически возникавшие в кабинетном уединении, вскоре стали проявляться при обмене мнениями с товарищами по Бюро, на страницах печати. В то время как нас убеждали, что предметом спора является историческое право на обладание той или иной территорией, речь шла о праве государства на защиту себя и своих ценностей.

Все великие государственники, перед которыми возникала дилемма — пожертвовать тысячами во имя спасения миллионов и будущего страны, становились на сторону большинства и целого. У нас речь шла (и с каждым днем это становилось все очевиднее) о прихоти, даже не правоте, а скорее — о национальной паранойе. Горбачев дважды вынужден был невольно высказаться примерно так же — на заседании Президиума Верховного Совета СССР и спустя год после землетрясения у развалин армянского городища, когда из-под завалов кто-то жалобно заголосил: «Как там Карабах, вернули?»

Таким вот образом одна, неизмеримо малая часть большого (советского) народа покушалась на судьбу великой страны, советской державы. И власть, в руках которой имелись все возможности для того, чтобы защитить, обеспечить безопасность большинства, нерешительно топталась на месте. Кто-то исподволь внушает, что нельзя идти против населения, применять силу, всю наличную мощь, если понадобится. Так супердержаву лишили права на применение силы. Право, владение которым — великое искусство, коим надо пользоваться умеючи. Похоже, мы вступили в эпоху утрат многих ценностей и прав, которые сцементировали когда-то нашу великую страну, думалось мне в те дни. Мне еще не раз придется убедиться в справедливости такого рода догадок, которыми мучился в те дни не я один.

Миссия А.И. Вольского

Между тем миссии А.И. Вольского дан старт. Уже 2 августа в Степанакерте встречаются первые секретари ЦК компар-

тий Азербайджана и Армении А.Х. Везиров и С.Г. Арутюнян при участии представителя ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР А.И. Вольского. Таков его официальный титул. И в Баку этот факт, кажется, воспринят как подтверждение последовательности Москвы. Центральная власть берет проблему под контроль?

Стороны обменялись мнениями по вопросам выполнения постановлений ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета министров СССР по Нагорному Карабаху, поступает скудная официальная информация.

Между тем определился новый формат переговорного процесса — на встрече присутствует и первый секретарь Нагорно-Карабахского обкома партии Г.А. Погосян. Он знакомит участников встречи со складывающейся обстановкой в области, мерах по оздоровлению общественной жизни. Участники встречи, которая, если следовать требованиям протокола, является четырехсторонней, согласны с мнением, что необходимы исчерпывающие меры для исправления создавшегося положения. Недопустимо, что принятые партией и правительством решения союзными министерствами и ведомствами, республиканскими и областными органами реализуются пока неудовлетворительно. Речь идет о явных признаках саботажа, как говорит Везиров, темных сил. И далее энергично: «В решении этих вопросов республиканские партийные организации Азербайджана и Армении будут действовать в тесном сотрудничестве, в духе перестройки, исходить из коренных интересов обоих народов, советских людей»¹⁹. Такова общая установка.

Выходят участники встречи и к горожанам, беседуют с простыми людьми... Все, как и прежде. Так и должно быть — реки рано или поздно после весеннего половодья входят в свои берега.

Вот и В.И. Вольский начинает потихоньку развёртывать деятельность в Степанакерте. Сообщается, что он принял участие и выступил на сессии областного Совета народных депутатов Нагорного Карабаха. Вроде бы обошлось без петиций и митингов, хотя вопрос на повестке дня животрепе-

---

¹⁹ «Бакинский рабочий», 3 августа 1988 г.

щущий – принятие решения о разработке конкретной программы реализации известных правительственных решений о мерах по ускорению социально-экономического развития Нагорно-Карабахской автономной области в 1988–1995 годах. Решение принято, но особо оговорено, что при составлении программы исполкому областного совета необходимо провести широкое обсуждение всех пунктов постановления, учитывать замечания и предложения, высказанные трудовыми коллективами Нагорного Карабаха.

Так оно и делается повсюду в Союзе. Но в данном случае некоторые партийные работники в области и у нас в ЦК предвидят внесение предложений со стороны сепаратистских элементов, с тем чтобы завести обсуждения в тупик и сделать реализацию программы невозможной. Ничего не поделаешь – перестройка! А.И. Вольский, со своей стороны, отнесся к этим прогнозам спокойно. Он не видит ничего опасного в том, что сессия одобрила инициативу трудовых коллективов области по налаживанию экономических связей с предприятиями Армянской ССР, более тесному сотрудничеству в вопросах духовной и культурной жизни. Спокоен он и в отношении обращения Совета народных депутатов Нагорного Карабаха в комиссию Совета национальностей Верховного Совета СССР с просьбой внести предложения по поэтапному решению проблемы Нагорного Карабаха (?!).

Это, как говорится, цветочки, а вот и первые ягодки. Новый председатель исполнительного комитета Совета народных депутатов автономной области С.А. Бабаян бодро информирует корреспондента ТАСС о том, что карабахцы на общегородском митинге пришли к выводу, что постановление Президиума Верховного Совета СССР является приемлемым выходом из создавшейся ситуации. Но в то же время на сессии принято решение в будущем обратиться с предложениями в комиссию Совета национальностей, с тем чтобы к проблеме Нагорного Карабаха, связанной с его административным подчинением, вернуться еще раз с учетом мнений трудовых коллективов и тех пожеланий, которые были высказаны на митинге²⁰.

²⁰ «Бакинский рабочий», 3 августа 1988 г.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Выходит, есть Совет народных депутатов НКАО и есть параллельная директивная организация — общегородской митинг. Обком партии превращается в некий наблюдательный орган. А какова роль миссии Вольского? Чем занят Аркадий Иванович в Степанакерте?

«По общему мнению, после известных решений Президиума Верховного Совета СССР от 18 июля 1988 года обстановка начала меняться к лучшему, жизнь вроде бы стала входить в нормальную колею», — делится первыми впечатлениями Аркадий Иванович.

Партийные комитеты, советские и общественные организации словно очнулись от гипноза и кинулись к людям. «Люди спорят — это уже хорошо!» — таковы ощущения Роберта Хачатуряна, периодически навещающего в Баку и все чаще избегающего телефонного общения. Недавно он откровенно признался: «За партийными работниками установлена слежка. Они имеют своих людей повсюду: в аппарате, милиции, на предприятиях. Держат под своим контролем телефонную связь». Они — это крунковцы, сепаратисты. Заодно с ними разношерстная публика коррупционеров, расхитителей, теневиков, давно прибравшая к рукам власть на местах. Этот странный симбиоз сепаратистов и казнокрадов вместе образуют тайный орден, с которым не так-то просто совладать человеку, уверенно ориентирующемуся в коридорах московской власти, но совершенно не разбирающемуся в истории азербайджано-армянских отношений, даже не представляющему себе сложный этнопсихологический контекст межнационального боренья.

Наивно полагать, что сепаратисты в Степанакерте действуют по своему плану. Они управляются извне. Однако куда ведут корни заговора — никто не знает. Так думаю не только я один. Формирующаяся демократия в Москве — лишь общий идейно-политический массив. Тут действует организация — мобилизованная, дисциплинированная, четко выполняющая поступающие команды.

Выждав примерно до середины сентября, заговорщики вновь взвинтили обстановку в области. События разворачиваются по одной и той же отработанной схеме, которая мно-

гократно будет повторяться и здесь, в Степанакерте, и в Баку, и в Ереване.

Спровоцированы забастовки на промышленных предприятиях, в строительных организациях и на общественном транспорте. Прекращаются занятия в школах. И выстрел из-за угла — нападение на областную прокуратуру, на военнослужащих МВД СССР, работников милиции, обеспечивающих общественный порядок.

На этом фоне городские власти разрешают митинг 18 сентября. На нем звучит обеспокоенность людей ситуацией, сложившейся в области, их стремление к нормализации создавшегося положения. И тут поступает сообщение о столкновениях на межнациональной почве между армянским и азербайджанским населением в селе Ходжалы, что неподалеку от Степанакерта. Митинг прерван, его участники двигаются к селу. Следует массовая драка, гремят выстрелы, есть жертвы. «В результате 25 человек получили ранения различной тяжести, 17 — госпитализированы. Есть обращения за медицинской помощью как со стороны армянского, так и азербайджанского населения», — передает наутро ТАСС²¹. Местные СМИ лишены этой возможности — во избежание разночтений и разжигания страстей. Так задумано. Но ведь известно: там, где нет оперативного официального информирования, информационное поле оккупируется слухами. Слухи просто свирепствуют в области, городах и селах. В них тонет несчастная азербайджанская столица.

Силами милиции и внутренних войск столкновения предотвращены. Принимаются необходимые меры по обеспечению общественной дисциплины и безопасности граждан, пресечению беспорядков. Работниками Прокуратуры СССР возбуждено уголовное дело и ведется расследование. В области действует штаб под руководством представителя ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР А.И. Вольского.

«Обстановка требует решительно заявить, что такое положение пришло в резкое противоречие с интересами трудящихся обеих республик, а потому и не должно быть далее

²¹ «Бакинский рабочий», 20 сентября 1988 г.

терпимым. Государство не может допустить какого бы то ни было ущемления прав граждан любой национальности, разжигания вражды между народами, что запрещено советской Конституцией и нашими законами. Дальнейшее углубление социалистической демократии немыслимо без строгого соблюдения законности, государственной и общественной дисциплины». Эти заключительные слова из сообщения ТАСС звучат обнадеживающе: давно пора!

Рабочий день, однако, начинается с тревожных вестей:

«В ночь на 21 сентября вновь имели место поджоги индивидуальных домов, автомашин и другие противоправные действия.

В Степанакерте не работали предприятия, строительные организации, транспорт и учебные заведения, партийные и советские органы совместно с общественными организациями стремятся...»²².

А что же представитель ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР в Нагорно-Карабахской автономной области А.И. Вольский? Он выступает по местному телевидению и радио: «Партия и правительство приняли ряд важных решений по развитию Нагорно-Карабахской автономной области, быстрейшему разрешению накопившихся здесь различного рода проблем. Но, очевидно, определенную группу лиц это не устраивает. В последние дни обстановка в области резко осложнилась»²³.

А.И. Вольский спокойно, по-дикторски перечисляет факты: «Иначе как вызовом власти не назовешь: нападения, оскорбительные выпады против органов власти, унижения достоинства военнослужащих войск МВД СССР».

На территории Степанакерта и Агдамского района вводится особое положение и устанавливается комендантский час.

Не поздно ли? Лучше всего об этом переговорить с самим А.И. Вольским, побывать на месте событий. Но на Бюро советуется повременить. Появление представителей республиканских органов власти интерпретируется агитаторами се-

²² «Бакинский рабочий», 22 сентября 1988 г.

²³ «Бакинский рабочий», 25 сентября 1988 г.

паратистов как свидетельство марионеточности нового руководства области, считает Аркадий Иванович.

— Надо дать ему время для очистительной работы, — высказывается мнение на Бюро.

И логика в том своя вроде бы есть: Москва сама запустила болезнь, пусть теперь сама и закручивает гайки. Так не только сподручней, но и конституционной. Решимости у Москвы, кажется, прибавилось.

Меры, принимаемые органами охраны общественного порядка по всей территории области и Агдамского района Азербайджана, позволили ослабить напряженность, не допустить новых столкновений.

Задержаны лица, совершившие поджоги домов, изымается огнестрельное и холодное оружие. Проводится расследование.

ТАСС наконец вынуждено признать то, что видно невооруженным глазом каждому: стабилизации обстановки препятствуют митинги в центре Еревана, на которых делаются провокационные заявления, муссируются слухи, рассчитанные на новый взрыв эмоций. ТАСС признает также, что в Армении стремление органов власти и партийных организаций разрядить обстановку методами убеждения не нашло должного отклика. В Ереване стали выдвигать антиконституционные требования к Верховному совету и правительству Армянской ССР, призывать к организации забастовок, митингов, голодовок. 22 сентября была прекращена работа ряда предприятий Еревана, Лениакана, Абовяна, Чаренцаяна, а также Эчмиадзинского. Нарушено движение городского транспорта²⁴.

О крайней противоречивости ситуации свидетельствует следующий шаг руководства НКАО. Напугано ли оно начавшимся противодействием антиконституционными действиями сепаратизма или вновь прибегает к тактике лавирования — сказать трудно. Как бы там ни было, руководители обкома партии и областкома обращаются с посланием в ЦК Компартии Армении, а также к редакциям СМИ, в котором «решительно осуждают распространяемые на митингах в городе

²⁴ «Бакинский рабочий», 25 сентября 1988 г.

Ереване слухи и домыслы в связи с событиями последних дней в Нагорном Карабахе.

Введение особого положения и комендантского часа воспринято населением области как крайняя, но необходимая мера, говорят Г. Погосян и С. Бабаян²⁵.

Обстановка в НКАО, в частности, в Степанакерте, постепенно стабилизируется. Нормализуются взаимоотношения населения с воинскими частями. Принимаются необходимые меры для восстановления трудового ритма на предприятиях города.

Обком партии и областком считают недопустимыми ссылки на сомнительные источники информации, в корне искажающие суть происходящего в области.

Для пресечения нелепых, далеких от действительности слухов, распускание которых только на руку противникам перестройки, и для справедливого решения карабахской проблемы мы готовы ежедневно представлять информационные сводки о событиях в области, заверяют степанакертские руководители и просят текст телеграммы огласить на митинге в Ереване.

Аркадий Иванович весьма доволен эффективностью своей работы с партийными товарищами в Степанакерте. Однако нам, в Баку, уже не до новостей с Театральной площади в Ереване. У нас самих площадь и улица заявляют свои права на собственную автономию и суверенитет. Ради историчности события стоит привести полностью официальное сообщение о событии, которое через пару лет изменит не только дух и мышление народа — определит его дальнейшую судьбу.

«22 сентября группа молодых людей около 20 человек пыталась организовать несанкционированное шествие в районе Приморского парка в Баку. Милиция пресекла их действия, установлены и задержаны подстрекатели. Ими оказались сотрудник Института востоковедения АН Азербайджанской ССР М. Алиев, сотрудник Музея литературы им. Низами АН Азербайджанской ССР М. Гатами, рабочий приборостроительного завода Наримановского района Я. Мамедов.

²⁵ «Бакинский рабочий», 27 сентября 1988 г.

Указанные лица ранее предупреждались об ответственности за проведение несанкционированных акций, они давали заверения о соблюдении установленных порядков. Все трое привлечены к ответственности, каждый из них подвергнут штрафу в размере 300 рублей. При повторении подобных действий к ним будут применены более жесткие санкции»²⁶.

Я останавливаюсь на данном событии не только ввиду его особой политической подоплеки. По своей значимости упоминавшиеся выше штрафы имеют, на мой взгляд, все шансы занять столь же достойное место в истории советского, в частности, азербайджанского, правосудия. Возможно, это первый случай в практике правоохранительных органов СССР, когда к нарушителям установленного порядка проведения уличных шествий применялись установленные законом вполне конституционные санкции.

В конце июля 1988 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР». Президиумы Верховных советов союзных республик не замедлили «приземлить» это долгожданное законоположение на местах. С 22 августа 1988 года на всей территории Азербайджанской ССР действуют соответствующие предписания указа «Об ответственности за нарушение установленного порядка организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций».

Лица московских товарищей, прибывших в Баку с разъяснениями положений и значения исторического документа, излучают неподдельную радость: наконец-то удалось совместить то, что всегда считалось несовместимым, — советскую однопартийность с ее пониманием взаимоотношений государства и граждан с западными принципами гражданских свобод и демократии. «Собственно, советская Конституция всегда отражала эти ценности» — главный аргумент товарищей.

Прибавил оптимизма указ и руководству конфликтующих республик, замученных «митинговой лихорадкой». Как ни

²⁶ «Бакинский рабочий», 24 сентября 1988 г.

печально признаться, но намерение инициаторов перестройки реализовать действительно давно назревшую демократизацию не имело правового, законодательного обеспечения. До перестройки вообще демонстрации имели только официально установленное праздничное воплощение (1 Мая, 7 Ноября); собрания практиковались партийные, профсоюзные, комсомольские и общепроизводственные. А митинги – антиимпериалистические, опять же при инициативе и участии партийных комитетов.

Одним из первых реализовал конституционное право на проведение уличных шествий академик А.Д. Сахаров, за что, как известно, поплатился ссылкой в Горький (не в сибирские рудники, не на Калыму, не в ГУЛАГ, а вполне комфортное проживание в славном своей историей русском поволжском городе с не менее славными трудовыми традициями). К столь экстравагантному наказанию, сочетавшему в себе вековые традиции российской пенитенциарной практики и дух Хельсинки в брежневской интерпретации, пришлось прибегнуть не столько ввиду благодушного брежневского авторитаризма, сколько полного отсутствия законодательной базы для установления приемлемых отношений между гражданами, желающими реализовать свои конституционные права на свободу собраний, шествий, и государством. Теперь дело за малым: обеспечить на практике это право.

Словом, на упомянутый выше указ советского парламента, обновление которого выразилось в том, что его возглавил А.А. Громько, возлагали надежды и партийная власть, и группы стихийно возникающих повсюду апостолов зреющей в недрах народной массы демократии, в официальной документалистике именовавшихся неформалами.

По сему случаю проведен, как тогда говорили, республиканский актив, на котором выступающие искренне пытаются вникнуть в суть возможностей, которые открываются перед руководителями городов и районов в связи с конкретными благостными изменениями, вносимыми в Кодекс об административных правонарушениях и Уголовный кодекс Азербайджанской ССР.

Дополнительно наш орготдел проводит серию семинаров, совещаний и обсуждений в городских и районных ко-

митетах. Возможно, сейчас оценки, высказываемые парти- работниками излишне оптимистичны, но комментируемый указ действительно воспринимается как поворот партийной власти к реальному положению вещей. Правда, опытные юристы, как и практики из милиции, судебных органов, не без скептицизма оценивают перечень конкретных административных наказаний за нарушение общественного порядка: предупреждения или штрафы, административные аресты до 15 суток, в отношении злостных нарушителей максимально жесткая мера — лишение свободы до шести месяцев.

Но беда вовсе не в этом. В Ереване и Степанакерте который уже месяц люди выходят на митинги, как на работу. Это видится как общая беда перестройки как проекта государственного обновления. М.С. Горбачёв сперва запустил процесс, а когда, говоря его же словами, процесс пошел, принялся подгонять под него законодательную базу. Это все равно что спешно бросаться намывать дамбу в разгар половодья — когда разлившаяся река устремляется на ничем не защищенные поля и луга. А самое главное: демократия — часть культуры, мышления, сознания. Внедрять ее ценности в спешном порядке на 1/6 части Земли, населенной десятками наций, народов, этносов, — безумие.

Перестройка имела право на существование исключительно как государственный проект на годы, призванный этап за этапом создавать предпосылки будущих преобразований, рассматриваемых не как революционный вызов застою, а как эволюционное развитие социалистической государственности. Но это, пожалуй, вопросы теоретического порядка. Нам же нужно вглядываться в существо событий, толкающих страну в неведомом правящим и правившим направлении.

Противостояние

В то время как упомянутые государственные решения сепаратисты объявляют попыткой удушения свободы волеизъявления армянского народа, у нас самих, под боком — в Баку, все слышней ропот новой силы — движения, стихийно объ-

явившего своей целью защиту азербайджанских земель, сохранение Нагорного Карабаха в составе Азербайджанской ССР. Выход на улицы группы интеллигентов, объединенных идеей сопротивления армянскому вызову, ставит перед нами вопрос, на который нужно отвечать немедленно, выработав практику взаимоотношений с меняющимся азербайджанским обществом.

Сепаратисты взяли на вооружение мирные средства за осуществление своих антигосударственных целей явочным методом. Забастовки, митинги, шествия в Ереване и Степанакерте де-факто преследуют антигосударственные цели. Они день за днем наносят непоправимый ущерб экономике республик, всей страны, подрывают стабильность, разжигают националистические страсти, открыто угрожают территориальной целостности Азербайджана.

Если быть откровенным, то те, кто осуществляет власть в Баку, с момента возникновения этой угрозы демонстрируют полную неэффективность проводимой политики. Союзная власть, ответственная за территориальное устройство, безопасность границ союзных республик, действует нерешительно, ограничиваясь полумерами и призывами к спокойствию.

Незаметно перед правящей партией во весь рост встает вопрос: как противодействовать новой силе? Перед очевидным для всех фактом неспособности обуздать, поставить на место другое, инациональное объединение граждан, не считающееся с законами, историей, традициями народа и государственных структур. Как отнесутся рядовые коммунисты, в целом — народ, к тому, что власть, вынужденная сносить незаконные требования одной части граждан, посягающих на исторические земли — Карабах, воспетый всеми поэтами, родину лучших сынов отечества, должна теперь противодействовать другой части граждан, призывающих отстаивать территориальную целостность республики, что является их конституционным долгом?

Позже историки и публицисты азербайджанского демократического движения, в описываемое время формировавшегося под лозунгами сопротивления армянским, чисто территориальным притязаниям, напишут много всякого о

глубоких корнях диссидентского движения в Азербайджане, о создании чуть ли не тайных, подпольных обществ и партий.

Не вступая в полемику с авторами и сторонниками всех этих свидетельств и исследований, замечу лишь следующее. Инакомыслием азербайджанская интеллигенция была поражена в той же мере, что и советское общество. Это так же верно, как и то, что оно, это инакомыслие, было особого рода — оно повсеместно уживалось с развитыми конформистскими традициями. И надо заметить, что в азербайджанском исполнении такое двоемыслие выглядело вполне гармоничной этнополитической особенностью. Как оказалось, оно не исключало в союзных окраинах, прежде всего, в Армении и Грузии, ярко выраженных националистических устремлений.

Нельзя сказать, что национализм был чужд азербайджанскому политическому мышлению. Но в определенной мере усилению националистического компонента в идеологии азербайджанской перестройки способствовала абсолютная доминанта пришедшего в движение армянства — требование присоединить Нагорный Карабах к Армении. По существу, это была реанимация старого «армянского вопроса» в редакции новых армянских элит. И он, этот вопрос, был встроен в повестку дня горбачевской перестройки не без агентов влияния при открытой и единодушной поддержке международных сил: США и Западной Европы.

Он оказался востребованным потребностями разгорающейся «холодной войны», точнее — ее заключительной фазой — идеологическим разоружением советского социализма, тотальной подменой его ценностей, включение «механизмов», делающих распад СССР неизбежным: на севере — Прибалтика, на юге — Армения с ее территориальными притязаниями.

Так пламя сепаратизма переросло во всеобщий пожар.

«Спасибо армянскому национализму за то, что он разбудил мирно дремлющее азербайджанское общество» — этот расхожий, ироничный афоризм имел в описываемое время широкое распространение в азербайджанской интеллигентской среде.

Резкая политизация этого социума вынудила нас, представителей правящей партии (а если честно, на тот период не готовой делить власть с кем бы то ни было), пристальней взглянуть в эту разнородную массу, ее состав, социальные корни, политические воззрения, выдвигаемые требования. Трудно было представить в роли авангарда демократии массу ропчущих поэтов, писателей, ученых с их развитым чувством старшинства, плавно переходящим в устойчивую традицию чиновничества, склонности к персонификации любой системы государственной власти.

Во всяком случае, молодые люди, охваченные идеей организованного сопротивления армянским планам захвата Нагорного Карабаха, что предполагало обретение обществом важнейших демократических прав и свобод, на первых порах занялись поиском лидеров нового, неведомого доселе общественного движения. Связано это было вовсе не с недостатком политического честолюбия у нарождающейся национал-демократии. Как показало дальнейшее развитие событий, амбициозностью природа не обделила подавляющее большинство лидеров партий народно-фронтистского толка. И это, к слову, явилось одной из причин развернувшейся бескомпромиссной борьбы за власть, по существу, заслонившей коренные национальные интересы, во многом предопределившей военно-политическое поражение Азербайджана.

В связи с этим надо бы отметить, что социальный слой, обозначавшийся в Советском Союзе словом «интеллигенция», имел чисто русскую этимологию. И в этом смысле вряд ли правильным было бы оперировать им в исследованиях, относящихся к проблемам новейшей политической истории Азербайджана. Применение в советской публицистике и исследовательской литературе словосочетаний «техническая, творческая, сельская, городская интеллигенция» говорит о том, что в содержание этого понятия вкладывается не столько духовно-политический, сколько интеллектуально-профессиональный смысл. А ведь в понятие «интеллигенция» в русском значении вкладывается и нравственное содержание.

Революционно настроенные молодые люди не располагали влиянием в обществе. Импульс формированию движе-

ния может дать общественно значимая фигура, пользующаяся особым влиянием и почитанием в народной гуще, резонно полагали они. Что само по себе предполагало определенную степень защищенности вероятного лидера от не исключаемых преследований. Таковыми для азербайджанской национальной массы всегда и всюду являлись поэты. Даже не писатели (инициаторы движения вели переговоры с Анаром, весьма популярным ввиду своего критицизма; им симпатизировал Исмаил Шихлы — один из признанных прозаиков). Но Анар чурался политики, а Шихлы был в возрасте.

Другое дело — Бахтияр Вагабзаде, яркий поэт, человек из сельской глубинки, которому молва приписывала некую фронтность в отношении официальной идеологии, хотя писал он поэму и о Ленине. Славу националиста и оппозиционера ему принесла историческая поэма «Гюлистан». В определенных кругах ее трактовали как вызов официальной точке зрения в отношении раздела Азербайджана со стороны России в начале XIX века. Поэт, упорно добивавшийся почетного звания «Народный» и всех имеющихся в наличии у правительства премий и иных наград, не рискнул публично надеть на себя тогу лидера всенародного движения, однако от митинговых речей не отказался, как и от посреднических услуг. Что позволило ему регулярно возникать просьбами о насущном в партийных кабинетах и тут же произносить пламенные речи с митинговых трибун.

Однако события разворачиваются стремительно, и я невольно забегаю вперед...

Первые митинги, проведенные под контролем партийных органов, как и первые наши выходы к народу (на предприятиях в Баку, Степанакерте, Шуше, Агдаме), открыли всем нам глаза на ряд совершенно новых явлений, о которых мы, может, и догадывались, но которые грозили превратиться в решающие факторы быстро меняющихся общественных отношений. Прежде всего, выяснилось, что между пришедшими в движение массами народа и правящей партией пролегла очевидная полоса недопонимания, в буквальном смысле этого слова, угрожающего превратиться в пропасть отчуждения.

Руководители, вышедшие из партийных кабинетов на трибуны к бушующим толпам, в большинстве своем не владели в достаточной степени родным языком для того, чтобы установить контакт с многоголосой аудиторией, выглядеть убедительными, как и положено политическим лидерам. «Говори по-азербайджански!» — таково было требование первоначально политического момента, а затем и людской массы.

Вторым неприятным открытием, особенно поразившим новое руководство Компартии, по старой памяти не чуравшееся общения с людьми — будь то на заводе или городской площади, явились радикальные перемены в демографической ситуации азербайджанской столицы. А.Х.Везиров не узнавал Баку, который он покинул когда-то в 60-е (если не считать кратковременного пребывания в Кировабаде). Да что там Абдурахман Халилович! Для меня, вынужденного перебраться в Москву сравнительно недавно, неузнаваемы люди, высыпавшие на улицы, сама атмосфера, дышащая злобой и ненавистью. словно кто-то в одночасье вытеснил из города миллион его жителей, понимавших друг друга, работавших вместе, считавших город своим домом, более того — родиной. Этим «кто-то» было время, подгоняемое своекорыстной политикой правящих кланов.

Те же метаморфозы произошли и в Сумгаите, Мингечауре и других индустриальных центрах, отстроенных за годы советской власти, не говоря уже о Кировабаде с его патриархальными традициями.

Отток городского социума с его высоким культурным уровнем, начатый в 60-е годы в связи с освоением целины, Севера и Сибири, усилился в последующем. На тот объективный социальный процесс накладывала свой отпечаток земляческая политика Г.Алиева. Ставка на выходцев из нахичевано-ереванского региона поставила в привилегированное положение «новых бакинцев», стремительно заполнивших сперва все этажи власти и поры общества. Сосредоточение в столице, как и в Сумгаите, новых крупных промышленных производств требовало дополнительного притока людских ресурсов. Власть, пораженная регионализмом и, по сути, являющаяся городской только в первом колене, фактически открыла шлюзы для сельской массы.

Традиционный городской социум, пользуясь терминологией Р.Г. Агаева и З.М. Али-заде²⁷, европеизированная азербайджанская интеллигенция оказались в ничтожном меньшинстве. Ее положение еще более усугубилось после выброса из Армении азербайджанских беженцев, сельской массы, в которой лидеры формирующейся оппозиции, говоря словами Абульфазы Алиева (Эльчибея), «увидели ударную силу движения».

Таким образом, произошла незаметная для воспаленного карабахскими событиями взгляда азербайджанского общества смычка, срастание региональных сил — социальное, и очень скоро — политическое. Требование сделать азербайджанский язык рабочим языком митинга и всех общенародных собраний превращалось в важнейшее средство управления активизировавшимися массами, а значит — и борьбы за власть.

КОНТЕКСТ

Кадровый состав управленцев в Азербайджане, как и в других республиках, формировался в основном за счет русскоязычного национального элемента. Владение общегосударственным языком, языком межпартийных отношений — русским — в карьерном плане сулило несомненные преимущества. И не только для тех, кто планировал двигаться вверх по карьерной лестнице. Русский язык открывал двери в науку, предполагал большие возможности для получения образования, реализации иных способностей по всей территории необъятного Советского Союза. Но главное, конечно, — власть. Пытаться пробиваться наверх без русского языка было делом безнадёжным. Гейдар Алиевич как-то рассказывал, что во время хрущевской расправы с КГБ, когда чекистская организация подверглась беспощадному сокращению, без чего невозможно было «стреножить ее», вернуть под полный контроль ЦК КПСС, серьезная угроза нависла и над ним. Молодого офицера, никак не желавшего сходить с избранного пути, в конце концов, решили оставить в органах, как принято было говорить. Но с жестким условием: он в кратчайшие сроки должен был научиться говорить и писать по-русски. Будущий общенациональный лидер засел за изучение русского, а через год доложил, что приказ руководства выполнен. Помогли исключительная память, желание и работоспособность.

²⁷ Агаев Р., Али-заде З. Азербайджан. Конец второй республики. — М.: Изд. дом «Граница», 2006.

Корявая речь Исы Мамедова, протезированного им осенью 1982 года в качестве кандидата на пост первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана, произвела удручающее впечатление даже на видавшее виды руководство оргпартработы ЦК КПСС, и ему пришлось возвращаться восвояси.

А как же иначе можно было обеспечить управление жестко централизованной многоязычной федерацией? Единая партия, единая система силовых структур (армия, милиция и служба безопасности, единое правовое поле), единый парламент советского типа — Советы, нужен был один общий язык межнационального общения и общегосударственного управления. На советском пространстве им мог быть только русский. Я и сейчас убежден в федеративной целесообразности такого подхода. Имелись изъяны, перекосы, перегибы и даже некое ущемление национальных чувств?

В Азербайджане эта политика, трактованная националистами и критиками советского образа жизни русификацией, что, на мой взгляд, являлось пропагандистским преувеличением, в значительной мере стимулировалось особой экономической, социально-политической и культурной ролью, predetermined историческими судьбами главного города, а затем и столицы Азербайджанской ССР — Баку. Первый нефтяной бум (начало XX века) превратил небольшой восточный город в бурно развивающийся индустриальный центр, обживаемый хлынувшим на заработки рабочим людом со всей России и капиталами Западной Европы.

Советизация по-своему развила особое положение Баку и в самой республике, и в масштабах СССР — крупнейшего нефтяного центра страны. Сюда стекались немалые ресурсы — финансовые, технические, высококлассные специалисты. «Плавильный котел», как называли Баку социологи, получил новое дыхание. Ему-то и обязана своим зарождением своеобразная городская этнокультурная общность, получившая со временем название «бакинская нация» или просто «бакинцы».

Социологи признавали это самоназвание жителей Баку в качестве своеобразного социально-демографического феномена. Представителей разных национальностей и вероисповеданий объединял один — общий для всех — язык, который утвердился в качестве общего языка горюжан ввиду того простого факта, что коренное население — азербайджанцы (до середины XX века турки) — долго составляло меньшинство. Где-то только в 1960-е годы это соотношение изменилось в пользу азербайджанцев, число которых составило чуть более 50%. В последующем эта пропорция неуклонно росла, а к описываемому времени — стремительно. В результате абсорбирующие возможности «плавильного котла» восполнять культурный городской слой резко ограничились. Иногородской социальной элемент стал превалировать, заняв доминирующее положение

в жизни Баку. Знаменитое срастание города и деревни, о котором все время говорили советские социологи, стало реальностью, но только в обратном смысле: не город пришел в деревню, а деревня ворвалась в Баку, подчиняя его уклад своему нраву, традициям, психологии.

Конечно, просматривалось в неосознанном желании народа объясняться с властью, управлявшей им на родном для себя языке — вполне естественное право, вызов и понятное сопротивление. У кого повернется язык винить его?! Но в самом требовании национал-революционеров о немедленном переходе всей республики на язык титульной нации таились еще и неутоленная месть и злорадство. Слишком долго те, кто не мог реализовать себя и свои таланты, с завистью и ненавистью взирали на своих более удачливых русскоговорящих соплеменников. Теперь же они получили шанс и право на реванш. И число таких стремительно росло. Проглядывался в тактическом приеме — запрете на русский — и чисто политический расчет: расчищалось поле для собственной деятельности. Убирали с дороги конкурентную силу.

Раскол

Вовсе не случайно этнократы в первую очередь расправились с русскоязычными из своей интеллигентной среды, с теми, кто стоял у истоков демократического движения: З. Ализаде, А. Абдуллаева, Л. Юнусова и др. Они, не задумываясь, отвергли эту часть населения, вышедшую вместе с ними на улицы с искренней верой в демократию и столь же искренним и неистребимым убеждением, что при желании ее ценности можно привнести на азербайджанскую почву, многократно и глубоко перепаханную выдающимися авторитаристами.

Так, в самом начале борьбы за Карабах в азербайджанском обществе был произведен непреодолимый раскол. Евроазербайджанцев вполне сознательно отодвинули за пределы движения. И дело было не столько в языке, сколько в социально-культурном своеобразии, характере той части социума, которую стали называть уничижительно — русскоязычной. Как оказалось, она представляла тончайший этнокультурный слой нации, находящийся в стадии формирования, определения своей идентичности.

Увы, на обочине движения оказалась именно эта часть интеллектуалов, которая своим воспитанием и знаниями

ориентирована была на общечеловеческие, общедемократические ценности, о чем неустанно трубили трубадуры демократии. Несомненно, отвергнутые интеллектуалы, лидеры неформалов вместе со своим социумом могли привнести в азербайджанское общественное движение иные политические идеи, иную политическую культуру в процесс институализации оппозиции. В этом случае сохранялись практические возможности для диалога, а может, и сотрудничества политических сил обновляющегося общества. Увы, эти соображения, скорее, представляются гипотетическими — меньшинство на этапе революционного брожения может возглавить однородную этномассу только на короткое время. Что, в сущности, и произошло.

Впрочем, ничего нового в расколе, переживаемом азербайджанским обществом, я не видел. Аналогичное неприятие элит и национальной бюрократии, взращенных колониальной администрацией, наблюдалось и на пепелищах городов Алжира, Ирака, Египта, Сирии и далее на просторах великого азиатского континента после победоносного шествия национально-освободительного движения пару десятилетий назад. Очевидно, это неизбежная цена независимости, даже если она оказывается очередной национальной иллюзией.

Завершился поиск лидеров нарождающегося движения появлением новых идолов, что вполне соответствовало национальной традиции. На тот момент — конец 1988 — начало 1989 года — таковыми позиционировали себя Неймат Панахов, Этибар Мамедов, Абульфаз Алиев (первоначально примеривший тюркизированный псевдоним Алисой, а затем остановившийся на не без фантазии придуманном новом партийном имени — Эльчибей, с которым ему и суждено было покинуть сей бранный мир, познав прежде бренность политической славы и народного признания. От осторожных намеков Компартии на очевидную региональную принадлежность неформальных лидеров общественность отмахнулась, как и от всех других предупреждений: дорожить стабильностью, сообща противостоять проискал армянского национализма.

Новое руководство при всех своих стараниях оставалось слишком узвзимым для критики. Колебания М.С. Горбачева,

неспособность или хуже того — нежелание центральных властей покончить с сепаратизмом лишь подтверждали обвинения неформалов и худшие опасения общественности.

Агитаторы неформалов действовали в родной для них стихии — народной гуще. Невооруженным глазом было видно, что общественность явно сочувствует молодым патриотам, грудью вставшим на защиту Карабаха. И все же самым популярным, искренним и до конца преданным карабахской земле стал настоящий интеллигент, подлинный патриот — доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент АН Азербайджанской ССР, создатель азербайджанской школы кристаллографии Худу Мамедов.

Искренность намерений этого неприметного внешне человека в годах проявлялась как раз в том, что он не стремился в политические лидеры, теребил руководство республики, убеждал своих земляков-карабахцев быть начеку, быть готовыми дать отпор армянским сепаратистам. Забросивший свои исследования, он неделями пропадал в Шуше, Агдаме, не боялся появляться в Степанакерте, вступать в отчаянные споры с сепаратистами, чем немало гневил А.И. Вольского и членов его команды. На него в Карабахе смотрели как на признанного аксакала, надежду в начинающейся схватке за земли предков. Прислушивался к его мнению и А.Х. Везиров, привечал В.П. Поляничко, много размышлявший над привлечением уважаемых старейшин края к процессу примирения общин в Нагорном Карабахе.

Х. Мамедову верили и в народе, и во власти. Несмотря на пошатнувшееся здоровье, он сумел собрать вокруг себя единомышленников, и уж если в Азербайджане зрело здоровое, цельное неформальное общественное единение — это была группа Х. Мамедова. Увы, ему не суждено было довести до конца свои замыслы по организации всеазербайджанского сопротивления планам вычленения Нагорного Карабаха — не выдержало сердце. Оно остановилось после бурной дискуссии, вызванной очередным сообщением об изгнании азербайджанцев из Степанакерта.

Преждевременная смерть Худу Мамедова открыла счет длинному списку потерь азербайджанской интеллектуальной элиты в ходе перестроечных преобразований. Пожалуй,

после репрессий 1937 года интеллектуальный потенциал страны не подвергался столь тотальным гонениям, обструкции, физическому уничтожению. В конечном счете лучшая его часть, возвращенная за годы советской власти, оказалась отброшенной, деморализованной, а новую смену было некогда, да и некому готовить. Так место думающей, авторитетной интеллектуальной элиты заняли горлопаны, как просто и четко назвал национал-революционеров известный писатель Акрам Айлисли, публично заявивший, что ему не по пути с теми, кто берется решать национальные проблемы с помощью толпы.

Такое заявление в 1988 году, помимо политической проицательности, требовало еще и отваги. По-моему, среди коллег А. Айлисли так и не нашлось ни одного человека, который решился бы повторить его подвиг.

Так причудливо пролегла еще одна линия раскола в обществе, мучительно ищущем способы отражения захватнических планов соседней республики. Она пролегла между теми, кто осуществлял власть, управление и обязан был организовать сопротивление сепаратистам, и формирующейся оппозиционной силой. На первом этапе, примерно с ноября 1987 года по ноябрь 1988 гола, национал-революционеры действуют под лозунгами борьбы за Карабах. Но при этом не скрывают своего недоверия к правящей партии, обвиняя ее в сговоре с Москвой. Таким образом, компартия и ее руководство вынуждены вступать в неравную схватку на нескольких фронтах.

Важнейший из них — московский, где действуют силы, скрытно и явно поддерживающие мятежную область, где принимаются политические решения по урегулированию конфликта. Второй — нагорно-карабахский, фактически находящийся под контролем сепаратистов, но где еще сохраняются партийные, государственные, правительственные структуры, подчиненные республиканской власти, промышленная, аграрная база, являющаяся частью общего экономического организма. Третий — противостояние с Арменией, откуда накатываются волны беженцев, ввергая республику в пучину отчаяния.

Что делать? Партийно-государственные органы соседней республики принимают в этих противозаконных акциях —

фактически этнической чистке — активнейшее участие. (Фактически речь, по сути, шла о первой масштабной такого рода антигуманной акции на советском пространстве. Союзное правительство обязало заниматься проблемами попавших в беду тысяч азербайджанских семей, являвшихся гражданами Армянской ССР, правительству Азербайджана(?!))

Столь нехитрым и в то же время иезуитским способом руководители СССР придали этнической чистке, произведенной при их попустительстве властями Армении, характер социально-бытовой проблемы. Подконтрольные советскому руководству СМИ практически закрыли глаза на изгнание азербайджанцев с их исторических земель. Азербайджанские власти занялись благоустройством вынужденных переселенцев, чего, собственно, и добивалась Армения.

Итак, две республики, целый регион Советского Союза, находятся в состоянии разгорающейся гражданской войны. Конфликт имеет межнациональный характер ввиду его исторических и этнических составляющих. С точки же зрения конституционного права, единого политико-правового пространства, единого федеративного государства — в Армении полыхает гражданская война, затягивающая в свой безжалостный водоворот и Азербайджан.

Четвертая линия фронта — невидимая, но самая опасная с точки зрения властного управления. Яд межнациональной вражды разъедает и организационную структуру Компартии. Интернациональные ценности, и без того повсеместно осмеивающиеся, перед фактом информационной, политической войны и агрессивных территориальных претензий, мягко говоря, лишаются своей притягательной силы. Более того, приходится искать и находить новые формы работы с партийно-государственным сектором НКАО.

Появились явные признаки того, что сложностями текущего момента повсеместно пользуются разного рода клановые группировки на местах, пытающиеся подмять под себя власть, а то и продвинуть на руководящие позиции своих людей. Алиевский клан, чьи представители располагают немалыми финансовыми ресурсами и имеют широкие выходы на управленческие и хозяйственные структуры, рассматривают начавшиеся события как средство ослабления полити-

ческого руководства, реанимации утраченного влияния. Большинство провокационных слухов, по данным правоохранительных служб, поступает из источников, близких к людям бывшего руководителя республики. Сам он находится в Москве — на лечении...

Совершенно очевидно, что громоздкая централизованная структура власти, привыкшая управлять страной по давно накатанной схеме, не поспевает за событиями — и в Москве, и у нас, в Баку. Горбачев специальным постановлением (30 сентября 1988 года) спешно создает комиссии ЦК КПСС, приступает к реорганизации аппарата руководящей структуры партии. Начало реформы партии? Может, удастся добиться большей гибкости в управлении, а главное — сбросить непомерно разбухшую и тяжелую ношу — дублирование работы и задач госорганов и опеку всего и вся. Иными словами, КПСС должна поделиться властью. Готова ли она к этому?

А.А. Громыко обращается к товарищам по Политбюро с прошением об отставке (точнее — об уходе на заслуженный отдых) с поста председателя Президиума Верховного Совета СССР. Мавр сделал свое дело...

Ничего не скажешь, знаковое событие, и ход своевременный, хоть и жаль расставаться с легендарным министром, «последним из могикан», представителем мощной плеяды, возвращенной другой эпохой.

Просьбу А.А. Громыко единодушно уважили. Эпоха «Господина нет» кончилась так же неповторимо, как и его беспримерно долгий карьерно-политический путь, который и поныне вызывает восхищение. Кто же окажется «Господином да», как того желают в США?

На прощание он сказал товарищам по Политбюро: «Являюсь убежденным сторонником великой перестройки советского общества...»

Ну что ж, вполне в духе нового политического мышления, в духе декларируемых новых подходов к осуществлению властных отношений. Не стали ждать инсультов, инфаркта, паралича. Не лишили правительственного обслуживания, достойного экс-главы (президента!) великой державы.

Вот только смущает то, как спешно, буквально на следующий день, собирается внеочередная сессия Верховного Со-

вета СССР. М.С. Горбачёв избирается (разумеется, единогласно) председателем Президиума Верховного Совета СССР. Как ни крути, а попахивает хрущевско-брежневским приемом сосредоточения партийно-государственной власти в одних руках.

«Выдвижение генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачёва на пост главы нашего государства будет соответствовать высшим интересам страны», — заявил, выступая на сессии, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л.Н. Зайков.

А как же разделение ответственности и ветвей власти, о чем толкует московская демократия? И не формализуется ли сущность поста главы государства? Никто не задумывается и над простой, чисто производственной стороной вопроса: «А по Сеньке ли шапка?»

Надо ли говорить о том, что судьба любой страны, в том числе ее вес, авторитет, уважение на мировой арене, зависит от ее саморазвития, измеряется многими факторами экономического, военно-политического, социального, культурного порядка. Десятилетиями США руководствовались доктриной, согласно которой приоритетом нового правительства являлась сама Америка, ее развитие. Да и наш, советский опыт разве не свидетельствует о необходимости на поворотных моментах истории сосредоточиться на решении жизненно важных для будущего страны задачах? Так было на заре советской власти, когда, казалось, само время требовало реализации программ по ускорению индустриализации, перевода аграрного сектора на новые рельсы. И в послевоенный период, когда надо было поднимать из руин огромную страну. За четверть века была создана военно-промышленная мощь, благодаря которой стали возможны процессы разоружения, военно-стратегический паритет и, наконец, дух Хельсинки, по сути, вызвавший к жизни советскую перестройку, программу обновления.

Чтобы удержать начатые процессы обновления в русле объявленного курса, пожалуй, придется работать почти так же, как во время Великой Отечественной, когда решалась судьба страны, социалистической идеи. Так думается не

только мне одному, а многим. Да и сам генсек вынужден признать, что в обществе набирают силы центробежные тенденции. Признать — признает, а действует по-старому.

Гасить карабахский пожар, расплзающийся по всему кавказскому краю, генсек послал своего представителя. А. Вольский хоть и наделен особыми полномочиями, но очень скоро выясняется, что он действует увещеваниями, призывами жить дружно, а в Москве просто плохо представляют себе, чем представитель ЦК КПСС занимается в мятежной области. Генсек сосредоточен на международных вопросах. Не дают покоя Польша, Румыния. Тревожная обстановка в ГДР. Горбачев полагает, что битва за социализм решается на путях сближения с Западом. Вот его позиция: «Процессы обновления демократизации, открытости в мире социализма создают тенденции, благоприятствующие контактам между странами Востока и Запада, делают возможной принципиально новую полосу в их взаимоотношениях»²⁸.

А.Х. Везиров, получивший передышку с началом миссии полномочного представителя центральных властей, с удовольствием занимается партийными делами, хозяйственными вопросами республики, коих накопилось предостаточно. Разработана и принята комплексная программа «Жилье». До конца 1991 года те, кто стоит на учете до 1986 года, будут обеспечены квартирами. Бакинцам выделено около 20 тысяч дачных участков, объявляет он на встречах с трудовыми коллективами. Особого энтузиазма эти сообщения руководителя республики не вызывают. Хотя никто и не отказывается от дарованных на Апшеронском взморье земель семейной летней «резиденции».

«Карабах-то как?» — если и не спрашивают напрямую люди, но вопрос — в угрюмых взглядах. Все житейские вопросы — от пустых прилавков до крыши над головой — вмиг потеряли свою остроту. Перед орготделом поставлена задача обновить руководство партийных комитетов. Откуда брать кадры? Нужны опытные, знающие, умеющие работать с людьми управленцы. Новой команде придется заниматься

---

²⁸ Ответы Горбачёва на вопросы журналиста «Ляован» // «Бакинский рабочий», 12 января 1988 г.

не выполнением планов, а противостоять национализму — армянскому и своему, родному азербайджанскому.

Я успел заметить: некоторые руководители на местах подлаживаются под меняющиеся политические настроения — очень уж удобно выглядеть такими перестроившимися коммунистами, сдобрив свою речь националистической риторикой. За внешним подражанием, потаканием настроениям толпы следуют уступки властные. На командные посты, особенно в районах, продвигаются близкие к горлопанам люди, ставленники местных «авторитетов». Но самая острая проблема — сохранить и закрепить на советских позициях ту часть партийно-советского актива НКАО, которая не поддалась национал-сепаратистскому угару, старается удержать область от сползания в болото «миацума». Такие имеются, и их, на удивление, немало.

Позже идеологи победившего сепаратизма будут писать, что все коммунисты и комсомольцы области разделяли идею «миацума». Но это отнюдь не так. Об этом следует сказать из простого уважения к людям, которые сохранили свои убеждения и взгляды, несмотря на всеобщее опьянение националистическими лозунгами. Остались верны жизненным убеждениям, невзирая на открытые угрозы и преследования. Они продержались достаточно долго — те, кто имел свое понимание ситуации и проблем федеративных отношений — до начала 1989 года.

Некоторые, кстати, стояли на своих позициях и далее. И это при тотальном, невыносимом морально-политическом и физическом терроре. Об этом в советских СМИ предпочитали молчать, а если и упоминали, то лишь вскользь — как о неистребимом чертополохе партократии. Однако сепаратизм везде и всюду подгоняется, живет и добивается своих целей с помощью экстремистской идеологии и террористических армий. И как бы их ни называли: «бородачи», «командос», «боевики», «талибы», сущность одна — террор, расправа над мирным населением, уничтожение несогласных.

Со всей ответственностью заявляю: мобилизация, единство действий протестных масс в НКАО с самого начала входили в планы «бородачей» — вооруженных групп из Арме-

нии, к которым присоединилась и местная молодежь, часто так или иначе связанная с уголовным миром. Они же в основном проводили этнические чистки – в Армении и Нагорном Карабахе.

Жертвами армянского террора стали не только азербайджанцы, но и многие лица армянской национальности, несогласные с антисоветской, антиазербайджанской политикой. Останавливаюсь на этом вопросе, потому что многие из них являлись моими товарищами, коллегами. И не их вина, что они проиграли. Баку бессилён был их защитить. А Москва... Горбачевская перестроечная Москва, будем откровенны, просто отвернулась, предала. Впрочем, как и миллионы своих граждан по всему Советскому Союзу...

– Вы просто не представляете, что творится в кабинетах, домах, умах и душах людей! Это – контра! Враги всего советского. Враги не только азербайджанцев, но и нас, карабахских армян.

После этих слов один из моих давних комсомольских товарищей просто расплакался. Мои призывы – несмотря ни на что держаться, заверения, что партия выправит ситуацию, расставит все по своим местам, убеждали только лишь Баку.

«Первое, что бросается в глаза, когда въезжаешь в Шушу – районный центр НКАО, где преобладает азербайджанское население, – это взволнованные группы людей у здания райкома партии и райисполкома. Еще недавно у них были свои дома, своя работа. А сейчас они – беженцы...

Исход из Армении охватил Араратский, Красносельский, Азизбековский и другие районы республики. Тысячи людей переехали в Азербайджан, и вот добрались до Шуши», – угрюмо рассказывают командированные в Степанакерт работники партийных комитетов, правоохранительных органов.

Сейчас в этом небольшом городе уже более 4 тысяч переселенцев. Грустная статистика.

В Агдаме та же картина плюс совершенно удручающие новости: здесь ежедневно загружается несколько автомашин, которые доставляют продукты в ряд азербайджанских селений НКАО. Это вызвано тем, что Степанакерт почти прекратил их снабжение.

Переполненные общежития и другие здания, где местные власти с трудом разместили беженцев. Это еще и масса проблем, которые тяжелым бременем легли на плечи партийных и советских органов: как всех накормить, трудоустроить?

В Агдамском районе, где уже более тысячи приезжих из Степанакерта, людям дали возможность работать на уборке хлопка.

Заместитель министра внутренних дел СССР И. Шилов, повстречавшийся в обкоме, жалуется:

— Обеспечение общественного порядка, контроль на дорогах — этим не ограничиваются функции внутренних войск, временно находящихся в НКАО. Сейчас они занимаются доставкой продуктов в Степанакерт и сельские районы области, охраняют водозаборные пункты. Кроме того, по просьбе земледельцев солдаты помогают хозяйствам на сельхозработах.

А как же зачинщики погромов, провокаторы, противоправные действия и Конституция СССР, втопанная в грязь и обгаренная людской кровью?

— Ведется следствие...

ДИАЛОГ ГЛУХИХ

О рве, готовом превратиться в окоп

«В Степанакерте, между тем, ворота предприятий закрыты. Бездействует общественный и городской транспорт. Замерло строительство общественных и жилых зданий, несмотря на большую потребность в них жителей города, на железнодорожной станции простаивают вагоны с грузами», — знакомит с обстановкой В.А. Вольский.

Сама атмосфера в городе опровергает доводы и аргументы об ожидаемой нейтрализации сепаратизма. Она, это атмосфера враждебности, настояна на слухах, в которой официальная информация опровергается дезинформацией, поступающей по разным каналам из зарубежных центров армянства. С ними в унисон работают люди так называемого Армянского освободительного движения и сепаратистское подполье: АОД, КРУНК, Карабах и множество других обществ, клубов, организаций, возникающих на месте и объявляемых вне закона.

Смысл неконтролируемого потока информации сводится так или иначе к одному: «Если держаться всем вместе, никакие партийные решения не помогут Баку. С нами США, Запад, демократическая Москва».

«Зачем Горбачёв сразу после заседания Президиума принял главных идеологов сепаратизма Сильву Капутикян и

Зория Балаяна?» — спрашивают меня приезжающие на мероприятия ЦК Компартии партработники Нагорно-Карабахского обкома. О том же вопросы депутатов области на сессии ВС республики и СССР: «Не такие уж герои эти бородачи и аодовцы. Сразу после заседания Президиума впали в уныние, притихли. Встреча Генсека с их неформальными лидерами вселила надежды. Опять все предприятия остановились, опять бесконечные митинги, опять витийствующие бездельники и проходимцы. Опять стычки, как сообщает ТАСС, на национальной почве...»

А у меня у самого нет ответа на вопросы карабахцев, как и всего партийного актива.

Может, есть что-то утешительное у нашего шефа Везирова? Он только что (13 октября) встретился со своим армянским коллегой С.Г. Арутюняном. На сей раз в Степанакерте первые секретари находящихся в состоянии «клинча» республик побывали на предприятиях города, встречались с жителями Шуши и Аскерана.

«Мы обменялись информацией о положении дел, задачах, которые решают партийные организации, трудящиеся Азербайджана и Армении в ходе перестройки», — бодро информирует коллег по бюро Первый секретарь. А у самого в глазах не свойственная ему усталость. Видно, есть от чего...

Руководители, ясное дело, особое внимание уделили вопросам, связанным с выполнением постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР по Нагорно-Карабахской автономной области. Несмотря на усилия союзных министерств и ведомств, партийных, советских, хозяйственных органов Азербайджанской ССР, из-за забастовок, невыходов на работу, а также сопротивления некоторых руководителей областных организаций и учреждений предусмотренные задания осуществляются неудовлетворительно.

«С руководством обкома партии и облисполкома рассмотрены вопросы, связанные с восстановлением разрушенных и сожженных 18–21 сентября 1988 года жилых домов в Степанакерте и Шуше. Ряд лиц, совершивших противоправные действия, арестован, в отношении них ведется следствие работниками Прокуратуры СССР», — без особого энтузиазма

сообщает Рахман Халилович. И, повернувшись к представителю «Азеринформа», надиктовывает абзацы будущего официального сообщения, которое с нетерпением ждут за стенами здания ЦК и которым все меньше веры.

Комиссия ЦК по работе с азербайджанцами, покинувшими Степанакерт, поручено безотлагательно решить все вопросы их устройства. Председателю Совета Министров Азербайджанской ССР Г.Н. Сеидову — рассмотреть и решить эти вопросы с выездом в НКАО и об итогах информировать Бюро ЦК. (Сеидов торопливо что-то записывает в блокноте, тяжело вздыхает.) Нагорно-Карабахскому обкому КП Азербайджана, исполкому областного Совета народных депутатов совместно с республиканскими министерствами и ведомствами развернуть активную работу по решению вопросов, поставленных в ходе встречи первых секретарей ЦК Компартии Азербайджана и Армении, а также в беседах с активом и трудящимися области. Осуществить меры по постоянному информированию общественности о положении в НКАО и работе республиканских организаций по нормализации ситуации в области.

Бюро ЦК Компартии Азербайджана специально обсудило вопрос «О выступлении газеты «Советакан Карабах» («Советский Карабах») и обязало бюро обкома партии обеспечить строгий контроль за политической направленностью своего печатного органа, принять действенные меры по оздоровлению обстановки в редакции газеты, возвращению ее на позицию партийной печати. Бюро обкома партии должно рассмотреть вопрос о персональной ответственности коммунистов — руководителей газеты, дать принципиальную оценку фактам публикации материалов, разжигающих межнациональную рознь, и о принятых мерах информировать ЦК КП Азербайджана.

Обком, как и редакторы, делают вид, что подчиняются партийной дисциплине. Мы делаем вид, что верим и ждем практической реакции. События развиваются своим, заданным ходом, руководящая команда — своим. Согласно установкам Центра, следуя идеям перестройки. У площади в Степанакерте свои установки, свой центр. И все об этом знают.

Комиссия депутатов Совета национальностей Верховного Совета СССР по вопросам межнациональных отношений, возглавляемая Председателем Совета национальностей Верховного Совета СССР А.Э. Воссом, приступила к изучению на месте проблем, связанных с Нагорным Карабахом.

Состоялась беседа членов комиссии с представителями трудящихся, интеллигенции и руководителей ряда предприятий и организаций города Степанакерта.

Комиссия намечает также изучить предложения партийных, советских органов и трудовых коллективов по Нагорному Карабаху в Баку и Ереване, сообщает ТАСС.

Что это: зондаж перед принятием решительных, действенных мер? Или отработанная партийной машиной реакция на события? Изучать проблему можно долго. Как бы там ни было, Москва не поспевает за событиями. А.Э. Восс только разводит руками. А.И. Вольский, не оставляющий его ни на минуту, угрюмо молчит.

В отделах ЦК КПСС многие мои собеседники относятся с пониманием к двусмысленному положению, в которое поставлено политическое руководство республики. Некоторые считают решения заседания Президиума исчерпывающими. «Остальное — вопрос времени». Другие согласны, что Центру не хватает решительности. «Но вам тоже надо проникнуться сложностями переживаемого политического момента и действовать самим — инициативно, смелее, проявлять гибкость». Гибкость — это значит уступчивость. Уступчивость — компромисс. За компромиссами просматривается «миацум». Потому что односторонний компромисс, если и практикуется в политике, то он называется иначе. А сепаратисты народ упертый. И чем дальше, тем непробиваемей.

— Армяне уперлись, заиклились, их заклинило. Это — бетон. Но вы-то понимаете — так проблему не решить, — вот вкратце позиция Москвы. Конкретно — Михаила Сергеевича!

После этого неожиданного признания Рахмана Халиловича, не очень склонного к откровениям, о деталях своих дискуссий с «могучей тройкой — Горбачёвым, Шеварднадзе, Лигачевым», воцаряется тревожная тишина. Члены Бюро молча переглядываются.

Ясно, что ЦК КПСС необходимо избежать субъективности, предвзятости. Отсюда позиция равной удаленности от конфликтующих сторон, взятого в виде тактического хода генсеком. Но такая тактика возможна в качестве временной меры. Ее результатом, скорее всего, явится недовольство, точнее — недоверие, которое возникнет в умонастроениях официальных Баку и Еревана, не говоря уже о параллельной власти — площади.

Однако эта политика, реализуемая посланцем ЦК КПСС А.И. Вольским в Степанакерте, явно оборачивается потаками армянскому большинству. Полномочному представителю Центра не удастся вселить азербайджанцев, изгнанных из Степанакерта, в свои дома. В таком же подвешенном состоянии находятся армяне, отставленные от своих рабочих мест в Шуше. Их привозят в город под охраной или под конвоем.

При случае А.И. Вольский с удовлетворением подчеркивает, что сделано немало в части реализации принятых ЦК КПСС и Советом Министров СССР постановлений по Нагорному Карабаху, его социально-экономического развития. «И уже начала проявляться надежда, что из жизни карабахцев постепенно уйдет то, что не раз давало повод для обид и недовольства», — сообщил он на внеочередной, двенадцатой сессии Верховного Совета СССР и вынужден был признать: «Без всякого преувеличения можно сказать, товарищи, что в любом другом регионе страны подобные меры были бы восприняты и оценены с благодарностью, помогли бы снять остроту многих вопросов. Однако в НКАО этого пока не произошло. Многие слои населения оказались втянутыми в борьбу за отсоединение области от Азербайджана настолько, что эмоции подавили разум»²⁹.

А.И. Вольский убеждает и депутатов, и нас, что перелом должен наступить, обязательно наступит: «Но для этого надо решительно и принципиально переломить попустительство и пассивность. Не лукавить, не мириться с идейным двуличием»³⁰. Это рекомендация опоздала лет эдак на 10, а может,

---

²⁹ «Бакинский рабочий», 8 октября 1988 г.

³⁰ Там же.

и поболе. Сегодня нужна карательная очистительная работа власти, и не местной, а общей, советской. Говорят об этом и в Москве, но как-то вскользь, обтекаемо. Вот образчик решительности от А.И. Вольского: «Поэтому есть все основания сказать, что очистительным процессом незамедлительно должен быть дан более сильный импульс»³¹.

Счет идет не на месяцы, а на дни. То, что выглядит смелым и решительным сегодня, завтра будет выглядеть безнадежно запоздалой мерой. Отсюда стремление руководства компартии приступить к кадровому обновлению, реорганизации аппарата партийных комитетов и, в первую очередь, ЦК.

Эти вопросы — на повестке дня Пленума, спешно собирающегося 13 ноября. В.Н. Коновалов освобождается от обязанностей второго секретаря, выводится из состава ЦК Компартии Азербайджана. Можно считать, что он хорошо отделался — благополучно ушел на пенсию. Теперь черед В.П. Поляничко. Виктора Петровича тайным голосованием вводят в состав ЦК, избирают вторым секретарем и членом Бюро ЦК Компартии. Высший руководящий орган партии — ЦК, несмотря на старый доперестроечный состав, находится под контролем, демонстрирует дисциплинированность, готовность подчиниться воле нового руководства. Меня и И.И. Гореловского также тайным голосованием вводят в состав ЦК и избирают членами Бюро.

И, тем не менее, А.И. Вольский, очевидно, продолжает делать ставку на решение социально-бытовых проблем. Поступает информация, что армянская часть населения отказывается от материалов и услуг, предложенных предприятиями Баку, Гянджи, Мингечаура.

Выход из очередного, искусственно созданного тупика сепаратисты видят в том, чтобы обратиться за помощью в Ереван. Вольский и его команда, там же, кстати, и В. Мишин, а также несколько менее известных фигур из комсомола, ничего против этого не имеют. Однако шушинцы относятся к специалистам, командированным из Армении, с подозрением, и на то есть основания. Фактически бойкотируется все азербайджанское. Степанакерт переполнен подозритель-

³¹ «Бакинский рабочий», 8 октября 1988 г.

ными эмиссарами из Еревана, перекрываются действовавшие десятилетиями каналы жизнеобеспечения области, налаживается доставка материально-технической помощи из Еревана. Пару лет такого разворота — и область будет вычленена из состава Азербайджана де-факто.

Идеологи «миацума» поговаривают о переподчинении промышленных предприятий НКАО Армении. Так трактуются известные решения о социально-экономическом развитии автономии. Поступает информация о том, что урожай винограда некоторые хозяйства перебрасывают через Лачин на перерабатывающие предприятия Армянской ССР, и вслед за ней раздается душераздирающий информационный вопль: армяне вырубают лес в историческом заповеднике Топхана! Чем знаменито и дорого сердцу шушинцев это название, никто толком не может объяснить: одни толкуют об экологическом бедствии, другие приводят имена знаменитых поэтов, говорят об исторических преданиях. Как бы там ни было, а в Шушинском райкоме партии подтверждают: в Топхане действительно хозяйничают строители из Еревана. Кинулись разбираться, и долго ломали голову над тем, как объяснить произошедшее под Шушой безобразие.

Оказывается, в области началось сооружение филиала Канакерского алюминиевого завода Армянской ССР и пансионата на кооперативных началах для его работников. Облисполком разрешил сооружение объекта под видом строительства жилья, необходимого бывшим жителям Сумгаита, переселившимся в Степанакерт! Такая вот забота о бывших сумгайтцах. И об этом никто ничего не ведаёт: ни Вольский, ни мы в Баку. А вот предсовмина Армянской ССР тов. Ф.Т. Саркисян в курсе!

В Москве простодушно отвечают, мол, кто знал, что Канакерский завод находится в Армении! Словом, Топхану, историко-экологический заповедник, не узнать. Как не узнать площадь им. Ленина, что перед Домом правительства, архитектурного шедевра на Набережной, вмиг превратившаяся в огромный клокочущий людской муравейник.

Пока дивились находчивости организаторов провокации, пока военные брали под контроль дороги, ведущие к Топ-

хане, на площади в Баку творилось нечто невообразимое. Здесь фактически сформировалась новая автономия, силовая территория, вышедшая из-под контроля республиканской власти, со своим суверенитетом, руководством, информационной и прочими службами.

Я не оговорился, назвав захват самой крупной площади столицы митингующими новой автономией. А как иначе назвать новую действительность? Выплеснувшуюся за пределы закона волю разбушевавшихся народных масс, по-своему трактующих нововведения перестройки и, таким образом, присвоивших право диктовать свои правила в меняющихся взаимоотношениях связки — власть и общество.

Что же такое происходит? Свидетелями чего мы все станем? Порыв массовой воли? Тщательно подготовленная провокация? Интуитивная догадка народа о готовящемся обмане, о беде, нависшей над землями предков? События такого рода вызываются к жизни множеством причин. Во всяком случае, никогда в Азербайджане ни одна социальная группировка — ни порознь, ни вместе — не проявляла такого консолидированного, столь вызывающе открытого несогласия с властью, более того, не выражала желания публично высказать свой протест проводимой ею политике. При всей своей закрытости, авторитарности компартия вместе со своими структурами не оказывалась в положении фактического противостояния с теми, кого она называла народом, не отделяя от себя.

Впервые я, как и многие входившие в состав руководства республикой, едва ли не зримо увидели ров, отделяющий властвующую команду от всей армии граждан республики. Мы еще не хотели признать, даже наедине с собой, что это начало, что ров может превратиться в окоп.

Странным образом внимание всех сосредоточено на местечке под названием Топхана. Приходится срочно публиковать историческую справку о заповеднике, созданном на рубеже XVIII–XIX веков азербайджанскими правителями Панах-ханом и Ибрагим-ханом в качестве укрепленного пушками бастиона на подступах к Шушинской крепости.

«Историко-экологический заповедник не узнать», — грустно сообщают мне ученые, срочно командированные в

Шушу для разъяснительной работы, дабы утихомирить людей.

И этим можно успокоить людей, которые считают, что одна советская республика присвоила себе право бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела другой и столь же бесцеремонно хозяйничать в ее пределах?

Между тем, площадь Ленина трансформировалась в Мейдан. А над Мейданом восходит звезда «народного героя» — Неймата Панахова. Ясное дело — свято место пусто не бывает.

Московские журналисты дружно принимаются лепить портрет исламиста-хуруфиста, не лишено харизматических черт, как-то: из рабочих, работал на знаменитом заводе им. лейтенанта Шмидта, знает наизусть средневекового поэта Насими, автора знаменитого двустишия: «В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь». Закончил свой путь Насими на плахе, подвергнутый мучительной пытке тогдашних исламистов-фундаменталистов — с него, живого, по преданию сдирали кожу. Н-да...

Вчитываюсь в речи новоявленного пророка: ни единой стихотворной строчки без понятия о движении хуруфистов. Зато хватает проклятий в адрес большевиков и предательств партократии, то бишь нас (термин заимствован из лексики московских демократов, как, впрочем, и многое другое). Впрочем, очень скоро поступает информация о том, что молодой человек пристроен в общежитие упомянутого машиностроительного завода им.лейтенанта Шмидта по протекции академика Джалала Алиева, на даче которого он и подрабатывает себе на жизнь. Однако никак мы не можем без лейтенанта Шмидта...

Надежда на то, что народ пошумит пару дней, а потом разойдется, не оправдалась. Хотя ораторы подустали и начали вскоре повторяться. Периодически Н. Панахов куда-то исчезает, потом вновь появляется со свежими идеями и темами. Оказывается, у «народного трибуна» имеются опытные советники — Джалал Алиев и его люди, а у тех на связи и старейшина клана — Гейдар Алиевич. Круг замкнулся.

— Скажите им, чтобы не расходились ни в коем случае. Даже если танки двинут против них, — кричит в трубку бывший член Политбюро, ничуть не заботясь о конспирации.

— Неймат устал. Он не знает, что говорить. Может, что-то сообщить?

— Пусть говорит, что в голову взбредет. Кто сейчас его будет проверять? А станут проверять — себе же хуже. Неймат — герой! Он — любимец народа!

Самое поразительное то, что бывший генерал КГБ прав. Что и говорить, хорошая у него выучка. В самом деле — опубликуешь сейчас эту распечатку телефонных переговоров, площадь завопит: « Фальшивка! Провокация!» А там, глядишь, и ненавистный доселе Гейдар Алиев из героев застоя вмиг трансформируется в лидеров демократии. Как Борис Николаевич... А нам только своего Ельцина не хватает. Так думают многие в Бюро. И логика в том есть — в одночасье нарисуют портрет гонимого Москвой национального лидера.

Троевластие

Итак, пока мы разбирались с сепаратистами в Степанакерте и Ереване, в Баку сформировался куда более скрытый фронт сопротивления существующей власти. С ней как быть? Вопрос не из простых. Народ на Мейдане делит население на «своих» и «чужих». Ловко, однако, прикрылись народным гневом некоторые из «своих». Вот и приходится ЦК Компартии сообщать об этом политическом своеобразии текущего момента почти эзоповым языком.

«Перед соответствующими организациями поставлен вопрос о недопустимом, подстрекательском характере некоторых материалов в средствах массовой информации Армении. Подобные публикации вызывают законное возмущение честных людей».

«Соответствующие организации» — это ЦК КПСС. Оттуда сперва доносятся невнятные разъяснения о том, что, мол, не надо паниковать. Затем принимается решение объявить в Баку, Нахичевани и Кировабаде (с 24 ноября) особое положение — заготовка М.С. Горбачёва. Это значит, что запрещается «проведение в любое время суток демонстраций, митингов, зрелищных мероприятий, а также проведение забастовок любого вида на всех предприятиях, в учреждениях и организациях. Нарушители подлежат увольнению с работы

и привлекаются к ответственности»³². С.Б. Татлиев, председатель Президиума Верховного совета Азербайджанской ССР, которому поручено выступить с соответствующим обращением к гражданам республики, разъяснил особенности вводимого режима. Задача власти, говорится в обращении, «обеспечить надежный общественный порядок и законность, не допустить опасного развития событий, защитить жизнь и здоровье людей. Государство не может стоять в стороне, когда льется кровь невинных людей».

Останавливаюсь столь подробно на действиях политического руководства не оправдания ради — это совершенно другой разговор. Мы, вместе осуществлявшие власть, впервые оказались перед выбором: прибегнуть к силе против протестной массы, готовой опрокинуть власть — со всеми вытекающими из этого факта последствиями. Или же предпринять действия, ограничивающие радикализм митингующих, с тем чтобы справиться с ситуацией без кровопролития.

Над нами витали призраки Алма-Аты и Тбилиси. Парализующе действовал и другой фактор, о котором, увы, руководство предпочитало говорить эвфемизмами: законное недовольство граждан «активно используется антиперестроечными силами в Азербайджане для нагнетания страстей, эскалации напряженности в республике».

Знали о том и в Москве: во главе антиперестроечных сил стоят и «бывшие» — Г.А. Алиев и его люди, многие из которых остаются на важных позициях. Уж они-то хорошо понимают, что стабилизация положения в республике неминуемо приведет к окончательной утрате влияния семейно-земляческого клана. Я, как и некоторые другие члены Бюро, полагал, что об этом надо заявить открыто, обнародовав прямую связь некоторых ораторов с «крестными отцами» нахчиванского политико-мафиозного клана. А.Р. Везиров исходил из того, что тем самым невольно может быть спровоцирован новый раскол в обществе, появятся новые очаги недовольства.

Следственная группа Прокуратуры СССР, работавшая в НКАО, завершает расследование уголовных дел о совершенных преступлениях.

³² «Бакинский рабочий», 17 ноября 1988 г.

Другая группа занимается исключительно «делом Алиева». В один из моментов Н. Панахов объявил, что «люди Москвы» окопались в гостинице «Апшерон», откуда осуществляют якобы наблюдение за митингующими. Следователям пришлось упаковывать чемоданы.

Между тем в НКАО в разгаре отчетно-выборная кампания в «первичке». По поступающей информации, партийные комитеты запуганы, сепаратисты врываются на собрания коммунистов, дают в открытую, ясно, что многие секретари переходят на сторону «народа» или подыгрывают сепаратистам, одновременно сигнализируя в Баку о надвигающейся опасности. Вхожу с предложением в Бюро: в связи со сложившимся в автономной области положением приостановить проведение отчетно-выборных партийных собраний в первичных организациях, районных, городской и областной партконференций до стабилизации положения в НКАО.

Бюро ЦК охотно соглашается с решением. Однако всем ясно — это временная мера. Власть ускользает из рук Компартии. Пора разобраться, что же у нас все-таки установилось: двоевластие или троевластие? ЦК контролирует советские структуры, неформалы — общественные настроения, сепаратисты — автономию, Вольский фактически посредник между Москвой и руководством НКАО. ЦК Компартии, однако, полагает, что полномочный представитель Центра должен учитывать также положение республиканского руководства. Однако чем дальше, тем явственней в поведении членов миссии стремление замкнуть на себе все вопросы, связанные с мятежной областью.

Некто Купреев, из бывших вожakov московского комсомола, на мои, в общем-то, обоснованные разъяснения относительно того, как строить взаимоотношения с руководителями районных комитетов компартии в НКАО, не скрывая раздражения, бросает: «Вы имели достаточно времени взаимодействовать с партийными организациями НКАО. Что из этого вышло — не будем комментировать. Позвольте теперь разобраться в обстановке нам. Мы ведь выправляем положение по согласованию с руководством Компартии, и имеем на то полномочия генсека!»

Суровая реальность в этом ничем не регулируемом, многовекторном управлении республикой — власть генерал-полковника М. Тягунова, военного коменданта особого района г. Баку. Он управляет созданными его же приказом военными комендатурами на вокзалах, метрополитене, АТС и других учреждениях и предприятиях. Он поддерживает порядок в городе с помощью патрулей находящихся в его распоряжении войск, борется с валом всевозможных слухов, распространяемых агитаторами Мейдана посредством регулярно публикуемых сообщений. Вот, например, самое актуальное из них.

«Товарищи бакинцы!

По городу распространяются слухи, что в Топхана продолжается строительство — это неверно, это провокация. Я лично в 15.30 переговорил с комендантом особого района города Степанакерта генерал-майором Коломийцевым А.И., который вместе с представителем ЦК КПСС Сидоровым А.И. был на месте бывшего строительства и доложил, что сегодня в 15 часов со строительной площадки отбуксирован тягачом последний неисправный экскаватор. Строительство было прекращено 21 ноября, и район оцеплен войсками, которые несут службу по настоящее время.

Военный комендант особого района г. Баку
Генерал-полковник М. ТЯГУНОВ».

Пока мы с генералом опровергаем одни слухи, на город накатываются волной другие. Большая часть общества осознает, что решения Президиума Верховного Совета СССР от 19 июля выполняются чисто формально. Точнее, бойкотируются. И это не может не вызвать законного возмущения людей. Так или примерно так объясняет ЦК Компартии ситуацию в докладах «наверх». И вывод: люди убеждены в следующем: карабахскую проблему можно было и надо было решать в феврале. И в Степанакерте. Об этом говорят не только на митинге, но и в организациях. Об этом пишет и партийная печать: «Уже ясно всем и каждому: только полумерами больше не обойтись. Ибо совершенно очевидно, что сегодня от решения «карабахской проблемы» зависит и судьба перестройки. На сегодняшний день мы уже имеем нескрываемую конфронтацию (назовем все своими именами)

двух союзных республик, последствия которой непредсказуемо трагичны»³³.

В ходе революционной деятельности, известно, общество политически зреет быстрее, чем во времена благополучия. Ясно также, что революционные перемены — это час политических авантюристов, проходимцев и пробуждения экстремизма. За примерами далеко ходить не приходится: «...22 ноября в Кировабаде во время беспорядков, спровоцированных хулиганствующими элементами, при исполнении военного долга погибли лейтенант Гусев Б.М. и рядовые Косенко А.Н. и Юрченко О.А.». ЦК Компартии Азербайджана, Президиум ВС и Совет министров Азербайджанской ССР выражает глубокое соболезнование родным и близким погибших...

Итак, троевластие, и все в один голос заявляют, что обстановка в республике остается сложной и напряженной. Воистину, у семи нянек дитя без глаза. Все государственные структуры едины также во мнении, что негативное влияние на обстановку по-прежнему оказывает непрекращающийся исход азербайджанцев из Армении. Тема эта — главная на Мейдане.

Самый проверенный способ борьбы с вымыслами и слухами — оперативное информирование — не дает никакого эффекта. Согласно официально публикуемым данным, по ноябрь 1988 года в Азербайджан прибыло свыше ста тысяч беженцев, составляющих почти 23 тысячи семей. Часть из них произвела обмен квартир, приобрела частные дома и земельные участки, прописалась у родственников. Однако более половины — 76 тысяч человек — по настоящее время не обустроены и размещаются в 44 городах и районах республики. Наибольшее их количество находится в Нахичеванской АССР, Баку и Кировабаде. Азербайджанские семьи зачастую вынуждены выбираться из Армении с большим трудом, порой пробираясь пешком по заснеженным перевалам.

На эту информацию вынужден реагировать и генерал-полковник М. Тягунов: « Жители из населенных пунктов Верин, Гератак, Курд, Чайкенд, Пирлу, Паяган, Алжибад были

³³ «Бакинский рабочий», 23 ноября 1988 г.

собраны в населенном пункте Геха. В течение дня автотранспортом, прибывшим из Зангеланского района под охраной воинских подразделений, 130 семей с имуществом были доставлены в Кафан, где размещены в 16 железнодорожных вагонах электрички и в 16.00 часов убыли на станцию Зангелан. Кроме того, сообщаю, что из Степанаванского и Масисского районов сегодня азербайджанцы, желающие выехать, полнотью эвакуированы»³⁴.

В генеральском сообщении всеобщее внимание вызывает выражение «желающие выехать...»

А на площади, между тем, выросли шатры, появились чайханы, самодеятельная автономия самоорганизуется. Сердобольные бакинцы подкармливают участников героического сопротивления, как им кажется, продажной партократии, в чем они уверены, задумавшей отдать Нагорный Карабах армянам.

Вслед за домашними яствами к площади отовсюду направляются фуры с фруктами, овощами, грузовики с овцами. По вечерам над площадью клубится дым мангалов. Очень скоро солдаты из оцепления вкушают вместе с митингантами шашлычок. К ночи основная масса растекается по домам. В шатрах ночуют самые стойкие. Посещение митингового городка, общение с гражданами «непризнанной республики» (первой с начала перестройки!) становится внешне чем-то вроде паломничества к мусульманским святыням. А в целом, есть что-то патриотическое в чувствах людей, осознание приобщения к чему-то великому, значительному. Словом, всеобщий душевный подъем, ощущение сопричастности к общенародному делу защиты земель!

Запомнилась и, мягко говоря, зловонная антисанитария, в которой шло формирование будущей политической оппозиции. Впрочем, когда она, революционная оппозиция, в пределах Российской империи множилась в стерильно европейских условиях?..

Многим из этих возбужденных молодых людей явно по душе игра в революцию, хотя лично мне людское скопище кажется плохим спектаклем с претензией на некий сюр, как говорят художники.

---

³⁴ «Бакинский рабочий», 1 декабря 1988 г.

С этими безрадостными размышлениями я выезжаю в пригороды Баку, где размещаются беженцы: в санаториях, домах отдыха, пионерлагерях. На Апшероне, как и в других районах, созданы штабы, куда входят представители партийных, советских, комсомольских органов, общественности. Беженцы временно размещаются в перевалочных пунктах, откуда направляются в места дальнейшего поселения. Здесь оборудуются временные жилища, организовано горячее питание и медицинское обслуживание.

Кому понадобилась эта зловещая игра? И почему нельзя было предотвратить ее? Неужто советское государство оказалось беспомощным остановить это безумие? Если это так — значит, Союз как федерация лишается своего смысла. Кто в него поверит после массового и насильственного переселения народов, происходящего у всех на глазах?!

Правительство республики определило 40 районов, где будут размещаться беженцы. Местные партийные и советские органы, предприятия торговли и быта, учреждения здравоохранения и культуры готовы к их приему. Министрствами и ведомствами предусматривается первостепенное обеспечение этих семей строительными материалами и сборно-щитовыми домами, — информирует собравшихся в поселке Мардакяне секретарь райкома. И тут, глядя на наспех сложенные курганы пожитков, сомнамбулические передвижения людей, не слышащих и не понимающих ничего, я проникаюсь простой и ясной мыслью, которой мы все до сей минуты избегали: «Мир отныне невозможен. По крайней мере, для нынешних поколений. Как невозможно вернуть веру в партию, в то, что называлось советским государством. Ибо сборно-щитовые дома, как и горячий суп, не могут вернуть им ощущение того, что они находятся в родном отечестве».

«Если Советский Союз — наша страна, то почему мы стали беженцами?» — так сказал старик, восседавший на выдавшем виды чемодане. И мне нечего было ему ответить...

«ЦК КПСС и Совет Министров СССР с особой озабоченностью отмечают, что в Азербайджанской ССР и Армянской ССР сложилась нетерпимая обстановка, когда при попустительстве, а зачастую и при прямом участии отдельных долж-

ностных лиц местных партийных, советских и хозяйственных органов экстремистски настроенными группами совершаются действия, приводящие к массовому выселению и выезду граждан по национальному признаку с постоянных мест проживания. Тем самым нарушаются конституционные права советских людей...»

Так начинается долгожданное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 декабря 1988 года. Еще и еще вчитываюсь в название документа: «О недопустимых действиях отдельных должностных лиц местных органов Азербайджанской ССР и Армянской ССР, вынуждающих граждан покидать постоянные места проживания».

Если б речь шла об отдельных безответственных лицах, стали бы огород городить? Что намерено предпринять союзное руководство в связи с этим? — вот вопрос вопросов. Ответ на него вскрывает видение проблемы центральным правительством, степень его решимости отвести угрозу безопасности от граждан и самой государственности.

Действия отдельных должностных лиц местным партийным и советским органам Азербайджанской ССР и Армянской ССР предложено осудить как грубое нарушение конституционных прав граждан СССР. Потребовано от них же принять незамедлительные и решительные меры «по пресечению указанных противоправных действий»³⁵.

Гора родила мышь? Этот недоуменный вопрос я читаю в глазах большинства своих коллег. Лучше всего его адресовать Виктору Петровичу Поляничко. И не только потому, что он — Второй. Виктор Петрович, надо отдать ему должное, с самого начала носился с идеей принятия союзного документа, настойчиво пробивал его, намекал: «Скоро...»

Теперь он сидит, плотно сжав губы, озадаченный не меньше нашего. Накануне военный комендант особого района Баку генерал-полковник М.А. Тягунов обратился к митингующим с требованием освободить площадь. «В результате длительного пребывания здесь большого скопления людей его территория превратилась в источник антисанитарии, — убеждал он упорствующих граждан, ряды которых,

³⁵ «Бакинский рабочий», 1 декабря 1988 г.

однако, изрядно поредели. — Принято решение освободить площадь от людей, очистить, промыть и продезинфицировать»³⁶.

Надобность в перечисленных мероприятиях действительно назрела. Но еще более вызрели условия для применения силы: площадь выдохлась, у ее лидеров не было ни программы, ни конкретного плана действий. Практически продолжение пребывания на площади людской массы лишалось смысла. К операции военные готовились вместе с городскими властями: подогнали автобусы, усилили оцепление. «Всякие уклонения от порядка, установленного законом, будет пресекаться силой», — предупреждает генерал³⁷. «Необходимо во что бы то ни стало избежать крови», — предостерегает А.Х. Везиров, напомнив военным, что возможны провокации. Под утро, после неоднократно повторенного объявления, солдаты в несколько рядов двинулись на площадь, отжимая заспанных обитателей шатров в сторону Чёрного города...

«При освобождении площади никакого оружия не применялось. Слухи об убитых являются провокационными и имеют цель дестабилизировать обстановку», — заявил утром военный комендант.

И это было правдой. Напрасно с утра по городу метались возбужденные группы неформалов, призывая жителей не выходить на работу. Запугивая их рассказами о том, что якобы при освобождении площади им. В.И. Ленина от митингующих было применено огнестрельное оружие и имеются убитые.

Власть вновь взяла ситуацию под контроль. Двадцатидневная митинговая эпопея завершилась.

Оппозиция в оппозиции

Руководство не скрывает своего удовлетворения. Тревожные прогнозы, связанные с «тбилисским синдромом», не подтвердились. Мирный разгром демонстрации, нарушав-

³⁶ «Бакинский рабочий», 1 декабря 1988 г.

³⁷ «Бакинский рабочий», 4 декабря 1988 г.

шей общественный порядок и покой миллионного города, ЦК Компартии мог с полным правом записать в свой актив. Пора осмыслить событие, беспрецедентное в истории Советского Азербайджана, сделать выводы и на этой основе выстраивать политическую стратегию в важнейших направлениях деятельности правящей партии – примерно так думается мне, да и некоторым другим членам руководства.

А.Х. Везиров внимательно слушает, с чем-то соглашается, что-то отвергает с порога. Тем не менее, очевидно главное – вопросы социально-экономического развития настойчиво отодвигаются на периферию практической деятельности КПСС. И это несмотря на нехватку продовольствия, дефицит промышленных товаров, спад промышленного и аграрного производства, явные признаки рецессии. Социальная политика – основополагающее преимущество социализма – отодвинута «на потом». Политическое реформирование, инициированное генсеком, подхваченное коммунистами, незаметно перешло под управление нарождающейся оппозиции, сильной критикой антисоветского, антисоциалистического толка, но не конструктивными идеями обновления.

20-дневный сидячий митинг в центре Баку показал неготовность власти к адекватному ответу. С другой стороны, опора на армию, как союзную силу, грозит усилением центробежных сил. На фоне рассуждений высокомерной московской демократии об имперском наследии СССР, советском империализме, обременительности азиатских окраин все убедительней звучат идеи азербайджанских неформальных лидеров о советском неокOLONIALИЗМЕ, русской оккупации, завершившейся большевистским вторжением. На митингах исторические вопросы не решить, но массовое сознание как раз восприимчиво к агитации, а не к научному осмыслению.

Неформалы действуют методом свершившегося факта. Свобода собраний конституционно не запрещена, как и другие права и свободы граждан. Но они не имеют законодательного, нормативного воплощения. На площади объявили о необходимости создания Народного фронта. Это значит, что уже в ближайшем будущем следует ждать появления политических группировок, объединений, партий. Как с ними

взаимодействовать правящей партии? Наивно было бы думать, что новыми политическими возможностями не воспользуются теневики и сросшийся с ними алиевский клан и его разветвленная сеть в партийно-государственных структурах. У них связи, земляческое единство, материальные ресурсы. Дачи Джамиля Алиева и других членов семьи давно превратились в штаб-квартиры тайного сопротивления власти, смычки с митинговым движением.

Дальнейшее промедление с умирением мятежа сепаратистов в НКАО чревато кризисом партийного управления республики. Отныне у Компартии несколько приоритетных направлений работы: нейтрализация нагорно-карабахского сепаратизма, конструирование новых отношений с Арменией, политика в отношении Центра, отдельно — в отношении союзных республик, где армянские агитаторы при попустительстве центральных властей развернули бешеную антиазербайджанскую кампанию. Азербайджан находится фактически в изоляции, усиленной информационной блокадой. Никто не говорит: США, весь Запад симпатизирует Армении и поддерживает сепаратистов. Все говорят: Москва, КПСС, Горбачёв также на их стороне. Простая мысль: потому Горбачёв и заигрывает с армянскими сепаратистами, что учитывает их поддержку Вашингтоном.

Митинг также показал неспособность компартии к открытым дискуссиям. Лучшие кадры — русскоязычные. Они убедительно выглядят в русской прессе. Однако общественные настроения формируются в азербайджанском народном массиве. А он, народ, восприимчив ко всему национальному и не очень отличает патриотизм от национализма. Будем откровенны: число коммунистов и профессиональных партийных работников, разделяющих многое из того, что прозвучало в речах — даже самых радикальных, — слишком велико. Не будем обманываться послушанием партийно-государственного аппарата. Старое, испытанное оружие — партийные взыскания, оргвыводы, проще говоря, лишение поста, может дать в новых условиях обратный эффект. Обиженные уходят на площадь или группируются в штаб-квартирах алиевского клана. Фактически формируется оппозиция в оппозиции.

Все это вопросы, требующие безотлагательного обсуждения, выработки новой внутренней политики. Боюсь, что социальные проекты, необходимость которых никто не подвергает сомнению (кооперативное движение, дачное строительство, компьютеризация и и.д.), не дадут ожидаемого эффекта. Упор надо делать на политические решения... Наряду с карабахским вопросом, у Компартии новая проблема – набирающее силу оппозиционное движение.

«Будем перестраиваться на ходу. Времени на раскачку нет» – так пошла перестройка.

Первый видит сложность ситуации. Он, как и все, верит, что всплеск сепаратизма в НКАО есть временное, преходящее явление – что-то похожее случалось и в прошлом. Советское руководство находило ответы на вызовы националистов. И не только в Армении.

– Найдем и сейчас!

Благополучный исход митинговых страстей в Баку, кажется, подтверждает такой ход мыслей.

Пройдет три-четыре года – всего-то! – и день 15 ноября – открытого и массового вызова коммунистической власти – объявят национальным днем, равным по значению Дню независимости. Отменят вошедшие в кровь и плоть нескольких поколений день великой революции – 7 Ноября, сотрут с календарей красные даты – 1 Мая и даже День Победы – 9 Мая. Назовут 15 ноября днем «Дирчелиш» – становления, восстания, обретения национального «я». А когда начнется реставрация по-азербайджански – реанимация алиевской власти, президенты – отец и сын – этот день 15 ноября – «День Дирчелиш» – сделают и своим праздником, перебросив незримый исторический мост к событиям 1993 года, когда Он вновь встал у руля власти...

Руины Спитака

...И все же ощущение зыбкости наступившего мира не покидает ни меня, ни руководство в целом. Все понимают: мы сбили, как могли, пламя, но причина возгорания не удалена, пожар может вспыхнуть в любую минуту, пока не усмирен мятеж сепаратистов. И только Виктор Петрович не теряет

оптимизма. Что-то известно ему такое, во что не посвящены остальные.

Все чаще московское начальство ставит ЦК перед свершившимся фактом, предпринимая какие-то особые меры в связи с НКАО, прежде всего, военно-оперативного плана. Позже В.И. Поляничко скажет, что был разработан секретный план ареста и интернирования вожаков сепаратистов, выдворения из страны огромного количества откровенного криминалитета, подозрительных типов (в том числе из-за рубежа и других республик), шнырявших между Ереваном, Баку и Степанакертом. Одновременно брались на контроль тайники, склады с оружием и провиантом и т.д.

Удар по обезглавливанию сепаратизма, его нейтрализации намечено было произвести молниеносно, решительно и безо всякого снисхождения. Операция намечалась в ночь с 7 на 8 декабря. И тут в буквальном смысле разверзлась земля — морозное мрачное декабрьское утро застало Армению в руинах.

Казалось, сверхъестественные силы слали обезумевшим людям сигналы о том, что земля, из-за которой они готовы вцепиться друг другу в горло, дана им свыше, дана и христианам, и мусульманам — и нет способа справедливого раздела того, что принадлежит всем. Вместе со Спитаком и тысячами жизней землетрясение поглотило и последний шанс (если он имелся!) покончить с тем, что вскоре будет названо агрессивным сепаратизмом, увы, далеко не исчерпывающим всего, с чем столкнулась большая и великая страна.

Упоминание об этом ужасном стихийном бедствии, потрясшем Армению, а вместе с ней и Азербайджан, и всю советскую страну, непосредственного отношения ни к истории описываемых событий, ни к тем проблемам, с которыми столкнулся Азербайджан, его граждане и руководство республики, не имеет. Тем не менее, я не могу не упомянуть о тех, полных драматизма, днях. Не только потому, что долг велит почтить память безвинных и бессмысленных жертв.

Я совсем не мистик, но помню первые ощущения после того, как стала поступать информация о случившемся. Не только у меня и не только у публицистов, критически оценивавших политику перестройки, у многих и вполне рацио-

нально мыслящих людей возник один и тот же вопрос: «Чернобыль, Руст, Спитак... С 1985 года страну трясет. Что это могло бы значить?»

Мудрено ли, что в Баку люди высыпали на улицы, возбужденно обсуждая трагическое известие. Азербайджанцев, в отличие от европейцев, не особо, скажем прямо, утруждающих себя историей карабахской проблемы и воспринимавших территориальные требования армян сквозь призму мифов о гонениях и геноциде, которым якобы подвергался маленький и древний христианский народ, в большинстве своем возмущал сам факт того, как армяне, живя с ними бок о бок, в одном общем доме, тайно вынашивали планы захвата совместной квартиры.

Это предательство, сравнимое в кавказском моральном кодексе с посягательством на честь мужчины, тем более становилось возмутительным, что встречало понимание и сочувствие в России, Европе, Америке.

Средний азербайджанец должен был до конца испить чашу величайшей несправедливости. Разверзшаяся земля под ногами неверных и хитрых соседей изгнанным из своих домов беженцам в тот час казалась карой небес. Но вслед за этим в людях просыпались инстинкты и привычки, привитые веками кавказского добрососедства.

Стоит сказать и о том, что руководство Азербайджана действовало в духе лучших традиций советского образа жизни. С раннего утра население было оповещено о телеграмме соболезнования, направленной партийно-государственным руководством республики ЦК Компартии Армении, Президиума Верховного Совета Армянской ССР Совету Министров Армянской ССР. В телеграмме говорилось: «Трудящиеся Азербайджана разделяют горе народа братской Армении. Примите наши глубокие соболезнования. Передайте наше сочувствие пострадавшим, их семьям, родственникам и близким. Народ Азербайджана готов в эти трудные дни оказать вам возможную помощь для преодоления разрушительных последствий землетрясения».

Мы, входившие в состав политического руководства республики коммунисты, искренне верили, что возможен час отрезвления, и он наступил. Что мы должны сделать все,

чтобы народы сделали шаг навстречу друг другу, как это они делали исстари, живя в одном доме, селе, городе, забыв старые обиды, ошибки, несправедливости.

Этой надеждой пронизаны были каждое слово, каждая строчка обращения ЦК Компартии Азербайджана к трудовым коллективам, деятелям науки, литературы и искусства, ветеранам партии, войны и труда, молодежи в связи с землетрясением в Армянской ССР.

Уже утром коллективы многих предприятий и объединений, учреждений и общественных организаций города выступили с предложением об оказании конкретной практической помощи для преодоления разрушительных последствий стихийного бедствия. Разделяя вместе с армянским народом скорбь и боль, десятки, сотни коллективов бакинских школ, промышленных предприятий, организаций и учреждений направили в адрес Центрального Комитета Коммунистической партии Армении, Президиума Верховного Совета Армянской ССР, Совета Министров Армянской ССР телеграммы соболезнования, высказали готовность сделать все для скорейшей ликвидации последствий стихийного бедствия.

«Сегодня каждый член нашего коллектива, — говорилось в телеграмме тружеников Бакинского нефтеперерабатывающего завода имени XXII съезда КПСС, — готов работать день и ночь, отправлять нужную Армении сверхплановую продукцию... Начали грузить первую дополнительную партию строительного битума. Коллектив завода готов оказать помощь по любому вопросу».

Подобных телеграмм немало.

Скажут, наверное, партийные штучки, парткомы организовали. Да, не буду скрывать, ЦК партии и я как заведующий отделом оргработы вплотную работали с трудовыми коллективами, встречались, прежде всего, с коммунистами, вели разъяснительные беседы. Правящая партия, находившаяся у власти, обязана в таких случаях действовать в соответствии с цивилизованными международными нормами, подняться над обыденным мышлением, не опуститься до обывательского уровня. Не говоря уже о том, что требовалось исключать любые провокации.

Более того, компартия рассматривала бедствия, обрушившиеся на соседей, как повод для того, чтобы остудить страсти, повернуть людей к взаимопониманию, предлагая им быть рядом с соседями, в дом которых пришла беда. Как, собственно, всегда и было. Бакинцы, как и все советские люди, делились последним в трудные послевоенные годы, когда страшное землетрясение стерло с лица земли Ашхабад, когда грянула такая же беда в Ташкенте, когда над Чернобылем поднялось злоеущее атомное облако. Это было и по-советски, и по-кавказски.

Увы, ответом на протянутую братскую руку было молчание. А затем мир услышал то, чего он должен был бы устыдиться: в Армении раздались голоса, мол, мы не нуждаемся в помощи азербайджанцев, обойдемся. Не будем говорить о том, что такое не вписывается ни в какие этические нормы. В Баку мы все остолбенели, когда в репортаже из Еревана на всю страну некий лидер демократического движения стал отчитывать сибиряков, собравших все, что у них было под руками, возможно, последнее из теплого белья для пострадавших в Армении. «Мы не нищие, чтобы донашивать чужие вещи!» — Этими словами гордый бородач отвернулся от искреннего братского жеста.

Тогда-то невольно подумалось: а может, мы имеем дело с какой-то новой формой паранойи, принявшей общественные формы? Ведь точно так же отвергаются разумные предложения сесть за стол переговоров с тем, чтобы спокойно, без постороннего вмешательства, повести диалог об общей судьбе Карабаха. А откровенные признаки исключительности, сквозящие во всех пропагандистских акциях демократизирующейся Армении? И это находит понимание в среде московских демократов, на всех уровнях официальной власти.

Что происходит с нами? — все чаще спрашивают простые рабочие, с которыми ежедневно встречаемся мы на заводах, нефтепромыслах. И что можно ответить, когда на оперативном совещании в городском комитете партии решают укомплектовать несколько интернациональных комплексных бригад, которые помогут восстанавливать в Армении разрушенные стихией дома. Бригады, сформированные на базе

крупных республиканских объединений и организаций, везут с собой также все необходимые для работ материалы: цемент, бетон, железобетонные конструкции, камень-кубик, кирпич и др. В ответ раздается пропагандистский залп из Еревана о том, что в Баку исламские фундаменталисты устроили праздник по случаю разрушительного землетрясения в Армении. И этот клеветнический выпад подхватывается союзной и зарубежной прессой. Уж не в оправдание ли решения бойкотировать караваны грузов из Баку делается это?

Апофеозом националистического угара явилась история с азербайджанским пилотом с потерпевшего над Ленинаканом катастрофу военно-транспортного самолета. Сообщалось, что все пассажиры — военнослужащие бакинского гарнизона, направлявшиеся для участия в ликвидации последствий землетрясения, погибли. Однако, как оказалось впоследствии, один из пилотов чудом остался жив. Тяжело раненного, его доставили в одну из больниц Еревана, где врачи выходили на свой страх и риск, зная, что «бородачи» не пощадят и их, если узнают, кого они прятали.

Спасибо великое армянским врачам, оставшимся верными своему долгу и клятве Гиппократата! Их поступок лишь подтверждает: не все обезумели от националистической «промывки мозгов» в Армении. А про тех, кто гордо позировал перед камерами, заявляя, что Армения по этическим соображениям отказывается от помощи из Азербайджана, скажу следующее. Да, кое-какие грузы и финансовые средства завернули обратно. Только в первые дни в города и районы Армении, пострадавшие от землетрясения, Госкомнефтепродуктов Азербайджанской ССР отправил свыше 25 тысяч тонн топлива, 880 тонн твердого и жидкого битума, около 40 тысяч тонн мазута, 330 тонн смазочного масла, 15 автозаправочных станций, 10 автоцистерн с бензином³⁸. В пострадавшие районы направлялась необходимая техника и оборудование: свыше 120 большегрузных и специальных автомобилей, 46 автокранов, легковые автомобили, бульдозеры, экскаваторы, тракторы, другие различные машины и меха-

³⁸ «Бакинский рабочий», 9 декабря 1988 г.

низмы, комплекты газорезочных инструментов, выехали для оказания помощи рабочие и специалисты, среди которых — крановщики, фрезеровщики, водители, газосварщики и др. Ни от горюче-смазочных материалов, ни от оборудования, ни от огромного потока строительных материалов отказа не было. Как и от многих литров донорской крови. Помню, меня поразило число добровольных доноров — десятки, сотни людей обращались на станции переливания крови, в клиники с настойчивыми просьбами взять у них кровь. Сюда бесперерывно поступали контейнеры с кровью из многих бакинских больниц, из гарнизонной станции переливания. Выездные бригады принимали кровь у добровольных доноров непосредственно на предприятиях, в организациях, учреждениях.

Вспоминать детали гуманитарной помощи людям, попавшим в беду, мне и сегодня как-то неловко — не говорю, мои соотечественники совершили подвиг. Хочу сказать, что азербайджанская сторона в те трагические дни вела себя достойно, как и подобает в цивилизованном обществе. Тем обидней, что даже эту естественную человеческую реакцию по отношению к попавшим в беду людям кое-кто в Армении считал возможным использовать в своих политических целях, не брезгуя ни клеветой, ни инсинуациями...

Так, с тревогой в душах, в обстановке нарастающей истерии из-за Карабаха, растерянности, шатаний и разброда, заканчивался 1988 год — самый тяжелый в моей жизни. Только ли моей? Мы еще не знали, что лишь перешагнули врата иного времени. Врата лихолетья...

Цена власти

Временное затишье позволяет руководству республики продолжить меры по укреплению властных институтов. Следующий решительный шаг по очистке рядов от застойного наследия делается в конце нового года на пленуме ЦК Компартии Азербайджана. К нему приковано внимание общенациональности. И не только потому, что намечается рассмотреть кандидатуры от Компартии Азербайджана для последующего выдвижения кандидатов в народные депутаты СССР от КПСС.

Все знают — на пленуме ожидается рассмотрение вопроса о членах ЦК КП Азербайджана С.М. Гусейнове (бывший заведующий административным отделом ЦК), И.А. Мамедове (бывший секретарь по сельскому хозяйству) и Р.Э. Мехтиева (бывший главный кадровик и идеолог). Это ближайшие люди Г.А. Алиева, вместе с ним долгие годы определявшие внутреннюю политику республики.

Хочу особо сказать вот о чем. И А.Х. Везиров, и все мы в руководящем стане жили и работали в таких условиях, что, честно говоря, было не до «бывших». Другое дело, что потоки писем-напоминаний о несправедливостях, творящихся в республике, продолжали поступать в союзные и республиканские инстанции. Люди требовали не просто восстановления конкретных прав, отнятых лет работы, ответов на незаконные преследования, они напрямую спрашивали: «Кто должен ответить за все это?»

Для многих, кто испытал на собственной судьбе алиевский произвол, понятие «застой» звучало как реабилитация беззакония. Чашу терпения переполнило беззастенчивое поведение «бывших» в ноябрьских событиях. Тем не менее, мнение членов Бюро было консолидированным: никакого субъективизма, ничего личного, никакого сведения счетов. Не до дрызг нам — республика фактически в опасности. Заниматься разборками — себе вредить.

Отношение к упомянутой «тройке» такое: поработали, наломали дров — отойдите в сторону, дайте решать проблемы, вами же порожденные. Речь идет не о хлопковых или иных производственных планах — республике предъявлены территориальные претензии. Вы должны покинуть ЦК — что было, то прошло. Наступило новое время.

Приходится вдаваться в эти детали еще и потому, что А.Х. Везиров — человек вообще-то незлобивый, во всяком случае, далекий от мстительности, знакомый с алиевскими капканами, подставами, интригами не понаслышке, тем не менее, настроен был без лишнего шума и традиционных партийных разборок навсегда закрыть эту страницу истории республики, предоставив разобраться с ней следующим поколениям. Повторяю: не до того было всем нам. ЦК КПСС (М.С. Горбачёв, Е.И. Лигачёв, А.Н. Яковлев и др.), однако,

настаивал на рассмотрении вопроса в духе открытости, снятия запрета с закрытых тем, короче — новых демократических веяний. Словом, требовался разговор начистоту, без всяких скидок на былые заслуги и проч.

В целом позиция нового руководства сводилась к тому, что избежать критики невозможно, но устраивать шельмование (такие настроения также имелись) не следует, дабы не усугублять и без того напряженную и противоречивую морально-политическую атмосферу в республике. С учетом этого решено было перед пленумом встретиться с упоминавшейся «тройкой», поговорить по-товарищески, по-партийному. На эти собеседования А.Х. Везиров пригласил и меня. В ходе разговора, отличавшегося взвешенностью, сбалансированностью критики, спокойным тоном, наши собеседники вроде бы проявляли понимание тонкостей политического подхода к щепетильному, острому вопросу. Более того, Р.Э. Мехтиев, не говоря уже о И.А. Мамедове, откровенно заявили, что они, по существу, стали жертвами методов работы, практикуемых Г.А. Алиевым, а заодно не пожалели дегтя в отношении К.М. Багирова. Да так, что нам порой приходилось даже сдерживать, так сказать, критические откровения самых близких и рьяных проводников курса 1970-х годов.

Судя по содержанию выступлений на пленуме, они, видимо, сочли переговоры успешными и, благополучно «сдав» хозяина, рассчитывали выторговать себе еще и благорасположение ЦК, некие преференции. И это притом, что формулировка, найденная председателем партийного контроля ЦК КП Р.В. Ахундовым для характеристики деловых, политических и моральных качеств упомянутых деятелей, обвиняла их в том, что были допущены серьезные «извращения в подборе и расстановке кадров партийных, советских, хозяйственных и правоохранительных органов, приведшие к нездоровой нравственной атмосфере, массовым припискам...»

В сообщении по данному вопросу прямо указывалось, что Р.Э. Мехтиев, И.А. Мамедов и С.М. Гусейнов потеряли моральное право находиться в составе руководящих органов Компартии.

В ответ Иса Мамедов долго и сбивчиво описывает радость населения в связи с избранием А.Х. Везирова первым секретарем ЦК. «Не сочтите это за подхалимаж», — не забывает добавить он под общий смех собрания. Он слезно просит членов Бюро, участников пленума не выводить его из состава ЦК: «Это для меня все равно что умереть. Я так сильно переживаю...»

Председательствующий А.Х. Везиров вынужден предупредить суетливо поднимающегося на трибуну Р.Э. Мехтиева постараться уложиться в 10 минут, так как предыдущий оратор явно злоупотреблял многоречивостью. Тот с места в карьер обрушивает на К.М. Багирова град обвинений. Председательствующий вынужден напомнить: «Сегодня вопрос Багирова не стоит». Р.Э. Мехтиев: «Вы правильно говорите!» И далее: «Я был рабочим человеком... Благодаря партии, помощи, той ситуации, обстановке в стране был выдвинут на партийную работу...»

Что или кто скрывался за таинственными намеками на «обстановку и ситуацию», сыгравших роль путеводной звезды в карьере бывшего кадровика-идеолога номер один, оставалось только догадываться. Зато заключительная фраза, которую, очевидно, оратор долго вынашивал, не требовала расшифровки: «Пусть меня товарищи извинят, но я всю жизнь старался быть справедливым. Я предан партии...»

Такого лицемерия трудно было выдержать даже деликатному Везирову. Его буквально прорвало:

— Ваши люди стояли у заводских ворот и не пускали людей на работу, они же собирали деньги для митингующих, подгоняли фуры, груженные продовольствием. Найдите в себе мужество и признайтесь: за все, что случилось в республике, виноваты все. Всех ждет ответственность!

С.М. Гусейнов, близкий родственник Г. Алиева, бывший заведующий административным отделом ЦК, посаженный в это высокое кресло после убийства министра внутренних дел А.Н. Гейдарова, замом которого он являлся, искренне убеждал, что к его работе доселе не имелось никаких претензий. Его крайнее недовольство вызвало то, что под новый год ему испортили настроение рассмотрением персональных дел.

Сказать, что я, как и многие другие участники пленума, внимал этим речам с искренним недоумением и чувством брезгливости, значило бы ничего не сказать. Ну как прикажете выносить в открытую печать это унижительное поведение людей, которые, казалось, начисто лишены чувства собственного достоинства, способности реально оценивать свою деятельность?

«У этих людей выработалась психология непогрешимости. У них полностью отсутствует самокритичный анализ своих дел, своего поведения. Это и есть то, что называется тяжелым наследием застоя, которое досталось нам», — этими словами Муслим Мамедов, новый руководитель горкома, как бы подвел итог дискуссии в связи с попытками алиевской «тройки» обелить себя.

Не хотелось мне вступать в полемику с теми, кто даже в ситуации всеобщего осуждения пытался зацепиться за номенклатурный «спасательный круг», не брезгуя нападками на бывших покровителей. Выглядело это омерзительно. Пришлось брать слово, дабы напомнить: каждый должен нести ответственность за свой участок и за то, что делалось в период пребывания у власти. А находились названные товарищи у руля правления не год и не два, а по 10–15 лет!

Республика вступила в самый сложный этап общественного обновления. Каждый, кто располагает опытом, знанием политической работы, может быть востребованным. А для этого вовсе обязательно находиться на командных позициях. Было бы желание...

Не уверен, что те, к кому я обращался, услышали мой призыв. Не услышал Пленум от них ни единого слова о Карабахе, ни звука о страданиях миллионов соотечественников, ни намека на то, чтобы послала их на самый трудный участок, дабы делом принести пользу. Складывалось впечатление, что они не мыслят свое существование без должности, да такой, которая позволяла бы властвовать над людьми, продавать и покупать должности, пользоваться благами, которые предоставляла номенклатура. Ни одному из них даже в голову не пришло — хотя бы из тактических соображений — сказать об угрозе, нависшей над республикой, высказать беспокойство в связи с набирающим силу сепаратизмом, в борьбе с которым решалась судьба республики.

В.П. Поляничко — новое лицо в руководстве Компартии, партийный работник с развитым чувством товарищества, тактичный человек, и тот вынужден был в сердцах сказать, что ему странно слышать жалобы на то, что у кого-то под новый год будет испорчено настроение неизбежным взысканием. Они, еще недавно руководившие республикой, похоже, не чувствуют даже малой толики своей вины перед семью миллионами граждан Азербайджана, лишившихся покоя из-за Карабаха. «А каково же людям, многим тысячам соотечественников, которые встречают новый год без крова, без родного очага?» — спросил второй секретарь.

Вот тогда и мелькнула у меня в голове мысль: что им горе соотечественников! Такие ради вождеденной власти, не задумываясь, отдадут и Карабах, и Нахичевань впридачу. Мысль мелькнула, но я немедля отогнал ее, устыдившись самой кощунственности своего предположения. Пройдет совсем немного времени, и мне придется убедиться в безжалостной правоте той догадки, глядя на то, как люди, именовавшие себя патриотами, сдают Шушу, Лачин...

Если и есть самая горькая правда об азербайджанской трагедии в конце XX века, то она состоит как раз в том, что жажда власти застлала глаза многим, слишком многим в те роковые дни. Чего мы — и политики, и простые люди — не заметили.

Судьба Карабаха, увы, решалась не на поле боя. Земли оказались под оккупацией в результате политических интриг тех, кто рвался к власти.

Взгляните на судьбу тех, кто с оружием в руках бился за Карабах, кто звал народ на борьбу до победного конца — одни погибли за решеткой, другие оказались в изгнании. А утвердились у власти те, кто остановил справедливую борьбу азербайджанского народа за свои исторические земли, передоверив судьбу Нагорного Карабаха и иных земель международным организациям. Такова истинная цена власти. Как ни горько в этом признаться...

Новый, 1988 год начался с события, неоднозначно встреченного населением в целом и вызвавшего новую волну противоречивых суждений в партийных рядах.

Весь предшествующий период официальный и неофициальный Баку забрасывал ЦК КПСС обращениями, сводками

с данными о фактическом изгнании азербайджанцев из Армении и НКАО. Руководство страны, оказавшись перед фактом преследования граждан по национальному признаку, обязано было как-то прореагировать на факты насильственного изгнания людей с земель, на которых они жили веками. Появление беженцев в советском доме противоречило самим устоям социалистического общественного устройства, представлениям советского человека об общей советской стране, советском образе жизни. Наконец, разгул армянского национализма провоцировал всполохи новых межнациональных возмущений, национальной нетерпимости. Массовые изгнания и переселения никак не увязывались и с духом Хельсинки, правами человека, которые обязался уважать СССР.

Ответом нашим ожиданиям явилось постановление Секретариата ЦК КПСС «О незаконных действиях некоторых должностных лиц Азербайджанской ССР и Армянской ССР».

Документ этот ни по уровню, ни по осмыслению событий, ни по предлагаемым рекомендациям не соответствовал реальной ситуации, складывающейся в республиках. В массовом порядке грубо нарушалась советская Конституция. Секретариат же исходил из того, что наказанием отдельных руководителей производств, министерств, правоохранительных органов можно остановить сугубо политический процесс, по силе и формам подобный извержению вулкана. Перед местными партийными органами другим документом ЦК КПСС ставилась категорическая задача — обеспечить беженцам возвращение в места постоянного проживания. Из Москвы прибыла комиссия, изучавшая нарушение конституционных прав граждан в период ноябрь–декабрь 1988 года.

Трагикомизм ситуации, в которой оказались мы, руководители республики, усугублялся еще и тем обстоятельством, что наш Комитет партийного контроля занимался реабилитацией жертв далеких сталинских времен. Вот уже несколько лет рассматривались также дела тысяч коммунистов, ставших жертвами произвола 1970-х годов. И вот на фоне этих, отнюдь не красящих правящую партию деяний надо фактически открывать счет партийным преследованиям эпохи перестройки. На азербайджанских коммунистов, как и их ру-

ководителей, давила примитивная логика обывателя: зуб за зуб, око за око. Коли наших погнали из Армении, как можно терпеть армян в Баку и Кировабаде?!

Временем и возможностью действовать убеждением мы не располагали. Они были упущены руководством СССР и самих республик на предыдущих этапах возгорания межнациональных противоречий. В обстановке всеобщего возмущения, отчаяния, истерики обращаться к широким административным рычагам воздействия значило вызвать огонь на себя. Очевидно, что с учетом этого фактора и нацеливали документы ЦК КПСС направить огонь воздействия на должностных лиц.

Наш командный подход в глазах национализирующейся массы выглядел консервативным (или партократическим — ярлык, который повесили так называемые демократы на всех, кто склонен был разделять советские убеждения): ничто не может оправдать преследования граждан по национальному признаку.

На вопрос: а как же в Армении? — следовал простой и ясный ответ: каждый отвечает за свои действия, за свою мораль. И потом — претензии предъявляются коммунистам-руководителям. Однако реальность заключалась в том, что и коммунисты-руководители разделяли настроения масс. И речь шла чаще не об убеждениях, а о желании потакать настроениям толпы (говорили: народа), выглядеть таким патриотом, а то и просто освободить место для своих друзей и близких.

— Вы какую школу закончили, милейший? У Хомейни учились или в советской школе? Как вы с такими дремучими взглядами дослужились до поста первого заместителя министра? — обратился Абдурахман Халилович к вызванному на ковер второму человеку Госкомстата — некоему Велиеву.

— Просто слов нет, как я переживаю. Я стараюсь выглядеть в глазах окружающих интернационалистом. Если вы позволите мне остаться работать на своем посту, я исправлюсь, — отвечивший первый зам, который поддался требованиям группы своих сотрудниц об увольнении работниц армянок.

Впрочем, на многих предприятиях, дабы избежать разборок с бесчинствующей толпой «демократов», руководи-

тели отправляли армян в отпуск, предоставляли выходные, отгулы, выписывали больничные — как могли спасали своих работников, товарищей.

Однако это не спасло их от партийного возмездия. За незаконные действия к партийной ответственности привлечены 794 члена и кандидата в члены КПСС. Половина из них — руководители различного уровня. 19 человек исключены из партии (мера крайняя, почти смертельная в советское время с точки зрения карьеры). В дисциплинарном порядке наказано около двух тысяч человек, 252 из них — руководители, 222 человека уволены, подвели в орготделе итог партийной головоломки. Решением Бюро ЦК строго предупрежден министр внутренних дел А.И. Мамедов, уволены из органов внутренних дел или привлечены к строгой дисциплинарной ответственности около 300 милицейских работников, из них свыше сорока — руководители подразделений. Уволен замминистра МВД К. Алиев. Освобождены от занимаемых должностей председатель Госкомстата и его заместитель; объявлены выговоры министру легкой промышленности, председателю Госкомспорта, Минбыта, гендиректору НПО «Азнефтемаш», «Азтрансгаз». Против ряда руководителей возбуждены уголовные дела.

Словом, одна за другой полетели головы. Но, как вскоре выяснилось, головы эти оказались преимущественно азербайджанскими. Директор Карабахского шелкового комбината, крупнейшего предприятия НКАО (секретарем парткома в ту пору был Роберт Кочарян — будущий президент Армении), некто Р. Аганян одним росчерком пера выбросил на улицу около 20 азербайджанок, большинство беременных. Следователи прокуратуры СССР возбудили по факту уголовное дело. Облесполком отказался выполнять требования об отзыве депутата Р. Аганяна, оставив без внимания возражения Верховного Совета Азербайджанской ССР. И ничего с ним невозможно было сделать.

Из Баку срочно вылетела комиссия в армянский город Иджеван, откуда слали во все союзные инстанции донесения о нашествии беженцев-армян из Азербайджана. Выяснилось, что около двадцати армянских семей обменялись квартирами и домами с проживавшими в Иджеване азербайджан-

цами, порешив, что действовали по закону, что соответствовало действительности.

Орготдел кинулся выяснять положение с коммунистами-армянами в рядах компартии Азербайджана, дабы уточнить как-то общую ситуацию. Всего в республиканской партийной организации на тот период насчитывалось около 34 400 коммунистов-армян. За ноябрь-декабрь с партийного учета снялось чуть более 600 из них. Зато выяснилось, что на прошедших в тот же период выборах в состав городских и районных комитетов избрано 272 коммуниста, кандидатами в депутаты Советов выдвинуто почти полсотни лиц армянской национальности³⁹. Как оказалось, на многих предприятиях городов республики, откуда поступали жалобы в Москву о незаконных увольнениях армян, таковые вообще не значились в коллективах.

— Прямо скажу, очень интересная ситуация складывается в Армении, — растерянно обращается к коллегам по Бюро А.Х. Везиров. — Азербайджанцев там уже осталось 5–6 тысяч.

— И это притом, что их насчитывалось 200–250 тысяч, — добавляет М.М. Зайцев, командующий армией.

Тяжело вздохнув, члены Бюро принимают решение: направить в города и районы со смешанным азербайджано-армянским населением членов и кандидатов в члены ЦК, руководителей министерств, ведомств, правоохранительных органов в целях проведения разъяснительной работы.

— Товарищи, у нас потрясающая новость: армяне возвращаются! — поделился радостью с соотечественниками Первый, искренне радуясь конкретной отдаче от проделанной работы. Возможно, он ждал и надеялся, что из Еревана также пошлют делегацию за изгнанниками-азербайджанцами. Но ничто не свидетельствовало о такого рода настроениях в партийной организации соседней республики. Скорее, там уверовали в правильность проведения этнической чистки и понимания армянской позиции не только в перестраивающемся Союзе, но и на Западе. В США, как и в европейских странах, не скрывали своих симпатий к «многострадальному

---

³⁹ Архив политических документов Управления делами президента Азербайджана. Ф. 1, о. 84, д. 23, с. 3.

армянскому народу» и оказывали Армении широкую информационно-политическую и моральную поддержку.

В Ереван, Краснодар и другие города, куда временно выехали армяне из Баку, направляются делегации бакинцев для переговоров и разъяснения ситуации.

— Людям надо объяснить, что страна о них не забыла. Принимаются решительные меры, чтобы обеспечить безопасность наших граждан, — наставляет коллег А.Х. Везиров.

Радужные цифры, поступающие из партийных организаций республики, вновь вселяют в Первого уверенность и оптимизм: по состоянию на 25 января 1989 года, в республику вернулось свыше 23 тысяч лиц армянской национальности.

— Ни на минуту нельзя ослабить внимание к этой проблеме, пока страсти не утихнут.

Между молотом и наковальней

Положение правящей партии и ее штаба — ЦК — усугубляется настойчивым требованием Центра продолжить начатую работу, всерьез разобраться с руководителями, которые пошли на поводу националистических страстей, так или иначе своими действиями способствовали преследованию граждан по национальному признаку: увольняли лиц армянской национальности, не допускали их к работе, угрожали выдворением и т.д. Принятие постановления означало раскрутку долговременной кампании по его выполнению. Так заведено было в прошлом. Так понимал задачу Первый, а вместе с ним и вся команда. Вообще-то само постановление, как я отмечал, адресовано было к обеим компартиям и республикам — «О незаконных действиях некоторых должностных лиц Армянской ССР и Азербайджанской ССР».

Руководство Азербайджана вместе со своим первым секретарем оказывается в трагикомичном положении. Следующий шаг первого секретаря, полностью соответствующий нормам закона и морали, тем не менее, делает его уязвимым для критики в глазах собственного населения. Наказание должностных лиц, допускающих преследования по национальному признаку, ставится на поток. Разработаны специальные образцы статистического учета предпринимаемых

мер во исполнение постановления горбачевского секретариата: ф.и.о., должность, в чем обвиняется по справкам ЦК, подтверждение обвинения — мера наказания.

Абдуррахман Халилович так уверен в эффективности предписаний Секретариата ЦК КПСС и, соответственно, в предпринимаемых мерах, что на какое-то время его оптимизм передается и нам. Да что нам — и многим бакинцам.

Хорошо бы так же решительно и бескомпромиссно и товарищу С.Г. Арутюняну в Ереване действовать. Последние сообщения о следовании оговоренным в ходе встреч с руководством Компартии Азербайджана принципам сдерживания национализма пришло где-то в октябре 1988 года. Тогда на пленуме ЦК Компартии Армении коммунисты рассмотрели вопиющий случай фальсификаций результатов выборов в Верховный Совет Армянской ССР со стороны ряда членов мандатной комиссии Верховного Совета Армянской ССР.

Члены ЦК Компартии Армении, повинные в принятии от имени мандатной комиссии Верховного Совета Армянской ССР и подписании незаконного документа, были наказаны. С его помощью члены ЦК, находившиеся на связи с оппозицией, пытались протащить в парламент своих людей. Их действия расценивались как политическая провокация, приведшая к обострению обстановки в республике.

Пленум осудил и группировки, которые «толкают людей на противоправные действия, всячески пытаются дестабилизировать обстановку в республике».

Увы, с тех пор разговора у товарищей Везирова и Арутюняна не получается. Недавнее выступление С.Г. Арутюняна на республиканском активе подтверждает наши худшие опасения, чему не желает верить Первый, — его комсомольский товарищ, по существу, перешел на платформу АОД: те же интерпретации самоопределения Нагорного Карабаха, исторические обиды и претензии. С Вольским руководитель Компартии Армении общается чаще, чем с Везириным. Аркадий Иванович жалуется на то, что в отношениях с руководителем партийной организации Азербайджана то и дело возникает напряжение: у Абдуррахмана Халиловича сдают нервы. Эту реплику следует понимать так, что с руководством Компартии Армении у него больше взаимопонимания.

В сложном положении оказался и В.И. Поляничко. Его статус в новых условиях все возрастающей подозрительности, недоверия и слухов, налетающих, словно цунами, действительно смотрится анахронизмом, о чем все громче говорят неформалы. В связке с миссией Вольского правящая партия становится удобной мишенью для критики, к которой все восприимчивей народные массы. Ее можно было бы избежать, если бы деятельность миссии привела к умиротворению мятежной области, но этого не происходит: изгнанные из Степанакерта и других районов НКАО азербайджанцы не могут вернуться в свои дома. Как, впрочем, и беженцы из Армении, размещенные в санаториях, пионерских лагерях, шатрах. А впереди долгая зима, дождливая весна и — неизвестность... Появление этих людей на городской площади завершается минимум манифестацией, максимум — митингом.

Тупики в деятельности руководства по налаживанию обстановки в НКАО порождают установки ЦК КПСС, ориентирующие политику урегулирования проблемы с упором на республиканские организации. И это в то время, когда появление в Степанакерте представителя Баку любого ранга встречается истерическими взрывами негодования сепаратистов. С некоторых пор командировки эти стали небезопасны, на что напирал при случае А.И. Вольский. Свое мягкое эмбарго на рабочие визиты в НКАО партийных, советских органов и даже работников Госплана он вскоре распространил и на общественные организации, которые стремятся, как могут, помочь беженцам, шушинцам, оказавшимся оторванными от Степанакерта, Агдама — от всей республики.

— Из-за чего в Баку вышли на улицы? Потому что целая область — Нагорный Карабах — вышла из подчинения республиканских властей. Потому что мы не можем навести порядок в области! — признается на Бюро в середине января 1989 года Везиров. — Я и сам толком не могу ответить, почему не наведен порядок. Да потому, что это не под силу ЦК Компартии Азербайджана. Я заявил об этом на XIX партконференции, заявил недавно при встрече и самому высшему руководству страны!

Это вынужденное признание отражало эволюцию взглядов партийного руководителя на возникшую проблему — от комсомольско-оптимистического желания решить ее с наскока, привычными методами кадровых решений, подтягиванием дисциплины, ответственности, правильной пропаганды норм и традиций совместного проживания, интернационализма и т.д. до осознания необходимости новых решений. При этом игнорировался тот простой исторический факт, что тип международных отношений, утвердившийся в СССР, при социализме стал возможен в итоге долгого силового его внедрения в качестве единственно приемлемого. Государственная идеология опиралась на государственную власть: сильную, твердую, бескомпромиссную.

Горбачевская перестройка, как виделось в начале перемен, предлагала новую модель взаимоотношений, к которым не были готовы ни власть, ни народы, проживающие на территории супердержавы.

Вот почему постановление ЦК КПСС от 13 января 1989 года «О мерах в связи с введением особой формы управления в НКАО Азербайджанской ССР» в Баку восприняли, может, и без особого энтузиазма, но с надеждой. Оптимистам казалось: вопросы границ, общественного устройства, безопасности республики — прерогатива Союза. Ему и карты в руки. Однако республика устраняется от управления над частью (и какой!) своей территории. Рухнется суверенитет, а московская власть потихоньку сращивает НКАО с Арменией. Кое-что в социально-экономическом плане уже сделано. Тако оно так. А что вы взамен предлагаете? Вы-то сами ничего путного не выработали — в смысле новой модели гармонизации отношений области с республикой.

Аргумент этот вскоре отпал с появлением в аппарате ЦК нашего друга из журналистской братии Расима Агаева. Отозванный из Ливии, где он руководил Бюро АПН, и быстро освоившись с обязанностями помощника первого секретаря ЦК, Р. Агаев обосновал перекройку административного деления Азербайджанской ССР, предполагавшую создание Нагорно-Карабахской автономной республики с приданием ей ряда других районов. Это существенно могло укрепить экономическую базу новой автономии, повысить статус и

избавить ее от этнократических тенденций, сделав демографическую ситуацию более сбалансированной.

Однако не успели члены Бюро ознакомиться с запиской, как в Степанакерте раздались душераздирающие вопли о планируемой деэтнизации Карабаха. Москва дала отмашку. И все опять уперлись в новую модель — Комитет особого управления (КОУ), возглавляемый дипломатичным, спокойным А.И. Вольским.

Новый этап борьбы за Карабах

Документ, который 17 января 1989 года Бюро ЦК компартии Азербайджана вынесло на обсуждение, фактически являлся логическим продолжением линии на переподчинение области, мелком обозначенной на памятном заседании Президиума ВС СССР и трансформированной в практическую политику Москвы по отношению к области и агрессивному сепаратизму вообще. Своим решением ЦК КПСС, в сущности, признал тот безрадостный факт, что в НКАО произошло срастание партийных и советских органов с сепаратистским движением. ЦК КПСС приостанавливает полномочия Нагорно-Карабахской Компартии Азербайджана до проведения выборов нового состава обкома партии, говорится в постановлении. ЦК КПСС предоставляет КОУ полномочия обкома партии (?!) — право решать все вопросы партийного строительства, передав ему в качестве рабочего органа аппарат Обкома партии, приведя его структуры и численность в соответствие с новыми задачами. Комитету предоставлено право работать как коллегиальному органу.

ЦК КПСС установил, что КОУ НКАО как партийный орган работает под непосредственным руководством ЦК КПСС и во взаимодействии с ЦК Компартии Азербайджана. При этом КОУ предоставлялись все функции политического, государственного, хозяйственного руководства⁴⁰.

С точки зрения конституционного права, правомочность такого решения, как и его оформление, была более чем со-

---

⁴⁰ Архив политических документов Управления делами президента Азербайджана. Ф. 1, о. 84, д. 17, с. 29.

мнительной. Однако каким бы беспрецедентным ни представлялся факт передачи полномочий партийной организации наспех сформированному комитету, фактически состоявшему из случайно подвернувшихся людей (в их числе были и профессионалы), он как политическое действие вполне вписывался в управленческую практику Союза: руководящая роль КПСС подвергалась критике, но ее конституционное положение оставалось неизменным.

Легкость, с которой политическое руководство Азербайджана согласилось на ущемление суверенитета республики, фактическое самоустранение от активного участия в умиротворении НКАО, сохранении контроля над процессами, протекавшими в области, и над собственной территорией, имела несколько причин.

Первая и важнейшая – осознание того простого факта, что любая попытка воздействовать на организованное сопротивление сепаратистов чревата вспышкой международного конфликта. В этой ситуации миссия Вольского, а затем и КОУ, представлялась естественным и логическим выходом из патовой ситуации, тем более, что Баку зывал все время к Центру обеспечить безопасность и территориальную целостность республики, вытекающие из условий федеративного устройства СССР.

В тот период никто вслух не упоминал договор об образовании союзного государства. К нему относились как к рудименту истории. Апеллировали к устоявшейся советской практике. Знали: последнее слово за ЦК КПСС, гарантом советской власти. Слово это должно быть решительным, объективным, исчерпывающим. Как и положено высшей советской государственной инстанции, политическим воплощением которой оставался ЦК КПСС.

Предполагалось, что твердая, опирающаяся на конституционное право позиция КОУ может восстановить советскую власть в НКАО. Ведь, по существу, она давно пала под ударами ультранационализма. Историческая память услужливо подсказывала: нечто похожее апробировалось в 1920-е годы, когда многие требовали передачи Нагорного Карабаха Армении. Твердая позиция Москвы закрепила НКАО в составе Азербайджана. И сделано это было, кстати, без лишнего кро-

вопролития: были ликвидированы бандформирования, прикрывавшиеся патриотическими лозунгами с той и с другой стороны, было проведено полное разоружение области и прилегающих районов, жестко карались любые проявления преследований по национальному признаку.

Этих принципов придерживалось и руководство Азербайджана, худо-бедно и партийные власти Армении под зорким, недремлющим оком Союза. (Все разговоры о диктатуре партии, советской империи и прочем в данном случае я оставляю за рамками излагаемой проблемы. Это — предмет иной дискуссии.)

Иными словами, стороны придерживались существующих в СССР правил игры, как бы они кому-то ни нравились. Во всяком случае, это согласие по умолчанию продолжалось вплоть до горбачевского периода. Хотя процессы, связанные с переосмыслением истории, национальных проблем, усилились с хрущевской оттепелью и коснулись политического сознания народов — и азербайджанского, и армянского.

Не будем уточнять, как глубоко и масштабно протекали эти процессы в союзных республиках. Периодически и в Армении поднимали вопрос о НКАО, и рецидивы территориальных претензий одной братской республики к другой свидетельствовали о том, что болезнью «миацума» поражены не только отдельные интеллигентские группировки.

В 1948 году записка, обосновывающая желательность включения НКАО в состав Армении, была направлена советскому руководству за подписью тогдашнего первого секретаря ЦК Компартии Армении Арутюняна. Любопытно, что территориальный передел обосновывался не историческим правом, а природно-климатической схожестью сопредельных Армении районов к оспариваемой области, а также преимущественно армянским составом населения НКАО.

Ответ Мир-Джафара Багирова, тогдашнего партийного босса Азербайджана, явился холодным душем не только для Еревана, но и для многих в Москве. Согласившись с доводом соседей о сходстве горного и лесного ландшафта ряда районов двух республик, а также значительном проценте армянского присутствия в НКАО, он не стал возражать в принципе против удовлетворения территориального иска, исходя из

такой мотивации. Азербайджанская сторона, в свою очередь, выступила с встречным предложением на тот случай, если ЦК ВКП(б) сочтет природно-климатическое сходство территорий и состав населения достаточным основанием для пересмотра союзного договора. Багиров указывал, что ряд районов Армении, Грузии, да и Дагестана, населен не преимущественно, а исключительно азербайджанцами. По своим природным характеристикам они практически являются продолжением Азербайджана, отчего и аграрно-промышленная специализация указанных территорий практически является родственной.

И. Сталин начертил на стопке собранных Г. Маленковым документов: «Они все там с ума посходили!» И на том вопрос был закрыт.

Две другие вспышки межнациональных распрей имели место в 1967 и 1970 годах. Первый раз в Степанакерте произошла чистейшая провокация, когда разбушевавшаяся толпа сожгла на площади автофургон с подсудимым-азербайджанцем, чья вина в убийстве подростка так и не была доказана.

В 1970 году в Дашкесане по указанию секретаря райкома — азербайджанца снесли скульптурную композицию, сооруженную без разрешения городских и республиканских властей группой лиц из Еревана. Под видом памятника сельчанам, павшим в Великой Отечественной войне, из Еревана привезли точную копию скульптуры, посвященной победе армянской армии в одном из боев с турками.

В обоих случаях в ликвидации последствий волнений принимали участие Г.А. Алиев — в 1967 году как руководитель республиканского КГБ, во втором — в качестве нового партийного вождя Азербайджана. Предпринятые меры по локализации конфликтной ситуации находились в полном соответствии со сложившейся в брежневские времена практикой: раздувать конфликт не стали, сменили партийно-советское руководство, наказали зачинщиков акций, отпартовали Москве, что инцидент исчерпан. И постарались забыть.

Как показали дальнейшие события: сбили пламя, а искра будущего пожара продолжала тлеть.

Конфликты между народами имеют свою историю. Углубившись в нее, можно узнать много любопытного, прояснить отношения народов на разных этапах их исторического существования и вражды. Однако вряд ли можно будет докопаться до истины: кто прав, а кто виноват. Я и не ставлю перед собой этой задачи. Моя цель другая – конфликты, подобные карабахскому, имели место в разных уголках мира. По-разному вели себя политические руководители стран, целостности, существованию которых они угрожали.

Вывод из этого печального опыта один: сильное, справедливое государство ставит сепаратизм, угрожающий государственным устоям, вне закона. Тот, кто предпочитает выяснять отношения при помощи увещаний или митингов, обрекает себя на распад.

Январь 1989 года. Союз еще кажется великим и могучим. Компартия еще правит в Азербайджане, стараясь придерживаться официально объявленного курса.

Люди с площади подают идею создания Фронта сопротивления армянскому вызову. Очень скоро у всех на устах название новой партии – Народного фронта Азербайджана. Это – влияние демократического движения Прибалтики. Молодые люди (научные работники, литераторы) – лучшие ораторы ноябрьской митинговой эпопеи – хотят, чтобы в Баку наступила эра демократизации, как это происходит в Москве, Ленинграде, Риге. Никто, кажется, не задумывается над тем, что «демократия» – понятие целостное. Это еще и культура, долгий и трудный исторический процесс овладения новым политическим мышлением.

Зардушт Ализаде со смехом рассказывает о прибытии молодых людей из Карабаха, прослышавших, что в Баку создается Народный фронт. Они живо интересуются, чему отдать на фронте предпочтение: автоматам или пулеметам? Есть охотничьи винтовки...

Еще не произнесено слово «ментальность». Но зато в ходу загадочное и желанное «альтернатива». Лейла Юнусова, историк, с удовольствием вворачивает в ходе беседы с Везириным это новенькое словцо, пытаясь разъяснить секретарю ЦК необходимость политического плюрализма. Но последний озабочен проблемами консолидации азербайджанского

общества. Он не может не видеть, что компартии уже противостоит новое политическое течение, тенденция, организационно пока не сформировавшаяся, но уже являющаяся собой могучую общественную силу.

Толпы на улицах, площадях, на стихийно возникающих митингах с замиранием сердца внимают этим молодым людям. Они считают, что компартия плетется в хвосте событий, идет на поводу у консервативного крыла ЦК КПСС, с которым не может совладать реформатор Горбачев. Они полагают, что и в Азербайджане нужно создавать женские батальоны, как это сделали в Армении, восстановить идеологию АДР – Азербайджанской Демократической Республики, правозестницы независимого Азербайджана, созданной в 1918 году. Из небытия выплывают имена отцов-основателей АДР: Расулзаде, Топчибашева, Хойского.

Господа вспомнили, что гений азербайджанского музыкального классицизма Узеир Гаджибеков до того, как написать в 1936 году гимн Азербайджанской ССР, создал другой свой шедевр в этом же жанре – во славу АДР.

ЦК собирает всех именитых историков: нужно выработать новый взгляд на историю АДР, многократно проклятому вместе со своими лидерами, расстрелянными после победоносного похода в Закавказье XI Красной Армии, подстреленными армянскими террористами и бежавшими в Анкару в тщетной надежде организовать сопротивление советизации.

– Лидерам АДР принадлежит историческая заслуга создания первой светской республики на Востоке, – внушительно произносит Данил Пириевич Гулиев, директор Института марксизма-ленинизма при ЦК Компартии Азербайджана. – Но они так и не решили аграрную проблему, имеющую общенациональное значение...

– Побойся бога, Данил! – вскакивает с места Зия Буньятов, академик, Герой Советского Союза, первый вскрывший фальсификации в трудах армянских историков. – Это за неполные-то два года существования республики! До аграрного ли вопроса было правительству? С первого дня все силы оно бросило на отражение агрессии дашнакской Армении, на предотвращение угроз с севера. Оно вынуждено было тра-

тить драгоценное время на споры с коммунистами Баку, которых возглавляли то Степан Шаумян, то Анастас Микоян! А то, что горстка интеллигентов смогла обозначить пределы, государственные границы республики, территорию, на которой мы сейчас живем, — это чья заслуга?

Все знают: Зия Мусаевич страшен в гневе. Знал это и тишайший Данил Пириевич. На том дискуссия благополучно завершается. Историки расходятся по митингам, чтобы продолжить спор на площадях и улицах.

Мы, аппаратчики, собираемся у Первого...

«Большая политика — понимать надо!»

А.Х. Везирову, впрочем, как и другим членам Бюро, кажется, что удалось найти удобную форму взаимодействия с КОУ: «Мы сделали очень хорошее дело!» Составлен график командировок ответработников из Баку в Степанакерт для взаимодействия с КОУ. Везиров не скрывает, что новая структура нуждается в контроле со стороны республиканских властей. Правда, он не говорит прямо о контроле, наблюдении за прибывшими из Москвы лицами (народный телеграф уже информировал республику о связях некоторых товарищей с главарями сепаратистов). «Прикрепленные к КОУ товарищи из Баку будут меняться каждый месяц. Районы, организации, крупные коллективы — также сфера деятельности посланцев Баку: «Товарищи будут среди них — нужно опекать и вести работу».

Вскоре принимается постановление Бюро ЦК о создании оперативной комиссии ЦК по НКАО. В составе: В.П. Поляничко (руководитель), А.Н. Мугалибов, Р.Я. Зейналов, Е.Г. Протоковец, Р.А. Алиев, А.Ф. Дашдемиров, Р.А. Агаев, А.К. Шарифов. Задача комиссии — оперативное рассмотрение и решение вопросов, связанных с выполнением постановления ЦК КПСС и СМ СССР по НКАО, оказание в этом содействия Комитету особого управления⁴¹.

Первый обозначил и сроки деятельности КОУ — до лета. Хотя ясно, что за несколько месяцев не усмирить область.

---

⁴¹ Архив политических документов Управления делами президента Азербайджана. Ф. 1, о. 84, д. 52, с. 151.

Но справиться с зачинщиками, разоружить отряды сепаратистов, поставить заслон эмиссарам из Еревана, переполненного подозрительными субъектами из-за рубежа — это еще в силах Москвы. При желании, разумеется. А оно, кажется, в ЦК КПСС проснулось. Политбюро готовится провести пленум по национальному вопросу (давно пора!), партийные теоретики работают над проектом платформы КПСС «Национальная политика партии в современных условиях». Лед тронулся?

Везиров верит в это. Параллельно с деятельностью КОУ необходимо восстановить межпартийные связи, общими усилиями действовать против националистических тенденций, смыкающихся с откровенной антисоветчиной. Такова установка М.С. Горбачёва, и она обнадеживает. Как и все, что говорит, предлагает и делает генсек.

Предлагается также активизировать сотрудничество компартий, скатывающихся к непримиримому конфликту республик. Все вроде бы просто: правящие партии наладят отношения, пусть и при помощи ЦК КПСС, с тем, чтобы противостоять силам, работающим на разжигание страстей, а в конечном счете — на центробежные тенденции. Составлен, как водится в таких случаях, план мероприятий Центральных комитетов Компартий, Президиумов Верховных Советов и Советов министров Азербайджанской ССР и Армянской ССР. Предполагаются регулярные встречи не только первых секретарей, но и идеологических, отраслевых, заведующих отделами, руководящих работников Президиумов ВС и Советов министров республик, встречи депутатов различных уровней.

В сопредельных районах планируется создать общественные советы по межнациональным отношениям, намечается совместное заседание комиссий по вопросам межнациональных отношений Верховных советов, налаживание сотрудничества в социально-экономической сфере, в области науки, образования, подготовки совместных исследований, в том числе исторических, внеконкурсные приемы студентов, обмен учеными, преподавателями, аспирантами; написано проведение дней культуры, гастролей популярных артистов; организация книжных ярмарок, телемостов, вы-

пуск совместных фильмов, альманахов и т.д. — все это в течение 1989–1990 годов⁴².

Это — работа на ближайшую перспективу. В составлении планов приняли участие все отделы ЦК, советских органов. Спешили, старались, как могли. А все же удовлетворения ни я, ни другие заведующие не испытываем. Общая позиция такова: мы готовы восстановить старые, добрые отношения добрососедства. Очередь за Арменией. При встречном движении, верится, шаг за шагом можно навести порядок в республиках, при условии прекращения взаимных выпадов, в первую очередь — снятия с повестки дня территориальных претензий — от кого бы они ни исходили и чем бы ни обосновывались. Нужно вырулить сперва в зону союзнических уз, реанимировать прежние отношения добрососедства, покончить с провокационными вылазками, рекомендует наш орготдел в одной из записок «наверх».

Правящие партии должны продемонстрировать, что они контролируют обстановку в своих республиках. Находятся ли они на схожих, общих идейно-политических платформах — вот в чем вопрос. Члены Бюро высказывают свои соображения без боязни, остро. Чувствуется, что они подготовились к дискуссии — не тушуются перед авторитетом Первого. Тот выслушивает, иногда вступает в быстротечную полемику. Понравившиеся соображения и факты берет на карандаш.

Обмен мнениями вызван предстоящей встречей с руководством Армении. Предполагается открыто, принципиально, без всяких тактических уловок сказать о позиции Компартии Азербайджана и о том, чего она ждет от партийной организации Армении.

На Бюро утверждается новый заместитель управляющего делами ЦК — Давидян Лев Михайлович. Пусть, мол, знают в Ереване — мы верны своему слову не только в декларациях, но и на деле⁴³. Кстати, хорошо бы иметь под рукой точную статистику о национальном составе аппарата ЦК Компартии

---

⁴² Архив политических документов Управления делами президента Азербайджана. Ф. 1, о. 84, д. 41, с. 54–70.

⁴³ Там же, д. 14, с. 3.

Азербайджана. Орготдел был бы не орготделом, если бы не располагал информацией об этом: азербайджанцев у нас 83 человека (76,2%), русских — 20 (18,3%), украинцев — 1, армян — 2 (теперь с утверждением товарища Л.М. Давидяна их стало трое), по одному: лезгин, татарин, еврей. Кроме того, по состоянию на начало года в Компартии насчитывается 398 105 коммунистов. Сила? Сила!

Некоторые товарищи из КОУ до крайности удивлены, что в аппарате Нагорно-карабахского обкома не значится ни одного азербайджанца. Даже уборщиц не догадались для статистики зачислить. Из числа неармянских граждан.

Между тем идейно-политическое давление на Компартию и вообще коммунистов усиливается.

— Если так пойдет, то в скором времени коммунистов будут отлавливать на улицах толпы беженцев и линчевать, — это ироничное признание все чаще звучит в откровенных беседах с руководителями партийных комитетов, особенно из сельских районов, провинций. На Бюро нередко раздаются голоса о необходимости решать вопросы, выдвинутые перестроечными веяниями. Первый настороженно относится к этим призывам, но, в конце концов, уступает общему давлению.

«Считать необходимым принятие на очередной сессии Верховного Совета республики Декларацию о государственном суверенитете Азербайджанской ССР», — это из решения Бюро. Приходится реагировать и на повсеместные призывы партийных организаций и собраний трудовых коллективов дать конкретную информацию о том, что делается в Степанакерте. «На сессии рассмотреть также вопрос о ходе выполнения соответствующих постановлений ЦК компартии и Совета Министров республики по наведению порядка в НКАО»⁴⁴.

О чем информировать трудящихся? Если честно, похвастать нечем. Шуша фактически находится в изоляции, крестьяне выходят на полевые работы в сопровождении солдат, на пастбищах вооруженные люди уводят скот. КОУ взаи-

---

⁴⁴ Архив политических документов Управления делами президента Азербайджана. Ф. 1, о. 84, д. 74, с. 3.

модействует с аппаратом обкома, который заодно с сепаратистами.

Как разорвать этот порочный круг, никто не знает.

А тут «голоса» сообщают о принятии сенатом США резолюции по НКАО. Это вызывает бурное негодование общественности, что предвещает новые акции протеста. Но нас в аппарате смущает и ставит в тупик другое: А.И. Вольский оперирует резолюцией американских сенаторов так, словно речь идет о постановлении Политбюро ЦК КПСС. А в ЦК КПСС по этому поводу рекомендуют не паниковать, но учитывать международную политическую конъюнктуру: «Михаил Сергеевич ведет тяжелые переговоры с руководством США, ни в коем случае нельзя ослаблять позиции генсека! Понимать надо — большая политика!»

Вот мы и поможем советскому руководству довести до американского сената, что в Баку народ возмущен односторонней поддержкой армянских сепаратистов: «Опубликовать в печати, передать по телевидению и радио сообщение о направлении в посольства СССР заявления Президиума Верховного совета Азербайджанской ССР сенату США о решительном протесте в связи с принятой резолюцией по НКАО...»⁴⁵.

Партийно-государственная машина медленно разворачивается к действительности, начинает прислушиваться к тому, что говорят люди — уже не на кухнях, а на улице.

О мерах по обеспечению более активного функционирования азербайджанского языка как государственного в Азербайджанской ССР ЦК постановляет: «Обеспечить более активное функционирование, конституционный статус азербайджанского языка в общественно-политической жизни республики, в делопроизводстве, внутриреспубликанской переписке, применении в вычислительной технике, оформлении средств наглядной агитации... Расширить общественные и культурные функции азербайджанского языка»⁴⁶.

Хорошее постановление! Но оно опоздало как минимум на несколько лет. Все документы бюро ЦК отныне перево-

⁴⁵ Архив политических документов Управления делами президента Азербайджана. Ф. 1, о. 84, д. 74, с. 3.

⁴⁶ Там же, д. 87, с. 7.

дятся на азербайджанский. Это нововведение весьма радует секретарей сельских районов, для которых рабочим языком остается родной, азербайджанский — в то время как в Баку, штабе партии, по установившейся традиции делопроизводство ведется на русском. Ничего не поделаешь — до недавнего времени в соответствии с требованиями общепартийного курса в Азербайджане всячески расширяли пространство применения великого и могучего. Нет, похоже, нам не успеть на поезд демократии, стремительно набирающий скорость. И это тем более опасно, что трудно представить, на каких путях окажется состав, каждый вагон которого требует двигаться в том направлении, которое ему представляется единственно правильным.

«Если не ты, то кто?»

Вот, например, из ЦК КПСС, продолжая сравнения с поездом, можно было бы сказать — от главного машиниста, поступила записка: разработать положение и принять меры для создания партийных дружин.

Дружинники — рабочие наряды с красными повязками на рукавах, помнится, фактически являлись важным компонентом советской правоохранительной системы во времена моей юности — в 1950–1960-е годы. Потом щелоковская милиция как-то незаметно оттеснила их на обочину, и это, в общем-то, полезное дело, своеобразное связующее звено между населением и государственной службой общественного порядка и безопасности граждан, постепенно формализовалось.

К вящей радости коррумпирующейся милиции. Полагаю, милиция сознательно «придушила» народную инициативу, следуя главной внутриполитической тенденции «застоя», сосредоточения власти в одних руках. И вот кому-то пришло в голову возродить забытую форму поддержания общественного порядка руками самой же общественности. Однако можно ли сейчас, в развороченной перестройкой стране, рассчитывать на практическую эффективность идеи, подтвердившей возлагавшиеся на нее надежды в совершенно иных, послевоенных условиях?

Впрочем, дискуссия на бюро ЦК о другом: по какому принципу формировать дружины — партийному, рабочему или по старинке — народному. И.И. Гореловский полагает, что затея стоящая, убежден, что дружины должны состоять исключительно из коммунистов: «Я — за партийные дружины. И вот почему. Опыт создания народных дружин накоплен в ряде соцстран, в частности — в Чехословакии. Все дружины работали под руководством партии»⁴⁷.

Предложение встречает неоднозначную реакцию: одно дело — утихомирить, скрутить хулигана, а совсем другое — разгонять уличные шествия, пикеты. Тут милиция уже пасует. И секрет нежелания милиции разбираться с такого рода нарушением общественного порядка связан не только с тем, что оно воспринимается массовым сознанием как попытка подыграть сепаратистам из НКАО и Армении. Советская милиция воспитана на уважительном отношении к собственному народу. Народ, в свою очередь, верит, причем не без основания, что «моя милиция меня бережет». В экипировке милиционера не значится даже дубинка.

Первый, однако, ситуацию видит под иным углом зрения: «Мы должны уметь защищать и защищаться. Мы — правящая партия... Надо пойти на то, чтобы обучать дружинников каратэ, самбо. Почему «Карабах» может держать «бородачей»? Или митинги. Пришли бы 10 тысяч дружинников, и никого бы не осталось. И не было бы разговоров об армии, милиции...»⁴⁸.

Привожу эти фрагменты вовсе не из-за желания еще раз показать растерянность, которая вселялась в штаб партии в результате перекладывания Москвой вопросов обеспечения безопасности общества на местные партийные организации без твердой политической позиции союзного руководства. Мне представлялась крайне опасной идея вовлечения дружинников в чисто политическое противостояние, возникшее в обществе. Отряды дружинников, будь они созданы на партийной основе, неизбежно привели бы к уличным столк-

---

⁴⁷ Архив политических документов Управления делами президента Азербайджана. Ф. 1, о. 84, д. 52, с. 4.

⁴⁸ Там же.

новениям, после чего правящая партия лишится остатков авторитета и уважения, которыми она еще пользовалась. Мне известно было о неблагоприятных тенденциях в составе и росте партийных рядов. Мы фактически балансируем на грани гражданской войны. Параллельно с сепаратистским фронтом провоцируется появление еще одного — формирующейся оппозиции, чреватого отчуждением народных масс.

Я не стал скрывать своих опасений от членов Бюро, высказав их в развернутом виде Гореловскому в ходе откровенной беседы наедине. Он не стал углубляться в эту щекотливую тему, заметив, что на данный момент он озабочен другой проблемой: близится к концу его командировка в Азербайджан. В нынешней обстановке и с учетом курса на демократизацию Москве придется подбирать нового руководителя республиканского КГБ из числа местных кадров. Тем более, что руководство ЦК придерживается такого же мнения. Все понимают — возвращение к старой практике командирования спецов из Москвы серьезно ослабит позиции политического руководства Азербайджана.

— Так в чем же дело? У вас есть заместители — вроде бы опытные профессионалы.

— Это всегда было сложно. Нужен не только профессионал, но прежде всего политический руководитель. Так сложилось с ленинских времен. Так поступают и во многих, в том числе западных странах.

Я отношу эти откровения Ивана Ивановича к естественному для данного случая способу обменяться мнением со мной как орговином, прозондировать настроения в ЦК, определить возможные кандидатуры на одно из ключевых мест во властной диспозиции. Пока цепкий, внимательный, с хрустальным блеском взгляд прошупывает меня, я перебираю в памяти имена из номенклатурной обоймы, которые по опыту, уровню и роду политической деятельности можно было бы рекомендовать руководству для рассмотрения.

— Тут хорошо бы привлечь кого-нибудь из военной среды.

— Уже наводили справки. Подходящих офицеров нет. Есть генерал с опытом работы в Афганистане, но у него профиль интендантский. Да и староват...

— Н-да... куда же подевались направляемые в военные училища призывники? А партийные и комсомольские работники, прошедшие переподготовку на курсах и в школах КГБ?

— Их не так уж и много: один бывший редактор районной газеты; другой — строитель, председатель горисполкома из Нахичевани, которого переквалифицировали в контрразведчика; третий — из тех же краев и той же квалификации. Одним словом, это земляческий ресурс определенных сил. Формально у них, может, и есть задел для карьерного роста, но это не политики. А главное, что подтвердила нештатная ситуация с Карабахом, — не бойцы. К тому же тоскуют по прежним временам, веруют в своего бывшего предводителя... Но мне, Ивану Ивановичу, — мой собеседник не сдержал горькой усмешки, — встречать в эту область национальных приоритетов нынче не с руки. Не так поймут и в партийных рядах, и на мейдане...

На том И.И. Гореловский, как говорили русские в старину, отклонялся, а я углубился в текущие дела, намереваясь в ближайшие дни собрать в Баку совещание-семинар секретарей партийных комитетов сельских районов.

Однако после очередного визита в ЦК КПСС уже сам Рахман Халилович возвращается к этому незавершенному разговору.

— Гореловского отзывают. Он нужен в Москве, — в присущей ему телеграфной манере сообщает Первый.

И он может далее не развивать эту тревожную тему. Я догадываюсь, что за этим последует, и чтобы не обнадеживать его, делаю вид, что это сообщение для меня новость. Но Везирову было не до тактических тонкостей в только что начавшейся кадровой игре большой политики. Он, как руководитель, должен быстро, четко и грамотно решить вопрос — найти человека на освобождающееся место, которое в нынешней сложной ситуации не может пустовать.

— Ни одного дня! — закончил свою краткую речь Везиров, перекрывая мне еще одну тропу к отступлению.

Я не могу ему сказать о том, что не готов работать на этом участке, ибо знаю, что он приведет десятки примеров — от Дзержинского до Семичастного, когда коммунисты оказывались во главе советской службы безопасности не в силу

своих профессиональных данных, а исключительно по воле партии. Такова традиция. В устах Первого она превращается в суровое правило, непреклонный закон, переступить который — значит предать. Тем более, тогда, когда страна в опасности. А республика, Компартия и Союз в опасности — это вынужден теперь признать и он, Везиров:

— Никто не знает, чем кончится эта катавасия, — грустно завершает он сюжет о новой роли, отводимой мне на корабле, дрейфующем по воле волн.

Похоже, дело закручивается лихо! Первый явно чего-то недоговаривает. Наверняка у него в записной книжке еще один довод, который он не хочет пока раскрывать — держит для крайнего случая. По опыту знаю — лучше дожать его сейчас, второго такого момента полной откровенности может и не представиться. Уловив некоторое замешательство в моем поведении, он бросает на стол свой последний «козырь»:

— Имей в виду: если откажешься, придется брать человека из Москвы. Кем он будет — поди, знай. Если откровенно, — Везиров по старой советской привычке понизил голос, — демократы имеют своих людей повсюду. И потом, в Москве открыто говорят: среди демократов полно людей из ГРУ, контрразведки и бог знает еще откуда. Сам видишь: никому нельзя доверять. А может, кто-то на это и рассчитывает?

Пожалуй, над всем этим и в самом деле придется основательно поразмышлять.

— Считаю, что я ознакомил тебя с решением ЦК. Единственное, чем могу помочь — даю несколько дней на размышления.

Это значит, что мой вопрос он предварительно прокрутил в инстанции...

Сдается мне, что тут дело не только в Гореловском. Что значила везировская фраза о неизвестности исхода катавасии? Не собирается ли и он уходить? Не похоже... В то же время по его еще молодому лицу в последнее время нет-нет да и мелькнет тень уныния. Москва тянет с обещанными крутыми мерами. Армения вновь встала на дыбы. В Карабахе живут по правилам КОУ, который делает вид, что восстанавливает советскую власть. В Баку неформалы требуют регистрации Народно-фронтных мер против армян-

ского своеволия. Его лидеры считают, что у Азербайджана есть радикальное средство, чтобы поставить на место Армении, — перекрытие транспортной артерии. Пока это только разговоры. Но уже замечено: сегодня разговоры, завтра — уже дело. А оно каждый раз застает врасплох властные структуры — от Компартии и МВД, связанных по рукам и ногам отсутствием законодательной базы, опыта, двусмысленностями Центра. Если уходить — то сейчас, точнее — до следующего взрыва, который, судя по всему, не заставит себя долго ждать. Возможно, и в ЦК КПСС думают об этом, готовят кадровый задел. Ведь что ни говори, а катавасия действительно преподнесет еще не один «сюрприз».

С точки зрения усиления систем управления страной, политическое руководство не может не думать на шаг-два вперед. И это даже хорошо. Перестройка отринула многое, что отработано было во времена благодушной стабильности. Сменяемость кадров — фактор обновления. Хотя менять первых лиц республики через год-два тоже не выход. Это, скорее, признак дестабилизации. Сколько мы еще продержимся на этой пороховой бочке — сейчас никто не скажет...

— Я знаю одно: не удержимся мы — не устоит и советская власть, все полетит к чертям, — Поляничко приступает к разговору издалека.

Он — хороший переговорщик, умеет подобрать к каждому свой ключ. Виктор Петрович часто приглашает поздно вечером (мы в ЦК засиживаемся обычно до 22.00, а в критические дни и до часу ночи). Вот и сегодня он предложил попить чайку, обменяться мнениями по складывающейся обстановке, просто поговорить по душам. Обычно в таких случаях он конкретен. Подбирается к главной теме как бы на ощупь, не спеша. Это и настораживает. К чему он клонит? Выполняет поручение Везирова? Не иначе! В таких случаях говорят: чего тут, мол, тянуть: мус-мус... Так и скажи: Мустафа!

Короче, Виктор Петрович также считает, что я должен возглавить КГБ.

— Возглавить организацию после ушатов помоев, которые опрокинули на ее историю, лучших людей, ее верную службу на страже безопасности страны — значит сознательно идти на политическую смерть. Будем откровенны, Виктор Петрович.

— Я не скажу, что такова специфика нашей профессии — партийного работника. — Поляничко плотно сжал губы. — Правильней сказать: такова особенность нашего времени. Что поделаешь: на долю одних выпала война, на долю других — послевоенная голодуха, на долю третьих — сытое времечко подъема социализма, а на нашу — перестройка страны. К чему приведут перемены, я не знаю. Но наша задача — удержать страну на социалистических рельсах. В этом состоит мое убеждение. Разумеется, еще не поздно отойти в сторону, переждать где-нибудь за границей, на дипломатических харчах. Однако меня всегда восхищал морской кодекс чести: команда остается на корабле до конца, капитан покидает свой пост последним.

— Но наш советский корабль, как мне представляется, во все не тонет. Переживет он и эту бурю.

— Если Карабах мы потеряем, потеряем и Союз. Сработает эффект домино. И последнее: если не ты, то кто? Назови подходящую альтернативу, только честно!

Я кладу перед ним список, составленный после беседы с Первым. Второй секретарь быстро пробегает глазами по листку бумаги.

— Самое смешное то, что эти же фамилии значатся у нас с Рахманом Халиловичем...

Он достает свой документ из сейфа, кладет его поверх моего.

Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. А грустно мне не только от неожиданно свалившегося на мою голову предложения, к которому у меня не лежит душа — сам не знаю, почему. Хотя убежден: любой из рассматриваемых кандидатов, не раздумывая, согласится занять пост, который на глазах становится решающим в условиях дестабилизации общества.

Особенно запомнилась мне концовка той встречи с В.П. Поляничко. Сообщив о том, что московское начальство направило на подмогу И.И. Гореловскому нового первого зама — некоего Дубровина, воздал должное профессиональным данным москвича: «Работал за бугром! Во Франции! Это не аппаратчик, не чекист из карьерной поросли».

И затем со вздохом поделился своими наблюдениями за КОУ, за сотрудничеством с новой властью в НКАО:

— Неохотно едут наши люди в Степанакерт. А ведь какая возможность проявить себя, показать в деле! И в то же время разговоров о засилье москвичей, русских — хоть отбавляй...

И концовка — товарищеская:

— А Рахману надо помочь. Откажешься, значит — tu quoque, Brute! И больше ничего. Я честно изложил то, что думаю по этому нелегкому для тебя вопросу. Потому что мы с тобой, Вагиф, из другого теста сделаны. Из комсомольского. Или я ошибаюсь?

Ничего не скажешь — мастерски заключил душевные переговоры Виктор Петрович. Прямо как Штирлиц — с ударением на последней фразе.

Часть четвертая

ПРЕОДОЛЕНИЕ

**Где родились мы? Под звездой какой?
Какие нам определялись силы
носить в себе и ярость, и покой,
и жажду жить, и братские могилы.**

Булат Окуджава

ЧЕКИСТСКАЯ СЛУЖБА

Я сделал свой выбор

«О товарищах В.А. Гусейнове и И.И. Гореловском» — так буднично, по-рабочему, в повестке дня Бюро ЦК обозначено начало самого кругого поворота в моей биографии. Заявление Ивана Ивановича о том, что его отзывают на работу в Москву, встречается членами Бюро ЦК с пониманием. Как и краткое резюме: «Направить тов. Гусейнова В.А. на руководящую работу в органы государственной безопасности...»

Меньше всего мне хотелось бы, чтобы у читателя сложилось впечатление, мол, Москва тщательно продумывала ходы с целью продвижения на вершину власти верного человека в готовом взорваться Азербайджане. Вся компартия, вся номенклатура в республиках, в том числе и нашей, была советской. И все серьезные передвижения по властной вертикали согласовывались, как говорили, с инстанцией. Не говоря уже о так называемых министерствах двойного союзно-республиканского подчинения.

Правоохранительные органы, скажем, МВД — в меньшей, КГБ — в большей степени, являлись частью общесоюзной системы безопасности не только в силу федеративного устройства, но, прежде всего, ввиду специфики своих задач и деятельности.

Может показаться, что я, так сказать, для виду сопротивлялся новому назначению, как говорится, набивал себе цену.

На встрече с общественностью Баку. 1990 г.

Что скрывать? Такое водится в аппаратных взаимоотношениях. Надо учитывать только то обстоятельство, что в обстановке надвигающегося военно-политического противостояния с Арменией из-за Карабаха с моей стороны подобная уловка была бы, да извинит меня читатель, более чем легкомысленной для человека с достаточным опытом политического маневрирования.

Правом отказаться от предложенного служебного передвижения я обладал, как и серьезными основаниями для этого. Уже в силу этого согласие возглавить службу безопасности явилось осознанным актом. Решающее значение для окончательного слова имело следующее обстоятельство: под каким бы предлогом я ни отказывался от перехода в КГБ, некуда было деться от того, что трудному, рискованному делу я предпочитал спокойную жизнь в партийном аппарате. Этот выбор лично для меня отягощался тем, что я сознательно отказывался от одного из самых эффективных государственных средств борьбы за Карабах.

С этой точки зрения, судьба предоставляла мне редчайший шанс реально влиять на разворачивающиеся вокруг рес-

публики события: и военные, и политические, и информационные. Иной службы, располагающей широкими возможностями для мобилизации наличных на государственном уровне ресурсов, в Азербайджане не имелось. Партийную власть разъедала коррозия националистического брожения, а МВД – коррупция.

Представлялось, что, пока ЦК КПСС возьмется за реформирование партии, усиление ее политических позиций, время для организации защиты республики будет упущено.

Исторический опыт свидетельствовал о том, что при коренной реконструкции политических систем, которыми сопровождаются революционные переделки общества, срабатывают государственные инстинкты структур, призванных обеспечить защиту конституционных устоев республики. Таковым в СССР являлся КГБ.

Благодаря своей закрытости, специфике устройства и развитой традиции преданности социалистическим идеалам он представлялся высокопрофессиональным институтом власти, менее других зараженным болезнями позднего социализма – коррупцией, размытыми идеологическими принципами, двойной моралью.

Его кадровое формирование осуществлялось за счет тщательного отбора лиц комсомольско-партийной выучки, привычных к строгой дисциплине, с развитым чувством ответственности. Лучшие из них, пройдя обучение в учебных центрах КГБ, составили кадровый потенциал одной из величайших разведок мира. Я знал многих из них, сам направлял представителей комсомольского актива работать в КГБ. Большинство из них стали профессионалами высокой пробы.

В условиях Азербайджана, с трудом сдерживавшего натиск армянского сепаратизма, слишком велико было значение того, в чьих руках окажется одно из главных средств обеспечения безопасности республики. Имею ли я право отказываться от такого шанса?

– Что делать? В командной игре общее правило: каждый берет на себя свою долю ответственности.

В.М. Чебриков внешне похож на добродушного старичка из глубинки. В нем мало военного, офицерского, и совсем не чувствуется лоска столичного аппаратчика. Между тем, всю войну

провел на передовой. В КГБ был принят по протекции Л.И. Брежнева. Однако пользовался и доверием Ю.В. Андропова, если тот поставил его на это место. Жалует его и М.С. Горбачёв.

С апреля 1985 года генерал армии Виктор Михайлович Чебриков в составе Политбюро. Примерно год назад переведен в ЦК КПСС – секретарем, курирующим работу правоохранительных и административных органов. А ведь его считали одним из столпов днепропетровской братии. Нет, непрост 76-летний, с виду добродушный человек, сидящий передо мной и внимательно разглядывающий меня.

Хитро сощурившись, он поднимает со стола фотку. На ней Г. Алиев, мой нынешний собеседник, немецкие товарищи и я.

– Припоминаете?

Как не припомнить: середина 1970-х годов, церемония открытия в Баку памятника Рихарду Зорге. Г. Алиев со всего света собрал всех так или иначе причастных к действию, посвященному легендарному советскому разведчику. Чебриков тогда работал «под Андроповым», я – в комсомоле. А те, что на заднем плане, словно невзначай ускользнувшие от зоркого взгляда объектива, очевидно, коллеги-разведчики из штази, военной разведки. Пролетевшие годы сильно изменили всех, кто запечатлен на памятной фотографии, врученной генералом и секретарем ЦК КПСС мне в качестве реликвии, а может быть, и тонкого намека на историческое единство партии, комсомола и разведки. Это – прелюдия.

Далее – рабочий разговор, политический: как я вижу ситуацию, каково положение Компартии, контролирует ли она ситуацию? Многие занервничали, «демократизировались». С другой стороны, Везирова, как и все политическое руководство Азербайджана, обвиняют в консерватизме, неспособности адаптироваться в быстро меняющихся условиях общественных перемен.

Когда на столь высоком уровне приглашают к откровенности, грех отказываться.

– Дело не в Везирове. Будь на его месте любой другой, мы имели бы тот же результат. Главная причина потери доверия к Компартии в том, что люди видят ее неспособность

добиться справедливого и адекватного отношения ЦК КПСС к волнующей всех проблеме — причинам возгорания карабахского конфликта. Надежды, которые в Азербайджане связывали с новым курсом, Горбачевым, стремительно угасают. Если честно, то надо бы удивляться тому, что коммунисты еще держатся в Азербайджане. Вы же лучше меня знаете, что происходит в Восточной Европе, Москве, Прибалтике, Грузии, Армении и других регионах.

— В Европе, как и в США, популярность Михаила Сергеевича велика, как никогда. Ни один из советских лидеров не пользовался таким авторитетом в мире, как наш генсек. В том числе и у западных правящих кругов.

— Даже Сталин во время войны? Что касается популярности, то ведь это прижизненная слава. И в наше время во многом — продукт политтехнологий. Говорю это как журналист и бывший редактор. Хотя далек от мысли умалять роль личности в истории. И Михаил Сергеевич своей деятельностью только подтверждает, как круто может личность изменить и ход, и направление общественного развития, а значит, и истории.

Последний пассаж можно считать удачным выходом после того, как я неосторожно наехал на политику Москвы в отношении Карабаха. Держаться максимально открыто и независимо, в духе времени, я решил еще в самолете, подлетая к столице. Времени для обдумывания предстоящих собеседований у меня имелось достаточно. Концовка моего ответа воспринята Чебриковым с удовлетворением:

— Не в простое время возвращаетесь в Баку в новом качестве...

А это не столько намек на то, что мое назначение — дело решенное, сколько приглашение и далее поддерживать дух откровенности и раскованности.

— Совсем не простое, — повторяет он, задумчиво глядя куда-то за окно, мимо меня.

— Куда уж! Сажаете меня за баранку неуправляемой машины. Куда она вывезет? Или исключат из партии, или расстреляет контрреволюция, или посадят вместе с вами.

Обрисованная перспектива не радует, но и не пугает Чебрикова:

— Драматизируете... Но хорошо, что умеете с юмором относиться к суровым реалиям действительности.

Прогноз, к счастью, оказался неточным в отношении моего 76-летнего собеседника. От предполагаемого ужасного конца его спас генсек, отправив вместе с другими ветеранами застоя на пенсию. Зато мне довелось вдоволь воспользоваться его рекомендацией не драматизировать возникающие обстоятельства и с улыбкой встречать жизненные невзгоды, даже тогда, когда за спиной с лязгом захлопывается кованая тюремная дверь.

Затем последовала обязательная для нового руководителя серия установочных собеседований с будущим непосредственным начальством: с двумя первыми заместителями — Ф.Д. Бобковым и Г.Е. Агеевым.

Бобков в общих чертах ввел в курс работы 5-го Главного управления, именовавшегося еще и идеологическим, в котором, собственно, происходил и его карьерный рост.

Агеев вел 6-е Управление (экономическое) и военную контрразведку.

Ну, и в завершение — знакомство с В.А. Крючковым, который, можно сказать, прочел мне курс лекций по вопросам разведывательной и контрразведывательной работы в рамках республиканского подразделения КГБ СССР «Курсы повышения квалификации», как про себя я назвал наставничество Крючкова, начавшись летом 1989 года, продолжились до роковых дней августа 1991 года.

Получилось ровно два года — столько же, сколько отводилось по программе обучения партийного набора в специальных центрах переподготовки кадров советской службы безопасности.

Итак, КГБ

Ну вот, читатель, я и подошел к тому трудному (скорее — тяжелому) периоду своей жизни, без которого эти воспоминания вряд ли бы состоялись. Я не был ни профессиональным разведчиком, ни кадровым чекистом, как, впрочем, многие мои предшественники, с таким же успехом меня могли поставить во главе Комитета партийно-государственного

С министром внутренних дел
Азербайджана Мамедом Асадо-
вым. 1989 г.

торого была беспощадная борьба с бандитизмом, проникавшими на территорию республики контрабандистами и прочим разбойным народом.

У республиканского КГБ моего периода наипервейшая задача — отслеживать проникновение агентов на территорию Азербайджана — по всей границе, достаточно протяженной. Значение этого направления контрразведывательной деятельности особенно возросло в связи с повсеместным ослаблением дисциплины, затронувшим армию в целом и погранвойска, в частности. Тамошние солдаты — это ведь и вчерашние митинганты. Наши люди в приграничной зоне жалуются и на признаки отчуждения между местными жителями и пограничниками. Не говоря уже о работниках районных отделений КГБ. В ходу у местного населения мнение о том, что погранзаставы стерегут, мол, империю. Государственная граница разъединила азербайджанский народ. Как тут держать границу на замке?

Кроме того, возрос поток журналистов, дипломатов. Нельзя сказать, что в Баку под видом журналистов, коммерсантов, религиозных деятелей не наведываются различные подозрительные люди, а то и профессиональные разведчики. Периоды дестабилизации, смут и общественных по-

контроля или МВД, как, скажем, Али Габировича Керимова, имевшего примерно тот же послужной список комсомольско-партийной карьеры. При желании нашли бы способ продвинуть и выше по партийной вертикали.

Не могу сказать, что в данном случае я оказался в нужный момент в нужном месте. Совсем наоборот. В этом вся разница выбора, сделанного мной, от решений тех, кто оказывался во главе КГБ Азербайджанской ССР ранее. Куда проще было председателю азербайджанского ОГПУ Дж. Багирову, главной задачей ко-

трясений — лучшее время для сбора разведывательной информации, настаивали мои собеседники на Лубянке. И клали на стол досье о визитах непрошенных гостей. Словом, контрразведчикам есть о чем беспокоиться — в Азербайджане несколько стратегических объектов: РЛС, Каспийская флотилия, 4-я армия — южное направление, Бакинский округ ПВО, простирающийся до Волгограда.

Разрядка, перестройка, договоры по разоружению, разумеется, не отменяют противостояний военных блоков и Варшавского договора. А все надежды на мирное сотрудничество никак не влияют на одну из главнейших задач разведок всех времен и народов — сбор военной и научно-технической информации о потенциальном противнике.

Послушать некоторых демократов, складывается впечатление, что вот-вот наступит долгожданная эра конвергенции, абсолютного доверия и полнейшего взаимопонимания. Да если разоружиться до нуля — останутся научно-технические секреты, которые обязано оберегать любое государство. Охота за ними не прекращается.

Рафик Алиев, мой заместитель, куратор второго отдела контрразведки, на сей счет может рассказать много любопытного, привести ворох статистики, имен, фактов. Он удивительно симпатичен: выдержан, подтянут, прошел хорошую школу в центральном аппарате КГБ, успешно работал в резидентуре советской разведки в Иране.

Немного у нас таких, но они имеются. И это меня радует.

Другой азербайджанский разведчик — Тофик Султанов, не так давно вернулся из ГДР. Штази — ведомство легендарного Маркуса Вольфа — выходило напрямую на иранских коммунистов. Соприкоснуться с людьми, принадлежавшими к одной из самых, а может, и самой эффективной разведке мира, дорогого стоит.

Увлекательным детективом стала служба Адьяля Гашумова, работавшего в Париже под видом иранского коммерсанта, поставщика знаменитых персидских ковров. Жаль, рано ушел из жизни...

Кстати, иранское направление — важнейшее в разведывательной деятельности азербайджанских чекистов. Так было на заре становления советской власти, так и сейчас. Этот уча-

сток — за моим однофамильцем и заместителем Ильгусейном Пиргусейновичем. Он из балаханских бакинцев. Балаханы — село, где до сих пор говорят на диалекте фарси. Это обстоятельство давно привлекало внимание советской разведки — этническая и лингвистическая близость советских азербайджанцев с соседним народом. Она же, наверное, и пригодилась И.П. Гусейнову в его работе с агентурой «той стороны», во многом облегчив проблемы доверительности. Полковник, несомненно, человек опытный, однако старые чекисты, с которыми я периодически общался, почему-то недолюбливают его.

На первый взгляд И.П. Гусейнов предупредителен, исполнителен. Позже улавливается причина того, что раздражает в нем: разведчики, как правило, народ скромный, не выпячивающий собственное «я» и не склонный кичиться заслугами. Западной разведке того же М. Вольфа не удавалось сфотографировать до конца 1970-х годов. В нескольких томах его воспоминаний не найти ни одной фразы о его участии во множестве блестяще проведенных операций штази. Ни единой попытки запечатлеть свое имя в истории. А как же иначе? Можете представить бойца невидимого фронта, не скрывающего, на каком «фронте» он пребывал, в каком «окопе» и с кем имел дело, при каких обстоятельствах отличился?! Не то у Ильгусейна Пиргусейновича... Зато прямая противоположность ему — другой первый заместитель, Евгений Алексеевич Дубровин, курирующий 6-й отдел — экономическую контрразведку. Он профессионал высокой пробы, интеллигентен, дипломатичен. Кажется, никаких признаков амбициозности и конфликтности. А ведь мог бы говорить свысока — не каждый чекист к сорока с лишним годам может похвастать послужным списком, включающим работу в странах Европы, заслугами, которые еще долго будут оставаться за семью печатями.

КОНТЕКСТ

Хомейнистский Иран (как, впрочем, и шахский), с точки зрения расширения агентурных возможностей, являет собой настоящее раздолье для советской разведки — около 15 миллионов азербайджанцев, связанных со своими родственниками на севере тысячами уз: родственных, дружеских, этнических, а главное — религиозных.

Азербайджанцы, как и персы, в основном шииты. Начиная с иранской границы, в Астаре и до самого Абшеронского полуострова, до сих пор на вопрос относительно этнического происхождения протодушно могут ответить: «Что тут спрашивать? Мусульмане мы». Это обстоятельство всегда настораживало московских политиков, но привлекало разведчиков. При шахе, когда еще тлели воспоминания о республике азербайджанцев, созданной после ввода советских войск в Иран — в самом начале войны, многие из них с тоской и завистью смотрели в сторону Советского Азербайджана, где, по слухам, жилось лучше, народ имел все, что имели другие свободные народы: собственное правительство, парламент.

Хомейни проклял американцев и коммунистов и развернул народ бывшей персидской империи в сторону Аллаха. Это был сильный идеологический ход — перед Аллахом все равны. В конечном счете получилось, как у Уорелла: все равны, но некоторые равны больше остальных. Тем не менее, азербайджанцы, опекавшиеся при монархии шахиней Феррах-ханум, имевшей азербайджанские корни, получили доступ ко всем сферам политической, экономической, военной деятельности. Отсюда и повышенный интерес к ним из бакинского окна московского дома, возможности для разведки. Как и к влиятельной армянской общине в Тегеране.

Когда-то я обратил на это внимание еще по прочтении «Вазира-Мухтара» — армяне умудрились проникнуть аж в шахский гарем. По молодости меня позабавили возможности для приключений, таившиеся в самом факте пребывания в этом восточном обиталище гурий. Сейчас же принужден думать о том, сколько ценной информации получала русская дипломатия через главного евнуха и наложниц, которых Грибоедов упрятал в российский посольстве, что и явилось одной из причин ярости фанатиков.

Много позже немало интересного о своей работе в Тегеране рассказывал Леонид Владимирович Шебаршин, проездом остававшийся в Баку. Помнится, по поводу нашумевшего в те годы фильма «Тегеран-43» он высказался с некоторым скрытым подтекстом, мол, там немало достоверного.. И лишь недавно рассекретили смысл шебаршинской шутки: информацию о готовящемся покушении на «большую тройку» помогли раздобыть агенты КГБ из числа местных армян.

Высоко ценил, помнится, Шебаршин и преимущества, которые сулило в разведывательной работе привлечение азербайджанцев. «Их связи в Иране необходимы, а способности раствориться в персоязычной среде исключительны», — говорил опытный разведчик, подтверждая свое наблюдение рассказами о том, как эти качества разведчиков из Баку помогли советской резидентуре ориентироваться в смутные дни хомейнистской революции. В этом плане много полезного сулила работа с нашими соотечественниками в

Англии, США, Германии, где после исламской революции осели многие иранские азербайджанцы из шахской элиты.

Политический ислам, несомненно, открывает перед советской разведкой такие же возможности, как в свое время Коминтерн. Вместе с коммунистическим движением закончилось время идейных разведчиков. Исламисты также являются людьми идеи, сотрудничество с ними может оказаться куда более плодотворным, чем попытка опрокинуть все движение без разбора. Американцы действуют в отношении политического ислама разнопланово, незаметно, превращая различные его отряды в инструмент своей глобальной политики.

Это обстоятельство обретает особое значение в связи с разгромом исламской революцией иранской компартии, которая исторически пополнялась за счет азербайджанской массы. Подобно тому, как иракская компартия курдами. Иранская разведка активно работала в Германии, широко используя выходцев из ИРИ для сбора политической и научно-технической информации.

Такая же задача поставлена перед азербайджанскими чекистами, работающими в турецком направлении. Здесь бакинские разведчики также могут проявить себя. Это подтверждается и опытом работы наших ребят, в том числе и нелегалов. Однако чувствуется, предпочтение отдается представителям соседней Армении. Очевидно, считается, что 200 тысяч армян, проживающих в Стамбуле, Анкаре, Измире, дадут больший эффект. А скорее, учитывается давний пиетет, питаемый азербайджанцами к туркам. Вот и сейчас неформалы открыто педалируют идею тюркской общности. В исторической памяти народа навсегда запечатлелась помощь, оказанная Нури-пашой в 1918 году, усмирившим армянский терроризм в Азербайджане.

Сейчас воспоминания о военной помощи Турции, политике Ата-тюрка в отношении советской России читаются по-новому. Видимо, тюркофобия армянства также влияет на расчеты Центра.

В разведывательной деятельности надо работать на перспективу, имея в виду в конечном счете, что все решает кадровый потенциал. Как и на любом другом государственном участке. Животрепещущий вопрос: откуда черпать людские резервы при нынешнем революционном разброде? Профессия разведчика, привлекавшая юношество романтизмом, приключенчеством, нынче оболгана, опошлена, оплевана.

Приходится обращаться к «выходцам» комсомольского призыва. Среди разведчиков их немало. Один из них — Кямал Бабаев. Он сейчас как раз находится за кордоном. Выехал

на связь. Представилась редкая возможность встретиться с нужным человеком. А мне Кямал нужен сейчас позарез именно здесь. Он опытен, надежен, знает всех в аппарате. И не только. Однако отзывать разведчика из соседней ИРИ — это не секретаря райкома перебросить из района в центральный аппарат. И мой давний комсомольский товарищ заступает на место начальника секретариата спустя долгие месяцы...

Сейчас Москве не до таких тонкостей. Львиную долю времени у меня отнимает 5-й отдел — идеологический. Его возглавляет Рафик Садыхов, мой заместитель. С одной стороны, это направление работы вдруг актуализировалось, с другой — никто не знает, какими установками руководствоваться в противостоянии с идейно вредными явлениями, особенно в интеллигентской, творческой сфере. Речь идет не о критике, не о свойственной интеллигенции склонности к афронту, фрондерству. Идет тотальное наступление на социализм. Слишком широк социальный пласт людей, отрицающих его самооценку, советский опыт, его идеи и социальную практику. Я не говорю уже о новом, во многом клеветническом прочтении истории СССР, геополитической роли партии, большевизма.

Прежде чем налаживать идеологическое направление работы КГБ, надо бы добиваться от наших ведущих идеологов — Бобкова, например, — ясного и недвусмысленного ответа на вопрос, в чем разница между тем, что называлось антисоветизмом, и тем, что проповедуют неформалы различных мастей — одинаково радикальных, не говоря уже об откровенно экстремистских, националистических группировках?

— Надо исходить из генеральной линии. Партия считает, что наступило время плюрализма, от старых идеологических принципов необходимо решительно освободиться. Мир изменился. Страна открывается новым ветрам: у СССР есть определенные обязательства, вытекающие из Заключительного акта Хельсинки, из его лидирующего положения о мировом сообществе. Неформалы — это наши граждане, надо с ними контактировать, развивать сотрудничество, взаимодействие, короче — влиять. Вы же видите, какое терпение проявляет в дискуссиях с ними Михаил Сергеевич, — таковы наставления В.А. Крючкова.

— Вижу и внимательно слежу,— говорю я. — Но обратное влияние дает о себе знать. В периоды обострения межнационального кризиса это особенно чувствуется. Милиция самоустраивается, чиновничество, бюрократия, в том числе партийная, учится сидеть на двух стульях: днем в парткоме, вечером — с неформалами. Разумеется, надо будет вносить коррективы в систему взаимоотношений, нацеливать сотрудников на толерантность, без чего невозможно плюралистическое общество. Но её, толерантности, не хватает всем. Неформалы, по существу, де-факто являют собой организованную оппозицию. Ей не хватает собственного печатного органа и формального признания со стороны государства. Морально наши газеты, телевидение и радио во многом симпатизируют новому движению, которое значительным социальным слоям представляется истинно патриотическим.

— Националистическим, — мягко поправляет Владимир Александрович.

Он вообще очень деликатен и терпелив в общении. Но это не значит уступчив. То, на чем он настаивает, есть политическая установка генерала армии, руководителя одной из величайших разведок. Возможно, в глубине души он и сам понимает зыбкость собственных утверждений. Скорее всего, понимает. Но он никогда не выдает своих сомнений. И будет неукоснительно соблюдать установки, выработанные Политбюро. Чем выше партийная иерархия, тем строже дисциплина и исполнительность. Меня этому учить не надо. Однако воспользоваться тем, что В.А. Крючков демонстрирует определенный демократизм, предлагая вести откровенный обмен мнениями и высказать некоторые соображения и факты из реальной действительности, мне нужно. Это я тоже по опыту знаю.

Во-первых, то, что творится на нижних этажах, в подвалах и полуподвалах общества, не всегда четко различимо из высоких кабинетов. Во-вторых, если принимать все сказанное начальством, вытянувшись в струнку, очень скоро можно лишиться себя пространства для маневрирования. Мало ли какие сюрпризы могут родиться в московских кабинетах, не говоря уже о Карабахе. С меня же и спросят.

— Ограничение карательных функций, разумеется, требует смещения акцента на плюралистические формы ра-

боты. Но меня смущает ощущение того, что с некоторыми из нынешних лидеров оппозиционного движения в прошлом сотрудничество развивалось куда успешнее, чем в нынешних условиях.

Намек ясен и правильно воспринят. Мой собеседник не стал детализировать, углубляться в тонкости оперативной работы – не его уровень.

– Возможности для контактов и сотрудничества могут ограничиваться или расширяться. Но они имеются всегда. Другое дело, что это искусство, которому нужно учиться, учиться и еще раз учиться.

И далее, видимо, подталкиваемый ленинской крылатой фразой:

– Помните, наша опора – рабочий класс, трудовые коллективы. Баку – крупнейший и старейший промышленный центр Союза со своими интернациональными традициями. А это уже качественная категория. Она не может быть утрачена в одночасье.

И на прощание:

– Ставки слишком высоки. Люди меняются в процессе преобразований реальной действительности. Подумайте крепко над формами взаимодействия с нарождающимися новыми силами. У нас ведь нет иного способа избежать гражданского противостояния, чреватого повторением пройденного.

Видно, Крючков уловил скептицизм в моих репликах. На то он и генерал армии, член Политбюро, руководитель советского КГБ, прошедший высшую школу советской дипломатии и партийной работы, чтобы понимать с полуслова...

И только позже, в Баку, с первыми выстрелами террористов в Карабахе и атаками армянских военизированных формирований, стала очевидна политическая суть вроде не шибко оригинальных установочных суждений чекиста номер один, как стали именовать В.А. Крючкова в международной и советской прессе, освобождавшейся от партийной опеки. Альтернативой цивилизованному плюрализму являлось включение репрессивной машины, но момент для этого был упущен. Сохранить целостность республики без достижения взаимопонимания по вопросам единства политических сил оказалось проблематичным.

В те дни невольно подумалось: а что если не с помощью контактов, а диалога с оппозицией, обеспечить взаимопонимание власти и народа? В противном случае — война на несколько фронтов. Компартия не готова к такому противостоянию — прошедшие фазы кризиса это подтвердили. Уберут ее, а другой организованной управленческой структуры просто нет. Так наступает время случайных людей, хаоса, смуты. Время авантюристов...

Свои и чужие

Я прибыл в Баку через несколько дней после этой беседы. Неделю спустя началась забастовка на азербайджанской железнодорожной магистрали, спровоцированная слухами о необъективном подходе комиссии Верховного Совета СССР по НКАО, прибывшей в Степанакерт для изучения ситуации на месте. Непосредственным поводом для очередной эскалации напряжения, на сей раз забастовочной, явились сообщения о нападениях на армянской территории на поезда, следующие из Баку в Нахичевань.

Мы располагаем информацией о том, что железнодорожники от Баладжарского депо до Нахичевани находятся под влиянием сторонников Народного фронта. Узнаем заблаговременно и о требованиях, которые озвучиваются не железнодорожниками, а лидерами фронтистов: гарантии безопасности движения на всем участке азербайджанской железнодорожной магистрали, обеспечение безопасности армяно-азербайджанской границы, ликвидация КОУ, регистрация Народного фронта Азербайджана, обеспечение свободного выхода лидеров оппозиции в эфир.

Вскоре за этот перечень голосует и митинг на центральной площади Баку. НФА призывает к забастовке, движение на дороге прервано.

Телефоны ЦК и мои накалились от беспрестанных возмущенных звонков из Москвы и других железнодорожных узлов по линии следования поездов. Все требуют принятия незамедлительных мер для восстановления движения — парализована магистраль, по которой следуют экспортно-импортные грузы, европейская часть СССР фактически от-

С заместителем начальника 9-го управления В. Титковым и адъютантом президента Турецкой Республики. Баку, 1990 г.

резана от Кавказа. Союз не в состоянии выполнять свои международные обязательства. Советская железная дорога несет миллионные убытки.

В таких случаях правительство уходит в отставку или садится за стол переговоров. Но в требованиях НФА есть много такого, что не в состоянии выполнить существующая власть, если бы даже очень захотела. Например, какими силами обеспечить безопасность границ между конфликтующими республиками, где массы народа вышли из-под контроля властей и подчиняются воле неформальных лидеров? На границе уже звучат выстрелы...

Начинается изнурительная серия переговоров, информацию о ходе которых лидеры НФА тут же озвучивают на митинге. В конце концов, глубокой ночью они вырывают у отчаянно сопротивлявшегося А.Х. Везирова согласие на регистрацию НФА, обещание ликвидировать КОУ и явочным порядком выходят в эфир. На вопрос Э.М. Кафаровой— председателя Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР — о том, пойдут ли теперь поезда, лидеры неформальных организаций, воспринимавшиеся уже массами как представители реальной власти, отвечают,

мол, посмотрим, видно будет. Есть вопросы безопасности и другие...

Вот в такой обстановке и приходится заниматься текущими делами. Еще одна встряска, и власть может покатиться под откос, и мне будет не до разведки и контрразведки.

Службы КГБ в Азербайджане и Армении, невольно поставленные в условия противостояния, все более ограждаются завесой закрытости. О былой координации деятельности, связанной с проведением оперативной работы, не осталось и следа. Особенно в части контрпропагандистских акций или взятия под контроль иностранной агентуры, проникающей в республику.

Мы все чаще общаемся с коллегами через московское начальство. Возникло недоверие, как естественное следствие межнациональной вражды, которая официально именуется конфликтом. Хорошо, когда речь идет об информации, связанной с нападением на автобусы, поезда, приграничные села. А как быть с информацией, поступающей по разным каналам непосредственно из Степанакерта, Еревана, где то и дело проводятся сходки главарей сепаратистов на частных квартирах или прибывают курьеры подпольных организаций? Вот, например, в ряде сел начато сооружение блиндажей, в труднодоступном ущелье обнаружен склад с провизией, а чуть дальше какое-то подобие казарменного помещения.

Как этими сообщениями воспользуются в Москве? В центральном аппарате КГБ не меньше лиц армянской национальности, причем весьма высокопоставленных, чем в МИДе СССР, Госплане или любом другом союзном министерстве. При этом КГБ СССР остается союзным ведомством. Мнение о том, что чекистская закалка, принципы, дисциплина надежно оберегают от националистических вывихов, опровергается участвовавшими слухами об утечке информации. Дисциплина дисциплиной, внешне на мероприятиях в Москве — совещаниях, командировках — представители азербайджанской и армянской спецслужб сохраняют видимость принадлежности к единой организации, говорят о необходимости координировать усилия по поддержанию порядка и прочих вещах. Но мы невольно превращаемся в службы

безопасности враждующих государств. Специфика военного ведомства противится этой тенденции, но течение событий влечет нас в разные стороны.

Неспособность правящей партии утвердить суверенитет республики на всей территории страны очевидна. И тут обнаруживается важная деталь в том, как понимают развитие событий: в Москве — федеративном центре и в Баку. Передача власти КОУ объясняется как делегирование части суверенитета Союзу, а это вполне конституционный акт, который до сих пор воспринимается большинством населения безболезненно. Однако в условиях, когда одни республики, в том числе и Армения, настаивают на пересмотре союзнических отношений и берут курс на полную независимость, политика Москвы по отношению к лояльному Азербайджану выглядит двусмысленной. Ограничение суверенитета воспринимается как необоснованная жертва качеством со стороны руководства республики. Отсюда, как ни странно, популярность лидеров демократов, предстающих перед толпой защитниками национальных интересов.

Опыт проведения забастовок на железной дороге перебрасывается на промышленные предприятия. Ко второй декаде сентября приостанавливается работа на предприятиях Баку, Сумгаита, Нахичевани, к ним вновь присоединяются железнодорожники. Требование НФА: созыв внеочередной сессии Верховного Совета Азербайджана для обсуждения обстановки в республике, принятие действенных мер для укрепления суверенитета и экономической самостоятельности, наведение порядка в НКАО, официальное признание НФА.

«Поляничко, Оруджеву и Гусейнову поручено принять участие в общезабайкинском митинге, проводимом НФА», — решает Бюро ЦК КП Азербайджана. Второму секретарю предстоит огласить указ Президиума Верховного Совета о созыве 15 сентября внеочередной сессии парламента. На сессию приглашаются члены правления НФА. «Вопрос официального признания новой организации будет обсужден в установленном порядке. В случае необходимости продолжить диалог с НФА с целью прекращения забастовки... Если согласие по последнему пункту будет достигнуто, то

на республиканском телевидении провести «круглый стол»⁴⁹.

Итак, диалог с оппозицией устанавливается. Компартия не верит «народным трибунам», потому что те верят силе. Вернее — уверовали. Однако следует пристальней взглядеться в разношерстную компанию литераторов, преподавателей и научных работников, большей частью людей с повышенной абмициозностью, не сумевших самореализоваться на своем поприще и всплывших на поверхность народного движения, подобно селевым потокам, разливающимся по городам и весям.

По поступающей информации в недрах новой политической организации началось глухое соперничество между различными группировками. В ЦК и партийных комитетах не владеют ситуацией в рядах противостоящей им политической организации. Для партийных идеологов являются полной неожиданностью выпады, которые звучат все громче против тех лидеров НФА, кого мы в КГБ называли «прогрессивно настроенной и конструктивно мыслящей группой» движения.

По мнению наших аналитиков, углубляется процесс расчленения по «культурному признаку». Городская интеллигенция, стоявшая у истоков движения, приспособившая концептуальные идеи и принципы народных фронтов Прибалтики, демократий Москвы, Ленинграда и других регионов к местным культурно-этническим особенностям, обеспечивавшая НФА популярностью в народе и известностью за рубежом, внезапно стала терять ключевые позиции. На митинге 17 ноября 1989 года посыпались обвинения в адрес Зардушта Ализаде, Лейлы Юнусовой и других мыслящих лидеров НФА.

Одновременно просматривается наличие продуманной и целеустремленной линии НФА по наращиванию ударов по правящим структурам и кадрам. Лидерами НФА умело муссируются тезисы «вседозволенности масс», «народ всегда прав». Пользуясь непоследовательностью и нерешительностью органов власти, с учетом практически бездействующего закона, они берут решительный курс на «избиение»

⁴⁹ Архив политических документов. Д.1, о.84, с.6.

кадров. В этих условиях партийные, советские, хозяйственные кадры, причем не только среднего, но и высшего звена, осознают свою незащищенность перед фактом безнаказанности за публичные оскорбления.

Бюро ЦК почти не реагирует на эти наши сигналы. Вновь и вновь просматриваю наши докладные в ЦК «Об обстановке в республике». Спираль общественного противостояния закручивается с каждым днем, с каждым часом. В начале месяца мы «нарисовали» следующую безрадостную картину: «...В связи с начавшейся забастовкой ситуация в республике еще более осложнилась. 1 декабря с. г. полностью не приступили к работе трудовые коллективы 69 предприятий, частично — 56. Общее число бастующих составило более 14 тыс. человек. Положение усугубляется активизацией групп пикетчиков, практически парализовавших общественный транспорт.

Резко обострились и действия армянских сепаратистов. В НКАО сохраняется обстановка фактического безвластия. В области действует конституционный орган — так называемый Национальный совет по НКАО, нагнетающий общую истерию заявлениями о неизбежности столкновения с азербайджанцами. Разрабатывается «план защиты Степанакерта от нападения», согласно которому предусмотрено возведение различных фортификационных сооружений, рытье окопов. От членов Национального совета в исполкомы и штабы гражданской обороны направлены телефонограммы о введении повышенной боевой готовности. Сформирован даже сводный санотряд «для оказания помощи раненым во время предстоящих боев». Участились взрывы на объектах транспорта, связи, автомашин, убийства людей, захват заложников, угон скота и др. Ширится «каменная война».

Готовим к публикации хронику кровавых стычек, провокаций. Когда-нибудь по ним можно будет проследить последовательность действий тех, кто подготовил и осуществил этот небывалый заговор.

Вот выборочно некоторые сообщения.

18.12.1989 г. Армянскими боевиками захвачены в качестве заложников двое жителей села Малыбейли Аскеранского района: Ибрагимов Алисахиб Бахыш оглу и Теймуров Рафаил

Шахмар оглу. Позже они были освобождены в результате переговоров.

22.12.1989 г. В городскую больницу г.Агдама с признаками ранения из огнестрельного оружия в тяжелом состоянии доставлен житель села Гюнель Мардакертского района Ахмедов И.И., 1963 г. р.

23.12.1989 г. Вооруженная группа лиц армянской национальности численностью 20 человек предприняла попытку захватить с. Арыш Физулинского района. Силами войскового наряда их действия пресечены.

Со стороны Армении обстреляны села Кичик, Аскипара, Бархударлы Казахского района.

29.12. 1989 г. Со стороны армянских сел Гадрутского района совершено вооруженное нападение на с. Арыш Физулинского района, в результате которого получили огнестрельные ранения ряд жителей, погиб 4-летний ребенок.

Тут же следует взрыв антиармянских настроений. На прошедших митингах и собраниях выдвигаются ультимативные требования уволить армян с предприятий и из учреждений.

В КГБ Нахичеванской АССР с письменным заявлением обратился Махмудов Л.М., житель Ильичевского района, который сообщил, что ему из беседы со своими родственниками, проживающими в Ереване, стало известно, что армянские экстремисты готовят нападение на Нахичевань на Садаракском и Лачинском направлениях. По имеющимся у них данным, оружие для этого поступило в Армению из Бейрута с грузами, предназначенными для районов землетрясения. Данные подтверждаются и сообщениями особых отделов КГБ СССР.

Пробежав глазами докладную, Везиров устало махнул рукой: «Пусть КГБ СССР и принимает меры». Первый секретарь редактирует текст телеграммы в ЦК КПСС о неправомерности постановки вопроса о введении президентского правления в НКАО. Так постановил Съезд полномочных представителей народа НКАО. Самозванный съезд собрался сразу после ликвидации КОУ. 28 ноября 1989 года сессия ВС СССР приняла постановление, на котором настояла азербайджанская депутация. Фактически Москва приняла решение, на котором с самого начала настаивала азербайджанская оппозиция.

Теперь Везиров с полным на то правом мог напомнить о своем вопросе, который он ставил перед оппозицией. «Ну, хорошо — распустили мы КОУ. Отправили Вольского в Москву. Кто будет управлять областью? Когда я ставлю таким образом вопрос, Горбачев прямо спрашивает об этом!» Впрочем, Горбачев и некоторые высокопоставленные лица в Центре предупреждали: «Если убрать КОУ, а с ним войска — резни не избежать».

Уже месяц спустя эти слова обретают свой скрытый злобный смысл. Поразительно, генсек КПСС откровенно шантажировал руководителя компартии, да и все руководство республики, в то время как от него ждали выполнения конституционного требования — обеспечения Центром безопасности республики!

Чем, в сущности, президентское правление отличается от правления КОУ, глава которого А.И. Вольский является полномочным представителем генсека? Надо бы отметить этот факт в сообщении «О тенденциях к ухудшению обстановки в республике».

В Москву стекается информация по нескольким каналам — нашим, азербайджанским (ЦК, Совмин, МВД, КГБ), и военным (Бакинский округ ПВО, Ставка южного командования, ККФ и др.). То же — по Армении. В разговорах часто можно услышать: у нас другие данные. Или: армянская сторона опровергает эту информацию.

Я — человек новый в КГБ, можно сказать, новоиспеченный генерал. В этом плане старые, проверенные каналы и источники имеют, естественно, преимущество. А что скажут «наверху» по поводу Съезда народных представителей? Или вот последний фортель, который выкинули в НКАО партийные комитеты:

«14 и 15 декабря с. г. на пленумах Степанакертского горкома, Аскеранского, Гадрутского, Мардакертского районов партии приняты противоуставные решения о выходе городской и районных партийных организаций из Азербайджанской республиканской парторганизации и вхождении в состав компартии Армении.

ЦК КП Азербайджана считает эти действия противоречащими организационно-территориальным принципам строе-

ния КПСС, рассматривает как попытку оказания политического давления на второй съезд народных депутатов, сорвать меры по нормализации обстановки в НКАО.

ЦК постановил отменить решения пленумов соответствующих партийных комитетов НКАО...»

А что, собственно, может предпринять руководство компартии, когда в области и на границе двух братских республик Армения проводит военные операции силами незаконных вооруженных формирований, именуемых московскими СМИ боевиками. То же — в аналитике спецслужб. Когда-то их называли бандами, объявляли вне закона и действовали соответственно. Эти мои замечания квалифицируются «наверху», как «не отражающие политических реалий, поспешные».

«...Все чаще проводятся нападения из Армении на приграничные азербайджанские населенные пункты. Наши люди отмечают профессионализм действий военных формирований армян. Наглость боевиков поражает. Вопрос: откуда берутся средства на их содержание, снаряжение? Кем координируются действия?»

«В распоряжении КОУ имеются в достаточном количестве военные подразделения — армейские и войска МВД. Вольский и его люди наделены широкими полномочиями. Ваша информация принята к сведению и будет использована в оперативно-аналитических докладах руководству страны» — таков ответ инстанции.

Перед прямой агрессией «братской республики» (Господи, мы же в Союзе — едином государстве, с одной на всех Конституцией, договором, скрепленным еще в 1922 году, едиными границами!) устоять перед критикой собственных граждан будет невозможно. Никакая власть не устоит. Кому нужна эскалация насилия? Кому нужно подтачивать доверие к Союзу, компрометировать саму власть?

Эти вопросы задаю уже не я сам себе. Их задают офицеры, вернувшиеся из приграничных районов Карабаха. Их я слышу дома, в ЦК — всюду, даже от конфиденциальных собеседников...

Голос В.А. Крючкова спокоен, как пульс покойника. Не паникую ли я? Советская власть знавала куда более худшие времена.

– Внимательно отслеживайте ситуацию. Не забывайте о диалоге с неформалами. Есть же среди них здоровые, разумные силы!

Здоровые силы подают нам сигнал. Абульфаз Алиев, он же Алисой, он же Эльчибей, хотел бы встретиться со мной. Лично. Без лишних глаз и ушей. Это желание прозвучало на одной из сходов узкого круга лидеров НФА и вот легло на мой стол в виде докладной 5-го отдела.

Понимаю, как после этих строк насторожился читатель: мол, не успел возникнуть новый вождь, как вы к нему своих людей приставили. Что ж, буду откровенен. ЧК, ГРУ, КГБ, МВД ведь не на пустом месте возникли. Их создатели хорошо помнили опыт своих предшественников царской охраны, который не отменило и Временное правительство. Первейшая обязанность государства – обеспечить собственную безопасность. Угроза ей может возникнуть не только извне. Ни одно государство, ни один правитель в наше время не застрахован от появления экстремистски настроенных групп. НФА образца 1989–1992 годов вовсе не та структурированная политическая организация, которая ныне позиционирует в качестве ведущей оппозиционной силы в политической системе АР.

Экстремизм живуч, экстремистски мыслящие деятели имелись всегда и везде. Были они и у нас. Если честно, немало людей из нарождающейся оппозиции сами охотно шли на контакт со спецслужбами: одни рассчитывали переиграть, перехитрить профессионалов, другие действовали из чисто идейных, патриотических побуждений, третьи, как и некоторые представители коммунистической власти, удобно устраивались на нескольких стульях – на всякий случай.

Много ли их было в руководстве, среднем звене движения, оппозиционной массе? Обойдемся без статистики, без имен и проч. Так в свое время поступил упоминавшийся мною выше Маркус Вольф – пример, достойный для подражания. Хотя некоторые имена тогда, на этапе противостояния, пришлось назвать, когда чувство меры явно изменило нашим людям. Я имею в виду тех из них, которые сами связали свою добровольную информаторскую деятельность со спецслужбой, а когда власть пошатнулась, решили предстать

перед соратниками революционнее истинных революционеров. КГБ в тех случаях действовал, ведомый чувством политической мести. Не могу сказать, что поступали мы дальновидно и наилучшим образом. Государственные секреты имеют срок давности. Некоторые из них не ограничиваются сроками. Секретные службы на то и секретные, что не раскрывают наработанные приемы, формы работы, скрывая от постороннего взгляда. Но что было — то было. Не завозить же агентуру из США...

Я мог бы, упреждая естественное любопытство современников, сослаться на известное признание Э.Гувера — самого знаменитого директора ФБР, как-то заявившего конгрессменам, обеспокоенным ростом числа коммунистов: «Если я отзову свою агентуру из компартии США, она прекратит свое существование». Не будем бахвалиться — не тот случай. В конце концов, и Эльчибею хватило мудрости не публиковать списки лиц, сотрудничавших со спецслужбой, стоящей на службе государственности.

Не так все просто, как это хотели представить разрушители государства.

Тет-а-тет с Эльчибеем

Итак, середина декабря 1989 года. Я, председатель КГБ Азербайджанской ССР, встречаюсь с безусловным лидером оппозиции, живым воплощением народного героя, почти вождем Абульфазом Эльчибеем. Он сам инициировал эту встречу. Она как нельзя кстати, и я не имею права упускать шанс для установления личного контакта. Может статься так, что он выведет нас на более широкий и постоянный диалог. Привожу беседу с Эльчибеем не по памяти, а по записям из должностного дневника, которые чудом сохранились после ареста и бесконечных мытарств в первые послевоенские годы.

Мы беседуем приватно в Клубе имени Дзержинского, изначально используемом в качестве явочного объекта для особых случаев.

Прелюдия выступления состоит из набора привычных пропагандистских клише неформалов. Однако, думаю, Эль-

чибей вышел на меня вовсе не для того, чтобы сказать то, что многократно прокручивалось на митингах: ухудшающаяся обстановка в республике, кое-что о предательской, по его мнению, политике руководства Азербайджана в НКАО, ухудшении жизненного уровня населения, о росте авторитета НФА. Ударение делается на падении авторитета ЦК, его первого секретаря. Подробно о том, почему первый секретарь не пользуется авторитетом и уважением в народе. А вот он, Эльчибей, со своими людьми, мол, любимы народом. Он, похоже, не догадывается, что народ еще не видел их в деле, в роли освободителя Карабаха...

Поблагодарив Алиева за инициативу встретиться и, в принципе, согласившись с частью критических замечаний, подвожу его к главной теме: ситуация в республике обостряется по вине Народного фронта, избравшего путь силового давления на власть, что не имеет ничего общего с демократией. Судя по имеющейся информации, особенно остро будет протекать у нас конец декабря — январь. Знаю, что ему, А.Алиеву, как лидеру нелегко: НФА резко радикализировался. Политические дивиденды, которые сулит радикализм, — ничто по сравнению с непредсказуемыми последствиями для общества, народа. Понимает ли, видит ли он опасность? Она реальна.

А. Алиев: Безусловно, определенный радикализм есть, но в НФА сегодня пришло много образованных, умных людей, особенно молодежи, маститых ученых. И именно они определяют интеллектуальное и политическое лицо движения.

Я говорю, что не разделяю его оптимизма. Кстати, почему НФА не берет на вооружение методы борьбы за власть, скажем, Народного фронта Эстонии, действующего конституционно, в рамках цивилизованных, общепринятых норм?

А. Алиев: Кто возражает против этого? В движении много молодежи, она нетерпелива, возмущена лишениями, взяточничеством...

И его опять понесло... Придется сделать внушение. Нам известно, что в связи с разрушением Берлинской стены некоторые лидеры НФА вынашивают идею сноса государственной границы под предлогом объединения народа. Понимают ли его товарищи, что разрушение Берлинской стены —

это политический акт, подготовленный общемировыми, общеевропейскими процессами, в том числе Запад — Восток, и что к решению этой проблемы были подключены супердержавы?

— Ваши люди намерены выйти на советско-иранскую государственную границу. Ни одна страна не может позволить толпам нарушить общепринятый порядок. Граница охраняется. Ваша акция чревата жертвами. Все это может быть использовано против республики, против НФА.

А. Алиев: Масштабы этой акции специально раздуваются, в том числе агентурой КГБ, которая находится под влиянием Москвы. Нельзя противостоять желанию народа объединиться. По поводу жертв — любое движение должно быть готово к этому. Свобода требует жертв. Об этом свидетельствует и мировая практика. Так что не надо запугивать ни нас, ни азербайджанский народ.

— Мы говорим, очевидно, на разных языках. Хочу только заметить, что мировое сообщество, по счастью, к концу XX века придерживается иных взглядов на проблему жертвенности.

А. Алиев: КГБ служит империи, Москве, действует вопреки интересам народа. В то же время в КГБ много достойных людей, настоящих патриотов. Я всегда рассказывал своим товарищам: мое дело вели сотрудники КГБ — интеллигентные, образованные люди.

— Не мешало бы знать, что в КГБ, прежде всего, самые опытные профессионалы, крайне обеспокоены возможными осложнениями. Имеются сведения, что НФА предполагает усилить давление на государственные структуры власти: планируется блокирование местных органов власти, кто-то готовит акции расправы над представителями власти. Вы, как руководитель движения, отвечаете и за действия радикалов, экстремистов, а не только за интеллигентных, образованных сторонников. Имейте в виду, что органы безопасности не исключают принятия в рамках закона необходимых мер в отношении тех, кто намерен преступить закон, нарушить общественный порядок.

Чего добивался человек, действующий под псевдонимом Эльчибей? Что означает его пассаж о свободе, требующей

жертв? Готовность пролить кровь или это романтика, упоение революцией? Скорее, и то, и другое. Иному деятелю достаточно пару раз мелькнуть на голубом экране, чтобы голова закружилась. А тут людское море приветствует в приступе идеологического экстаза. Он вообще-то далеко не юнец, этот Абульфаз Эльчибей, и не такой уж романтик, как кажется. Некоторые его сподвижники из числа мечтательных юнцов были до крайности удивлены портретами члена Политбюро Г.Алиева рядом с Ататюрком, украшавшими скромное убранство его обители в микрорайоне.

Интересно, как он объясняет своим сподвижникам это странное соседство?

В руководстве ЦК не до этих историко-земляческих тонкостей в мировоззрении новоявленного мессии. А чему тут удивляться – в Москве общепризнанные авторитеты нарождающейся демократии под шумок о перестройке ловко прикрылись авторитетом Бориса Ельцина, в свою очередь, примеряющего тогу национал-революционера. И ничего! Народ принял нового героя. Только во всем этом балаганном переодевании проглядывает хорошо закамуфлированный под романтизм трезвый расчет циничнейшего из политиков.

– Но как это объяснить людям?

Этот вопрос Везиров, только что вернувшийся из Москвы, задает не столько нам, сколько себе. Он убедился только в одном: блокированная Арменией и своим порождением НФА, доведенная до отчаяния холодом и голодом Нахичеванская автономная республика, готова на все, но только не на благоразумие. Сообщения из НКАО, из приграничных с Арменией районов подтверждают худшее: ситуация становится угрожающей.

Республика выходит из-под контроля

Кладу перед Первым донесение иранской стороны. Совершенно секретная информация. В другое время все в ЦК ходили бы на ухах.

«Все большую активность стала проявлять иранская сторона. Духовные лидеры и другие лица из числа иранцев во время контактов с жителями приграничных районов вдруг

заговорили о том, что поддерживают стремление к объединению Северного и Южного Азербайджана под флагом единого мусульманского государства».

Как говорится, информация к размышлению в связи с тем, что Неймат Панахов с друзьями публично объявил о своем походе в Нахичевань. Едет крушить государственную границу СССР! Почему именно на этом участке, а не в Ленкорани, например, ближе все-таки? Свой, нахичеванский массив, связи с Гейдаром Алиевичем? Его здоровье, говорят, пошло на поправку. Он через академика Дж. Алиева, брата, контактирует со своими людьми в оппозиции...

В ЦК, однако, явно не до донесений резидентуры КГБ в ИРИ, отслеживающей новые нюансы в политических настроениях официальных лиц в Тегеране. В.П. Поляничко то и дело удаляется на переговоры с лидерами НФА. Иногда к нему присоединяется предсовмина А.Н. Муталибов. Лидеры оппозиции хитрят, ловчат, тянут время, ставят условия. При этом ответственность за происходящее на улицах перекладывают на власть, не скрывая своего злорадства. Применяется двойной принцип взаимоотношений с властями. Вступая в контакт с руководством республики, лидеры НФА стремятся, с одной стороны, показать населению, что они поднялись до соответствующего уровня, а с другой — публично демонстрируют неспособность властей справиться с положением.

Появление Виктора Петровича за столом переговоров интерпретируется ими как признак того, что Москва, мол, делает ставку уже на НФА. Вывод наших аналитиков: информация, поступающая в КГБ республики, свидетельствует о дальнейшем росте напряженности в межнациональных отношениях, возрастающем недовольстве людей бездеятельностью местных властей, правоохранительных органов, устойчивым стремлением изгнать из республики лиц армянской национальности.

Эта «устойчивость» обеспечивается вездесущими агитаторами беженцев из Армении. Руководство республики пожинает плоды своего поспешного решения разместить значительную часть беженцев в Баку. Впрочем, в столицу стекаются их собратья и из других регионов. Вместе они об-

разуют костяк всех митингов и спонтанно возникающих повсеместно сборищ. Эльчибей и К^о противились попыткам переселить беженцев в другие районы. «Беженцы — ударная сила нашего движения», — заявляет лидер НФА. Ударная сила управляется из единого штаба — правления НФА. Но это вовсе не означает, что горстка революционно настроенных лиц контролирует действия своих отрядов, тем более беженцев. Другая особенность — народофронтским массивом манипулируют тенивики, местные авторитеты, разглядывшие в движении новый способ прибрать к рукам власть.

Несколько дней назад секретарем Джалилабадского РК КП избран работник аппарата ЦК КП Х.Алиев. Однако выясняется, что начавшийся в райцентре митинг, рассматривающий себя в качестве нового центра власти, от «имени народа Джалилабада» требует избрать первым секретарем райкома партии некоего Н.Нагиева — начальника Имишлинского химобъединения. До исполнения «воли народа Джалилабада» 500 человек остаются на центральной площади города, разбив здесь около двух десятков палаток.

Н.Нагиев — никакой не фронтист, пожалуй, даже партократ, ничего коммунистического в нем. Толстосум, готовый оплатить «работу» площади.

Есть смысл пересказать дальнейший ход событий, которые НФА успел объявить началом всенародного возмущения, восстанием-89.

Под руководством местных лидеров НФА М. Бахрамова (врач «скорой помощи»), А. Джананова (директор телестанции), С. Мириева (врач ЦРБ) и др. толпа митингует непрерывно — вплоть до 28 декабря. С 23 декабря перекрывается движение на автотрассе Астара–Баку, блокируется движение на железнодорожной станции. 26 декабря с утра участники митинга блокируют квартиру второго секретаря РК КП, выставлены посты у здания РИК и РО КГБ.

Число митингующих, среди которых замечены люди, вооруженные охотничьими ружьями и бутылками с горючей смесью, достигает 5–6 тыс. человек. Глава Джалилабадского отделения НФА Бахрамов учиняет драку с водителем автомашины «Совтрансавто», требующим разрешения выехать

к пункту назначения. В 11.00 митингующие, взломав дверь в квартире замначальника милиции А.Бабаева, врываются внутрь для задержания человека, фотографировавшего якобы из окна собравшихся на площади людей. Никого не обнаружив внутри квартиры, митинганты возвращаются на площадь, прихватив с собой охотничье ружье хозяев квартиры.

Дальнейшее не поддается логике.

Многотысячные толпы, вооруженные палками, железными прутьями, холодным оружием, стекаются к площади у здания РК КП. Милиция сметена и отброшена. Бесчинствующая толпа врывается в здание райкома и милиции, круша все на своем пути. Из здания милиции похищено оружие, в том числе 7 автоматов. Сожжено 20 легковых (все милицеейские) автомашин, 12 автобусов «Икарус». Пострадало 45 человек, 8 из которых госпитализированы, в том числе первый секретарь райкома и 4 сотрудника РОВД.

Х. Алиева, только перешагнувшего порог райкома, чудом спасает от линчевания местный мулла, чьи вопли не совершать святотатства, по счастью, услышаны.

И это борьба с армянскими агрессорами?! Это — война со своими. Распад нации на «своих» и «чужих». Культ клановой вражды. Раскол и расщепление. Союз преступников с национал-революционерами.

Снос границы

Последний день дышащего ужасом, смятением и отчаянием года. Все говорят о конце 1989 года, но никто — о конце миру, безопасности, спокойной жизни. Донесения с советско-иранской границы одно тревожнее другого. Из достоверных источников становится известно, что иранским жандармам дана команда не препятствовать переходу советских граждан на иранскую территорию. Получены данные, что спецслужбы Ирана развернули в провинции Западный Азербайджан специальное подразделение, которое активно занимается опросом граждан Азербайджанской ССР с целью выявления лиц, представляющих для них интерес. Все это требует серьезной реакции контрразведчиков. Большая

группа сотрудников командирована в приграничные районы для проведения необходимой работы.

Вообще происходящее на границе — полнейшая неожиданность и для иранцев. 25 декабря наблюдалось прибытие подкреплений, усиление постов и патрулей. События явно ошеломляют их, кажется, они растеряны. Привычка, что Советы охраняют границу за себя и за них, — свое сделала. Имеются сведения, что из внутренних районов к границе начинается выдвигание ряда армейских частей. Между тем Неймат Панахов выступил перед митингующими в Нахичевани и, продемонстрировав им кусочки колючей проволоки, объявил об объединении Северного и Южного Азербайджана!

Снос границы — самое худшее, самое провокационное, что можно было придумать. Кто, какой злодей внушил людям эту мысль?

Первое желание — вылететь на место событий, предотвратить действия провокаторов из групп, находящихся под влиянием Н.Панахова. Центр считает это безрассудством: «Отставить! Никого ни в чем не убедить. В случае кровопролития и без того возбужденным людям объявят, что все это дело рук КГБ, спецслужб, Гусейнова и т.д.». Везиров придерживается того же мнения: государственная граница — прерогатива Союза.

Одним словом, цугцванг.

Любой наш ход заведомо обречен на неудачу. И в то же время — что бы ни предприняли наши политические противники, даже нелепые, очевидные провокации, приветствуются массами.

Я знаю: есть и молчаливое большинство. От этого не легче.

Молчание не всегда золото.

В данном случае оно подобно самоубийству.

ЧЕРНЫЙ ЯНВАРЬ

Первое января. Новый год. Второй час ночи.

Местами еще продолжается вакханалия по разрушению инженерно-технических сооружений советско-иранской границы. На некоторых заставах догорают вышки и другие строения.

Случилось то, во что никак не могли (а может, не хотели) поверить ни в Баку, ни в Москве, — государственная граница СССР разрушена на десятках километров, многие тысячи людей по обе стороны Аракса встретились, не веря собственным глазам, что такое возможно.

По сведениям наших работников и начальников пограничных отрядов, вперед были брошены подростки и дети, а взрослые — в 150–200 метрах. Наготове техника: бульдозеры, тракторы, самосвалы. Людей организованно подвозят на машинах. На некоторых участках границы откровенно задирают и оскорбляют пограничников. По некоторым наблюдениям, кое-где просто огорчены, что пограничники проявляют выдержку, наблюдая за бесчинствами толпы. В течение только последних двух дней границу и с той, и с другой стороны пересекли десятки тысяч людей.

Сотрудники, докладывающие обстановку, в состоянии шока. Треть работников центрального аппарата — в приграничных районах. Всеобщая растерянность. Сообщают, что, после того как утихли первые часы восторгов, через границу в обе стороны рекой потекли вещи. Туда — мотоциклы, те-

левизоры, спиртное, скот. Оттуда — жвачка, ширпотреб, сигареты, пряности и, само собой — наркотики. Уже зафиксированы лица, связанные со спецслужбами ИРИ. Несколько мулл успели выступить в мечетях. Что делать дальше? Никто пока толком сказать не может. Мучает одно: что и кто за этим?

По данным погранвойск, во время событий, имевших место 31.12.1989 г., разрушено 74 км инженерно-технических сооружений, 239 участков погранзастав, 6 ворот, комплекты прожекторных установок. На протяжении 87,8 км повреждены кабели, линии связи — 129,6 км, магистральные линии связи — 36 км, уничтожено 9 наблюдательных вышек. И т.д.

Остается одно: фиксировать все донесения, события. Через пару-другую лет забудется многое, останется общее упоминание об историческом действе.

Давайте, читатель, шаг за шагом пройдемся по следам тех, кто творил в те дни историю, день за днем проследим за разворотом событий. У нас есть возможность прокрутить «документальную ленту» благодаря записям тех лет. Право же, они воспринимаются как репортаж из охваченного безумием города. Репортаж из кабинета председателя КГБ Азербайджанской ССР.

Январский дневник. 1990 год

2 января. Утро начинается с сообщения о том, что к обеду предполагается митинг сторонников Народного фронта. К 12.00 несколько сот человек собрались у здания МВД: требуют отставки замминистра Юсифова. По мнению ораторов, он и есть главный виновник беспорядков в Джалилабаде.

В самом Джалилабаде вновь идет митинг. Теперь уже противников НФА. По данным районного отделения КГБ, в городе вновь появились вооруженные группы людей. Похоже, мы можем столкнуться с самым худшим гражданским противостоянием.

В Мирбаширском районе проходит что-то вроде регионального совещания активистов НФА из Барды, Евлаха, Ханлара, Касум-Исмайлова, Агдама.

В Ханларе требуют отставки первого секретаря райкома партии. В Агдаме блокирована железная дорога на Степанакерт. Прервана телефонная связь. В Нахичевани настаивают на свободном переходе госграницы. В Степанакерте армянскими экстремистами совершено нападение на три автобуса со студентами, следовавшими из Агдама в Шушу. Двое военнослужащих получили ранения, один из нападавших убит.

Переговариваюсь с отделом, военным комендантом. Передаю ряд сведений о возможных провокациях в Аскеранском районе против жителей Кяркиджахана. Прошу выслать дополнительные войсковые наряды, бронетехнику. Комендант жалуется на ограниченность возможностей. В конце концов через представителей ВВ МВД СССР силы и техника найдены.

Группа боевиков, пытавшихся напасть на оба населенных пункта, получив отпор, скрылась.

В 19.00 совещание у Поляничко.

В 22.30 возвращаюсь в комитет.

До трех утра — связь с районами. Утешительного мало.

3 января. Беседа с начальником районного отделения КГБ Физули Гусейновым: армяне применили «новинку». На азербайджанские села с высоты спускают автомобильные покрышки, начиненные взрывчаткой. С самого раннего утра — разрушения, гибель, ранения жителей...

4 января. *Имишли.* Толпой остановлен литерный поезд, в котором ехали Везиров и секретарь ЦК КПСС Гиренко. После выступления Везирова толпа разошлась, поезд продолжал дальше — в Нахичевань. На митинге потребовано уволить начальника райотдела милиции, прокурора района.

Агдам. Митингующие требуют отставки секретаря райкома партии. Поздно вечером пленум райкома удовлетворяет его просьбу об освобождении от работы.

Яфдымлы. Местные фронтисты выдвинули ультиматум: в недельный срок освободить от должности прокурора и военкома района.

Сообщение от пограничников: на участке границы с Турцией разрушено 2,5 км инженерно-технических сооружений.

Вечером на совещании ЦК меня вызывают к телефону. На проводе Войко — начальник отдела КГБ по НКАО. Он сообщает время и место взрыва в Аскеранском районе. В результате взрыва полностью разрушен семиметровый автодорожный мост дороги Евлах — Лачин. Посылаю туда Дубровина.

...Тактика сдерживания — пассивна и потому обречена. Армяне словно уверены (или осведомлены), что войска их не будут трогать. Войска превращаются в живой кордон, а порой в мишень. Реакция вышедших из-под контроля масс отнюдь не адекватна угрозе, нависшей над республикой. Власть парализована, связана по рукам и ногам. Ее бьют со всех сторон: свои, армяне, Москва. Кто их сплотит, вооружит и направит против общего врага? НФА? Но это же люди без опыта, знаний. Это в лучшем случае лишь агитаторы! В худшем — провокаторы. Среди них слишком много честолюбцев, почувствовавших запах власти. Их устремлением всегда будет власть. Ради нее они пойдут на любые разрушения и жертвы.

К этому времени у Р.Х. Везирова появилась явная апатия, он лишился былой решимости, энергичного ведения дел. Его словно подменили. После очередного визита в Москву он вернулся без привычных цитат из бесед с Горбачевым. Стало ясно: Москва разочаровалась в бывшем дипломате и любимце советского комсомола. Он так и не смог приспособиться к мутным водам половодья, разлившегося усилиями его вчерашних товарищей.

В ходе очередного моего объяснения с В.А. Крючковым относительно отсутствия убедительной концепции урегулирования межнациональных отношений шеф, высказавшись в том смысле, что решение проблемы видится в контексте переустройства всей страны, государственного обновления СССР, закончил свою дефиницию более чем многозначительным замечанием: «Рахман Халилович, как и большинство представителей его поколения, смотрит на преобразование сквозь призму своего, специфического, опыта, иной политики. Пожалуй, перестройка — дело молодых. Нужны новые подходы, новое видение. Подумайте над этим».

Засим следует неожиданный вызов на совещание, что является, разумеется, прикрытием. На самом деле руководство страны лихорадочно ищет выход из глубокого кризиса и видит его в смене Р.Х. Везирова.

В.А. Крючков без обиняков ставит меня в известность: «Партийную организацию Азербайджана придется возглавить вам. Так складываются обстоятельства».

Я готов к такому повороту. Помытуя о соображениях В.А. Крючкова относительно концепции урегулирования межнационального кризиса, я пытаюсь максимально твердо высказаться о своем видении проблемы. Она сводится к тому, что выход из кризиса связан без всяких экивоков с обязательным укрощением армянского сепаратизма. Без этого мир невозможен, подчеркнул я. Отсюда второе мое условие — руководство страны должно осудить депортацию азербайджанцев из Армении и НКАО, добиться их возвращения на исконные земли. «Такое заявление оздоровит всю морально-политическую атмосферу в Азербайджане. После чего необходимо провести разоружение незаконных военных формирований, изъятие оружия, суровые санкции в отношении любых проявлений экстремизма и сепаратизма. Область необходимо очистить от всех, кто повинен в разжигании межнациональной розни. От воинствующих армянских идеологов страдают не только азербайджанцы, но и армянское население НКАО!»

Этот свой довод я подкрепил длинным списком убийств, запугиваний, поджогов домов армян, не желающих идти на поводу сепаратистов. Впрочем, Крючков знал о них по моим прежним донесениям.

От моего внимания, однако, не ускользнуло то, что обычно склонный давать рекомендации по части взвешенности, сбалансированности суждений и выводов, меньшей категоричности и т.д. Владимир Александрович на сей раз никак не комментировал мою «домашнюю заготовку». Запомнился лишь острый взгляд, легкий хлопок по столу вслед моим словам о том, что покончить с милитаризацией в одной области гораздо проще, чем в нескольких.

Примерно в том же ключе протекает короткая беседа с М.С. Горбачёвым, принявшим меня несколькими часами

позже. Разница заключается лишь в том, что В.А. Крючков был по характеру немногословен и предпочитал слушать, чем производить впечатление тонкостями своих рассуждений. Михаил Сергеевич, выслушав мое резюме об обстановке в Баку, пускается излагать свои соображения по урегулированию проблемы, выражая недовольство то одной, то другой стороной. Из его слов следует, что в Политбюро уже было нащупали звено, с помощью которого оставалось лишь вытянуть всю цепочку, да опять проклятые экстремисты накалили обстановку с обеих сторон...

После того как он одобрительно отзывается о миссии Вольского, у меня не остается сомнений, что курс свой в отношении НКАО он считает оптимальным и вносить изменения намерен с точки зрения энергичного следования предложениям Центра. Генсек не оставлял шансов для дискуссии и несколькими заключительными фразами, подводя итог беседе, дал понять, что тема исчерпана, аудиенция состоялась, стало быть, надо засучив рукава браться за работу. «Без страха и сомнений», — то ли шутя, то ли всерьез напутствовал он.

Последняя реплика позволяет мне заметить, что волков бояться — в лес не ходить. Другое дело, что без решительной перемены курса не устоит никто. «Подумайте и дайте решение», — ставит последнюю точку генсек.

Поглощенный всецело бурными событиями, изнурительными переговорами с оппозицией Р.А. Везиров, тем не менее, догадывается о новой игре московского руководства. И я не считаю нужным скрывать от него итогов вызова в Центр.

5 января. ...Так пришел и уже состарился новый, 1990 год. Никому он радости не принес. По всему видно — год будет тяжелый. В сущности, идет необъявленная война Армении против Азербайджана. Армения спешно вооружается, отработывает тактику военных действий. Центр делает ставку на сдерживание с помощью войск. Чем больше Центр юлит, хитрит, тем безнадежней положение руководства в Баку. Иногда складывается впечатление, что кто-то там, наверху, преднамеренно затеял эту заваруху с Карабахом, чтобы свя-

зять власть по рукам и ногам и бросить под безжалостные пинки толпы.

«О возможном развитии событий в Азербайджанской ССР в ближайший период» — так назвали мы информационное сообщение для ЦК. Поможет ли оно?

«...Учитывая динамику последних событий, обстановка в республике будет иметь следующие характеристики.

Праворадикальные элементы в лице А. Алиева, Э. Мамедова, Р. Казиева и других, захватив, по сути, все ключевые позиции в НФА, перешли к решительному штурму советской власти. По имеющимся данным, вновь будет однозначно ставиться вопрос об отставке руководства республики. Среди обвинений:

- измена интересам народа в решении вопроса НКАО;
- нежелание отстаивать политический и экономический суверенитет Азербайджанской ССР;
- вспышки мятежей, подобных джалилабадскому, названному лидерами НФА «экспериментальной моделью» прихода к власти».

Сегодня на должность председателя РИК силой назначен их ставленник. По заявлению А.Алиева, в случае неудачи «фронт при поддержке народа должен взять власть вооруженным путем». Реальные предпосылки к изложенному подтверждаются информацией о наличии вооруженных групп и отрядов самообороны практически во всех районах.

Говорю с коллегами по региону, Средней Азии, Прибалтики. Всюду власти в глухой обороне. Мы все — как на вулкане. Всполохи будущего извержения видны реально у нас в Закавказье: в Баку, Тбилиси, Ереване.

6 января. На 17.00 назначено совещание в ЦК Компартии республики. Гиренко и Везиров вернулись из поездки в Нахичевань.

Поздно вечером сообщение из Гянджи — подтверждается прибытие «бородачей» до сорока человек в Чайкенд и Мартунашен.

Имеющиеся в наличии силы МВД не располагают реальной возможностью пресечь эти «дежурства», принявшие устойчивый характер. Контингент внутренних войск МВД

СССР уже длительное время дислоцирован в НКАО, ряде приграничных районов с Арменией и ряде пунктов Ханларского и Геранбойского районов. В принципе они играют свою позитивную роль в качестве сдерживающей силы. Но ситуация давно требует иных, более решительных мер.

Из Степанакерта только что передали: неизвестными лицами захвачен в качестве заложника командир взвода в/ч 18920 лейтенант Э.Ф. Азизов, которого они хотят обменять на якобы задержанного в Гадрутском районе гражданина Амирджаняна. Данных о местонахождении Азизова и Амирджаняна не имеется.

Вот и заложники появились...

7 января. Совещание в ЦК вечером затянулось. Партийно-советский актив в Нахичевани, по словам Везирова, обещает в ближайшее время сделать перелом и взять ситуацию в свои руки. Судя по всему, Везиров верит в это. Он просит меня, Айдына Мамедова, Ильяса Исмаилова информировать о положении в других регионах. Мы докладываем все как есть. По нашему мнению, ситуация во многих местах практически вышла из-под контроля, реальная власть в районах и городах де-факто в руках НФА.

Везиров спрашивает: каков прогноз на ближайшее время? Кладу перед ним последнюю записку — анализ КГБ «О возможном развитии событий...» Обращаясь к секретарю ЦК КПСС Гиренко, говорю прямо: «Андрей Николаевич, ЦК КПСС действует так, словно поставило перед собой цель дискредитировать Везирова и окончательно угробить компартию Азербайджана, окончательно расчленив республику. Это мнение не председателя комитета, а мнение чекистского коллектива. Здесь присутствует зампредседателя КГБ СССР Пирожков В.Б. Он это уже читал в наших телеграммах и слышал мое мнение на коллегии КГБ СССР. Мы второй месяц просим Центр, КГБ СССР, Министерство обороны в лице генерала армии Попова (главкома) пресечь полеты вертолетов из Армении на территорию республики. Республика делегировала Центру вопросы обороны и внешней политики. Люди, а их все больше, резонно спрашивают: что с Союзом? Сегодня вновь на территорию Азербайджана

завезена очередная смена боевиков, значит, скоро вновь взрывы, захват мирных крестьян заложниками и т.д. Кому в таком случае нужны прогнозы и информация КГБ? И нужны ли они вообще?»

Пирожков полностью согласен со мной: «Армия должна немедленно пресечь эти полеты». Это что-то новое в настроениях московского начальства. Дело дошло до длительной перебранки между мной, Пирожковым, Гиренко и Поповым. Расстались все возбужденные, в мрачном предчувствии.

На перегоне Агдам — Степанакерт вновь взорвано железнодорожное полотно на мосту...

8 января. Вечер. Принято решение: завтра в Степанакерт летят Рафик Нишанов, Андрей Гиренко, Виктор Лобко. Дал необходимые распоряжения по этому визиту. Посланцы ЦК КПСС желают ознакомиться с обстановкой на месте. Планируют встретиться в Шуше и Степанакерте с представителями двух общин — азербайджанской и армянской, посетить ряд других районов области.

Баку, между тем, митингует. Вот требования пяти тысяч человек, собравшихся на площади В.И. Ленина:

- отставка ЦК КП и правительства республики;
- ликвидация памятника С.М.Кирову;
- вывод войск с территории НКАО;
- заселение беженцев из Армении в пустующие квартиры армян.

Решено 9 января блокировать здания МВД, прокуратуры и ЦК КП республики.

А в Джалилабаде состоялся организационный пленум РК КП. Представитель НФА из Баку, некий Сахават, поздравил присутствующих с избранием на пост первого секретаря райкома партии Нагиева и пожелал ему в будущем занять пост первого секретаря ЦК КП республики.

Все это было бы смешно...

9 января. Поездка в Карабах обернулась, по образному выражению В.Б. Пирожкова, очередной пощечиной армян — всем. С утра лечу в аэропорт Ходжалы. По радиции Бойко, начальник нашего отдела по НКАО, докладывает обстановку:

центральная площадь Степанакерта оккупирована, несколько тысяч человек расположились на дороге у въезда в город. Главари сепаратистов спровоцировали столкновения с внутренними войсками: сначала остановили колонну машин с солдатами, забросали их камнями. Несколько десятков военнослужащих, получив увечья, открыли огонь в воздух, затем вынуждены были стрелять на поражение. В итоге — трое убитых, около десяти раненых. Среди убитых — главный художник города. Обстановка тяжелая.

Я, Сафонов, комендант НКАО и А.И. Вольский в аэропорту. У въезда огромная толпа. «Цель собравшихся — не допустить приезда в город Нишанова, Везирова, Гиренко», — разъясняет ситуацию комендант.

Вольский в свою очередь высказывается в том духе, что лучше бы временно отложить визит высокопоставленных персон.

Информирую Гиренко с Нишановым о ситуации. Чувствую, сомневаются в достоверности сведений. «Успокаиваю» их, сказав, что через несколько минут карабахские реалии предстанут перед ними во всей красе.

На взлетной полосе, куда в самый угол подогнали самолет, Вольский устало пересказывает визитерам уже известную информацию. На вопрос Гиренко, что он советует, Вольский прямо отвечает, что их пребывание не принесет пользы. Скорее, наоборот — вызовет новый взрыв.

На вопрос Нишанова, как теперь будут ездить в Карабах — по заранее составленному списку армян или так, как это принято во всем цивилизованном мире, Вольский роняет: «Такова реальность...» Находит он ответ и на мой вопрос о том, каким образом приезд председателя одной из палат Верховного Совета СССР и секретаря ЦК КПСС стал известен лидерам сепаратистов: «Вы же лучше меня знаете их возможности».

Мое предложение съездить на встречу с азербайджанской общиной, которая ждет нас в Шуше и, в отличие от армян, готова к беседе, после короткого совещания Гиренко и Нишанова отклоняется.

Не буду останавливаться на деталях. Это не просто пощечина высшему партийному и государственному руководству страны, это хуже.

«Ну вы убедились, — в сердцах бросает Везиров вечером приунывшим гостям, — армянам просто на все и на всех наплевать!»

Нишанов его поправляет: «Не на всех». Кого имеет в виду осторожнейший из выдвиненцев перестройки?

— Ясно, кого, — усмехается В.Б. Пирожков.

И мне уже многое становится ясным. Боюсь, что не только мне одному...

Поздно вечером Везиров приглашает принять участие в работе партийного актива, который он поспешно собрал, дабы продемонстрировать коммунистам и населению, что посланцы М.С. Горбачёва после Степанакерта встретились с руководством республики в Баку. Гиренко и Нишанов не хотя соглашаются.

А. Гасанов, секретарь ЦК по промышленности, перед заседанием подошел к Первому: «Я бы хотел выступить...» Их отношения в последнее время натянутые. И не только из-за постоянной демонстрации Гасановым своей особой позиции. Эта особенность позволяет ему позиционировать себя таким коммунистом-националистом, сближаться с лидерами оппозиции. Уже известно, что в оппозиционных кругах рассматривают Гасана Азизовича в качестве азербайджанского Ельцина.

Речь его длилась минут двадцать, не более. Суть политического выпада, а это — заранее заготовленная бомба, взрывной эффект которой удесятерится присутствием высокопоставленных посланцев Москвы, доверенных лиц Горбачева, в следующем: его, Гасанова, члена Бюро, секретаря ЦК Компартии Азербайджана, игнорируют и свои, и Москва. «Без моего ведома выводятся из подчинения республики...» — и далее перечень предприятий, хозяйств.

Г. Гасанов фактически обвинил первого секретаря в сговоре с КОУ, Москвой, в том, что Везиров разделяет ответственность с ЦК КПСС за порушенный суверенитет республики, разгул сепаратизма. Гасанов открыто перешел на сторону НФА, фактически оправдывая начавшееся свержение партийно-государственной власти, считает А.Х. Везиров.

Я его никогда не видел столь удрученным. Представители ЦК КПСС имели, разумеется, информацию в том, что от

него отвернулась республика, теперь они воочию убедились в том. А заодно они могут доложить в Москве, что он не имеет влияния и в руководстве Компартии. Стало быть, вопрос его решен. И все же он удручен самим фактом и формой предательства. Гиренко и Нишанов, расстроенные не меньше нашего, в тот же день оставляют Баку...

А магнитопись речи Г.Гасанова в те же часы заслушивается на митинге, распространяется по каналам оппозиции. Я теперь хорошо понимаю того, кто семьдесят с лишним лет назад, глядя на своих генералов и свиту, написал, смиренно соглашаясь с волей судьбы: «Кругом предательство, стыд и позор...»

10 января. Город, впрочем, правильней сказать — вся республика, напоминает кипящий котел. В течение последних дней, несмотря на нехватку времени, удалось встретиться с рядом лиц, искренность и убеждения которых не вызывают сомнений. Это — ученые, литераторы, музыканты, художники, журналисты, руководители предприятий. Известные имена. Итог этих встреч — люди кожей чувствуют угрозу. У многих безысходность, чувство незащищенности, тревоги. Не за себя, а за сегодняшний и завтрашний день. Все самыми последними словами ругают Горбачева и его окружение. Исторические параллели сулят нам бедствия и несчастья. Многих возмущает неумение азербайджанских властей дать отпор как Центру, так и сепаратистам и наглеющим радикалам НФА. При этом убеждены, что кризис преодолим. Но удастся ли?

Рано утром домой звонит начальник Ленкоранского отдела Р. Бабаев, чувствую, что с трудом подыскивает слова для доклада.

С 6 утра в городе начался захват власти сторонниками Народного фронта во главе с А.Х. Гумбатовым. Несколько сот человек, вооруженных огнестрельным оружием, заняли здание милиции, горкома партии, райисполкома. Занят также городской узел связи. Классическая схема, однако. Бабаев сообщил, что с минуты на минуту ждет «гостей» у себя. Что делать?

Готовых рецептов нет. Советоваться не с кем, да и некогда. Спрашиваю, где оружие? Слава богу, накануне, как и было

оговорено, он перебросил табельное оружие в погранотряд, документы и прочее переправил в Баку. Договариваемся с ним, что ему следует срочно выйти на Гумбатову, не дожидаясь его появления в отделении КГБ, попытаться разъяснить пагубность его действий.

В Джалилабаде — десятки раненых, таков итог массовых беспорядков. Стараюсь подбодрить сотрудника, предчувствуя, что в скором времени и сам окажусь в положении еще более худшем.

9.30 — совещание у Везирова. Всех беспокоит захват переворотчиками большого количества оружия в РОВД. Решено направить в Ленкорань А. Раси-заде, зампреда Совета Министров, и А. Дашдамирова, завотделом ЦК по государственно-правовым вопросам, специалиста по межнациональным отношениям — события в Ленкорани имеют и тальшскую окраску.

Москва, где привыкли именовать Ленкорань «всесоюзным огородом», удивлены и поражены революционным настроением овощеводов, заявления которых обещают активизацию нового центра сепаратизма. На сей раз тальшского...

Звонят непрерывно: из ЦК КПСС, КГБ, руководители районов. Обстановка тяжелая. Все ждут итогов переговоров в Ленкорани. Поздно вечером оттуда сообщают, что изнурительная беседа с Гумбатовым и его окружением ничего не дала. Решено продолжить переговоры утром. Тем временем «фронтисты» заменяют руководителей предприятий и организаций. Поздно ночью удастся застать Крючкова. Информировать о предпринятых мерах. Отдел КГБ, в отличие от всех административных зданий города, избежал штурма. Побавляются или этакая тактическая гибкость?

Новый разворот событий вынуждает переключиться на Баку. На заводе «Азербэлектротерм» озвучен призыв к коммунистам выйти из КПСС. Это что-то новое...

Бакинский аэропорт: идет «работа» по отмене рейса Баку — Ереван, увольнению лиц армянской национальности. Вслед за этим — самое худшее: в Баку зафиксированы первые случаи погромов армянских квартир. В Гяндже митингующие объявили о намерении создать народное ополчение и двинуться в НКАО. У здания горкома партии избит первый секретарь Ханларского райкома партии Искендеров.

Вновь зафиксированы полеты вертолетов в село Чайкенд. В Ильичевске снят государственный флаг со здания райисполкома. Перекрыта железная дорога, содержимое товарных вагонов растаскивается населением. В Джалилабаде подожжен дом второго секретаря РК КП Баширова.

В Зангелане — армянский вооруженный отряд напал на азербайджанское село Ньюяди.

В Физули — толпа требует отставки первого секретаря райкома партии Джаваншира Мамедова.

В Казахе остановлена работа компрессорной станции, подающей газ в Армению.

А вот и последняя точка в Ленкорани: местным отделением НФА объявлено о приостановлении в городе деятельности органов власти и создании «Временного комитета обороны». В распространенном обращении указывается, что комитет не признает центральное правительство, руководящие органы республики. В то же время выдвинуто требование к Верховному Совету Азербайджана — немедленно отменить статус автономной области Нагорного Карабаха.

Все в ожидании. Кто-то горько пошутил, мол, непринятие конкретных решений — тоже решение. Намек на информацию о том, что Джалилабад и Ленкорань — проверка сил и реакции властей.

Последние сообщения дня: в Нахичевани около 400 армянских боевиков напали на село Кярки Шарурского района и захватили его. В Баку продолжаются погромы квартир лиц армянской национальности. По оперативным данным МВД СССР, на заводе имени лейтенанта Шмидта в ближайшее время планируется выпуск оружия для нужд «боевиков».

Гянджа. В 7.20 в районе селений Камо и Азад Ханларского района началась перестрелка. Представители НФ пытаются захватить эти села. В Гяндже перед зданием ГК КП Азербайджана состоялся несанкционированный митинг, в связи с захватом заложников-азербайджанцев... В Шаумяновском районе в штабе НФА в настоящее время содержится около 6 лиц армянской национальности. В Чайкенде с 16.00 до 18.00 приземлилось около 12 вертолетов из Армении.

12 января. Получена информация из Армянской ССР. Обобщенно ситуация выглядит следующим образом. «Армянское общенациональное движение» (АОД), «Миацум» и «Объединение национального самоопределения» (ОНС) идут в наступление. Их главный лозунг — воссоединение НКАО с Арменией — нужно решать не политическими средствами, а только путем фактической форсированной социально-экономической интеграции автономной области с Армянской ССР.

Этот вопрос вынесен на II сессию Верховного Совета Армянской ССР, которая возобновила работу 9 января. Сессия проходила в нервной обстановке. Экстремистские группировки допущены на сессию и верховодят ее работой. Руководство страны обвинено в проазербайджанской позиции. Раздаются требования создать Комитет спасения армянского народа. Лидерам АОД (Л. Тер-Петросян, А. Маначурян и др.) удалось добиться единогласного решения о том, что юрисдикция подлежащего принятию закона о выборах будет распространяться и на армянское население НКАО. Исключается возможность установления диалога с азербайджанской стороной, как единственно приемлемой основы для урегулирования конфликта.

Получила реальное воплощение идея вооруженной борьбы, прикрытая лозунгом «национально-освободительного движения». Повсеместно создаются так называемые «военные советы», военизированные структуры, занятые организацией полуправильных отрядов и групп боевиков, координацией экстремистских акций, их материально-техническим снабжением. Ведется активная работа по приобретению оружия и боеприпасов, в том числе с помощью разбойных нападений на различные учреждения и военизированную охрану. Имеют место многочисленные факты нелегального производства оружия и взрывчатых устройств на промышленных предприятиях и в кооперативах, включая минометы, пусковые установки для реактивных снарядов и боеприпасов к ним.

Вооруженная оппозиция пользуется практически неограниченной поддержкой руководителей предприятий и учреждений, обеспечивающих отряды боевиков транспортом,

в том числе воздушным, средствами связи. Ведется сбор продуктов питания, теплой одежды, формируются «отряды самообороны» с целью переброски в армянские населенные пункты НКАО. Лидеры АОД и других неформальных организаций заявили, что не признают правительство республики и создают «Национальный комитет обороны», которому должны подчиняться все партийные и правоохранные органы.

Какая-то неведомая сила влечет обе республики к побою. Рок событий? Глядя на панораму людского безумия, нельзя не задуматься над исторической ролью сдерживающей силы, которую играла советская власть на протяжении десятилетий в жизни народов Закавказья. Действуя жестко, методом устрашения, Союз контролировал мир, добрососедство между армянами, грузинами, азербайджанцами и многими другими народами и этносами на протяжении десятилетий. Чем обеспечивалось признание этой роли — сдерживающей силы? Не только неотвратимостью наказания того, кто преступил советские законы сосуществования в едином советском доме.

За Союзом признавалась роль объективного третейского судьи. И он эту роль худо-бедно выполнял достаточно долго. Перестройка лишила Союз его эффективного оружия — опоры на силу, заменив ее ссылками на несуществующую демократию. А роль объективного третейского судьи Михаил Сергеевич подменил политикой равноудаленности. Нарушитель мира и закона виноват в той же мере, что и тот, чей покой нарушен дерзкими, необоснованными претензиями на исторические земли. Эта логика и подвела к уравнению в правах и агрессора, и его жертвы.

13 января. В с. Манашир Ханларского района приземлился вертолет, из которого вышли армянские боевики и открыли огонь в сторону азербайджанского села.

На ст. Корчевань Мегринского района Армении обстреляли поезд, следующий по Азербайджанской железной дороге на станцию Джульфа.

После посадки в Степанакерте самолета Як-40, прибывшего из Еревана, в багажном отсеке войсковым нарядом об-

наружено 2 самодельных миномета, 31 шт. СВУ в боевом положении, 2 мотка бикфордова шнура, 15 ружей, самодельный автомат и др. (Информация получена ранее; совместно с особым отделом КГБ СССР проведена необходимая работа по перехвату «посылки».)

В Кубатлинском районе лицами армянской национальности сожжено 2 дома.

Шифрограмма из Москвы: 14 января прибывает Е.М. Примаков с группой экспертов из ЦК КПСС и военных.

По сообщениям из районов, на бакинский митинг стекаются активисты НФА, сторонники и молодежь.

Члены бюро Везиров, Муталибов, Оруджев, Гасанов на перебой спрашивают: когда митинг, предполагаемое количество участников и т.д. Докладываю обстановку. Сообщаю, в Ханларе идет бой с боевиками. Самый настоящий. Нужно во что бы то ни стало пробиться на Центральное ТВ. Речь идет о прямом участии террористических групп, засланных с территории Армении.

И последняя информация: НФА намерен объявить о создании Совета обороны.

13.00. Большое оживление в городе, особенно вблизи мест компактного проживания армян. Площадь Ленина — действующий вулкан, из кратера которого в небо извергается огненный смерч и растекается горячая лава ненависти по улицам Помпеи — Баку.

Объявляется состав Совета национальной обороны (СНО): А. Алиев, Э. Мамедов, Н. Панахов, А. Али-заде, Р. Казиев.

Требование к Верховному Совету — ввести в Азербайджане военное положение. В противном случае СНО обратится к Ирану, Турции — всему мусульманскому миру. Истерия или злонамеренная провокация?

Сигналы о нападении на дома армян. По данным горотдела милиции (Ноуфель Керимов), группы организованы, на руках списки с адресами. Четко идут по адресам. Группы от 200 до 1,5 тысячи человек. Крайняя агрессивность и озлобленность. Редкие попытки сотрудников милиции остановить и пресечь погромы заканчиваются избиванием милиционеров. Основные силы МВД бездействуют.

Эти строки я записываю около 2 часов ночи. Если и бывает в жизни страшное, страшнее того, что произошло сегодня, не может быть: убиты и ранены десятки людей, сожжены дома и квартиры. У Везирова состоялось совещание. Все подавлены. Лискаускас — замминистра МВД СССР: «Контингент внутренних войск чуть более 3 тысяч человек. С таким числом невозможно пресечь беспорядки в миллионном городе. Крайняя агрессивность и озлобленность погромщиков при пресечении преступных акций приведет к значительным потерям. Но главное в другом. Необходимо принципиальное решение властей на применение силы. Без этого решения Внутренние войска МВД СССР задействованы не будут. Решайте вопрос с руководством страны».

Лискаускас добавил также, что он несколько раз информировал о происходящем министра Бакатина. Таким образом, он озвучивал мнение МВД СССР. Участники совещания не скрывают своего недовольства позицией замминистра МВД СССР. Ответ последнего краток: «Решайте вопрос с Москвой. Для наведения порядка мне нужны приказ и дополнительные силы».

Совещание превращается в настоящую перепалку. В предложениях нет недостатка. Некому, однако, принять решение. Нужно срочно пресечь массовые беспорядки. Но ясно и другое — надо выходить на руководство страны. Это — прерогатива Первого. Речь идет ведь не о дополнительном финансировании. Тбилисский синдром витает в зале совещания. Принимается решение... срочно связаться с лидерами НФА.

Случилось то, что должно было случиться. Фактический захват НКАО армянами, потакание им Центра, азербайджанофобия союзных СМИ, помноженные на антиармейскую истерию НФА, двухнедельные хождения толпы во главе с Халилом Рзой и Векилом Гаджиевым по министерствам и ведомствам со списками работающих армян, требования и угрозы, взвинтившие и без того грозную атмосферу, раздули в конце концов пожар ненависти. На станциях метро и в подземных переходах обнаружены листовки, призывающие к мобилизации.

Продолжаются погромы квартир лиц армянской национальности. В Бакинском аэропорту группы молодежи (40–50

человек) избивают армян, точнее, тех, кого они считают таковыми среди пассажиров. В Наримановском районе Баку НФА требует ликвидации на территории района всех войсковых подразделений. В противном случае обещано нападение и изъятие оружия. В Нефтечале власть перешла в руки фронтистов.

Это бунт. Тот самый: бессмысленный и беспощадный.

14 января. Утро. Совещание у Везирова. Помимо членов Бюро, на совещании присутствуют только что прибывшие Примаков, Гиренко, а также замминистра МВД СССР Лискаускас, командующий ВВ МВД СССР Ю. В.Шаталин, зам. председателя КГБ СССР Г.Е. Агеев. Все критикуют правоохранительные органы за бездействие.

Везиров приглашает доложить об обстановке А. Мамедова, И. Исмаилова и меня. Наши сообщения откровенны, конкретны, комментарии нелицеприятны.

Я подчеркиваю, что пора признать: кризис политический, и у местной власти нет ключа для его решения. Можно ругать милицию, госбезопасность, которые вместе с партийными деятелями стали заложниками политики Центра в угоду сепаратистам. Это всенародный бунт, и, к сожалению, он ведет к трагедии. Но те, кто выгонял народ из Армении, и те, кто допустил это в Москве, должны были знать, чем обернется это в Азербайджане. Следствие подобной политики — гибель людей, анархия, агрессия одной республики против другой. Это уже развал Союза!

Везиров вмешивается: «Сейчас не время для дискуссий. Давайте обсудим практические шаги. Вчерашняя встреча ничего не дала. После обеда состоится еще одна с участием Примакова, Гиренко, Муталибова».

Предложение о рассмотрении комендантского часа сразу отверг Лискаускас, повторив свои вчерашние доводы.

Примаков: «Имеется договоренность с высшим руководством о переброске резервов уже сегодня и их использовании». Затем он внушительно замечает: «Мы вчера еще раз обдумали все за и против и пришли к решению — воздержаться от силовых методов и еще раз попытаться решить ситуацию политическими мерами».

После совещания я заметил Примакову и Везинову, что было бы целесообразно подключить к переговорному процессу с лидерами НФА и руководство КГБ республики. Обещано подумать над этим предложением.

Приглашение для участия во встрече я не получил ни тогда, ни в последующем.

15 января. Погромы в Баку продолжают. Милиция пытается в единичных случаях противодействовать.

На митинге много криков относительно формирования добровольцев для похода в НКАО. Записались сотни, но в сторону НКАО пока не двинулся ни один, хотя два месяца идут разговоры.

А ведь сбывлась шутка, веселившая всех вначале: «Сначала перестройка, затем перестрелка».

В Гяндже состоялись похороны азербайджанцев, погибших во время столкновения возле селений Манашир и Тодан. В траурном шествии участвовало более 20 тысяч человек. Выступавшие призывали отомстить за погибших, объявили священную войну — «джихад».

В Баку убитых 11 человек, погромов — 19, поджогов — 2. За сутки поступило 239 телефонных звонков в органы КГБ и МВД о помощи.

16 января. 11.00 утра. Совещание в ЦК. Его фактически ведет Примаков, хотя Везинов присутствует, дает указания, распоряжения.

Примаков и Везинов вкратце информируют собравшихся о состоявшихся переговорах с лидерами НФА. Они повторили свои требования — решение Карабахского вопроса, отставка Везинова.

Отмечены деструктивность позиции НФА, жесткость, нежелание идти на компромисс. Вечером состоится встреча с правлением НФА. Я и Айдын Мамедов обратились с просьбой повлиять во время беседы на руководство НФА с тем, чтобы оно отказалось от тактики блокирования военных городков и частей.

С работы докладывают: срочно вызывает Москва. Звонит М.С. Горбачёв. С чего бы это? Вспоминаю нашу встречу не

сколько дней назад. Странно — меня уговаривают пересесть на главное кресло, занять место, которое, не скрою, всегда оставалось желанной, недостижимой целью. И вот она рядом. А у меня в душе ни капли радости. Одна лишь тревога. Так бывает, когда вдруг над головой собираются тучи и все погружается в тревожную темень...

Генсек просит доложить обстановку. Слушает, не перебивая. Говорит, что регулярно получает информацию от Примакова. Но хотел бы услышать и мою точку зрения. Я полагаю, что установка добиться взаимопонимания с оппозицией посредством переговоров, когда планка представительства поднята на столь высокий уровень, должна дать определенный результат. Опять напоминаю о вооруженном проникновении армянских отрядов на территорию Азербайджана. Без надежного заслона против этой опасности нам не вырुлить — ни сейчас, ни позже. Следует пауза. Потом: «Для того чтобы взять ситуацию под контроль, у вас сил достаточно. Имейте в виду: надо во что бы то ни стало остановить погромы в Баку...» И отключается.

Звонит В.А. Крючков. Информую его об обстановке, о совещании в ЦК. «К чему пришли? Ни к чему по существу. Надеемся, что вечером удастся переубедить верхушку НФА».

— Почему внутренние войска МВД СССР не пресекают беспорядки?

— Руководство МВД заявило, что без соответствующего письменного распоряжения или введения ЧП ничего предпринимать не будет. «С нас довольно Тбилиси, — заявил Шаталин. — Решение принимали политики, а отвечали мы».

Выждав, спрашиваю, понимая, что выхожу за рамки поданных председателем ситуативных вопросов. Но тем не менее: «Владимир Александрович, что происходит? Тысячи людей выбрасывают из Армении в Азербайджан. Теперь в Баку убивают людей, параллельно — многочасовые совещания, доклады в Москву. А там — многозначительное ожидание. Никто ничего не хочет делать. Что стоит за этим?»

Крючков: « Вы же знаете, решения у нас принимаются, к сожалению, поздно или вообще не принимаются. В Баку направлен Примаков. У него широкие полномочия. Постоянный контакт с Горбачевым. Информировуйте Примакова

по ситуации. Главное: объективность и реальность. И последнее: — Скажите, только честно, Везиров сможет работать?»

— Если честно — нет. У него нет поддержки не только в массах — даже в партии, у большинства членов и руководителей. И виноват не он, а тот и те, кому он верил так же, как и все мы.

Зная, что после таких откровений Крючков, скорее всего, свернет разговор, сообщаю о звонке М.С. Горбачева.

«Ну что ж, готовьтесь к новой большой работе», — комментирует сообщение шеф, и в голосе его слышится удовлетворение, что не предвещает для меня ничего хорошего.

Баку — город безвластия. Общее число трупов — 43, погромов — 29, сотни сигналов о помощи. НФА приступил к блокированию воинских частей и подразделений. Возле здания ЦК КП Азербайджана толпы с лозунгами: «Долой кровавую перестройку!» Мимо здания КГБ прошествовала большая группа демонстрантов. Такого еще не бывало....

Распространяются слухи, что 80 тысяч боевиков со стороны Армении перешли границу Азербайджана.

17 января. В пять утра звонок из Степанакерта: вблизи Шуши произошел взрыв, после чего прекратилась подача воды в Степанакерт.

На станции Уджары остановлен воинский эшелон. Среди тех, кто лег на рельсы, — подростки, дети.

В Кази-Магомеде задержана колонна БТР, направлявшаяся в НКАО.

Нахичевань. В селении Кярки идет бой. Удастся убедить пограничников послать роту с бронетехникой.

На автотрассе, ведущей в аэропорт (около Сабунчинского круга) заблокирована дорога — остановлено продвижение колонны военнослужащих. Толпа направилась в пос.Разина, с требованием вывода солдат и офицеров, разместившихся на тамошнем стадионе.

Перед зданием РОВД Ханларского района собралась группа жителей села Михайловка русской национальности (молокане), вынужденных покинуть свои дома из-за угроз со стороны армянских экстремистов из села Азад.

Закаталы. По требованию фронтистов первый секретарь Закатальского РК КП Азербайджана подал в отставку вследствие угроз его жизни и членам семьи.

Сообщается, что силы НФА брошены на пикетирование автострад, воинских подразделений.

Используются автобусы, краны, бульдозеры, баррикадируются узловые участки:

- на Тбилисском проспекте у Сальянских казарм (900–1000 человек);

- у ворот Сальянских казарм (1200 человек);

- на углу улицы Бакиханова и проспекта Строителей (500 человек);

- у «Волчьих ворот» (100 человек).

Пикеты у станции Кала, вблизи поселка Бина, на Сабунчинском и Комсомольском кругах, на станции поселка Разина. Перекрестки дорог проспект К. Маркса – проспект Ленина, проспект К. Маркса – улицы Дружбы народов отрезаны, поселки Кирова и Баладжар, Сумгаит, поселки Сулутепе, Бинагады, Балаханы, 32-й километр автодороги Баку – Куба.

18 января. В Нахичевани с раннего утра армянские бандформирования начали мощный обстрел Садарака из пусковых установок «Алазань». Организована оборона из сотрудников КГБ, милиции, местных жителей.

Прошу подмогу у внутренних войск МВД СССР людьми и БТР-ами. Давлю на пограничников через Крючкова.

На митинге у здания ЦК выступил Н. Наджафов, числящийся умеренным в руководстве НФА, и открыто призвал компартию избрать первым секретарем Гасана Гасанова.

Итак, маски сброшены. Для убедительности перед зданием соорудили три виселицы, очевидно, для Везирова, Муталибова и Кафаровой.

Звонит Соколов, командующий 4-й армией – на него вышел Этибар Мамедов с предложением встретиться. «Этот юнец говорил, как Наполен после Тильзита. Я его предупредил, что в случае провокации мы откроем огонь, привел ему десятки примеров, когда НФА преднамеренно шел на конфронтацию: задержание военнослужащих, взятие в залож-

ники, попытки захвата оружия, военного транспорта и имущества и т.д. Я сказал ему, что вы сознательно хотите пролить кровь и ведете невинных людей к этому. Впрочем, — добавил он, — беседа записана на пленку в присутствии корреспондента «Известий» Литозкина. Посылаю тебе пленку».

Запись в 23.00. Встреча с Р.Х. Везириным. Он коротко сообщает об итогах переговоров с членами правления Народного фронта и отдельно с Э. Мамедовым: «Все уперлись и видят разрешение кризиса в моей отставке».

«Полагает ли он, что в случае его ухода НФА прекратит массовые акции, которые давно уже вылились в беспорядки и переросли в безвластие и анархию?»

Везиринов задумался и сказал: «Во всяком случае, уверяют в этом». Везиринов твердо решил уйти. Час назад он согласовал свою отставку с Горбачёвым.

На мой вопрос: «Что дальше?» — ответил, что Москва решила ввести чрезвычайное положение. Примаков и Гиренко сегодня неоднократно связывались с Москвой, информировали Яковлева, Язова, Бакатина и других. В Центре хорошо представляют себе обстановку. Всех, добавил он, потряс митинг у здания ЦК, возмутило блокирование воинских частей, а виселицы у здания ЦК КП окончательно добились руководство страны.

— Как ЧП будет выглядеть на практике? Будет ли это решением Верховного Совета республики? Или...

— Теперь всеми вопросами занимается Примаков, — устало отвечает Везиринов.

Е.М. Примаков находится в кабинете Первого: «Вопрос ЧП по деталям еще не проработан — ни по срокам, ни по механизму. Скорее всего, понадобится решение Верховного Совета или правительства Республики. Это — работа на завтра, когда придут Язов и Бакатин с полномочиями от Горбачёва».

В конце беседы Примаков знакомит меня с телефонным перехватом Э. Мамедова с объектом из Турции. Разговор шел 18–20 минут. Сдержанный и несколько оправдывающийся тон у абонента и разочарованный у Мамедова.

В эфире заработала диспетчерская связь таксомоторного парка.

*Запись переговоров центральной диспетчерской службы (ЦДС)
с постами НФА в Баку*

Радиопереговоры велись на волне 42,1 мегагерц. С 18 января (18.23) до 20 января (02.31).

21.15. ЦДС: Какое положение на всех постах?

Пост: Я – 65-й. Стою у 11-й Армии. Положение в 9-м микрорайоне плохое. Есть военные и танки. Туда послали один автобус с людьми.

21.40. ЦДС – 24-му: С 3-го парка пришел представитель НФА и сказал, что около гостиницы «Нахичевань» много военных. Нас мало, нужна помощь.

Пост: Закрыть ли дорогу со стороны 26 Бакинских комиссаров?

ЦДС: Закройте.

21.58. 2-й пост – ЦДС: Где нужна помощь НФА? 82-го арестовали потому, что у него не было документов. Нужно передать Неймату.

36-й (Патамдар) – ЦДС: Народу мало, требуются люди.

22.30. ЦДС сообщает: Белая «Волга» под номером 25-47 АГА. Всем постам. Нужно ее задержать. Внутри – вооруженные люди. Передайте Неймату, что машина – где-то на Тбилисском проспекте. Мы сообщили в МВД. Они тоже ищут эту машину.

22.36. ЦДС: В 5-м и 9-м микрорайонах танки.

22.40. ЦДС: Всем! «Жигули» 12-39 АГА! В ней оружие, в том числе автоматическое. Будьте внимательны! Задержите ее.

23.27. ЦДС : Около 26 Бакинских комиссаров стоит БТР. Нужна помощь, чтобы закрыть дорогу к Сальянским казармам, идущим со стороны «Олимпа» и гостиницы «Нахичевань». 61-му нужны крупные автомобили.

00.09. ЦДС: С Тбилисского проспекта к Сальянским казармам прибыл корреспондент. Из НФА там никого нет. Корреспондент из Канады. Пусть по радиии переговорит с 24-м.

00.50. ЦДС: 1-му посту требуется помощь. На Тбилисском проспекте много военных. Со стороны Баладжар идут шесть БТР. 36-й может оказать помощь Баладжарам.

01.00. Один парень пришел и сказал, что идет БТР, что раздавлены люди и машины. Этого парня мы держим как заложника.

ЦДС: Пусть 73-й свяжется с 3-м парком.

01.04. У бензоколонки стоит БТР. Сообщивший об этом парень стоит около меня. Информация о том, что задавлены люди, подтвердилась.

02.21. Всем! Военные грузовые машины не пропускать. Приказ НФА.

19 января. В 8.30. встретился с А. Эльчибеем. Спрашиваю: «Есть ли необходимость подробно обсуждать сложившееся положение?»

Он заметил, что в курсе происходящего. Я подчеркнул, что, несмотря на ряд бесед, где мной многократно приводились доводы о необходимости политической борьбы в рамках конституции, правление НФА и он лично после известной конференции НФА (6–7 января 1990 года) перешли к резко радикальным действиям, что может привести к непредсказуемым последствиям. В этом случае вся ответственность ляжет на руководителей Народного фронта. Сослался на имеющиеся у меня данные и потребовал увести людей с улиц и площадей, не делать из них невинных жертв. Судя по масштабам и количеству очагов предполагаемого сопротивления, трагедия может во много раз превзойти известные события в Тбилиси.

А.Эльчибей сказал, что он и его товарищи готовы ко всему — аресту, танкам, смерти. И далее: «Горбачёв под давлением армянского лобби проводит в НКАО политику, отвечающую интересам сепаратистов. Что касается тбилисской трагедии, то она сплотила народ и помогла изгнать руководителей республики, дискредитировавших себя».

Вместе с тем, согласившись, что люди не должны стать невинными жертвами, обещал повлиять на Э. Мамедова, Н. Панахова, Р. Казиева, М. Гатами и других. Признался, что те фактически вышли из подчинения и действуют большей частью самостоятельно. В свою очередь он отметил, что в сложившейся ситуации надо оказать влияние на Везирова и склонить его к уходу с должности первого секретаря ЦК КП республики. Обещал созвониться и встретиться после 16.00.

На прощанье напомнил лидеру НФА, что вся ответственность за возможную трагическую развязку ляжет, прежде

всего, на него как председателя Народного фронта Азербайджана. Его действия антиконституционны. Как показывает история подобных движений, такая политика приводит к краху. Кровь невинных людей никто не забудет и не простит.

Расстался с А. Эльчибеем — ощущение такое, как будто разговаривал с иностранцем. Увы, в периоды смут вознесенные над толпой люди часто воображают, что творят великие дела. А деяния эти чаще всего оборачиваются несчастьями. Но кому это сегодня интересно...

К 10.00 возвращаюсь в Комитет. В приемной начальник охраны Везинова. Первый секретарь доставлен в КГБ по его собственной просьбе к 9.00 из ЦК. Захожу в свой кабинет. Его в последние дни занимает Агеев. В комнате отдыха в кресле дремлющий Везинов. Агеев сообщил, что в 8.00 утра в Кала прибыли Язов и Бакатин. Он уезжает в Главкомат, куда вскоре приглашают и меня — на совещание. Обычно о ситуации докладывают председатель КГБ, министр МВД и прокурор республики. На сей раз в наших докладах необходимости нет. Скорее всего, Язова и Бакатина уже проинформировали их замы, давно находящиеся в республике, и руководители военной разведки и контрразведки.

Язов сообщил, что в ближайшие 2–3 дня выйдет указ о введении чрезвычайного положения. Добавил, что надо как можно быстрее изолировать лидеров НФА. Примаков считает, что это надо рассмотреть отдельно. Нас с министром МВД и прокурором республики отпустили. На совещании остались Примаков, Гиренко, Агеев, работники ЦК КПСС.

Через несколько часов меня и министра внутренних дел А.Мамедова вновь вызывают к Язову. Там только Бакатин. Разговор длится несколько минут.

Язов: «В какое время лучше объявлять о введении ЧП и комендантского часа?»

Мы оба: «А есть ли указ о ЧП?»

Язов: «Он будет сегодня— завтра».

Мамедов и я: «К введению указа надо подготовиться и, прежде всего, довести его до сведения населения и только после этого вводить комендантский час». При этом ссылаюсь на беседу с Абульфазом Алиевым, резюмировав, что, скорее всего, НФА не уведет людей.

Язов: «Руководство ЦК, правительство и руководство города постараются сделать так, чтобы люди не оставались на площадях и улицах».

Он обрушился с критикой на нас обоих. Спорить в этой ситуации бесполезно, да и доводы, которые он приводит, не лишены формальной, по крайней мере, логики.

Вернувшись, связался с Крючковым. Вновь попросил его о помощи Садараку. Попросил две роты из 75-й дивизии, а также БТРы для защиты населения. Разговор нервный, оставил тяжелое впечатление. Через час позвонил Крючков и сообщил, что начальник погранвойск Калиниченко соответствующий приказ получил, но роты необходимо использовать только для защиты населения. Нашел командира дивизии Рохлина, он команду еще не получил. Вновь звоню в Москву, нахожу Калиниченко. Он при мне связывается с кем-то по телефону и выговаривает. Через 15 минут обе роты выезжают в Садарак. Если бы пограничники выделили эти роты, как мы просили, несколько дней назад, не было бы бессмысленных жертв в Садараке. Вновь приходит невольно мысль о дьявольской силе, одной рукой стягивающей петлю и другой — подбрасывающей в бушующий костер негодования горячие угли.

В комнате замначальника секретариата комитета, это недалеко от моего кабинета, принимаю доклады сотрудников. Тревожные и растерянные лица. Многие командированы в приграничные районы и Нахичевань, Карабах. У нас не так уж много людей в строю. Если назвать реальное число сотрудников, это вызовет улыбку и недоверие. В последние дни участились нападения на квартиры сотрудников комитета. Раз даже пришлось отстреливаться. Посланная на помощь оперативная группа сама была окружена толпой в 300-400 человек.

Около 17.00 звонок. Это Абульфаз Алиев, представляется Эльчибеєм. «Мои уговоры ни к чему не привели. Э. Мамедов и Н. Панахов категорически отказываются меня слушать. Я ничего не смог сделать», — скороговоркой сообщает он и вешает трубку.

Сообщаю Язову и Примакову о содержании разговора. Язов еще раз подчеркнул, что без предварительного уведом-

ления об объявлении указа о ЧП войска не будут задействованы.

В ЦК один Т. Оруджев. Поляничко на переговорах с Э. Мамедовым. Про остальных ничего не известно.

Дважды звонил Э.Кулиев, председатель Гостелерадио. Он встревожен: вокруг ТВ творится что-то подозрительное. О том же информируют наши сотрудники. Картина вырисовывается следующая. К 13.30 перед главным входом телецентра неожиданно собралась толпа с требованием к сотрудникам прекратить работу. Примерно через час настроение пикетчиков изменилось. Ораторы призвали сотрудников ТВ присоединиться к ним. Около 14 часов по инициативе некоторых работников телецентра и Министерства связи, сторонников Народного фронта, передатчики отключаются. К этому времени большинство сотрудников телевидения покинули свои рабочие места. После этого члены НФА и сочувствующие им сотрудники Гостелерадио проводят полумитинг-полусобрание, после чего объявляют об отстранении от должности председателя Э.Кулиева, его заместителей и ряда главных редакторов. Передачи республиканского телевидения возобновляются под контролем НФА.

...Около половины восьмого раздался сильный глухой взрыв. «Уж не памятник ли Кирову взорвали?» — подумалось. В последнее время дня не проходило без призывов снести этот нависающий над городом монумент. Поручаю дежурной службе выяснить. Следует доклад: взрыв на телецентре. Даю указание вошедшему ко мне заместителю И. Гусейнову направить оперативно-следственную группу на место происшествия.

Вскоре выясняется следующее. Взрыв произошел в 19 часов 27 минут в цехе энергоснабжения Азербайджанского радиотелевизионного центра. Осмотром места происшествия установлено: очаг взрыва находится в технической яме, расположенной в комнате распределительных щитов. В результате взрыва выведены из строя основные кабельные линии электропитания, оборудование, разрушено несколько служебных и производственных помещений. По данному факту КГБ Азербайджанской ССР возбуждено уголовное дело. Накануне и в момент взрыва охрану центра осуществлял наряд

полка по охране госучреждений Управления охраны при МВД Азербайджанской ССР и рота курсантов Бакинского высшего общевоинского училища им. Верховного Совета Азербайджанской ССР.

Примерно за 30 минут до случившегося в цех энергоснабжения явились четверо мужчин, облаченных в военную форму, каски и бронежилеты, имели при себе автоматы и сумку с какой-то тяжестью. Они расспросили дежуривших в это время работников И. Гусейнова и В. Романова об основных принципах функционировании объекта и местонахождении «наиболее важных линий электропитания, вскрыли и осмотрели техническую яму». Стало также известно, что несколько других военнослужащих находились в этот момент с внешней стороны цеха и никого к нему не подпускали. Получив соответствующие разъяснения, военные под благовидным предлогом вывели дежурных Гусейнова и Романова из цеха, после чего и последовал взрыв, прервавший работу ТВ.

Таковы предварительные результаты. Даю указание оперативным отделам оказать максимальное содействие следствию.

Последний радиоперехват

11.35. 48-й – ЦДС: Со стороны метро «Строитель» идет военная колонна. По-моему, их не надо пропускать. Прошу дать команду об их задержании.

11.50. 4-й – ЦДС: Двух полковников выпустите из города. Если вернуться позже – не пропускать.

16.50. 105-й – ЦДС: Из Сальянских казарм вышли танки.

17.02. У стадиона много военных. Для того чтобы их окружить, нужны люди и машины.

18.01. ЦДС: Со сторны Шихова приземлился десант.

18.15. ЦДС: Дорога на Баладжары закрыта.

ЦДС – 48-му: Все грузовые машины на выход! Разбить все двери в гаражах и послать машины на укрепление постов.

22.30. 65-й – ЦДС: Со стороны Бина идут танки.

22.47. 48-й – ЦДС: Прошу укрепить «Волчьи ворота» людьми.

23.00. Со стороны Забрата идут солдаты.
23.25. Со стороны Мардакян двигаются танки.
23.30. Солдаты со стороны Шихова и Сальянских казарм открыли огонь. Есть раненные. Со стороны Баладжар идут танки.

20 января. 00.56. ЦДС: Милиции дан приказ стрелять в воздух и не применять оружие.

...В Баку члены НФА призывают население выходить на улицы и противодействовать вводу войск в город. Из автопарков выгоняют грузовые автомашины для перекрытия улиц.

Э. Мамедов открытым текстом сообщает: «Я поручил районным отделениям НФА направить в Баку людей для поддержки. Из Геокчайского района 500 человек на 5 автобусах уже выехали в Баку...»

В 01.25 на волне 1300 м прозвучал призыв НФА: «Баку аловлады. Бизи ешидэнлэр, сизден хаиш едирик комэке гэлин! («Баку в огне. Кто нас слышит, умоляем, придите на помощь!»)

Это обращение было принято во многих районах республики...

Приказ министра обороны — взять Баку!

В ночь с 19 на 20 января 1990 года без предварительного объявления чрезвычайного положения в город Баку и некоторые районы Азербайджана были введены войска. Вторжение в Баку крупного контингента частей Советской армии, внутренних войск и отрядов специального назначения сопровождалось исключительной жестокостью. Сотни людей были убиты, ранены или пропали без вести. В ту ночь, подчеркиваю, до объявления о введении чрезвычайного положения, в Баку были убиты 102 человека. После объявления чрезвычайного положения 20 января и в последующие дни был убит еще 21 человек. В районах, где чрезвычайное положение не вводилось, — в Нефтчале и Лянкяране, 25–26 января было убито 10 человек.

В общей сложности в результате незаконного ввода войск в городе Баку и районах было убито 133 человека, ранено

611 человек, незаконно арестован 841 человек, 5 пропали без вести. Военнослужащими были разгромлены и сожжены 200 домов и квартир, 80 автомашин, в том числе и карет «Скорой помощи», уничтожено государственное и личное имущество в общей сложности на 5 637 286 рублей. Среди убитых были женщины, дети и старики, работники «Скорой помощи» и милиции.

Ввод войск и объявление чрезвычайного положения в Баку явились грубейшим нарушением Конституции СССР (статья 119) и Конституции Азербайджанской ССР (статья 71), международного пакта «О гражданских и политических правах» 1966 года (статья 1).

Доказано, что, осуществляя меры чрезвычайного положения, отдельные военнослужащие допустили антигуманные действия, которые в соответствии с указом Международного военного трибунала, Женевскими конвенциями о защите жертв войны 1949 года, с дополнительными протоколами I и II 1977 года к ним и Уголовным кодексом Азербайджана квалифицируют их как военных преступников.

Военнослужащие расстреливали людей на месте в упор, осуществляли умышленные наезды танков и БТР на легковые машины, убивая находившихся в них людей, обстреливали больницы, препятствовали медико-санитарному персоналу оказывать помощь раненым. Личный состав войск добивал раненых штык-ножами. Использование же пуль к автомату Калашникова калибром 5,45 мм со смещенным центром тяжести не просто выводит человека из строя, а многократно увеличивает страдания и делает смерть неизбежной...

Таковы заключения экспертов.

До Баку М.С. Горбачёв двигал войска на Алма-Ату (1986 г.), Минск (1988 г.), Тбилиси (1989 г.) и, наконец, словно заключительный залп по СССР, — Вильнюс. Нигде не было пролито столько крови. Нигде спецназ, спешно переброшенные в Баку контрактники не действовали так свирепо, жестоко, беспощадно.

Что такое спецназ? Это специально созданные, специально обученные и оснащенные формирования Вооруженных Сил страны, предназначенные для решения специфических задач в интересах достижения военных, политиче-

ских, экономических и психологических целей как в мирное, так и в военное время.

Знаменитый спецназ ГРУ был предназначен для проведения диверсионных операций на территории других стран или в тылу противника, ведения специальной разведки, проведения контрдиверсионных, контртеррористических и контрпартизанских операций, а также для организации партизанского движения в тылу противника.

Горбачев и его окружение рассматривали Баку, Азербайджан как враждебную территорию?!

Многое здесь, несомненно, объяснит эпизод из книги А. Лебеда, бывшего в тот момент командиром дивизии воздушно-десантных войск: «Самолет, в котором я летел, приземлился в густых сумерках на аэродроме Кала, что в 30 километрах от Баку. Кругом ненавязчиво постреливали. Начальник штаба доложил обстановку: «Рязанцы и костромичи выгрузились, построились в колонны. Выслали разведку и выставили охранение. К действиям готовы!». Выезды на аэродром забиты КамАЗами, КРАЗами с бетонными блоками и щебнем. Прикрываются эти импровизированные баррикады нагло ведущими себя группами численностью от 50 до 150 человек. Стрелковое оружие имеется, но относительно немного. Кроме того, подвижные группы на легковых автомобилях катаются по периметру аэродрома, обстреливают приземляющиеся и взлетающие самолеты. Группы противодействия высланы. Задача, — начальник штаба хмыкнул в темноте, — задачу доложит... командир полка. Меня не было, а он ее лично от министра обороны получил...

- Докладывайте, Юрий Алексеевич, в чем дело? — сказал я.
- Разрешите воспроизвести, товарищ полковник?
- Ну, воспроизводи!

Министр обороны поднес мне к носу кулак и сказал: «Попробуйте, мать вашу так, не возьмите! Передайте Лебеду!»

- Это всё?
- Всё!
- А чего взять-то?
- Да Баку. Больше здесь и брать нечего».

В соответствии с установкой и взяли город Баку — пропали и проутюжили танками все, что встречалось на пути,

вместе с людьми, естественно. А это все-таки не саперные лопатки, сравнительно недавно примененные десантниками в Тбилиси. Прогресс, однако...

Собрание офицеров КГБ Азербайджана

Гневное выступление по радио председателя Президиума Верховного Совета республики Эльмиры Кафаровой, заявившей решительный протест и осуждение жестокой акции против мирного населения с применением боевой техники и автоматического оружия, стало первым официальным откликом на трагедию. Затем, в тот же день, состоялась чрезвычайная сессия Верховного Совета, принявшая беспрецедентно резкое постановление в связи с откровенным попранием суверенных прав Азербайджанской ССР, гибелью и ранением сотен людей в г. Баку и его окрестностях.

Открыто дистанцировались от Москвы и офицеры КГБ Азербайджана, заявив, что действия советского руководства неправомерны, а поведение войск — бесчеловечно, и в трудный час они единодушно поддерживают решение Верховного Совета, солидаризируясь тем самым со своим народом.

Состоявшееся по требованию сотрудников КГБ собрание офицеров комитета, естественно, согласовывалось со мной.

Я спросил у представителей инициативной группы — понимают ли они, что означает подобного рода собрание для людей, дававших военную присягу? Знают ли они о возможных последствиях и готовы ли отвечать за содеянное?

Они подтвердили, что знают и готовы.

— Что ж, — сказал я, — тогда пошли...

А что оставалось делать — запретить, не ходить на собрание самому и... что еще? Да ничего! Выбора у меня не было. Да я его, если честно, и не искал — я тоже знал о последствиях и был готов отвечать за свое решение.

Собрание длилось несколько часов: бурное, сбивчивое, злое, когда ораторы, захлёбываясь в эмоциях, не выбирали выражений — несомненно, сказывалась и накопившаяся физическая и психологическая усталость от постоянного тревожного ожидания чего-то неожиданного и страшного, и боязнь за жизнь своих родных и близких, и горечь от созна-

ния собственного бессилия изменить что-либо в случившейся катастрофе, и вспыхнувшая ненависть, и всплывшее тщательно скрываемое злорадство, и... много еще чего слышалось и ощущалось в этом надышанном горячем воздухе, готовом, казалось, вспыхнуть в любую секунду. И как-то вдруг сразу все замолчали и все глаза повернулись в мою сторону.

— Вы будете выступать? — спросил председательствующий, в голосе его звучало сомнение.

— А как же! — сказал я. — Если позволите...

Конечно, мне было что сказать — я многое знал и еще о большем догадывался.

Я видел из окна здания Ставки южного командования, как танк шаркнул из пушки по жилому дому, и в клубе взметнувшегося в разные стороны дыма, осколков кирпича, ошметков грязи и еще чего-то вроде скомканных тряпок (Господи, не люди ли там?!) развалился на тысячи комков раскатистый грохот. Но я слышал в радиоперехвате и призывы членов НФА к населению выходить на улицы и противодействовать вводу войск в город. И требование разбить все двери в гаражах и послать машины на укрепление постов. И команду окружить и задержать военную колонну. И лукавые слова Эльчибея о свободе, требующей жертв, и об их (и его лично?) готовности пролить кровь во имя, так сказать, и для...

И случилось так, что та сторона выбросила на стол свои карты, и все они были краплеными, а другая не обратила на это внимание — она взяла в руки лом. И теперь остается лишь сгребать несклеиваемые и несоединяемые осколки того, что мы пытались защитить и сохранить...

Окинув взглядом зал, я нашел в нем молодое симпатичное лицо человека, с которым провел однажды тревожную ночь в окопе, и сказал главные слова, обращаясь именно к нему:

— В том, что произошло прошлой ночью на площадях и улицах Баку, невиновных нет. Виноваты все. И правительство Советского Союза, и правительство Азербайджана, и руководство Народного фронта, и местные власти, и сотрудники МВД, и работники КГБ, а значит, и все сидящие в этом зале, включая, естественно, и меня.

Выбранный мной живой индикатор внимания светился вдохновляюще, и я продолжил:

— Мы много раз докладывали о назревающей опасности — и год назад, и полгода, исходя из того, что в Народном фронте, особенно в его ядре, сосредоточены очень разнообразные силы. И именно ястребы в этом руководящем ядре с каждым днем все более усиливали свои позиции. Я говорил и Эльчибею, и Рагиму Казееву, министру обороны в его теневом правительстве, о том, что мне известны планы этого радикального крыла Народного фронта. Вы, сказал я, хотите повторить трагические события, произошедшие в Тбилиси, когда погибло и было ранено много людей? Вам это нужно, чтобы привлечь внимание международного сообщества к своей деятельности и сыграть на трагедии в собственной стране. Если бы вы сами пошли на смерть, я бы еще это понял. Но вы хотите послать безоружных людей против регулярной армии, чтобы тут же и обвинить ее в насилии и жестокости. Что, собственно, и произошло. Ни Народному фронту, ни нам не удалось предотвратить эту трагедию. Одни, потеряв авторитет, уже не могли повлиять на широкие массы населения, другие не хотели этого делать, сознательно провоцируя кровопролитие. И какая разница, кого судить первым, а кого вторым, если тяжелейшая вина за гибель и увечье сотен людей лежит на том и другом? Много было здесь сказано на этот счет и справедливого, и не очень, но ведь и имели мы дело все-таки с антигосударственным мятежом, с попыткой насильственного захвата власти, противостоять чему мы обязаны, как говорится, при любой погоде. Тому и присягали по зову души и сердца. Вот чего мы не должны забывать никогда.

На том и закончили, приняв единогласно заявление — резолюцию собрания. Теперь мне оставалось только ждать реакции на случившееся. А какой она будет, у меня никаких иллюзий на этот счет не было.

Звонок от Крючкова последовал вечером следующего дня: «Я только что вернулся с заседания Политбюро. Стенографически передаю слова Горбачёва: «МВД решает все вопросы. Минобороны также решает поставленные задачи. КГБ с поставленной задпачей не справился».

Речь шла о республиканском КГБ.

При обсуждении январских событий в Азербайджане на

заседании Верховного Совета СССР М.С. Горбачев вынужден был признать, что партийные организации, армия и МВД оказались на стороне власти, а вот депутаты и чекисты — нет. Так что, видимо, крепко засело в сознании Михаила Сергеевича это неординарное происшествие — ночное собрание офицеров-чекистов Азербайджана, не имевшее, как сказали нам, аналогов в истории страны.

Остальное — известно. Аресты лидеров НФА, их последующая реабилитация и утверждение в качестве национальной политической альтернативы коммунистической власти.

КОНТЕКСТ

Уже тогда наиболее проницательные наблюдатели заметили в гражданском противостоянии по всему советскому пространству определенные закономерности, схожесть сценариев в событиях (Ош, Фергана, Тбилиси, Баку, а затем и Вильнюс). Просматривалось не только стремление части масс и элит к общественным переменам, но и применение приемов политической технологии. События разворачивались по схожей единой схеме: неизбежный ввод армии — большая кровь — вспышка народного возмущения — дискредитация армии и превращение ее в козла отпущения — паралич власти — бесконечный и бесполезный поиск виновных.

Самое поразительное то, что эта же схема очень скоро осуществится и в Москве. Вот тогда-то станет ясным и понятным и механизм переворотов, и авторы сценария, и режиссеры — все вышло на авансцену. Тогда-то мы и узнали истинную цену буйства толпы, выдаваемого за праведный гнев народный. Поняли: народ-то, в сущности, безмолвствовал... А Тбилиси, Баку, Вильнюс — лишь обкатка схемы, репетиция. А там и самые упертые догадались, что борьба за суверенный Карабах, независимость Прибалтики, слом Берлинской стены и пр. и пр. — все это передел мира после Ялтинских соглашений. Это, по существу, пересмотр Хельсинкских договоренностей.

Развал Восточной Европы, Ирака, Югославии, СССР и далее есть планомерная реализация концепции нового глобального порядка в исполнении нового и единственного гегемона — США. Многие в Союзе тогда и не заметили, как мощнейшая супердержава потерпела жестокое поражение в войне, которая велась новыми средствами. Так что победа сепаратизма в НКАО мыслилась режиссерами войны как серьезный вклад в общесоветское поражение. О чем, может, простой народ, сутками митинговавший на площадях Еревана и Степанакерта, и не подозревал. Мы все оказались запертыми в

туннеле-проходе от одного состояния в другое. Но это был не переход от тоталитарного общества к демократическому, как думалось и казалось многим из нас.

Нас всех несло в общем стремительном потоке из двухполюсного мира к однополюсному.

И маленькая точка на карте — Карабах — стала одной из многочисленных, названных «горячими» на этом мучительном пути.

Точка невозврата

На предыдущих страницах, читатель, я изложил то, как мы шли к трагическому январю. Наверное, в моем повествовании придиричвые оппоненты найдут немало неточностей. Трудно бесстрастно фиксировать события в момент их совершения. Еще труднее реставрировать панораму события, в которое вовлечены самые различные силы.

После января нам пришлось пережить еще немало тяжелых дней. С каждым из них народная молва и выводы экспертов связывают вполне конкретные имена. Кто сбил вертолет, в котором находились государственные деятели республики (декабрь 1991 года)? Кто повинен в трагедии Ходжалы (февраль 1992 года)? Кто предательски сдал Шушу (май 1992 года)? Кто разработал и санкционировал операцию «Тайфун» в Гяндже (май 1993 года)?

Нет ответа. Тогда, в январе, удивительным образом все участники событий проявили единство, указав на главного виновника разыгравшейся трагедии — КГБ и того, кто поставлен был им руководить — Вагифа Гусейнова. Никого не интересовало даже то, что я приступил к исполнению своих новых обязанностей менее четырех месяцев назад.

Не снимая с себя своей доли ответственности, приглашаю всех, кто находился у власти, и тех, кто стремился взять ее, сделать то же самое. Пока, увы, мне неизвестно ни одного случая, чтобы кто-либо из этой категории азербайджанских политиков проявил высокую государственную ответственность и искренность в данном вопросе.

Охрана государственных границ СССР, как и защита советской власти, находилась в ведении Союза. И то, и другое оказалось под угрозой в результате конкретных политических действий группы лиц, занявших лидирующее положение

ние в народно-фронтовском движении. Военно-политическое решение о вводе войск могло быть принято исключительно первым лицом, каковым являлся М.С. Горбачёв, как бы потом он ни прятался за спинами Яковлева, Крючкова, Язова и др. Опирались он мог, естественно, на информацию, поступающую от ГРУ, КГБ и МВД.

Что мог такого сообщить председатель республиканского комитета госбезопасности, человек новый в системе и в табели о рангах занимавший отнюдь не первое место? Уже к ноябрю-декабрю, собственно, особой нужды в нем как источнике информации не было по той простой причине, что Центр к тому времени располагал автономными источниками информации, работавшими абсолютно самостоятельно, без контактов с местными чекистами и иными службами. Для сведения. Уже с 1988 года в Баку сидела бригада, отслеживающая развитие событий и выходявшая непосредственно на московское руководство. В периоды обострений бригада, состоящая из офицеров Управления военной контрразведки, расширялась, охватывая практически все стратегические военные объекты. В декабре 1989 года в нее влился мобильный отряд «Альфа», а затем еще одна группа спецназовцев. Размещались они не в гостиницах, как уверяли «пинкертонны» из близких к НФА кругов, а в штабе 4-й армии (Арменикенд), в ККФ, ставке Южного командования. Отдельные группы действовали в НКАО и Нахичеванской АССР.

Надо ли говорить о том, что вся деятельность спецгрупп осуществлялась и контролировалась из единого центра, в полном соответствии с принятыми порядками в силовых структурах СССР. Первые лица руководства республики, как и соответствующих ведомств (КГБ, МВД), разумеется, информировались в общем плане о военно-политических и информационных мерах, предпринимаемых Москвой. Но не более того — в военных, а тем более секретных, службах подчиненность поставлена жестко и коррекции не подлежит. Подразделения спецбригады по 3–4 человека имели конкретные задания: сбор информации по обстановке, защита военно-стратегических объектов, постоянный надзор за военной частью, командованием, офицерским составом, налаживание системы контроля за возможной продажей оружия,

состоянием ракетного арсенала — короче, весь объем задач обеспечения безопасности вооруженных сил, дислоцированных на территории Азербайджана. Особую группу составляли офицеры-контрразведчики, занятые изучением политических настроений в армии и общественно-политических организациях.

Вся эта разноплановая работа преследовала цель отслеживать развитие тенденций в политической обстановке под углом зрения угрозы существующей власти. Так или примерно так поступают везде, где появляются признаки вооруженного сопротивления власти, ее насильственного свержения, как бы ни именовали эти общественные процессы идеологи: национальным возрождением, национально-освободительной борьбой, революцией, борьбой за независимость и т.д., и т.п. В связи с этим возникает главный вопрос, которого избегают или маскируют всяческими идеологическими рассуждениями и участники событий, и исследователи, в том числе и госкомиссия, созданная сразу после «черного января».

Выше я привел известные факты вооруженного захвата власти, насильственные действия против районных комитетов партии и исполкомов со стороны представителей НФА, о чем они информировали руководящий орган своей организации — Правление, лично А. Эльчибея, Э. Мамедова, И. Гамбарова, Н. Панахова и др. Уже в октябре в публичных заявлениях перечисленных лидеров и в ходе проводившихся переговоров с руководством Компартии (Р.Х. Везиров, В.П. Поляничко, А.Н. Муталибов и др.) настойчиво внедряется мнение о наступившем фактическом двоевластии. Центр, располагавший собственной эксклюзивной информацией на сей счет, к осени 1989 года не питал особых иллюзий относительно экстремистских намерений НФА.

В середине ноября 1989 года я получил записку от руководства КГБ СССР. Суть ее — в изучении возможностей изоляции ряда наиболее радикально настроенных лидеров НФА. Не буду углубляться в детали. Наш вывод был следующий: КГБ СССР однобоко подходит к поставленной задаче, а именно стабилизации ситуации путем отстранения от активной общественной деятельности ряда лиц. По нашему мне-

нию, изоляция ряда наиболее радикальных активистов НФА будет оправданна и даст желаемый эффект при условии применения этих мер к ряду лиц из числа наиболее оголтелых деятелей комитета «Карабах» в Армении и в Нагорном Карабахе. По памяти могу сказать, что меры эти касались пятых лиц в Азербайджане, девяти в Армении и около двадцати в Карабахе. Обосновывали мы свое мнение тем, что обостряющееся противостояние между Арменией и Азербайджаном, с одной стороны, мятежной областью и Баку, с другой, НФА и Компартией, с третьей, угрожает выйти из-под контроля. Изоляция и интернирование экстремистских элементов — лишь часть задачи. Их требуется подкрепить полной нейтрализацией намерений Армении и НКАО.

Обращала на себя внимание также «зеркальность событий», их одновременность в Армении и Азербайджане, почти абсолютная точность форм и методов свержения власти. Скажем, в Ереване во время сессии Верховного Совета Армении сторонники Айрикияна силой запирают депутатов в здании парламента, выставив свои ультимативные требования. Спустя неделю то же самое повторяется в Баку.

По просьбе руководства республики Комитет госбезопасности регулярно готовил анализ ситуации в республике, прогнозировал возможные варианты развития событий. Вот к какому выводу пришел КГБ республики к 29 ноября 1989 года: «Приближается предел, за которым может наступить глубокий политический и экономический кризис. Радикальное крыло НФА в лице Этибара Мамедова, Неймата Панахова и других перешло к решительным действиям с целью захвата политической власти. Ими используются провокационные методы, моральный террор все больших масс людей, физическое насилие против представителей власти».

Нам было известно, что НФА планируется кампания, в ходе которой намечается выдвинуть ультимативные требования об отставке руководства Азербайджана. С целью дальнейшей дестабилизации обстановки радикалами НФА инсценируются различные очаги напряженности в городах и районах республики. «В частности, по нарастающей будут идти акции удаления первых секретарей райкомов партии и других руководителей».

Кроме того, где-то с октября-ноября в Баку стали прибывать новые подразделения вооруженных сил, о чем я подробнейшим образом информировал политическое руководство республики — иногда по три раза в день. Располагала определенными данными о военных приготовлениях союзного руководства и верхушка НФА, впрочем, не только она одна.

Понимали ли они, какую угрозу представляют эти государственно обязательные меры? Не только понимали, но и провоцировали их. Более того, убеждали своих многочисленных сторонников, в основном молодых, неискушенных в политике людей, как, впрочем, и всю общественность, что «имперская Москва» побоится применить оружие против народа. А если все-таки решится? Что тогда?

На этот счет неodemократы высказывались вполне ясно и определено. *Этибар Мамедов*: «Чем больше нация прольет крови, тем быстрее она возродится»⁵⁰. *Фазаил Агамалиев* (правая рука А.Эльчибея): «Волна кровавых революций, начавшихся в Румынии, накрывает и Азербайджан»⁵¹. *Неймат Панахов* (лидер НФА): «20 января — наша самая большая победа. Что же касается гибели ста, двухсот человек — не такая уж это большая трагедия»⁵².

Говорить от имени не уполномочившего себя на смерть народа? Вексель на смерть. Он стал очень дешевым и простым. Чем больше анархии в государстве, тем дешевле человеческая жизнь. Пройдет немного времени, НФА придет к власти, и 27-летний госсекретарь Али Керимов заявит: «Когда мы начинали нашу борьбу, мы говорили — пусть погибнут 2–3 миллиона азербайджанцев — лишь бы цель была достигнута! Сейчас погибла всего-то сотня-другая человек и столько недовольства!»

Скажете — молод госсекретарь. Возможно. Но президент-то, всенародно избранный, 54 года, Эльчибей — чуть ли не посланник Аллаха в Азербайджане! — он же тоже был убежден, что чепуха все это — тысяча-другая молодых жиз-

⁵⁰ Телеинтервью. 19 ноября 1991 г.

⁵¹ Агаев Р., Али-заде З. Азербайджан. Конец второй республики (1988–1993). — М.: Граница, 2006. — С. 470.

⁵² «Сай», 20 января 1993 г.

ней: «Пусть половина нации погибнет. Останутся самые лучшие!»⁵²

До сих пор умные, даже очень умные люди повторяют самые невероятные версии, связанные с разрушением государственной границы и вводом войск в Баку. Вот примерный ход мыслей: «Советская граница и впрямь была на замке. Через сложнейшие военно-технические заграждения, коммуникации птица не могла перелететь. Все знали, если кто-то нарушает границу — пограничник должен открыть огонь. Как же это случилось, что границы разрушили, а пограничники преспокойно глядели на это?» Ответ: «Границу разрушили пограничные войска, ГРУ. Азербайджанцы не разрушали границу. Ни в Нахичевани, ни в Джалилабаде. Они только пересекли разрушенную границу».

И это при том, что многие тысячи людей видели и слышали многократные заявления Неймата Панахова о том, что снести пограничные сооружения — священный долг азербайджанского народа, от имени которого он витийствовал. Более того, сам он никогда не оспаривал факта сноса пограничных сооружений лично им, его сторонниками, людьми из НФА. И тем не менее...

Так вот, 20 декабря я свои опасения о надвигавшейся опасности высказал В.А. Крючкову. Он отвечал, что граница, как военный объект, будет защищена. Если кто-то приблизится, у пограничников есть устав, по которому они и станут действовать. Вслед за этим меня срочно отозвали из Джалилабада, где НФА принялся крушить границу.

Я вновь связался с руководством КГБ. Мне было сказано: «Мы не будем стрелять, такого приказа нет; политическое руководство СССР пришло к решению не допускать провокации на границе, гибели людей». Я еще раз спросил, как они это представляют? Мне было сказано, что главное — оружие не должно попасть в чужие руки. Пограничникам рекомендовали укрыться в своих городках, защищать свои семьи, но никаких контрмероприятий не предпринимать.

В этом эпизоде, согласен, имеются признаки непоследовательности, какой-то игры. Крайне неубедителен В.А. Крюч-

⁵² Аз.ТВ, программа «Хавта», 1 февраля 1993 г.

ков, человек опытный и осторожный. По поводу событий на советско-иранской границе я не раз допытывался у него и много позже, когда он работал в Институте стратегических оценок и анализа, то есть когда наши служебные позиции изменились — экс-председатель КГБ СССР находился под моим началом. Так вот, его разъяснения мало чем отличались от ответа, который я получил от него в тревожные декабрьские дни 1989 года: «Политбюро приняло решение пропустить людей к границе. Пусть сносят колючую проволоку и столбы. Пусть даже перебираются в Иран. Если их туда пропустят... Что из того? Мы действовали в полном соответствии с решением политического руководства СССР».

Генсек и его коллеги по Политбюро выбрали меньшее из двух зол: порушенная граница все же лучше пролитой крови. И выглядит все по-перестроенному демократично, в духе времени. Правда, есть и нюанс, который не учли национал-революционеры из НФА: в глазах среднестатистического русского, советского человека толпы, крушившие пограничные столбы, выглядели действительно экстремистски. Напомним, что советская граница в глазах простого человека всегда ассоциировалась с символом несокрушимости, святости... Но кто в те дни задумывался над такими тонкостями...

Теперь по вопросу о том, кто из республики пригласил войска в январе 1990 года и связанными с этим шифрограммами, о чем заговорили политические оппоненты сразу после трагедии. И после долгих пересудов согласились с тем, что им мог быть только один человек — В.А. Гусейнов. В самом факте поиска виноватого ничего удивительного нет: НФА в данном случае действовал прицельно — надо было заморить КГБ (армия была морально подавлена после Тбилиси) и его главу.

И вот тут выяснится, что агитпром НФА вполне отвечал интересам тех, кто из-за кулис манипулировал Абульфасом Эльчибеєм, Этибаром Мамедовым, Нейматом Панаховым. Им был поправлявшийся после болезни Гейдар Алиев. Именно эта тройка навещала опального экс-члена Политбюро в Москве весной 1989 года. Именно они сыграли решающую роль в азербайджанской реставрации — во вторичном утверждении у власти Г.А. Алиева и его нахичеванско-

семейного клана. Все вместе они убирали со своего пути наиболее, по их мнению, политического оппонента, соперника и вероятного кандидата на первые роли в руководстве республикой.

Послушаем в связи с этим свидетельства очевидца, человека, которого трудно заподозрить в симпатиях В.А. Гусейнову. Я имею в виду Зардушта Али-заде, основателя НФА, так сказать предтечи азербайджанской демократии перестроечного типа: «Несмотря на мои предупреждения, Абульфаз Эльчибей и его окружение взяли курс на насильственное противостояние. Самыми активными сторонниками подобного развития ситуации были Неймат Панахов, Этибар Мамедов, Абульфаз Эльчибей. Но не меньшая вина лежит и на Исе Гамбаре и других «соглашателях».

Он напоминает о событиях, предшествовавших «черному январю»: «Через три месяца в нашей стране должны были состояться парламентские выборы, на которых НФА имел все шансы прийти к власти мирным путем, как это случилось с фронтами Литвы, Латвии, Эстонии, Грузии. Вместо того чтобы подождать всего три месяца, руководство НФА бросает наш народ под танки. Это было сделано с одной целью — спасти Гейдара Алиева, против которого в то время было возбуждено уголовное дело. Январская бойня в Баку была устроена для того, чтобы опозорить советскую власть перед азербайджанским народом и скрыть одно преступление другим. В итоге мы потеряли перспективу демократического развития Азербайджана, а люди, работавшие на Гейдара Алиева, достигли своей цели»⁵⁴.

Итак, ответственность за кровавое развитие событий разделяют три силы, так или иначе вовлеченные в конфликт: высшее руководство СССР, руководство Азербайджанской ССР, все те, кто стоял во главе оппозиционной организации НФА. Взвешивать на весах степень вины каждой из сторон — дело бессмысленное. Это может сделать только суд — объективный, беспристрастный. Его не было. Расследование по горячим следам провела парламентская комиссия Азербайджана, возглавляемая весьма уважаемым ученым и обще-

⁵⁴ «Эхо», 15 января 2005 г.

ственным деятелем, член-корреспондентом АН СССР, депутатом Верховного Совета СССР Мидхатом Теймуровичем Аббасовым. К чести академика и остальных членов комиссии, представлявших не только официальную власть, но и общественность, им удалось подготовить, может, и не всеобъемлющий, но все же в оценочной части вполне сбалансированный документ.

Из заключения комиссии ВС Азербайджанской республики по расследованию обстоятельств, связанных с вводом войск в г.Баку 19–20 января 1990 года: «Ответственность за преступные действия советских войск в Азербайджане несут М. Горбачёв, Е. Примаков, А. Гиренко, Д. Язов, В. Крючков, В. Бакатин, В. Варенников, другие высшие должностные лица политических и военных органов бывшего Союза. Политическую и моральную ответственность несут также занимавшие радикальную позицию оппозиционные группы. Игнорирование ими реальной опасности использования военной силы против гражданского населения, авантюризм в действиях и неумение оценить их возможные последствия способствовали тому, что именно Азербайджан оказался выбран в качестве полигона для отработки плана массированного использования вооруженной силы против народного движения. Зная о том, что вторжение войск становится реальностью, Н. Панахов, Э. Мамедов, Р. Казыев и другие не предприняли необходимых в конкретной ситуации предупреждающих мер для увода людей с пути движения войск, и это повлияло на увеличение отрицательных последствий».

Горбачев юлил, прятался за спины силовиков. Ничто не свидетельствовало ни тогда, ни позже, что глава КПСС и советского государства понимал свою ответственность за пролитую кровь граждан страны, которой он руководил. Г.А. Алиев, как только вернулся к власти, принял решение ввести необходимые коррективы в упомянутый документ: вывел из списка обвиняемых несколько имен, включая Е.М. Примакова и Э. Мамедова.

Бюро ЦК, согласившись с прозвучавшей в его адрес критикой, счел уместным и правомерным выставить в качестве главного виновника Р.Х. Везирова, которого вывезли из пы-

ляющего Баку на военном самолете, что само по себе превращало его в удобную мишень для атак.

В создавшейся ситуации всеобщей растерянности, страха и отчаяния оппозиция казалась разгромленной: пошли повальные аресты, лидеры кинулись врассыпную — кто куда. Эльчибей прятался в Лачине, таким образом напяливая на себя тогу мученика, Этибар Мамедов кинулся в Москву, где и был схвачен. Неймат Панахов вынырнул в Турции, Рагим Казиев — в Иране. Остальные попрятались по своим и чужим квартирам. Их доставали из-под кроватей, в курятниках, шкафах. Вид у героев Мейдана был отнюдь не геройский. Впрочем, очень скоро выяснилось, что под арестом оказались вовсе не первые лица. Оправившись от первого испуга, лидеры оппозиции предъявили властям новый иск: кто пригласил войска или дал согласие на ввод войск и ЧП, тот и есть главный виновник кровопролития.

Юридическая обоснованность обвинения была более чем сомнительной. Но обезглавленному ЦК КП Азербайджана, как и погруженной в траур республике, было не до правовых тонкостей. Зато оппозиция получила свободу рук и карт-бланш для реабилитации. Ясно, что никто в НФА не обладал полномочиями для такого шага. На связи с Москвой находилось высшее политическое руководство. Но кто в нем конкретно? Поначалу принялись полоскать имена Везирова, Муталибова, Полянничко (безукоризненное поведение Э. Кафаровой, председателя президиума ВС Азербайджана, в ту роковую ночь, когда она нашла в себе смелость и силы выступить в защиту суверенитета республики, обвинив Горбачева в совершенном злодеянии, оппозиция вынуждена была признать. Хотя днем ранее одна из виселиц, сооруженных перед зданием ЦК, предназначалась ей).

Везиров исчез. Муталибов не воспринимался оппозицией политической фигурой, способной выйти в лидеры. Полянничко по статусу своему было положено сигнализировать в Москву о начавшемся мятеже. Но он как был, так и останется Вторым. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы вычислить наиболее вероятного кандидата на освободившееся место первого лица республики. Оппозиция, как, впрочем, и все политизировавшиеся группировки около и вне власти,

хорошо помнили, как после жуткой ночи в Тбилиси (апрель 1989 года) на посту Первого секретаря оказался председатель КГБ, молодой и энергичный Гиви Григорьевич Гумбаридзе, карьера которого во многом схожа с моей: комсомол — партия — КГБ — первый секретарь.

Забегая вперед, отмечу, что параллели не лишены были оснований. Можно по-разному относиться к разработанной в недрах советской власти модели укрепления позиций партийного руководства. Верхушка же всегда опиралась на силовиков. Стабильность брежневского правления во многом определялась умелым маневрированием генсека с «большой» противоречивой тройкой: Андропов — Устинов — Щёлоков. Распалась тройка — ослабла партийная власть. Во многом она срослась с властью КГБ. И это была органичная связь. Ставка на КГБ, военных при решении кадровых вопросов оправдывалась и на предыдущих этапах в Азербайджане и в той же Грузии. Свежий пример — Г.А. Алиев и Э.А. Шеварднадзе. Это понимала оппозиция, в том же направлении размышляли многие и в Компартии.

Этим обстоятельством вызвана была и шумиха вокруг шифрограмм, направленных из Баку в Москву. Кто это сделал? Массовое сознание нетрудно было убедить: председатель КГБ В.А. Гусейнов. Кто же еще! Это был хорошо продуманный удар, направленный на ослабление правящей партии. Нисколько не преувеличивая значение собственной персоны, замечу, что на тот момент у меня имелись достаточно сильные позиции в партийных организациях — на местах на первые роли вышли многие товарищи по комсомолу. Общественное мнение среди интеллигенции также оставалось благоприятным. И последнее — что бы ни утверждал народофронтковский агитпром, а КГБ в значительной степени сохранял авторитет организации сильной, волевой, способной отстаивать устои государства. Кому как не деятелю, имеющему опыт партийного управления, опирающемуся на возможности мощнейшей службы безопасности, братья за решение Карабахской проблемы?

Так думали не все, но многие. Другое дело ЦК Компартии, Совмин, аппарат, здесь имелось немало амбициозных фигур, полагавших, что время и обстоятельства работают на них.

Причем, в отличие от меня, они неспешно формировали свою социальную базу — земляческую в основе своей. Это обстоятельство позволяло им играть на двух досках — властной и оппозиционной. В этом плане соперничающие группировки, прежде всего НФА, получали беспроегрышный шанс очиститься от январской крови, заодно потопив влиятельного претендента на высшую власть.

Особенность моего положения заключалась в том, что, являясь кандидатом на место Первого, я не претендовал на эту, отведенную для меня роль. О перипетиях моих взаимоотношений с Центром, разумеется, в НФА не ведали. Да их это и мало волновало. Свою задачу оппозиционные идеологи видели лишь в одном — свалить свою вину на Компартию, замарать, вывалить в грязи того, кто им больше всего был ненавистен, — В.А. Гусейнова. А ненавидим я был еще и потому, что знал о каждом из них, об истинных делах и намерениях более, чем кто-либо другой. Оперировали наши противники не информацией и фактическими данными, а слухами, сплетнями, выдумками. Характерный пример — история с шифрограммами, на основании которых якобы и предпринята была карательная акция. После тбилисских событий никто не хотел связываться с шифрограммами. Все вопросы решались по ВЧ. Как в Центре, так и на местах. Сказывалась и склонность генсека принимать решения, часто ответственнейшие, на ходу, не утруждая себя глубоким анализом.

Решение разогнать митинг в Тбилиси он, к примеру, принял в аэропорту при возвращении из очередной зарубежной поездки. А вот какой разговор состоялся между Р.Х. Везириным и А.Н. Яковлевым в самый канун январских событий. Возможно, это был последний разговор Везиринова с Москвой в качестве первого секретаря ЦК КП Азербайджана.

Я зашел к Первому, чтобы проинформировать его о складывающейся обстановке — в воздухе уже пахло кровью. И тут позвонил А.Н. Яковлев, напому, на тот момент его авторитет как архитектора перестройки достиг пика. Я знал, что А.Н. Яковлев являлся куратором «карабахской проблемы». Везиринов доложил обстановку, сославшись и на мое видение ситуации. «Я бы вам не советовал прибегать к крутым мерам. Попробуйте договориться», — ответил Яковлев, дав понять

в заключение, что он опирается в данном случае и на мнение генсека.

Через несколько часов Язов и Бакатин вылетят в Баку, чтобы исчерпывающе реализовать операцию, на выполнение которой они получили добро от генсека. Часом позже я связался с Бобковым, Абрамовым, Агеевым. Дело не в революционности масс или в исламском фанатизме, о чем кричат «голоса», нагнетая атмосферу страха, паники и неуправляемости. Люди выходят на улицы, придя в отчаянье от очевидного факта поддержки армянских притязаний со стороны Центра.

Республика вмиг оказалась в изоляции и полнейшем одиночестве!

Поиск выхода из кризиса

Январь стал переломным в переосмыслении азербайджанского отношения к социализму, России, Горбачёву. Начавший перестройку Горбачёв все время пытался играть центристскую роль независимого и главного арбитра.

Говоря о необходимости перестройки СССР, как инструменте обновления, он не мог не видеть усиления центробежных сил. Дело шло уже к распаду СССР.

Он лишился опоры КПСС и большинства народа. Для этого случая и инспирировалось им создание «демократических движений» и партий. Последние же на первых порах поддерживали генсека. Однако, по мере укрепления своих позиций, стали все более критичными. Он с каждым днем становился помехой, лишним звеном в противоборстве сил, стоящих за целостность страны, и сил, выступающих за ее развал. Отсюда попытка лавирования, компромиссов, политического шантажа и угроз.

Январь подвел всех к осознанию ряда новых истин.

Первое: мы все перешли точку невозврата. Недоверие к Москве трансформировалось в открытое враждебное неприятие. Союза, прежнего советского братства вернуть было нельзя. Ни в Баку, ни в Душанбе, ни в Тбилиси. Понимал ли это Горбачев? Думаю, что понимал. И вполне сознательно подталкивал к реализации акции устрашения силовиков.

Второе. Политическое руководство СССР не располагало концепцией урегулирования межнационального конфликта в Карабахе. Все, что предпринималось им, в лучшем случае можно было квалифицировать как потакание сепаратистам, в худшем — фактическое вытеснение области из-под юрисдикции Азербайджанской ССР.

Третье. Ведущие политические силы Азербайджана — Компартия и НФА — по разным причинам упустили шанс для консолидации общества, создания коалиционного руководства, сотрудничества перед угрозой фактической агрессии Армении. НФА сознательно работал на ослабление правящей партии даже ценой военного поражения.

Этот вывод подтверждался взятой на вооружение тактикой сдачи населенных пунктов, территорий. Немудрено, что лидеры оппозиции очень скоро принялись делить шкуру неубитого медведя. Пьянящий запах власти подвел их к соперничеству и в конечном счете к предательству национальных интересов. Убедить в этом значительные массы населения на тот момент, в обстановке всеобщей истерии, не представлялось возможным. НФА взял курс на захват власти любой ценой, и это само по себе исключало сотрудничество, достижение приемлемой формы единства с целью отражения армянской экспансии.

Четвертое. В создавшихся условиях жизненно важное значение приобретала разработка и реализация политики союзов — внутри республики и вне ее. Несмотря на то, что СССР существовал конституционно и политически, в действиях и поведении Москвы и союзных республик появились признаки отчуждения. В этом плане Армения располагала реальными возможностями для реализации своих захватнических планов.

В правящей партии мало кто задумывался над тем, как укреплять позиции республики в меняющихся условиях советского геополитического пространства. НФА видел спасение исключительно в рамках тюркского единства. Все эти вопросы требовали осмысления и глубокой проработки, на что не было ни сил, ни времени, а у многих представителей правящих кругов и желания.

Перед политическим руководством впервые встал вопрос, который никогда не возникал перед компартией в ка-

честве незамедлительной практико-политической задачи: требование об отставке. И дело было вовсе не в том, что требование это озвучила оппозиция и с ним солидаризировалось общество в целом. Необходимость отставки всего Бюро — как мера, которая позволила бы спасти лицо всему составу ЦК, всей политической партии — рассматривалась в партийно-правительственных кулуарах достаточно внятно и громко. На настроение людей действовал и главный аргумент в пользу отставки — в аналогичной ситуации руководство компартии соседней Грузии, возглавляемое Дж.Паташвили, действовало без долгих размышлений и дискуссий. Однако в отсутствие Первого оказалось, что в секретариате нет личности, которая повела бы за собой остальных, предложив нестандартные меры по преодолению политического кризиса.

Признаюсь, наши аналитики моделировали возможные варианты последствий коллективной отставки — Бюро ЦК и правительства. Нельзя сказать, что она обязательно грозила развалом существующей власти. На мой взгляд, В.П. Поляничко сознательно сгущал краски, с тем чтобы избежать ситуации, когда бы пришлось начинать формирование новой команды с нуля.

Представьте, если бы пленум собрался без бюро, всю организаторскую работу должна была бы взять на себя, скажем, ревизионная комиссия, разумеется, под контролем Е.М. Примакова. Предусмотреть, какие силы, группировки, личности всплыли бы при этом на поверхность, практически было невозможно. В этой непредсказуемости и таилась опасность. С другой стороны, отставка открывала дорогу для коалиционных решений. Хотя, допуская этот положительный эффект, должен заметить, что для практической реализации итогов такого варианта политического и практического опыта у руководителей НФА было маловато. Не говоря уже о том, что большинству из них не доставало культуры переговорщиков.

При грамотном, непредвзятом управлении процессом в конечном итоге можно было бы сохранить легитимность перемен, добиться стабилизации партийно-правительственного управления, выйти на новые решения в русле эволю-

ционного, обновленческого развития, результаты которого были бы не хуже того, что мы получили вследствие перестановок в верхнем эшелоне власти.

Таково было мое убеждение. Инициировать его публично я не мог в силу своего положения. Но со Вторым и с некоторыми лицами в аппарате соображения своими я поделился. «Боюсь, что это будет не коалиция, а проникновение радикальных элементов во власть. Что мы скажем рядовым коммунистам, широкой общественности? Сумеет ли удержать процесс столь серьезной пертурбации под контролем?» — задался вопросом Второй.

На последний его вопрос я, признаюсь, не нашел в те суматошные минуты ответа: «Наконец, Вагиф Алиевич, где взять время для подготовки и реализации столь смелого и нестандартного замысла?» Аппарат был дезорганизован и, находясь в подавленном психологическом состоянии, целиком полагался на указания сверху.

Времени для дискуссий не оставалось. Настораживало и поведение лидеров НФА. Свалив всю вину на Компартию, правящий класс, они ни словом не обмолвились о собственной ответственности. И это при том, что одни трусливо кинулись наутек, а другие, подобно Исе Гамбарову, пошли пить чай к друзьям. И. Гамбаров позже оправдывался, мол, мы не имели опыта. Но разве неопытный хирург возьмется за скальпель? Разве неопытному пилоту доверяют штурвал?

Неопытный врач в результате такого экспериментирования может убить одного человека. Неопытные политики, не задумываясь, бросили под танки истекающий кровью город. И, оправившись от первого испуга, готовились с комфортом расположиться в руководящих креслах — вот что читалось в требованиях НФА об отставке.

Уйти в отставку, конечно, красивый жест, цивилизованный ход. Но не значит ли это, по существу, уйти от ответственности, бросить в тяжелейший час обезглавленную республику на произвол судьбы? Имеем ли мы на это право? Думалось и так...

С утра 20-го центром власти становится В.П. Поляничко. Он поддерживает связь с ЦК КПСС, Минобороны, оставив выходы на КГБ СССР в моем распоряжении. Все разговоры

об отставке он отмечает как панические. Убеждает: уйдем мы – власть подберут они (кивок в сторону окна, за которым – серые траурные толпы).

Я не мог взять на себя функции толкача идеи коллективной отставки, дабы не возбуждать подозрений в том, что таким образом очищаю себе плацдарм и освобождаюсь от фигур, к которым благожелательно относятся НФА и его сторонники (Г. Гасанов, прежде всего). Хотя должен заметить, что опасения В.П. Поляничко не лишены были серьезных оснований. Е.М. Примаков, например, не скрывал своего благорасположения к Э. Мамедову, не уставал повторять, что «с ним можно работать». Полагаю, он оказался под воздействием информации и логики Г.А. Алиева, с которым был близок лично и никогда не порывал отношений.

Воспользоваться бывшим членом Политбюро, его знанием республики, ее людей и т.д. он вполне мог. И Г.А. Алиев, чье положение выглядело в те дни безнадежным, вполне мог продемонстрировать в отношении своего давнего друга такую полезность. Во всяком случае, появление Г.А. Алиева в постпредстве Азербайджана в Москве и резкое осуждение карательной акции в Баку являлось хорошо продуманной акцией и уж, конечно, не эмоциональной импровизацией.

Многое указывало на начало новой игры спецслужб, которые в тот период находились под непосредственным контролем Е.М. Примакова, являвшегося советником по вопросам безопасности генсека и главы государства М.С. Горбачёва.

Последующие шаги, предпринятые Г.А. Алиевым, – благополучный отъезд из Москвы, из-под контроля спецслужб и следователей, которые вроде бы раскручивали «алиевское дело»; удачно выбранная площадка – Нахичеванская автономия, налаживание связей с военными, которые и без того питали некоторый пиетет перед генералом КГБ; последующее сближение с Е.М. Примаковым, контакты с которым продолжались до вторичного возвращения к власти; особая роль российских спецслужб и военных в выборе знакомой и понятной политической фигуры – для удовлетворения прежде всего геополитических интересов новой России – говорят в пользу этой версии. Как и упоминавшийся ранее

мной вывод Е.М. Примакова из круга лиц, виновных в январской трагедии.

Одновременно В.П. Поляничко демонстрирует недюжинные дипломатические способности, поддерживая определенный демократизм в отношениях с партийным активом, действует гибко, дипломатично и твердо в отношении районов, где власть пала или развалилась. Он выглядит спокойным, твердым, мобильным. Как опытный политик, В.П. Поляничко не тратит время на массу возникающих сиюминутных проблем, сосредоточившись на главном вопросе, от которого зависит будущее власти и к которому приковано внимание республики, — выбор преемника. В.П. Поляничко, как никто другой, понимал: это тот самый случай, когда промедление смерти подобно. Собственно, Москва ему никакого выбора не оставила. Он прекрасно знал, что председатель КГБ СССР В.А. Крючков связывался несколько дней назад с председателем КГБ Азербайджанской ССР В.А. Гусейновым и предложил готовиться к новой, большой и ответственной работе.

— Сроки поджимают, Вагиф Алиовсатович. Вам надо определиться, — жестко заметил Виктор Петрович, давая понять, что он в курсе точки зрения Москвы относительно нового руководителя Компартии АР.

Торопил и В.А. Крючков. Я, в свою очередь, не стал скрывать от своего непосредственного шефа неудовлетворения последними переговорами с генсеком. Я считал, что политическое руководство, возглавляемое М.С. Горбачёвым, не располагает четкой, недвусмысленной концепцией выхода из кризиса.

Мои предложения, будь они приняты генсеком, дают вполне приемлемые гарантии, опираясь на которые можно было рассчитывать на поддержку широких народных масс и компартии в целом. В противном случае удержать штурвал тонущего корабля будет невозможно. И последнее. Я просил Крючкова понимать мое решение не как трусость, а как итог раздумий, который логично вытекал из последнего разговора с генсеком.

Если мое решение воспринимается как непослушание, отказ подчиняться партийной дисциплине, я готов оставить пост председателя КГБ.

Я чувствовал: мой собеседник на другом конце провода в Москве ожидал иного ответа. Как человек, привыкший следовать правилам субординации и партийной этики, я ощущал естественную неловкость перед старшим по званию и возрасту.

Помолчав несколько мгновений, В.А. Крючков сухо спросил:

— Кого бы вы рекомендовали?

Честно говоря, я не предполагал, что при сложившихся обстоятельствах Центру понадобится мое мнение. Ведь В.А. Крючкову с новым предложением предстояло выходить на генсека. Выбор, собственно говоря, был невелик: единственной фигурой, вполне укладывающейся в практику ЦК КПСС, да и по ряду других данных, являлся председатель Совета министров Азербайджана Аяз Ниязович Муталибов. Он чуть старше меня, интеллигентен, дисциплинирован, умеет ладить с членами бюро, хорошо знает экономику, располагает связями с директорским корпусом, что немало важно в нынешних условиях с точки зрения укрепления электоральных возможностей.

Все эти доводы, изложенные В.А. Крючкову, едва ли не слово в слово я повторяю часом позже и В.П. Поляничко. Он вполне искренне сожалеет о моем нежелании баллотироваться на место Первого. Однако предпочитает особо не распространяться на эту тему: ему надо вылетать в Москву «на смотрины». А для этого еще нужно определиться с другими кандидатами, чтобы руководству было из чего выбирать.

Вторым номером у нас числился Муслим Мамедов — первый секретарь Бакинского горкома, а вот третьим решаем показать... Гасана Гасанова. Поляничко в данном случае поступает отнюдь не беспристрастно. Он дружит с секретарем по экономическому блоку, в то же время демонстративно действует в духе времени — Г. Гасанов являет собой некий политический симбиоз: секретарь ЦК Компартии и выдвиженец оппозиционных сил. Таким образом, Второй хочет потрафить самолюбию явно нацелившегося на роль этакого новоявленного азербайджанского Ельцина. В то же время Г. Гасанов послужит еще и оттеняющим фоном для основного претендента — А.Н. Муталибова.

Догадывается ли секретарь об истинном своем назначении — не берусь судить. «Пусть Михаил Сергеевич полюбуется на продукт перестройки», — не без сарказма комментирует Поляничко смысл собственного решения.

Как позже рассказывали участники молниеносного визита «четверки» в Москву — Поляничко, Муталибов, Мамедов, Гасанов, генсек особо не тратил времени на подбор нового руководителя Компартии Азербайджана. М. Мамедов повторял родимые пятна Везирова: одно поколение, опыт, но староват, к тому же родом из Лагича, жители которого имеют не только тюркское, но и персидское происхождение. Этносом их уже не назовешь, но все же народное мнение учитывает сей нюанс. Г. Гасанова, с жаром набросившегося на генсека с заверениями о своей преданности идеям коммунизма и курсу перестройки одновременно, ожидало жестокое разочарование. Главный архитектор перестройки назвал его национал-коммунистом и тем самым прервал поток лицемерных словоизвержений, разбив вдребезги честолюбивые надежды претендента №3. С тем «четверка» и вернулась в Баку.

В. Поляничко собирает бюро. Он считает, что на пленуме будет решаться не только вопрос руководителя партии, но и судьба политической системы, судьба власти, судьба республики, и потому нужно выходить с консолидированным мнением. И это правильно. Я переговорил с Муталибовым о ситуации — он знает о продолжающихся маневрах Г. Гасанова и неоднозначных настроениях среди членов ЦК: воспряли духом «бывшие», идет группирование вокруг Гасанова и земельных центров; приободрились «обиженные» — запахло жареным.

Все это — ресурсы возможных блоков против или в поддержку уже определившегося преемника. Но налицо новый и важный нюанс: партийный актив отнюдь не всецело станет считать вопрос окончательно решенным. Г. Гасанов и другие полагают, что мнению Москвы можно противопоставить точку зрения актива ЦК. Слово Москвы все еще весомо, но советская столица уже не может не учитывать волю местного большинства, которую, однако, остерегается называть народной. Это право КПСС добровольно уступила. Чтобы за-

нять обозначенную ею позицию, видимо, придется побороться. Надо переговорить с потенциальными сторонниками, заручиться поддержкой большинства членов ЦК. Я уже начал работу с секретарским корпусом. На Бюро я и Оруджев снимем свои кандидатуры, чтобы подтолкнуть остальных к формированию мнения о едином кандидате. В противном случае — раскол, раздраз, погоня за голосами. Все это выплеснется на следующее же утро на улицы. А там — пойдет писать губерния: «Народ в трауре, а коммунисты дерутся за власть».

Будущий первый секретарь с признательностью воспринимает информацию и рекомендации. Он никак не может забыть выходки Г.Гасанова в кабинете генсека, дивясь тому, как может человек, стремящийся возглавить республику, так низко пасть!

Через час Гасанов преподаст еще один незабываемый урок о преобразующей силе перестройки. После того как я и Оруджев отвели свои кандидатуры и с нами солидаризировались остальные, взгляды членов бюро устремились на хранившего подозрительное молчание секретаря по промышленности. «Я не буду отводить свою кандидатуру. Пусть решает пленум», — зычно, словно атаман на сходке, провозгласил Гасан Азизович, многозначительно сверкнув глазами из-под толстых стекол очков, вечно сползающих на кончик носа.

Итак, теперь нам придется иметь дело с еще одним отрядом оппозиции — в собственных рядах. И первая схватка предстоит сегодня же — на пленуме ЦК.

РАЗВЯЗЫВАНИЕ УЗЛОВ

Полуночное заседание пленума ЦК

Пленум начал работу поздно вечером 22 января в здании ЦК Компартии Азербайджана, подступы к которому еще хранят следы от недавнего бурного людского круговорота.

По своему значению, времени проведения, политической обстановке, полемичности пленум, пожалуй, не имеет аналогов в истории старейшей политической организации.

Есть смысл рассказать несколько подробнее о его работе, поскольку официальное сообщение, подготовленное и принятое второпях, не хранит следов ни бушевавших здесь страстей, ни скрытых от внешнего взгляда ходов его главных фигурантов.

Прежде всего, о том, что здание оцеплено солдатами и боевой техникой, фойе и зал напоминают казарму с ее специфическими запахами, пирамидами винтовок и усталыми молодыми солдатами, готовящимися к отбою.

В президиуме члены бюро ЦК, в центре — Е.М. Примаков и В.П. Поляничко.

Поляничко, не скрывая волнения, коротко, со значением, объявляет, что на повестке дня пленума один вопрос — организационный.

Напряженная тишина то и дело прерывается нарастающим рокотом недовольства, переходящим в сумбурные филиппики с мест. У микрофонов, предусмотрительно расстав-

ленных между рядами (В.П. Поляничко: «Демократия — так демократия. Пусть говорит каждый, кто желает!»), моментально собираются ораторы — все знакомые лица! — с требованием к президиуму ответить на вопросы, связанные со вторжением армии в город и расстрелом мирного населения.

Никто не желает или не может явственно сформулировать вопрос. Получается короткий гневный вскрик, причем не без желания произвести впечатление на президиум и зал. Наконец, кому-то — кажется, зампреду Совмина Асадову — удается сказать то, о чем шумели предыдущие ораторы: «Члены ЦК, как и подавляющее большинство населения республики, не располагают сколько-нибудь достоверной информацией о происходящих событиях и связанных с ними действиях руководства республики. Коль скоро понадобилось собрать почти весь состав ЦК, было бы правильно проинформировать о положении, сложившемся в республике, после чего можно перейти и к организационному вопросу».

Пока Поляничко растерянно вглядывается в лица членов бюро, в зале нарастает одобрительный ропот в поддержку сказанного.

— Вагиф Алиовсатович, может, вы проинформируете пленум о событиях, имевших место 18–20 января в Баку и некоторых районах республики, о введении чрезвычайного положения и кризисе в партии?

Виктор Петрович не столько вопрошает, сколько приглашает к трибуне. Потому как сидящие в президиуме старательно отводят взгляды в сторону.

Я не был готов к выступлению в эту минуту и не считал, что должен это делать первым в присутствии всего политического и государственного синклита республики, а также высокопоставленного представителя Центра с широчайшими полномочиями решения всех возникающих проблем. Но, идя к трибуне под гул голосов и выкриков, понимал, чего от меня ждут эти опытные мужи из правящего истеблишмента, несомненно, полагающие, что вину за сотворенное деяние Горбачевым и его генералами разделяем и мы, сидящие в президиуме, но уж никак не они, правительственные и партийные чиновники, сидящие в зале.

Ах, уж какие тут все чистенькие и праведные! А ведь многие из них негласно якшались с лидерами НФА, поддерживали их словом, делом и финансами и теперь с нескрываемым злорадством ждут, как отчитываться за происходящее буду именно я — Вагиф Гусейнов, глава КГБ. Удобнее и проще убедить обывателя в том, что все произошедшее — дело рук моих сотрудников, действовавших если не по прямому моему приказу, то в естественном сговоре с высшим советским руководством.

А что, подумалось, если с этого и начать — перечислить по фамильно и по должностям всех этих двурушников, немало способствовавших тому, что случилось и еще непременно случится с нами и нашей страной, оставленной благодаря им же без руля и ветрил?.. И назвать вещи своими именами или словом, как Сталин в июле 1941 года знергичным и уничижающим глаголом оценил деятельность свою и своих подвижников. Действительно, «прос...ли страну!».

Нет, не хотел, конечно, Поляничко так подставлять меня. Должно быть, тоже растерялся или поостерегся сразу вывести на первую позицию Е.М. Примакова, но все же... Мог бы и сам — далеко не последний, между прочим, человек во власти — поделиться с членами пленума достоверной информацией о происходящих событиях и связанных с ними действиях руководства республики, как запросил зампред Совмина Асадов...

Все это стремительно промелькнуло в сознании и ушло, оставив ощущение острого недовольства собой и опасения эмоционального срыва — после всего услышанного. увиденного, пережитого в минувшую страшную ночь, когда многое словно перевернулось в душе и так и не вернулось на прежнее место.

Я часто и много выступал в самых различных аудиториях, умел и любил импровизировать, но всегда основательно готовился к серьезным выступлениям. И это был, пожалуй, первый случай, когда в очень сложной и ответственной ситуации я был вынужден говорить, что называется, с ходу.

Сейчас, спустя два десятилетия, я, естественно, не смогу в точности воспроизвести сказанное на пленуме, но помню, что именно я сказал. Собственно, о чем подумалось в те короткие секунды, пока шел к трибуне, то и сказал.

Первое. Ситуация сегодня такова. Извне республике угрожает армянство, поддерживаемое международными силами. По сути, началась навязанная нам война, цель которой — отторжение значительной части нашей территории. Ей можно противостоять, лишь объединив в кулак все национальные ресурсы. Но мы этого сделать не можем. Почему? Потому что внутри — мятеж антигосударственных сил, цель которого — свержение существующей власти. Это реальная угроза расчленения Азербайджана изнутри. Внутренняя контрреволюция действует от имени народа, во имя демократии. Ее идеология — политическая демагогия, приправленная глупейшими мифами о тюркизме и туранизме. Главное оружие — насилие. Основной принцип: «Кто не с нами — тот против нас».

Вот краткий перечень ее деяний. Разрушена государственная граница СССР, идет захват местных органов власти, блокируется государственная система управления республикой, на наших глазах убивают, линчуют наших же граждан. И это в Баку!

Второе. В этом зале находятся люди, которые пытаются свалить с больной головы на здоровую, вольно или невольно оправдывая эту грандиозную политическую провокацию, смыкаясь в конечном счете со лжеперестройщиками, самозваными демократами. Я бы понял возмущение некоторых товарищей, если бы они хотели всерьез и глубоко разобраться в причинах и следствиях азербайджанской трагедии. Но они заняты поиском стрелочника.

Третье. Мы потрясены и возмущены действиями центральных властей и армии. Да, содеянное ими заслуживает не только возмущения, но и тщательного судебного расследования. Но прежде надо спросить у себя: как это вообще стало возможным? Когда под угрозой вся страна, республика, ее настоящее и будущее, ответственность ложится на всех. И на высшую власть, и на правящую партийно-правящую элиту. То есть каждый из присутствующих здесь несет ответственность и за развал власти, и за ее беспомощность, и за анархию в наших городах, и за кровь, и за поруганную честь народа!

Простые люди, часть интеллигенции, общество в целом искренне верили в то, что Народный фронт выдвинет дей-

ствительно положительную программу действий. Увы, этого не случилось. Власть захвачена группой экстремистов, пресловутым Советом национальной обороны. Как ни прискорбно, но это свершившийся факт. Как и факт, что данная незаконная террористическая организация и ее деяния никак не вписываются в рамки Конституции СССР.

Мои заключительные слова тонут в общем шуме одобрения и злобных выкриков.

Что и говорить — шуметь мы большие мастера. К трибуне пробирается Мирза Ибрагимов — народный писатель. Ему бы присвоить почетное звание народного дипломата. Он сумеет без сильных выражений осадить крикунов и пригласить всех к здравомыслию. Словом, разворачивается дискуссия — временами острая, переходящая на личности, с резкостями.

После спокойного, взвешенного выступления М. Ибрагимова, призвавшего не множить число политических ошибок, не усугублять и без того тяжелое положение в республике, проявить политическую мудрость, В. Поляничко, контролирующей ситуацию, предложил послушать Евгения Максимовича, располагающего не только высочайшими полномочиями, но и исчерпывающей информацией по ситуации. Пленум не возражает. Примаков выглядит утомленным не меньше нашего, но говорит убедительно, мастерски оперируя фактами, подтверждающими главную мысль, которую все понимали, но не желали признать: «Виселицы у здания ЦК — это же не выдумка, товарищи. Они же были сооружены и для кого-то предназначались!»

Утомленный бесконечными согласованиями с Центром и военными вопросами, связанных с взаимоотношениями властей с местным населением, докладами в Центр и выполнением указаний «сверху», Е.М. Примаков демонстрирует не только поразительную ясность ума, но и редчайшее искусство дипломатии: «Как теперь выбираться из ситуации? Я согласен с вами, что надо кончать с чрезвычайным положением. Но никто не застрахован от нового кровопролития... Сейчас надо как можно скорее взять в руки власть».

Это образец точно просчитанного тактического приема с психологической «начинкой».

Появление в следующую минуту на трибуне Г. Гасанова говорило о том, что слова представителя Москвы он воспринял как сигнал и что готов двинуться в бой с открытым забралом. Отраслевой секретарь, надо отдать ему должное, нашел способ ответить на главный вопрос общественности, незримо витавший в напряженной атмосфере пленума, но и не побоялся бросить вызов Москве, что дорогого стоит в его положении. Он признает, что Бюро ЦК склонялось к введению войск, ибо иного средства избежать фактического переворота и хаоса не оставалось. Однако вслед за этим Примакову приходится испить до конца горькую чашу сподручного М.С. Горбачёва, как бы ему этого ни хотелось. «Нам и в голову не могло прийти, что ввод войск обернется геноцидом против азербайджанского народа!».

Это — только начало. Вслед за Г. Гасановым внимание зала переключается на Исмаила Шихлы — одного из самых почитаемых и читаемых писателей. И в интеллигентских кругах, и в народе он пользуется репутацией независимого, честного и принципиального деятеля. Знает ли Примаков и иже с ними, что И. Шихлы родом из Казахского района, который на границе с Грузией, догадывается ли о том, что грузинские азербайджанцы, образующие отдельный социально-демографический пласт, множеством нитей связаны с Казахом и примыкающими к нему западными районами? Что «грузинский» клан в азербайджанском правящем истеблишменте образует своеобразный альянс вместе с нахичеванцами и выходцами из Армении? Откуда же ему знать, что признанным авторитетом клана являлся экс-премьер Гасан Сеидов, родной брат которого — Эльбрус Сеидов, директор машиностроительного завода, снабжавший провизией участников прошлой годней ноябрьской митинговой эпопеи!.. Теперь представители «грузинского клана» группируются вокруг Г. Гасанова.

Не всякий бы решился в тот момент бросить в лицо полномочному представителю ЦК КПСС слова, произнесенные И. Шихлы: «Вы ведете себя, как Воронцов-Дашков, а не как представитель КПСС», — заявил он восседавшему за столом хозяином положения Е.М. Примакову. На последнего, скорее всего, подействовал не факт сравнения с женатым на ар-

мянке царским наместником на Кавказе времен первого армяно-азербайджанского конфликта в начале XX века, а намек на армянские связи Примакова, бывшего тбилисца.

Заключительная часть речи Шихлы вновь наэлектризовала атмосферу в зале: «Мне 71 год. Вся моя сознательная жизнь связана с партией. Теперь же я хочу порвать с партией, которой вы руководите. Потому что это не большевистская, не коммунистическая партия. Аллах знает, что это такое!»

И все же, несмотря на все старания и лоббистское маневрирование авторитетного И. Шихлы, вторая половина пленума осталась за Муталибовым. Он вышел к трибуне после того, как члены ЦК проголосовали за создание комиссии по расследованию деятельности экс-первого секретаря ЦК Везирова. Этим актом пленум как бы подавал сигнал примирения с бунтовавшими массами, требующими сатисфакции, гневно указуя на виновника кровопролития, что вполне укладывалось в традиционный ритуал прощания с перевернутой страницей недавней истории.

«Бывшие», посчитав, что достойно рассчитались с ненавистным Везириным, к полуночи были настроены в целом благодушно, тем более, что на трибуну поднялся новый руководитель, ставка на которого представлялась куда перспективнее, чем на Г.Гасанова, скомпрометировавшего себя открытым заигрыванием с оппозицией.

Оказалось, что предсовмину, доселе предпочитавшему от малчиваться, не чужды ораторские способности. Русский у него был, как и у большинства бакинцев-горожан, рабочим языком, но он владел в достаточной степени и родным, азербайджанским. Во всяком случае, в присутствии высокопоставленных представителей ЦК КПСС именно А.Н. Муталибов назвал открытым текстом формулу укрепления власти и успеха в противостоянии с национал-революционерами: «Никто никогда не наведет порядка, не добьется его, не вернет спокойствие на улицы и в дома, пока не будет сломлен сепаратизм в Степанакерте, пока националисты не получат достойный отпор!»

Заключительные же фразы резко повышали рейтинг претендента на высшую власть: «Я это сказал Горбачёву, говорю

и вам, — заявил будущий первый, обращаясь к Е.М. Примакову. — Будет решена карабахская проблема, исчезнет и радикализм неформалов. Им нечем будет спекулировать и будоражить людей».

Тем не менее, голосование на выборах первого секретаря из традиционного рутинного действия превратилось в напряженный, острый сюжет с закрученной драматургией и непредсказуемым финалом.

В.П. Поляничко сообщает пленуму решение Бюро ЦК Компартии Азербайджана, рассмотревшего несколько кандидатур на выдвижение на должность первого секретаря, но остановившегося на кандидатуре Аяза Ниязовича Муталибова.

В наступившей тишине вдруг раздается голос И. Шихлы, вновь поднявшегося с места. Он предлагает поступить демократично, в духе времени, и провести выборы нового руководителя, как стало модно говорить, на альтернативной основе. Это и есть практическое воплощение гасановского: «Пусть пленум решит!».

Предложение Шихлы ставится на голосование, но не набирает нужного большинства.

Замысел Гасанова терпит крах. Он отвергнут и отступает. Но не собирается сдаваться лоббист-аксакал земляческой группировки Исмаил Шихлы. Он обращается к пленуму с новым предложением: «Давайте, товарищи, поищем компромиссный выход и решим вопрос по-братски: Муталибов становится первым секретарем, а Гасана Азизовича рекомендуем на освобождающееся место премьера. В результате мы получим сильный тандем из молодых, современно мыслящих профессионалов!»

Счетная комиссия вносит в бюллетень фамилию единственного кандидата, но тут Муталибов обращается к участникам, заявив о своем решении отказаться от безальтернативного голосования. На мой недоуменный вопрос: «К чему это?» он не без волнения отвечает, мол, в противном случае Гасанов растрезвонит на весь мир, что у него украли победу. Он ведь считает себя единственным и неповторимым в Компартии и обожаемым фронтовиками, а значит — и народом. Есть прекрасный шанс проверить, так ли это!

Это, разумеется, было не так. Но Муталибов, несомненно, сделал сильный ход. Результаты голосования, объявленные далеко за полночь, подвели черту под амбициозными планами новой кланообразующей группировки. Это само по себе означает отход от земляческих схем предшествующей политической практики.

А.Н. Муталибов победил на выборах с солидным перевесом. Позже он немало гордился тем, что ему суждено было стать первым президентом Азербайджана. Это действительно выдающееся карьерное достижение. Однако до того он сумел стать первым, единственным и последним руководителем Компартии Азербайджана, избранным на этот пост в честном, легитимном и вполне демократическом соперничестве с опытным, напористым политическим самовыдвиженцем. В этом поединке традиционной бакинской элите противостоял сильный представитель алиевской выучки. Г. Гасанов стал первым коммунистическим лидером, который задолго до Г.А. Алиева сменил социалистические ценности на националистические.

Это был типичный перехват идеологического знамени. Не думаю, что данный опыт имел для последующих общественных преобразований в Азербайджане положительные социально-политические последствия. Впрочем, это тема, заслуживающая отдельного рассмотрения.

Сам факт того, что пленум, проведенный в условиях, близких к оккупационным, сумел проявить демократичность и независимость суждений, чего не наблюдалось никогда прежде, заслуживает серьезного внимания. Это свидетельствовало, как мне представлялось, о возможностях Компартии эволюционировать в сторону демократизации, усиления в ней патриотического начала, столь необходимого в те трудные часы противостояния с внешней агрессией. В сущности, речь шла о вызревании в азербайджанском обществе ростков политического плюрализма, при бережном отношении к которому можно было отойти в дальнейшем от ставки на администрирование, принесшее серьезное разочарование в ряды политизирующихся масс. Это действовало на меня обнадеживающе, ибо в переменах, которые я наблюдал в настроениях партийно-государственной элиты, виделись серь-

езные возможности для реализации планов, которые я вынашивал после последнего разговора с М.С. Горбачёвым.

Республики сползают к вооруженному столкновению

В один из дней Первый сообщил о недовольстве союзного министра В. Бакатина моим непослушанием. Дело в том, что в феврале 1990 года В. Бакатин издал указ о разоружении милиции Азербайджана и Армении. Я тогда заявил Крючкову, что никогда не сделаю этого — напротив, потребую дополнительного оружия. На основании упомянутого приказа союзному министру удалось произвести практически полное разоружение азербайджанской милиции. Когда же посланцы Бакатина явились ко мне в комитет, я попросту отказал им в этом, сославшись на то, что не имею соответствующего распоряжения своего непосредственного начальства. Первому же мне теперь приходилось объяснять причину своего упрямства: разоружение необходимо начать с Армении и Карабаха.

...Партийные руководители в Союзе не любят перечасших. По себе знаю. В то же время я понимаю, что начинать управлять республикой с конфликта с союзным министром, да еще и силовиком, новому хозяину ЦК никак не хочется. Требуется время, чтобы подготовить его к нужным решениям. В ту пору у меня установились тесные и доверительные отношения с особистами из армейской разведки, регулярно сообщающими о военных приготовлениях Армении. Из Бейрута в Ереван то и дело поступает вооружение, то же из Франции, Кипра и даже некоторых регионов России. Быстрыми темпами идет создание военных формирований — от отрядов, оснащенных современной боевой техникой, до женских батальонов.

Информацию о фактическом создании Арменией национальной армии я в свое время доложил еще А.Р. Везирову. Но тот, принимая к сведению сообщение, не без скепсиса спросил: «Ты всерьез веришь в возможность армянского наступления?» Кстати, точно так же он отреагировал на скопление техники бандформирований и толпищ женщин, ста-

риков и детей, под прикрытием которых эта армада готовилась прорвать лачинский коридор летом 1989 года.

А.Н. Муталибова мои докладные встревожили не на шутку: «То, что попадает в Ереван, на следующий же день наверняка перебрасывается в Степанакерт! — возмущается он. — Надо подключать союзное КГБ, Минобороны, поднять шум в ЦК КПСС, на сессии Верховного Совета СССР!»

— Пробовали. Не верят. Даже история с бомбисткой, арестованной со взрывчаткой нашими оперативниками в поезде Ереван — Баку и давшей признательные показания, была объяснена провокацией азербайджанских спецслужб.

Приходится готовить подробнейший доклад о создании военных опорных пунктов в НКАО, блиндажей, складов с провиантом, тайников с оружием, о чем сообщает наша агентура и до которых трудно добраться подразделениям внутренних войск, большей частью разагитированных пропагандистами сепаратистов.

Вторжение военных отрядов с территории Армении на нашу сторону в период январского кризиса — не выдумки КГБ. Участвовавшие нападения на азербайджанские села в НКАО и сопредельных с Арменией районах лишь подтверждают сказанное.

Муталибов слушает, не перебивая. Он искренне огорчен складывающейся обстановкой. Но у него есть черта, весьма и весьма огорчительная для деятеля высокого государственного уровня, — он не любит плохих вестей. Напоминаю о его заявлении, что порядок и стабильность в республике невозможны без нейтрализации сепаратизма. На данный момент мы имеем дело не с идеологами армянского сепаратизма, а с вооруженными отрядами, которые ничего не стоит трансформировать в самую настоящую армию — хорошо обученную и экипированную. Армения мобилизовала для этих целей значительное число офицеров Советской армии, армян по происхождению.

Статистика о превосходстве армян по числу офицеров, в том числе генералов, окончательно выводит из себя Муталибова, к тому времени ставшего президентом (не всенародным голосованием, а решением парламента — на сессии Верховного совета). Как и Везиров, как и мы, он полагает, при-

чем вполне справедливо, что разоружение незаконных военных формирований как важнейшая мера по обеспечению безопасности советских людей и республик является прерогативой высших советских органов власти. Но полагаться ныне на одно это безусловное конституционное требование, ничего не предпринимая для защиты собственных граждан, — значит стать добровольной мишенью для открытого недовольства народных масс, увы, с известными для всех последствиями.

Трудно было возражать и по поводу опасности, таящейся в самом факте военных приготовлений — республики неумолимо сползали к вооруженному конфликту, чего Муталибов всячески старался избежать, справедливо полагая, что Армения будет иметь перевес в реальной помощи извне и, прежде всего, со стороны московского руководства. Прав был он и в том, что Москва не простит ему самостоятельности в отношениях с НКАО.

— Не забывайте, Вагиф Алиовсатович, наша власть подпирается Советской армией. Она же в любой момент может скovyрнуть меня! А вместе со мной и всех вас.

И с горечью заключил:

— Что такое государство? Это вовсе не выполнение народнохозяйственных планов и своевременная выдача зарплат, как это было прежде. Это — полиция, армия и право на защиту. Ничего этого у меня нет! Любой африканский президент обладает неизмеримо большей независимостью, чем руководитель союзной республики в СССР!

Спорить на эту тему было бесполезно. Мы действительно находились в ситуации, известной в шахматах, как положение цугцванг, в котором любой из двух ходов является проигрышным. Но в политике чаще приходится делать выбор между плохим, очень плохим и катастрофическим.

Чекисты учатся воевать

После того как министром внутренних дел Азербайджана был назначен Мамед Асадов (выпускник школы КГБ, с опытом партийной работы), родилась идея создания азербайджанского спецназа — ОМОН. Укомплектован он был моло-

Обсуждение мер по отражению нападения армянских боевиков на села Казахского района. За столом – второй секретарь ЦК КП Азербайджана В. Поляничко. Лето 1990 г.

С собором Центрального ТВ М. Мамедовым, писателем И. Шыхлы, начальником Казахского райотдела КГБ Велиевым среди жителей села Казаха.

В Геранбойском районе Азербайджана, 1991 г.

дыми, крепкими парнями, с хорошей спортивной подготовкой, среди которых новый министр особо выделял Ровшана Джавадова — выпускника мединститута, отличавшегося взрывным характером, бесстрашием и лидерскими качествами, что, в конце концов, и вывело его в командиры ОМОН.

Надо отметить, что весь арсенал республиканского КГБ, предназначенный для чрезвычайных обстоятельств, удалось не без риска сбросить-таки от изъятия. Он находится в полной сохранности и представляет собой внушительное военное снаряжение: несколько сотен единиц автоматического оружия, пулеметов, минометов, тысячи единиц боеприпасов. Весь боекомплект я личным приказом передаю азербайджанскому спецназу. К явному недовольству Ильгусейна Гусейнова, предпочитающего проявлять осторожность.

Следующий давно вынашиваемый мной шаг, связанный с повышением боеготовности наличных сил республики, — подключение КГБ к практической защите азербайджанских сел НКАО от нападения армянских бандформирований. Сепаратисты наглюют с каждым часом и не собираются скрывать, что ставят целью этническую чистку в области, в чем никто их не упрекает — ни в проармянски настроенных США и странах Запада, ни в Москве — ни в официальной, ни демократизирующейся.

Внутренние войска МВД СССР, на которых в соответствии с ЧП возлагаются задачи по защите мирного населения, действуют нерасторопно, все время опаздывают на место происшествия, в результате чего у азербайджанской части населения крепнет убеждение, что они попросту потакают армянской стороне. Впрочем, у наших информаторов

хватает неопровержимых свидетельств существования антиазербайджанского заговора. Да что с того? Мое предложение наладить военное прикрытие азербайджанских сел А.Н. Муталибов воспринимает не без колебаний, но в целом положительно. Обещает подключить партийные организации, ведомства по обеспечению населения продовольствием. Но неожиданно раздается ропот старой гвардии КГБ, выразителем настроений которой является мой заместитель И.П. Гусейнов.

— Не наше, не чекистское это дело — охрана сел, — недовольно бурчит он в ходе совещания у меня в кабинете. — У КГБ другие задачи, способы и формы их выполнения.

Формально Ильгусейн Пиргусейнович, разумеется, прав.

— Против нас — Азербайджанской ССР и его народа — ведется необъявленная война. Она уже унесла десятки жизней. А на войне как на войне. По формальной логике, КГБ, как, впрочем, и другие ведомства и министерства, много чего не должен был бы делать. Думаю, что защита Родины есть конституционный долг и обязанность каждого гражданина! Что касается чекистов, не мне вам напоминать, что среди них в годы войны, конечно, было немало наших, что делали карьеру, даже глубоко зарывшись в архивы. Но примером для всех служат те, кто не мешкая отправился на передовую. Такой передовой для каждого, кто считает себя чекистом, является сегодня Карабах.

И.П. Гусейнов смолчал. Понял намек насчет архива, в который зарылся с началом Великой Отечественной его кумир Гейдар Алиевич. Однако по всему видно — он подчиняется приказу, но отнюдь не убеждениям. Откуда мне знать, что имею дело с началом долгой и тщательно маскируемой интригой, которая будет плестись даже после того, как я навсегда распрощаюсь с кабинетом руководителя службы безопасности...

Ильгусейн Пиргусейнович, конечно, профессионал. Но профессионализм в любом деле не обязательно предполагает наличие сильного интеллекта, не говоря уже о мудрости. Последнее приходит с возрастом и не всегда связано с профессиональной выучкой. Ум — это талант. Но талант особого свойства.

Так вот, я давно заметил, что интриги чаще всего являются уделом хитрых людей, возможно, и профессиональных, но отнюдь не умных.

Очень скоро удастся наладить систему командирования боевых групп, сформированных из числа сотрудников КГБ, для защиты азербайджанского населения НКАО. Система эта держалась и обеспечивала надежную защиту азербайджанской части области вплоть до августовских событий 1991 года в Москве. Я полагал, что таким образом офицеры КГБ не на словах, а в суровых условиях закаляют свой патриотизм, проходят военную выучку, дефицит которой ощущался даже в войсках МВД. Не все складывалось гладко. До меня то и дело доходили слухи о недовольстве офицеров, направленных на передовую. Думаю, не без влияния И.П. Гусейнова и близких к нему людей пошли разговоры, мол, новый председатель, бросая в бой чекистов-профессионалов, преследует свои карьерные цели.

Переубеждать или преследовать кого-то не по мне. Другое дело, что я сам месяцами находился в приграничных с Арменией районах, Карабахе, посещал «горячие точки», села Кировка, Калелепеси, Бузлуг, вместе со своими подчиненными участвовал в выполнении боевых задач. Стрелять я умел, пожалуй, лучше многих. И сейчас не без гордости за офицеров КГБ республики вспоминаю, как быстро, с азартом они взялись за новое дело. Одно их присутствие в далеких селениях, затерявшихся в горах и лесах, где они едва ли не ежедневно подвергались угрозам, обстрелам, издевательствам со стороны уверенных в своей безнаказанности армянских головорезов, изменило обстановку в области — придало уверенности азербайджанскому населению, да и чиновничеству, убедившемуся в том, что в Баку о них не забыли и готовы обеспечить защиту.

Офицеры дежурили и днем, и ночью. Отоспавшись, учили премудростям военного дела молодых. В глазах сельчан большинство из них предстали людьми мужественными, преданными Родине сыновьями, готовыми защитить матерей, сестер, стариков. Участие в войне за Карабах, а это была настоящая война, как бы ни называлось политиками отражение армянской агрессии, научило молодых людей действовать

решительно и смело в нештатных ситуациях. Они обрели опыт, выучку, солдатскую мудрость, которые не в состоянии дать никакие курсы, спецшколы, академии. Мне, как руководителю, обретшему генеральские погоны, участие в военных действиях, помимо прочего, позволяло разобраться в людях и, прежде всего, офицерах службы безопасности, быстрее и лучше всяческих характеристик, анкет и наградных листов. Старая истина — характеры раскрываются в бою.

Многих из моих подчиненных — от старших офицеров и до водителей — я по-новому узнал во фронтовых условиях, быстро забыв о городском комфорте, презрев неустроенность быта, ежеминутные риски. Многие, кстати, воевали легко, дерзко, изобретательно. И еще я заметил: умевшие подчиняться приказу, достойно вели себя и в кабинетной работе, вернувшись к повседневным обязанностям. Ни один из них не замечен был в подставах, интриганстве. И, наоборот: подменявшие рабочие отношения склоками, доношением, желавшие любой ценой выслужиться, мгновенно терялись и не могли найти себе места, реализоваться в боевых условиях.

Был случай под Геранбоем, когда группа наших сотрудников неожиданно подверглась плотному артиллерийскому обстрелу. Началась всеобщая паника, охватившая и наших сотрудников — молодых, необстрелянных ребят. Они бросились к командному пункту, и мне стоило немалых сил, чтобы остановить и успокоить их. Позже, когда все мы привыкли и к перестрелкам, и к бомбардировкам, нападениям из-за угла, вспомнились рассказы ветеранов-чекистов, пришедших в органы после войны. «После Сталинграда все эти погоны за контрабандистами, охрана границы — просто детская забава», — говорили они.

Вот и после боев за Карабах все мы стали другими. Для меня стала ясна и понятна простая истина: никакая искусная политика не в состоянии отстоять территориальную целостность страны, если ее народ не научится с оружием в руках подтверждать свое право жить на земле, которую называет своей.

Так мы вплотную приблизились к идее своими силами положить конец армянскому терроризму. На стол президента

республики ложится абсолютно точная карта дислокации армянских бандформирований, закрепившихся в населенных пунктах НКАО, а также Ханларского, Шаумяновского, Тертерского районов, превращенных в мощные, укрепленные военные базы. Отсюда ими контролируются обширные территории региона, включая подступы к Кировабаду, осуществляется планомерный захват новых и новых земель.

**Виктор Петрович Поляничко,
политический деятель и человек**

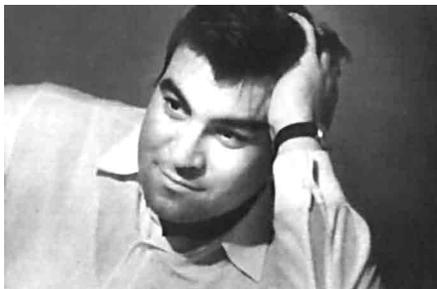
С началом весны в Степанакерт фактически возвращается советская власть. Над зданием обкома в центре главного города области вновь развевается государственный флаг Азербайджанской Советской Социалистической Республики.

Это сделал второй секретарь ЦК Компартии Азербайджана Виктор Петрович Поляничко. Историческая справедливость велит отметить эту его заслугу в долгой, противоречивой, изобилующей по сию пору недосказанностями, неправдами и полуправдами борьбе за НКАО.

Правда же состоит в том, что когда политическое руководство Азербайджана практически едино было во мнении о необходимости восстановить и отстоять суверенитет республики над своей автономией, мы не без успеха противостояли проiscaм армянских сепаратистов в Москве, учились отстаивать и добиваться своих целей за столом переговоров, действовать искусно в коридорах союзной власти, искать и находить союзников в правительственных, парламентских кругах. Условно этот этап противостояния можно обозначить сроками: начало 1990 — август 1991 годов.

Формально сохраняя за собой широкий круг обязанностей по организационным и кадровым вопросам, Виктор Петрович целиком переключается на вопросы урегулирования карабахской проблемы. Тому способствует целый ряд обстоятельств: его широкие, со времен Афганистана, связи в силовых структурах, личный авторитет в партийных кругах, особенно в автономиях, регионах РСФСР и, разумеется, колоссальный опыт военно-политической работы в экстремальных условиях межэтнических распрей, партизанской

войны. Ни в Азербайджане, ни в Армении не было равных ему в этом отношении. В то же время мало кто в Баку подвергся прямо-таки бешеной травле, клеветнической кампании лжи, обструкции и доноительства — всему тому, чем постарались замарать имя и истинные дела этого человека.

Считаю своим долгом особо сказать о политическом образе и деятельности в НКАО В.П. Поляничко еще и потому, что наши личные отношения не всегда складывались так, как хотелось бы. Случались периоды охлаждения, недопонимания позиций по важным вопросам внутренней политики. Но, к чести Виктора Петровича, он умел отбросить в сторону личное, субъективное, когда предметом дискуссий оказывались партийные, государственные вопросы. Ни он, ни я не заикливались на частных стычках, нервных вспышках, неизбежных в атмосфере непрекращающихся нападков со всех сторон: армянских националистов, их лоббистских группировок в Москве, особенно в СМИ, а что обиднее всего — со стороны своих горе-политиков НФА и подпевавших им некоторых деятелей из наших собственных рядов.

К слову замечу: куда гибче и дальновидней действовала армянская оппозиция в отношении посланца ЦК КПСС в Ереване. Его возможности и полномочия эксплуатировались армянскими националистами сполна. Мы же, азербайджанские руководители, с риском для жизни пытавшиеся восстановить порушенный суверенитет республики, собственными силами дать отпор армянской агрессии, вынуждены были защищаться от пуль сепаратистов и от настоящей травли собственной оппозиции, политических противников, преследовавших отнюдь не патриотические цели.

Итог в чем-то закономерен: после нескольких покушений в Степанакерте Виктора Петровича Поляничко достала-таки пуля армянских террористов в Ингушетии. Говорю об этом определенно, ибо хорошо знаю, как заматали следы преступ-

лений ельцинские следователи. При этом не проронили ни слова осуждения этого террористического акта хваленые московские правозащитники. Такое единство мнений и действий они демонстрировали только при защите армянского сепаратизма, являющегося боевым отрядом всех сил, работавших на распад СССР, а ныне точно так же растаскивающих на части Россию.

Все это было потом. А тогда, в начале 1990-х годов, мы, азербайджанские руководители, промеж себя часто посмеивались над некоторыми инициативами Виктора Петровича, связанными с попытками подготовить почву для международного примирения. Особые надежды, например, он возлагал на реанимацию традиционного статуса аксакалов в армянской и азербайджанской общинах. Со свойственным ему напором и энергичностью Поляничко собирал со всех концов области ветеранов, некогда авторитетных лиц, полагая, что можно вернуть их слову былую весомость и уважение. Мне так и не удалось переубедить его в том, что положение аксакала-старейшины было востребовано в давние времена с патриархальным укладом жизни и сосуществования крестьянского населения, поклонявшихся разным богам, и часто в быту, в этнокультурных традициях, проявлявших нетерпимость.

Я даже был несколько удивлен тем, как он, не колеблясь, хватается за идею обеспечения безопасности азербайджанских сел собственными силами. К тому же умеет мастерски превратить политическую идею в проект, а затем обеспечить его практическую реализацию посредством структурирования и создания различных схем и институтов. Возможно, самым интересным и плодотворным его проектом является учреждение оргкомитета по НКАО. К его работе Поляничко привлекает не только энергичных аппаратчиков, но и людей из рабочей среды, активистов заводских парткомов, партийных работников из низовых звеньев. Так он одновременно пытается использовать некоторых выходцев из Армении, знание армянского языка и нравов которых может пригодиться в налаживании контактов в НКАО. Одно только удручает Виктора Петровича — немногие согласны ехать в Степанакерт, ссылаются на нездоровье и прочие причины. Зато

желающих среди этой категории работников закрепиться в бакинских кабинетах оргкомитета хоть отбавляй.

Пребывание в Степанакерте, мне кажется, позволило Виктору Петровичу, как и многим военным, командированным в НКАО, разобраться в хитросплетениях конфликта, правильно оценить народное недовольство сложившимися порядками, разграничить объективное положение от претензий и истинных намерений идеологов сепаратизма. Например, ему, в отличие от Сахарова и его окружения, не стоило особого труда разобраться в том, чего добиваются главы «Крунка», в большинстве своем бывшие руководители промышленно-хозяйственной сферы, такие, как Дадамян, Сейранян, Манучаров, в сущности, теневики, увидевшие в перестройке реальный шанс окончательно прибрать к рукам область. Быстро сумел он разобраться и с многообразными каналами внешнего мира «Крунка», идеологическими и финансовыми центрами армянства, которые действовали в унисон с западными службами во всем, что касалось дезинтеграции СССР.

Соприкоснувшись в Степанакерте с армянским терроризмом, Поляничко лучше, чем кто-либо другой, сознавал, как далеко зашел процесс милитаризации области и Армении. Видел и знал он и то, чего не хотели замечать люди Вольского и упертые перестройщики в Москве: советская власть в НКАО пала. Как и в Армении. Причем давно. Очередь за Азербайджаном. Удержать власть в Баку можно, лишь восстановив контроль над мятежной областью.

Убежден, что только такой ход мыслей подтолкнул Поляничко ухватиться за идею демилитаризации области, ликвидации опорных пунктов армянских военных баз на территории НКАО и за его пределами, без чего все разговоры о восстановлении суверенитета республики над собственной автономией превращались в фикцию.

Военная тактика и стратегия

Я исходил из перспективного видения проблемы. Армения, создав структуру военизированных отрядов, управляемую из единого центра, бросила ее на фактическую оккупацию

НКАО. Делалось это под прикрытием местных властей, в том числе и КОУ, при широком взаимодействии с местной милицией и частью командования войск МВД. Среди них, кстати, имелось немало лиц, направленных из Москвы с учетом их личных симпатий и связей с армянством (читайте книгу бывшего начальника штаба Следственно-оперативной группы МВД СССР в НКАО В. Кривоускова «Мятежный Карабах»).

Нельзя сказать, что в Азербайджане не понимали необходимости вооруженного отражения армянских территориальных претензий. После А.Х. Везирова это стало очевидным. Другое дело, что трактовали его по-разному.

Оппозиция, нещадно критикуя новое руководство за нежелание немедленно приступить к формированию национальной армии, видела выход в создании так называемых сил самообороны. Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться, к чему может привести создание, как уверяли оппозиционеры, народных ополчений под командованием такого военспеца, как преподаватель строительного института Рагим Казиев. Или самозваного полковника Фахми Гаджиева, в арсенале которого имелась лишь одна успешно проведенная операция — мошенническое ограбление туристки, за что будущий командир отсидел положенный срок, после чего окончательно созрел для демократии и мобилизации воинского потенциала Азербайджана.

Ясно, что вооруженные формирования, так или иначе находившиеся под контролем НФА, должны были сыграть соответствующую роль при решающем штурме существующей государственной власти. Причем очень скоро обнаруживается, что бонапартизм не чужд и местечковому политическому мышлению, ярким носителем которого является Р. Казиев. И то, и другое получает практическое подтверждение очень скоро.

Склонность к созданию вооруженных сил политической партией, чем бы это ни оправдывалось, всегда и везде кончается ставкой на государственный переворот. И НФА в этом смысле отнюдь не оригинален. И в азербайджанских реалиях совсем не просто противостоять этой опасности, угрожающей самой государственности и будущему республики. Выход мне видится только в создании легализированных подраз-

делений в составе существующих силовых структур, полностью подконтрольных правительству.

Опыт участия в антитеррористических акциях компактных вооруженных подразделений из числа сотрудников КГБ, создание азербайджанского спецназа подтверждают такой вывод. Возрос авторитет оргкомитета, нового руководства. Сразу притихли радикальные голоса фронтистов. Так вызрели условия для наступательных действий Баку — очищения от окопавшихся в ряде районов области и ее границах противозаконных армянских вооруженных отрядов, напрямую связанных с международными террористическими центрами и укомплектованных за счет криминалитета, включая и иностранных граждан (Франции, Ливана, Сирии).

— Как отнесутся к этой акции в Москве: ЦК КПСС, военные, службы безопасности? Вы представляете, какой вой поднимет центральная пресса и какой ужас охватит Михаила Сергеевича от репортажей «Би-би-си» и звонков Шульца и других «друзей»?

Муталибов колеблется. Он не любит резких, радикальных шагов. И его можно понять в данном случае. Статус первого секретаря обязывает подчиняться генсеку, каким бы демократом не хотелось выглядеть. По этой причине я и отказался в свое время от поста первого секретаря. При этом у меня есть средство от колебаний Первого.

— Валите все на меня и заодно на Асадова, — говорю я. — Вот, мол, такие-растакие. Можно для правдоподобности наказать, распекать при москвичах, пожаловаться кураторам ЦК КПСС на тяжелое наследство, доставшееся от застоя. Словом, придется принять новые правила игры. Играют же с нами без стеснения...

— А как в вашем ведомстве? А Язов и другие?

— Их я беру на себя.

Я не стал распространяться относительно поворота в настроениях силовиков в отношении демократических веяний и карабахской проблемы. Именно после января, когда демократы лицемерно обвинили армию и КГБ во всех смертных грехах, заигрывая с Горбачёвым и его соратниками, в рядах генералов наметилось понимание реальной угрозы, таящейся в карабахском мятеже и армянском сепаратизме, как

разновидности дробления единого советского государства. В сущности, этот процесс — молчаливое сопротивление силовиков — проявлялся и ранее, но вызрело оно на рубеже 1990–1991 годов.

Сейчас можно говорить, что сопротивление силовиков запоздало, даже слишком. Несомненно. Но я уже отмечал, что разведка службы безопасности и армия имели органичную связь с КПСС. Преодолеть послушное следование политическому курсу, разработанному в недрах правящей партийной элиты, было непросто, но возможно в одном случае — при реальной угрозе социалистической государственности извне и/или очередном факте предательства государственных интересов СССР со стороны высшего руководства. Последнее исключалось по определению, что подтверждалось опытом КПСС, каким бы уязвимым для критики он ни представлялся в описываемый период.

Факт политического двурушничества Горбачёва стал очевиден как раз к 1991 году. Но сомнения зародились, когда генералы поняли, что Советскую армию предадут, убивают морально и политически. Вот почему стала возможной операция, вошедшая в историю Карабахской войны под названием «Кольцо», целью которой было положить конец военной агрессии Армении против Азербайджана, осуществить демилитаризацию Карабаха и прилегающих к нему районов, очистку региона от сепаратистов, терроризирующих мирное население.

Операция «Кольцо». Падение Чайкенда

Уже с лета 1990 года я свой кабинет фактически перенёшу в Гянджу. Здесь дислоцируется командование частей Советской армии, МВД, здесь располагается спецназ республиканского КГБ и ОМОН. Днует и ночует в этих краях и Мамед Асадов, часто навещается в Гянджу и Степанакерт прокурор республики Исмет Гаиров.

Ведомства, которые мы возглавляем, ещё сохраняют свои подразделения, представительства в НКАО. Мы прилагаем все усилия, чтобы сохранить контроль над своими подчинёнными и областью. К слову замечу, что и наша агентура в НКАО держится, выполняет возложенные на нее задачи, не-

смотря на каждодневный риск и подозрительность, которым «просвечивали» «бородачи» из Еревана каждого, кто когда-либо имел связи с Баку или мог, по их мнению, иметь таковые. Как обычно водится среди агентов-националов, разрывающихся между национальными пристрастиями и службой, многие легко трансформируются в двойных, а то и тройных шпионов. Но тут уже ничего не поделаешь...

Из Гянджи проще отслеживать ситуацию и в Карабахе, и в прилегающих районах, удобней координировать усилия. Степанакерт решено взять под контроль жесткой паспортизацией. Таким образом происходит легальная депортация «бородачей», идеологов из Еревана, многочисленных «коммандос», в том числе и из-за рубежа. Заодно обнаруживается хитроумная бухгалтерия прописки — двойной, тройной, с помощью которой местные власти добиваются резкого изменения демографической ситуации в пользу армянской части населения. Выясняется, что многие жители Степанакерта, Мартуни, Мардакерта задолго до описываемых событий перебравшиеся на постоянное жительство в Москву, Ростов-на-Дону, Ставрополье и другие регионы СССР, продолжают числиться жителями Нагорного Карабаха.

Перехитрить жесткий паспортный режим, практикуемый в СССР с 1930-х годов, редко кому удавалось. Разве что секретным службам. В НКАО приписки в системе паспортизации приняли официальный и массовый характер. Наведение порядка в этом деле возлагается на Оргкомитет по НКАО совместно с приданными в его распоряжение силовыми службами.

Одновременно разработан план очистки прилегающих районов, превращенных армянскими бандформированиями в свои опорные пункты, которые держат в напряжении мирное азербайджанское население. С их помощью бандформирования, с одной стороны, добиваются этнической чистки на прилегающих территориях, расширения жизненного пространства для армянства, а с другой — боевики контролируют подступы в НКАО, все коммуникации, связывающие область с остальной частью республики.

Уже в 1989 году небезопасно выезжать на озеро Гек-Гель, расположенное неподалеку от Кировабада. Перенесением

военных действий за пределы области сепаратисты добивались свертывания инициативы сельчан, нашедших простой и естественный способ выживания в атмосфере разгорающегося межнационального конфликта — обмен квартирами, домами, селами. Кстати, если бы академик А. Сахаров со своими советниками пристально взглянул на то, что происходило в Карабахе, он увидел бы выработанный в народе способ избежать кровопролития, а не рекомендовал бы разрывать область на куски по принципу: «Это — Армении, а это — Азербайджану», порождая новые этнические анклав.

В 1990 году ряд сел в Шамхоре и Ханларе, договорившись с попавшими в беду азербайджанцами в Армении, сочли за благо обменяться с ними селами. К описываемому времени жители сел Мирзик, Зурнабад, Армавир и ряд других Ханларского района стали полноправными гражданами Армении. Тем не менее, именно этот район — Ханларский — вызвал особую озабоченность Баку, ибо здесь, в районе сел Чайкенд, Камо, Азад и Мартунашен, а также большого селения Тодан Шаумяновского района, разворачивались самые настоящие бои. Отсюда совершались нападения на мирных жителей и автобусы, курсирующие между Баку и Кировабадом, а затем стали братья в заложники и военные патрули.

Освобождение Чайкенда и ряда других сел восстанавливало не только коммуникационную связь целого региона с Баку. Такая операция могла благотворно отразиться на морально-политической атмосфере в республике, в чем крайне нуждалось новое руководство. Это понимал и Муталибов, и многие в Москве.

Всего в Ханларском районе насчитывалось восемь армянских сел, значительным было их число и в Шаумяновском районе, Дашкесане, Шамхоре. В центре внимания оказался именно Чайкенд. Связано это было исключительно с его стратегическим расположением, а также, не в последнюю очередь, с идеологическим значением, которое придавали ему главари сепаратистов в Ереване. Для пущей убедительности ими придуманы были, как обычно водится, байки об автохтонности армянского населения Чайкенда, его истории и пр. Сами же чайкендцы между собой всегда признавали, что их предки переселились сюда когда-то из Турции. А точ-

нее, это произошло в 1896 году, в результате начавшихся турецко-армянских столкновений. Анатолийских армян, бежавших от погромов, царское правительство разместило в Гяндже и прилегающих к нему территориях. Об этом, кстати, напоминают и церкви в Чайкенде и Мартунашене, на которых сохранились надписи с указанием времени их строительства — 1896 год.

Чайкенд располагается по обе стороны реки Кюрекчай, на перекрестке дорог, ведущих в Кировабад, Шаумяновский район, НКАО. По одну сторону села, крупнейшего по местным масштабам (около 1000 домов), — покрытые лесами горы, по другую — лощина, где утопают в зелени села Камо и Азад. Читатель, возможно, удивится, но между ничем не примечательным Чайкендом и Ереваном еще с советских времен регулярно курсировал автобус. Ереванские агитаторы сюда наведывались не реже, чем в Степанакерт. Во всяком случае, о поджигательских речах прибывшего из Москвы в Чайкенд И. Мурадяна, одного из главных идеологов «миацума», первым сигнализировал в мае 1988 года в КГБ председатель тамошнего сельсовета Грант Пурджиян. На основании его подробного сообщения об антисоветских, антиазербайджанских выступлениях на митингах, организованных в Чайкенде, И. Мурадян был задержан и выдворен из республики.

Через год село превратилось в укрепленный район с профессионально возведенными фортификационными сооружениями: окопами, рвами, блиндажами, хорошо оснащенным вооруженным отрядом. Под мини-аэродром мастерски приспособили спортивную площадку, куда едва ли не ежедневно садились вертолеты из Еревана с провиантом, военной техникой, специальным оборудованием. С командованием в столице Армении чайкендские сепаратисты связывались с помощью хорошо оснащенной радиостанции. Причем, согласно агентурным данным, в распоряжении сепаратистов имелась и резервная аппаратура. Радисты, как и командный состав военного отряда, работали посменно. Вся жизнедеятельность села обеспечивалась Ереваном. Всякое общение с Баку или Гянджой каралось. За этим строго следил некто Татул Крпелян, молодой, отличавшийся особой безжалостностью главарь вооруженного отряда из Еревана, и кри-

минальный авторитет Симон Ачиггезян по кличке «Дед».

Особую опасность являл собой армянин из США — некто Армен Казарьян, предпочитавший представляться как «Пзо». Такую кличку присвоил себе человек, избравший своей резиденцией Чайкенд. А известен он был советским спецслужбам как торговец оружием, замеченный в постоянных контактах с агентурой ЦРУ везде, где он появлялся.

К слову, господин «Пзо» точно так же легко и умеючи втерся в доверие и к резидентуре советских спецслужб, не говоря уже об армянском КГБ. Наш сотрудник Ильхам Исмаилов, работавший непосредственно в регионе и располагавший надежными источниками информации, сообщал весной 1991-го, что эта тройка жестко пресекает все разговоры о выезде из Чайкенда, Азада и Камо. Провинившихся немедленно подвергают аресту, некоторые даже бесследно исчезли. Известно было и расположение постов на подступах к Чайкенду и много чего другого из военных секретов.

Держать людей в страхе и брать крестьян в заложники — дело нехитрое. «Татул» и «Дед» сполна овладели этим искусством. А вот с пониманием воинской дисциплины у них, как это сплошь и рядом случается с непрофессионалами, был явный беспорядок. Отделение КГБ в Гяндже, возглавляемое Р.Микаиловым, проделало огромную оперативную работу по обезвреживанию наиболее дерзких эмиссаров из Еревана и их пособников из числа представителей местных бандформирований. Таких, как первый секретарь Шаумяновского РККП Грант Агаджанян и директор агропромышленного объединения Шаген Мегриян, чей сомнительный национализм наполовину являлся плохо скрываемым приспособленчеством.

Всячески угождая вчерашним ворами, закоренелым преступникам вроде «Деда», они рассчитывали сохранить свои должности в случае перехода власти в руки сепаратистов. И больше ничего.

Уже летом 1990 года наше отделение, как и спецназ, не испытывало недостатка в вооружении. К тому времени мне удалось убедить начальство в Москве пополнить запасы автоматов, пулеметов и других видов оружия. Самое главное — в скоротечных схватках с бандитами все чаще сказывалось

преимущество профессиональной выучки и обретенного опыта над головорезами типа «Татула» и «Деда», привыкшими иметь дело с безоружным населением. И все же, нацелив личный состав спецназа КГБ и ОМОН на выполнение боевой задачи — уничтожение незаконной укрепбазы в Чайкенде, я не уставал напоминать, что лучше добиться освобождения малой кровью. А желательно — исключить ее. Для этого имеется один способ: пойти навстречу желанию большинства жителей Камо и Азада выехать в Ставрополье, Ереван, куда уже перебрались многие семьи, их родственники, близкие. В этом плане полезную работу провели сотрудники гянджинского отделения КГБ.

Запомнились сообщения — и чисто информационные, и аналитические — майора И.Исмайлова, упоминавшегося выше. Точность данных, обоснованность предлагаемых мер, эффективность его работы подкреплялись личными связями среди населения, исключительным знанием местности. В этих краях он рос, многих знал по школьным, комсомольским годам. Благодаря своим знакомствам среди жителей Камо он еще весной 1990 года договорился поспособствовать их выезду в Ереван и Ставрополье. И. Исмайлов сообщал также, что подавляющее большинство населения хотело бы перебраться в Ставрополье. Причем при каждой встрече со своими информаторами из Азада и Камо те слезно умоляли избавить их от ереванских эмиссаров, проклинали «Татула», «Деда» и других. Уверяли, что никаких претензий ни к руководству республики, ни к властям района и вообще к своим соседям-азербайджанцам у них нет. Только вот все никак не могут собраться в дорогу, объясняя это тем, что хотели бы как можно выгодней продать свои дома и подворья.

Пришлось подключать Совмин. Нашлась такая сумма, на которую несчастные крестьяне могли вполне прилично устроиться на новом месте. И в тот момент, когда уже все было организовано для коллективного выезда в НКАО, в Ханлар нагрянула специальная комиссия, сформированная по требованию предсовмина СССР Н.А. Рыжкова и доложившая, что первым делом намеревается посетить Чайкенд, Камо и Азад.

К слову, очень много сказано и написано об армяно-горбачевском сговоре, но незаслуженно мало в этом плане уделяется тогдашнему премьеру. Между тем именно он лоббировал интересы Армении и сепаратистов НКАО, всячески проталкивая их необоснованные экономические требования и политические проекты. Причем делал он это, в отличие от генсека, открыто, не скрывая своих личных симпатий. Подробно написал об этом экс-предсовмина в своих воспоминаниях, обосновывая свою позицию, как и свою роль в январских событиях.

Члены комиссии во главе с генералом Ширинкиным, бывшим командующим ставкой Южного направления, дислоцированной в Баку, объясняли цель своей миссии тем, что полагают достоверными сведениями о планируемой насильственной эвакуации жителей Чайкенда, Камо и Азада. В связи с этим генерал и настаивал на немедленном посещении названных сел, намереваясь встретиться и переговорить с населением. Свои доводы он подкрепил страшилкой о начавшемся в селах море, якобы спровоцированном продовольственным дефицитом со стороны властей Баку. Причем Ширинкин предварительно объявил, что никого из представителей руководства Ханларского района, тем более Гянджи, он не намерен брать с собой в ходе предстоящих встреч. Тем не менее наш человек сумел-таки внедриться в окружение генерала. Им был Ильхам Исмаилов. Удалось ему это благодаря личной смекалке и смелости.

Позже И. Исмаилов так рассказывал об изучении обстановки в регионе, условий жизни, а также жалоб и предложений сельчан, осуществленном в сельском клубе Камо в течение нескольких часов.

Зал был забит в большинстве своем чайкендцами и представителями деревенских «Групп поддержки», кучек молодежи, явно принявших изрядную дозу «тутовки» — гордости местных виноделов. Пообщавшись с одним из развязных молодых людей, генерал Ширинкин раздраженно буркнул, мол, по его виду трудно представить, что здешний народ пухнет с голоду. Но более всего поразило майора И. Исмаилова, человека бывалого, но, в общем-то, как и большинство азербайджанцев, бесхитростного, как взбиравшиеся на сцену к

членам комиссии люди все наперебой выкрикивали проклятия в адрес руководства Азербайджана, вопили о притеснениях, которым якобы их подвергают азербайджанцы, не утруждая себя ни фактами, ни свидетельствами. Особенно «старались» именно те из жителей, которые несколько дней назад сами вышли на представителей КГБ с просьбой помочь им с продажей жилищ и выездом!

Апофеозом этой примитивной инсценировки явилась истерика неизвестной женщины, набросившейся на И. Исмаилова с воплями, что именно он несколько дней назад в Мигечауре застрелил ее сына. От неминуемой расправы пьяной толпы, подступившей к сцене, майора спасли решительные действия военного сопровождения.

Мне несколькими часами позже удалось переговорить с главой комиссии. Что он докладывал премьеру Н.А. Рыжкову, неизвестно. Но то, что генерал был сам не свой от знакомства с «несчастливыми, запуганными» армянами, это точно.

Эта история только подтвердила необходимость проведения чистки региона от бандитов и их пособников.

Ближе к весне все согласования в отношении Чайкенда и других населенных пунктов были завершены, и я окончательно перебазировался в связи с развертыванием операции в Гянджу. Сюда же прибыли министр внутренних дел Мамед Асадов и прокурор республики Исмет Гаибов. Общее руководство осуществлял В.П. Поляничко

Окончательное обсуждение разработанного плана операции, обстановки в Чайкенде, Камо, Азаде и Мартунашене, координации сил, привлекаемых для операции, состоялось через три дня в поселке Хаджикенд, в тамошнем пионерлагере, на скорую руку переоборудованном в штаб-квартиру командования. Наряду с упоминавшимися выше лицами в совещании приняла участие группа высших офицеров дислоцированных в Гяндже частей Советской армии во главе с полковником Машковым.

Командование операцией поручено было ему, боевому командиру, хорошо знакомому с местными условиями и разбирающемуся в тонкостях бушевавшего межнационального конфликта.

Я подробно проинформировал собравшихся о расположении вооруженных постов, точной численности бандформирований в Чайкенде, количестве и видах имеющегося в наличии вооружения и боеприпасов, а также о содержании регулярных радиопереговоров главарей незаконного вооруженного отряда с Ереваном.

М. Асадов доложил, с какого направления ОМОН проникнет в село для проверки паспортного режима и каким образом она будет осуществляться. Военные, со своей стороны, подчеркнули необходимость неукоснительного следования предписаниям, предлагаемым ими. Они сводились к тому, что с раннего утра армейские подразделения выдвигаются на заранее оговоренные позиции на окраинах Чайкенда и посредством громкоговорителей призывают бандитов сдать оружие, а самим перейти в распоряжение военной комендатуры. В заключение категорически было подчеркнуто требование не применять оружия, довести акцию до конца посредством переговоров, мирно урегулировать проблему.

Останавливаюсь на этих деталях, чтобы внести ясность: на совещании никто не ставил вопроса о депортации жителей села. Об этом не было и речи. С тем и расходимся до утра. К тому времени прибывает спецназ КГБ, возглавляемый будущим национальным герое Азербайджана Риадом Ахмедовым. Он запомнился жизнерадостным, контактным в быту молодым человеком. Дерзким, решительным и смелым в бою. Боец от рождения. Я, как и другие старшие по званию, смотрел на него с надеждой. Из него получился бы настоящий командир. Печально, что он стал одной из жертв бездарной операции, бесславно проигранной несколькими месяцами позже под Дашалты. А тогда, в апреле, Риад, как рассказывали, первым делом позвонил домой — молодую жену он оставил на сносях — и услышал долгожданную весть о том, что у него родилась дочь. День обещал быть хорошим. Помню, все мы с удовольствием поздравляли молодого, сияющего от счастья папу...

Операция поначалу проходит как по-писаному. Около десяти бронемашин, продвинувшись близко к селу, занимают удобную позицию за местным кладбищем. Оттуда открывается прямая дорога в центр Чайкенда. Докладывают о по-

пытках радиостанции сепаратистов выйти в эфир. Ясно, что они взывают о помощи. Но это безнадежная затея, ибо эфир давно и надежно нами запеленгован — связь чайкендской радиоточки с внешним миром наглухо перекрыта. Жестко пресекается попытка радистов выйти на другие волны.

Полковник Машков садится в БТР, прихватив с собой проводника — парнишку-водителя из райцентра. После оставшихся безответными призывов сдать оружие М. Асадов дает команду омоновцам вступить в Чайкенд по дороге, связывающей село с Шаумяновским районом. С другой стороны в направлении центра продвигается бронированная машина полковника Машкова и... попадает в засаду отряда Татула Крпеяна. К полудню мы вынуждены прервать операцию.

Военные созывают очередное совещание. Они возмущены не столько пленением командира, сколько своеволием азербайджанского ОМОНа, пустившего в ход оружие, в результате чего обезврежено несколько боевиков. Военные полагают, что огонь был открыт без видимой причины, говорят о пострадавших среди мирных жителей. Через минуту мне докладывают, что чрезмерную силу применили не омоновцы, а примкнувшие к ним люди Искендера Гамидова — работника ОБХСС, активно позиционирующего в качестве военспеца НФА, помышляющего о карьере политического лидера и основателя азербайджанского военизированного отряда «Бозгурд» — прототипа турецкой экстремистской организации с одноименным названием.

Незадачливый экстремист, порядком испуганный, но внешне довольно тщедушный, предстает перед взбешенным министром М. Асадовым. Мне приходится буквально вырывать И. Гамидова из рук министра, грозящего немедленно предать вояку-обхсесовца полевому суду. А тут еще беспрестанно звонит А.Н. Муталибов, требуя завершить операцию как можно скорее, потому что в инстанции серьезно переполошились. Забеспокоился и В.П. Поляничко, заявив, что в создавшейся обстановке следует разъяснить «Татулу» и его соратникам, что наша конечная цель — добиться нормальной жизни для всех, кто находится в Чайкенде.

О том, как дальше развивались события, майор И.Исмаилов много лет спустя напишет в своих воспоминаниях:

« Выходит, после того как уголовники взяли советского полковника в заложники, а проводника уже успели безжалостно расстрелять, предварительно подвергнув пыткам, мы должны сесть за стол переговоров с прожженными преступниками и обещать им красивую жизнь под наше слово офицера?! — поднялся с места председатель КГБ Азербайджана генерал В.А. Гусейнов. — И вы, Виктор Петрович, полагаете, что такое возможно? Вы верите в мирное сосуществование с теми, кто, не задумываясь, берет в заложники советского офицера и его солдат? Если они решаются поднять руку на российских солдат, можете себе представить, как они поступят с азербайджанцами?! И с этими убеждениями вы собираетесь создать островок мира в море ненависти? Не обманываете ли вы себя?!

Вслед за этим В.А. Гусейнов представил длинный перечень убийств, нападений на автобусы, азербайджанские села, которые кончаются истреблением мирных крестьян. Чайкенд фактически держит в напряжении Кировабад, Ханларский и Шаумяновский районы, шантажируя руководство республики. Теперь они добрались и до Советской армии. Ни одно цивилизованное государство не соглашается уступать шантажу преступных элементов. Террористы не понимают языка мира, а законность и правопорядок отвергают!

Таков был общий смысл выступления генерала. Затем он пригласил в комнату корреспондента программы «Время» по Азербайджану М.Мамедова и, разъяснив ситуацию, сказал, что необходимо сегодня же в репортаж с места событий включить обращение к российским матерям, чьи сыновья находятся в руках террористов. Свое резкое выступление генерал В.А. Гусейнов завершил совершенно неожиданными словами: «И армянским жителям Чайкенда, и азербайджанцам, проживающим в этих краях, которым нет покоя от террористов, будет лучше, если выселить всех, кто заодно с незаконными вооруженными формированиями. А мы уже убедились, что они заодно. Операция должна быть доведена до конца сегодня же!»⁵⁵

---

⁵⁵ Незабываемый бой // «Ени Мусават», 14 апреля 2011 г.

В.П. Поляничко некоторое время молчит, стиснув зубы. Затем резко поднимается и, хлопнув обеими руками по столу, как бы подводит итог общему мнению: «Да, единственный выход — депортация!» После этого я обращаюсь к начальнику милиции Кировабада полковнику Эльдару Гасанову:

— Милиция и наш спецназ немедленно должны приступить к освобождению полковника Машкова и экипажа БТР!

— Мы не можем оставить своих товарищей в беде, — поднимаются с места российские офицеры.

Все так и было. Татул Крпеян и его дружки сами вызвали огонь на себя. А жители Чайкенда, с оружием в руках действовавшие заодно с террористами, не могли более оставаться на земле, которую они пытались захватить силой. Депортация — их выбор.

«Татул» падает замертво в момент, когда пытается спрятаться за спиной полковника Машкова. Та же участь постигает «Деда» и их ближайших подельников. Большая часть ереванской «уголовной братвы» вместе с вооруженными чайкендцами пытаются скрыться в Мартунашене, рассеяться в лесах. Тщетно! Мартунашен, Камо и Азад в кольце. Сопrotивление бесполезно. Остальное — дело техники: вооружение изымается и складировается, взятые в плен члены бандформирования передаются в руки правоохранительных органов. Оставшиеся без ереванского вооруженного прикpытия, зная, что в ходе следствия всплывут факты их разбойных нападений на мирных граждан, с заранее прихваченными пожитками устремляются к вертолетам и автобусам, которые берут курс на Ереван, завлекший их в кровопролитную авантюру.

Несколько фактов. Всего в ходе операции полегло 19 вооруженных боевиков — 12 прибывших из Еревана, 7 из числа местных жителей. Так что сообщения о 200 танков Советской армии, брошенных в Чайкенд, и сотнях убитых не соответствуют действительности. Как и байки, до сих пор размещенные на интернет-сайтах, о геноциде, насильственном переселении мирных армянских сельчан. Единственная правдивая информация касается Т. Крпеяна и С. Агичгезяна — «Деда»: им действительно власти присвоили звания героев Армении.

Посеявшие ветер пожнут бурю. Головорезы, причисляемые официальной армянской властью к «лику святых», об-

рекают собственный народ плодить им подобных из поколения в поколение.

Через несколько дней в Гянджу прибывает руководство республики.

«Я давно собирался побывать в этом древнем крае. Но дал себе слово встретиться с гянджинцами после того, как очистим Чайкенд от террористов. Слово мы свое сдержали, потому что едины» — эти слова Муталибова гянджинцы встречают долгими аплодисментами. В зале царит атмосфера необыкновенного воодушевления. Людей словно подменили. Мне же нужно вылетать в район Геранбоя, откуда необходимо приступить к освобождению еще трех сел: Бузлуда, Манашида и Еркеча.

Мы сделали все, что смогли

Впервые за последние два года я чувствовал, что удастся отойти от ложных дорог, уводивших нас в топи бесплодных и бесконечных словопрений. Появилась уверенность, что при грамотной работе с Центром, армией и людьми мы сможем выйти на перспективные политические решения. Я был уверен, что необходимо наращивать усилия и решительно брать инициативу в свои руки в карабахском вопросе. Чувствовалось и другое — постоянное пребывание, как говорится, на передовой, среди народных масс, давало конкретные результаты по укреплению республиканской власти в карабахском регионе, приграничных с Арменией районах, способствовало взятию под контроль населенных пунктов, на протяжении длительного времени служивших сторожевыми точками армянского сепаратизма.

Компартия впервые за последние годы выглядела правящей. Стали считаться с политическим руководством Азербайджанской ССР и на разных уровнях в Москве, несмотря на разнuzданную антиазербайджанскую информационную войну центральных СМИ.

В полной растерянности пребывала верхушка НФА. Его агитаторы, уверявшие, что военное наступление в Ханларе и Шаумяновском районе силами МВД и КГБ республики об-

условлено желанием Москвы поддержать таким образом «режим Муталибова», встретили отпор простых крестьян.

Здравый смысл подсказывал народу: в борьбе за земли предков важен результат, а кто помог и почему — пусть разбираются историки.

Помню слова аксакалов. И в Гяндже, и в Агдаме, и в Тертере они говорили: «Неважно, кто находится у власти. Главное — отстоять Карабах. Наши земли!»

Полностью дезавуировал себя и Эльчибей, в унисон с армянами и их лоббистами назвавший восстановление юрисдикции республиканской власти в Ханларе, Геранбое, Шаумяновском районе формой депортации. В этом вопросе, как и в ряде других своих идейных интерпретаций, НФА фактически солидаризировалась с армянским терроризмом. И это нельзя объяснить одним лишь недомыслием, отсутствием тактической гибкости. НФА всегда являлась подконтрольной внешним силам идейно-политической организацией. Для них стратегическим вопросом являлось уничтожение СССР, ликвидация коммунистической власти. Эльчибей и К^о пели с чужого голоса, еще раз доказав, что их целью была власть, а настоящий патриотизм чужд, как и истинная демократия.

Никогда не забуду перекошенное лицо Мамеда Асадова: «Читал заявление НФА. Наши, свои вроде бы, но туда же — осудили и Компартию, и военные структуры за депортацию мирных жителей армянских сел. Выходит, ребят моих, павших на этих сопках, истекающих кровью в Геранбое, тоже осудили! Ничего не скажешь. Спасибо вам, господа беки, за науку, за вашу демократию...».

Этот позорный политический кульбит НФА навсегда останется в его истории примером двуличия, полной неспособности разобраться в сложных условиях межнационального противостояния, отсутствия патриотизма и беззастенчивого стремления обрести власть любой ценой.

Политика НФА в период и после Чайкенда раскрыла глаза многим на истинные цели лидеров НФА, далеких от народных, общественных устремлений.

Неоценим был опыт создания союзов, обретенный новым руководством республики. На глазах возмужали бойцы

ОМОНа и спецназа КГБ, научившиеся побеждать хваленых армянских боевиков вместе с их иностранным вооружением и находящимися в международном розыске именитыми террористами (профессиональный террорист Монте Мелконян, один из главарей АСАЛА, участник серии терактов против турецких дипломатов и Израиля, был обезврежен 22-летним бойцом диверсионно-разведывательного отряда Ибадом Гусейновым. Террорист, афишируемый армянской прессой как «неуловимый Монте», на коленях умолял азербайджанского разведчика, настигшего его в селе Муганлы, о пощаде...).

Думаю, нет смысла подробно останавливаться на остальных боевых эпизодах операции «Кольцо». Скажу только, что в ходе ее были освобождены от армянских террористических группировок свыше 20 населенных пунктов, разгромлены и ликвидированы десятки бандформирований. Несмотря на колоссальное давление, оказываемое на политическое руководство Азербайджана армянскими лоббистами в Москве, явными и тайными международными покровителями армянства, разыгравшими карабахскую карту в антисоветском заговоре, весной и летом 1991 года, нам реально удалось подтвердить свое право собственными силами восстановить порушенный суверенитет над значительными территориями вокруг НКАО, усилить азербайджанское присутствие непосредственно в охваченном мятежом Нагорном Карабахе.

Скажу откровенно, это стало возможным благодаря новой тактике официального Баку в политическом взаимодействии с союзным Центром, в особенности с формирующимся сопротивлением в военно-политических кругах горбачевскому курсу, уже тогда воспринимавшемуся многими как предательский.

В готовности высших военных кругов, включая и разведку, поддержать Азербайджан в его справедливом и законном желании очистить республику от террористов виделся реальный шанс приступить к практическому решению карабахской проблемы. Иные скажут — союз с советской военной, опорой коммунистической диктатуры?!

Отвечу: во-первых, мои убеждения относительно природы советской государственности всегда основывались на

объективных исторических фактах, предопределивших социалистический выбор. Практически же результаты социалистического эксперимента я соизмеряю с социально-экономическим рывком, совершенным народами СССР. Его роль и влиянием на ход всемирной истории.

Здесь есть над чем поразмышлять, не сводя проблему к упрощенным оценкам формы и существа советской власти.

Во-вторых, из всех проблем, которые выпали на долю тогдашних руководителей второй Азербайджанской республики — Азербайджанской ССР, — наиважнейшей являлась не демагогическая погоня за призраком демократии, а сохранение территорий, доставшихся от отцов-основателей первой республики — АДР — и первых большевиков (Нариман Нариманов и другие), сумевших отстоять в сложнейших условиях создания союзного государства территориальную целостность Азербайджана.

Не стану приводить длинный список выдающихся политиков — от Ататюрка до Сталина, — видевших в политических союзах лишь средство для эффективного отстаивания коренных национальных интересов. В те дни мы вышли на перспективные и влиятельные силы в руководстве СССР, при поддержке которых, опираясь на собственные вооруженные силы, наладили и обеспечили оборону приграничных Лачинского, Кедабекского, Казахского, Таузского и других районов, взяли под надежную защиту азербайджанскую часть НКАО, предотвратив реальные планы этнической чистки области, фактически очистили значительную часть Карабаха от армянских захватчиков. Наконец, окончательно были предотвращены попытки армянизации Ханлара, Геранбоя, Шаумяновского района.

Гянджа и весь прилегающий к нему западный регион, имеющий стратегическое значение с точки зрения сдерживания агрессивных поползновений внешних сил, были взяты под жесткий контроль республиканского Центра — Баку.

Стоит добавить и то, что десятки единиц боевой техники, а также много военного снаряжения — боеприпасов, радиостанций, взятых нами в ходе операций, по моему прямому указу были переданы МВД республики — в распоряжение отрядов ОМОН.

В непростых условиях того времени это был весомый вклад в арсенал первых военных подразделений, находящихся в прямом подчинении главы суверенизирующегося азербайджанского государства.

Не наша вина, что тщательно разработанные планы по освобождению НКАО от агрессивных сепаратистов и восстановлению суверенитета над областью не удалось довести до конца. Нам помешал заговор ГКЧП и последовавший распад СССР.

Как говорится, мы сделали все, что смогли. Пусть новые политики сделают больше и лучше нас. Пока же, когда я пишу эти строки, военно-политическая операция, вошедшая в историю Карабахской войны (1984–1994 гг.), остается самым реальным, эффективным и крупным достижением Азербайджана в непрекращающемся споре с Арменией.

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

ГКЧП

Во второй половине августа мне приходится срочно перебраться из Гянджи в Степанакерт. Наши источники в Ереване и Степанакерте сообщают, что взбешенные азербайджанским наступлением лидеры АОД и КРУНКа по прямому требованию зарубежных армянских центров готовят ответные акции. Причем объектом террористических актов станут подразделения Советской армии, внутренних войск МВД СССР, включая их командование. Своего рода план устрашения.

Первый террористический удар не заставил себя долго ждать. В ходе переброски сил большая группа солдат с офицерами, что-то около 40 человек, захвачена в плен. Акция осуществлена многократно испытанным способом — бронетехника облеплена женщинами и детьми. Подозреваю, что тут не обошлось без предательства — 366-й полк, расквартированный непосредственно в Степанакерте, переполнен местными контрактниками, разагитировавшими многих молодых, неискушенных солдат срочной службы. Как бы там ни было, наглость и масштабы сепаратистов свидетельствуют о том, что акция устрашения приводится в исполнение.

И тут поступает сообщение о чрезвычайных событиях в Москве, вызванных образованием ГКЧП. Накануне я общался по «ВЧ» с В.А. Крючковым, и ничто в его распоряже-

ниях, голосе не свидетельствовало о надвигающемся переломе.

В.П. Поляничко, однако, выглядит так, словно дождался давно ожидаемой весточки. То ли он что-то знал о надвигающихся событиях, то ли получал эксклюзивную информацию о подозрительном шевелении в коридорах власти. Во всяком случае, он знал больше того, что содержалось в официально распространенном заявлении ГКЧП.

Сама аббревиатура звучит грозно. Впечатляет и состав чрезвычайного государственного комитета.

— Сейчас кое-кто засуетится...

Виктор Петрович в ожидании, без конца проводит совещания Оргкомитета, консультируется с военными, звонит в Минобороны, знакомым в Москву, связывается с Муталибовым. Тот в Тегеране, куда подталкивает его Тамерлан Караев, член Правления НФА (его рекомендовал Первому Руфат Агаев, у которого в помощниках Расим Мусабеков, свояк караевский, пользующийся влиянием на руководителя Бакинского горкома. Общими усилиями они протащили Т.Караева в заместители Эммы Кафаровой и сейчас подсаживают Тельмана Оруджева, ее первого зама).

Иранцы щедро одаривают посланцев Азербайджана, обещают помочь финансами, продуктами, намекают, что могут повлиять на Ереван посредством своих давних связей с армянством. Как бы там ни было, а налицо признаки самостоятельной внешнеполитической деятельности. Добрый знак. Однако будет лучше, если Первый быстрее возвратится: грядут перемены. Только вот какие?

И словно бы в подтверждение моих размышлений сепаратисты освобождают взятые в заложники советских солдат. Только ни я, ни В.П. Поляничко тут ни при чем. Просто ГКЧП заявил, что наведет незамедлительно порядок в Нагорном Карабахе.

— Мигом протрезвели! — комментирует Виктор Петрович, и я с легкой душой покидаю Степанакерт. В Баку меня ждут срочные донесения агентуры.

С того раннего утра, когда эфир содрогнулся от грозного и предупредительного: «Говорит и показывает Москва» и всем слышалось что-то от давно забытого, знаменитого левита-

новского «Работают все радиостанции Советского Союза», весь Степанакерт бросился к телевизорам, внимательно вслушиваясь в многократно повторенное заявление ГКЧП.

Таково, если вкратце, общее содержание почти всех сообщений наших источников в НКАО, словно бы пробудившихся от долгой спячки. Лидеры сепаратистов, как могут, успокаивают свой актив. Но те в растерянности. Особенно боевики из Еревана. Пошли слухи, что в Армении начались аресты, которые вот-вот перекинутся в Степанакерт. Все в тревожном ожидании... А вот и факт, полностью подтверждающий резкую перемену настроений в стане противника: главари сепаратистов направили в Шушу своих посланцев, зондируют возможности в отношении перемирия. Некоторые командиры незаконных армянских формирований вступили в контакт с нашими отрядами и руководителями ополчений, кое-где успели угостить шашлычком и поднять бокалы за мир, за то, чтобы вновь зажить по-старому.

Азербайджанцы, особенно из сельской глубинки, народ доверчивый, бесхитростный и милосердный. Они охотно верят в возможность возвращения старого, мирного добрососедства. «Какой бес попутал нас? Кто отравил? Пора кончать с этой нелепой войной». Вспомнили карабахцы о своих кирве (крестных) в Шуше и Степанакерте, родственниках в Баку, Гяндже, Мингечауре, называемых в народе метисами, то есть полукровками. Ах, хорошо бы заглянуть одним глазком в прошлый мир, размотать дороги, судьбы, прокрутить их как киноленту...

— Все. Покончено с анархией. Порядок будет восстановлен. Не только в Карабахе, но и в Москве. Во всей стране.

Это В.П. Поляничко мобилизует аппаратчиков.

— Мы ждали этого. Так долго не могло продолжаться...

А это А.М. Муталибов в Тегеранском аэропорту Мехабад комментирует возникшую, во многом еще неясную ситуацию, а заодно и действия ГКЧП. Куда смотрят его советники из президентского аппарата, параллельной ЦК структуры, тот же Вафа Гулузаде, больше известный как переводчик с арабского? Что он там насоветовал президенту?

— Помните, я не раз говорил на аппаратных совещаниях: у страны есть хозяин. И он явится — рано или поздно придет и призовет к ответу каждого.

А это уже по возвращении в Баку, прямо с аэропорта на заседание Бюро ЦК. Впрочем, Бюро давно превратилось в некое размытое скопище с президентскими советниками и госсответниками.

— Ребята поехали за Мишей, — полушутя-полусерьезно докладывает Поляничко часом ранее Первому.

В.И. Варенников, О.Д. Бакланов, О.С. Шенин и другие действительно вылетели в Форос. Но почему-то меня не покидает тревога, хотя ничто не предвещает худого. Впрочем, кое-что тревожное возникает: «Голоса» передали плохо продуманное интервью А. Муталибова, подав его как политическое заявление, как откровенную, демонстративную поддержку ГКЧП.

Впрочем, некоторые руководители союзных республик, не говоря о союзных министерствах, делают куда более решительные и однозначные заявления. Мишенью избран, однако, только лидер Азербайджана. Чувствуется армянский след. Кто-то жестоко подставил Аяза Ниязовича. А может, сам подставился? К сожалению, он любит блеснуть импровизацией. А тут еще поспешные комментарии В.П. Поляничко. Увы, тревожные предчувствия не обманывают меня.

— Что они делают?! Солдаты, введенные в город, вступают в контакт с населением! Этого нельзя допускать категорически! — комментирует, словно протрезвев, перемену в настроениях Москвы В.П. Поляничко, на собственном опыте познавший последствия такого братания.

Поступает информация и по моим личным каналам о надвигающемся крахе ГКЧП, о последней и, увы, запоздалой попытке спасти Советский Союз.

Что же это было: заговор престарелых генералов? Последняя авантюра Горбачева? Игра ЦРУ, агенты которого давно ногой отворяли двери кремлевских кабинетов? Тонкий ход агентов влияния, таким образом ускоривших крах СССР?

Воспоминания Горбачева и остальных участников событий только уведят, мне кажется, от истинных, скрытых пружинок механизма, доведшего некий зловещий план до логического конца. Историки разберутся. По мне, истина, как всегда, где-то посередине.

Из груды любопытных самих по себе фактов, документов и свидетельств, представленных современникам, выделяется, подобно полотну, исполненному рукой мастера на выставке поделок, скупое, в несколько строк, упоминание генерала Л.Г. Ивашова о признании одного из резидентов американской разведки, работавшего против СССР. На вопрос о том, имелся ли в высшем политическом руководстве Советского Союза у ЦРУ свой человек, «большой крот», он ответил так: когда советские люди узнают имя этого человека, они придут в ужас.

Лично меня с первой минуты появления ГКЧП смущала его инертность. Вводить ЧП и сидеть сложа руки? Ждать согласия Горбачёва, просить его об этом?

Я много и очень откровенно говорил годы спустя с В.А. Крючковым, которому принадлежала, как известно, инициативная роль в неудавшейся «чрезвычайке» в Москве. Он соглашался с тем, что ГКЧП проявил нерешительность, фактически бездействовал. Объяснял это Владимир Александрович довольно просто: у него, как на грех, в тот момент занемогла супруга, и он вынужден был находиться большую часть времени дома, у постели больной. То есть шеф всемогущего КГБ, выбирая в решающий час смертельной схватки с заклятым врагом между тяжело сраженным, находящимся на последнем издыхании государством, оберегать которое являлось его служебной обязанностью, и больной супругой, предпочел посидеть у постели занемогшей. Возможно ли такое?

Она, кстати, пережила благополучно и СССР, и самого председателя КГБ, и по характеру была женщиной твердой, с норовом, как говорится, боевой подругой старого солдата. Говорить о старческом недомыслии руководителя советской разведки тоже не приходится: В.А. Крючков сохранял высокую работоспособность. Ему было всего-то 67 лет, куда меньше, чем, например, горбачевскому партнеру по разоружению, веселившему американский конгресс приступами склероза Рональду Рейгану.

Владимир Александрович редко болел, память его была крепка, взгляд — пронизательный, ум — острый, опыта не занимать. Одним словом, В.А. Крючков, человек и руково-

датель основательный, находится в нормальной рабочей форме. Держать поистине имперскую разведывательную организацию в цепких руках, вбирать ежедневно поток ценнейшей политической, особо важной информации исключительной секретности, выдавать «наверх», первому лицу, аналитику, заключения и выводы по первостепенным вопросам мировой политики — это требует особой выучки, редчайшего профессионализма, высоких интеллектуальных качеств.

На прицеле НФА

Под шум телевизионного ликования Москвы, воспринимаемого простодушным обывателем, в том числе и западным, как всенародное (перед нами чистейшей воды политтехнология!), политики сводят счеты со старой властью, стучатся в двери к новой, ельцинской.

В Москву устремляется почти все руководство НФА — на прием к Борису Николаевичу. Тот пьяно морщится: «У них руки в крови...»

То же мне чистюля. А у кого они чистые, из тех, кто устраивается в кремлевских кабинетах? Может, у Г.Э. Бурбулиса, преподавателя научного коммунизма из Свердловска, к которому азербайджанские демократы высочайше допущены? Геннадий Эдуардович, конечно, большой человек. И все-таки не Ельцин... А что тут обижаться, демократы — народ негордый. К тому же Бурбулиса все величают не иначе, как второй человек в российском государстве — Госсекретарь!

И голос НФА уже слышен в общем антиазербайджанском хоре, требующем ареста президента АР Муталибова, а заодно и всех остальных сторонников ГКЧП в Баку. И невдомек им, что потому в Азербайджане многие приветствовали заявления ГКЧП, что надеялись — будет положен конец горбачевским двусмысленностям, что твердо обещано было навести порядок в Карабахе, разобраться с сепаратизмом, с теми, кто разрушает общий советский дом.

Впрочем, уже давно замечено, не желает оппозиция, чтобы существующая власть сама разобралась с Карабахом. Потому Эльчибей и отказался пропустить машины с жите-

лями Степанакерта, пожелавшими выехать в Армению. А Оргкомитет уже готовил в дорогу новый автокараван, сепаратисты запаниковали, завершали. Потому фронтистами взяты на прицел Муталибов, Поляничко, Вагиф Гусейнов и Мамед Асадов. Это ничего, что те же лица беспощадно обстреливаются армянскими СМИ.

Момент больно удачный — появился шанс вновь двинуться на приступ властной крепости.

«Говорят, на столе у Крючкова нашли готовое распоряжение о назначении Вагифа Гусейнова заместителем Председателя КГБ СССР...»

Главное в политической интриге — вовремя запущенный слух. Нет, этот слух родился не в агитпропе НФА, также гордого на выдумки. Узнаю знакомый почерк. Вновь зашевелился Ильгусейн Пиргусейнович Гусейнов. Он не станет предпринимать то, что может не понравиться Аязу Ниязовичу. А вот Муталибову-то зачем дискредитация председателя КГБ, последний год практически не вылезавшего из Карабаха? Зачем понадобилось ему ввязываться в эту грязную затею? Он и так с трудом увернулся от экзекуции, уготованной ему сразу после ГКЧП на чрезвычайной сессии Верховного Совета СССР. Не без успеха провел 8 сентября президентскую кампанию, опираясь на поддержку местных партийных организаций, контролирующих еще электорат. Теперь А.Н. Муталибов — легитимный президент, всенародно избранный.

В НКАО затишье. Но что грядет завтра: без ЦК КПСС, без попавших под ельцинскую мясорубку наших сторонников в силовых структурах? Зачем ему ослаблять собственную власть, компрометируя сразу двоих естественных союзников, подтвердивших свою надежность на рискованных фронтах карабахской войны, добыв военный успех, проложивший ему дорогу к президентству?

А может, сосредоточившись на карабахской войне, я совсем упустил из виду противников в Баку? Бои в Ханларе и Казахе представляли угрозу для жизни. Пристрелка же, начавшаяся в Баку, несет политическую смерть.

...Бывший сотрудник КГБ подполковник Садых Алиев, будучи арестованным по подозрению в убийстве, дал показа-

ния, которые могут стать основанием для обвинения председателя КГБ Азербайджанской ССР в подготовке и осуществлении ликвидации политических противников.

Это уже не слух и даже не просто компромат, сознательно брошенный в прессу. Это начало политической интриги, нити которой ведут не только в кабинет моего первого зама. А тянутся они из самой Москвы.

Как же вы, Вагиф Алиовсатович, не придали значения информации, переданной от одного из проверенных источников в кругах, близких к Ельцину? Армянские лоббисты настаивали, как минимум, на отстранении от власти председателя КГБ В. Гусейнова и министра внутренних дел М. Асадова. Б.Н. Ельцин к этому списку требований, предъявленных азербайджанскому президенту в ходе его панического визита в Москву 24–26 августа, добавил и свое: распустить Компартию, удалить партийных функционеров из госструктур.

Для той атмосферы ничего экстраординарного в этой информации не содержалось. Не верилось, что Аяз Ниязович поддастся давлению...

С. Алиев обвиняется в убийстве члена-корреспондента АН республики Тельмана Курбанова. Ознакомившись с ходом следствия, адвокат Адиль Исмаилов выступает в газете «Айна», определив убийство ученого как бытовое преступление. Основания для такого заключения налицо. Убийство заказал известный бизнесмен, некто Э. Мамедов. Он женат на дочери академика Фармаза Максудова. Не будем упоминать имя особы, об увлечениях которой осведомлены не только следователи. Это известно А.Н. Муталибову. Так же, как и то, что Институт математики является опорным пунктом пиар-кампании Г. Алиева.

Тем не менее, пресса, как по команде, склоняет КГБ и, само собой, имя председателя КГБ. Последнюю точку в информационной атаке ставит старший следователь Бакинской городской прокуратуры Ибрагим Татиев, квалифицирующий убийство профессора Тельмана Курбанова как политическое, в связи с чем упоминает имя В. Гусейнова. Это сигнал для моего первого зама.

Ильгусейн Пиргусейнович решает выступить с открытым забралом — произносит речь-заготовку на коллегии, факти-

чески солидаризируясь с грязной кампанией, развернутой против КГБ и его председателя. И тут раздается звонок из приемной Муталибова: «Президент приглашает вас на совещание».

Это хорошо, что президент проводит оперативное совещание. Из НКАО поступают тревожные сообщения об активизации армянских боевиков...

Моя отставка

Президент продолжает оставаться в кабинете первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана. Хотя окружение давно настаивает на том, чтобы он переместился в другой кабинет, дабы не компрометировать себя общением с бывшими партийцами. Президентский аппарат проявляет нетерпение более всего в этом вопросе.

Аяз Ниязович хмур, суетлив, избегает прямого взгляда. Никакого совещания у него нет. Сейчас я услышу то, что мне никогда не приходилось слышать. Кямрану Багировичу было проще. Бюро тогда придумало ловкую формулировку относительно упущений на порученном участке работы. В чем обвинят на сей раз? Не вернул Карабах? А может, попросят отойти на время в сторону, пока в Москве определяются с горбачевским наследием? Время действительно тяжкое, и без жертв не обойтись.

Хозяин кабинета кладет передо мной лист бумаги с короткой строкой слов: «...Освободить от занимаемой должности ...», число — «13 сентября 1991 года». И подпись — президент А.Н. Муталибов. Ясно. Никакого обсуждения не предусмотрено. Как и обоснования президентского решения. И взгляд при этом — отсутствующий.

Президент поддвигает записку за подписью И.П. Гусейнова о тревожной ситуации в республике в результате бурных событий в Москве. Заместитель председателя КГБ рекомендует президенту республики занять в отношении, как он считает, народного движения нейтральную позицию, искать позитив, налаживать взаимоотношения с демократической частью. И выводы: в последнее время КГБ утратил доверие в обществе... непрофессиональные действия... необхо-

димось укрепить руководство... Это, по его мнению, поможет восстановить утраченные позиции.

Я поднял глаза от бумаги и взглянул на лицо Муталибова — оно было беспристрастно, но смотрел он все-таки мимо меня. В принципе я всегда относился к нему с симпатией, и он это знал.

— И вы согласны со всем этим?

Президент: Автор письма выражает мнение коллегии Комитета, ваших сотрудников.

— Это не мнение. Скорее, донос. Сформированное к тому же за моей спиной. В общем — интрига, подсказанная моему заместителю извне.

Президент: Но утрата доверия КГБ — не выдумки.

— Спросите о доверии у тех, с кем я все эти месяцы провел в боях, освобождая десятки сел от армянских террористов. И у тех спросите, кого мы освободили.

Президент: На авторитете КГБ и вашем личном серьезно отражается вся эта история с подполковником Садыхом Алиевым, вашим сотрудником.

— Бывшим сотрудником. Выполняя оперативные задания, он должен был контактировать с разными людьми, в том числе и с криминальным прошлым. Да и с настоящим. Допускаю, что он в чем-то мог выйти за рамки данных ему полномочий. Но история с ученым Курбановым не имеет никакого отношения к политике. Чистая бытовуха с любовными похождениями и обуреваемым жадой мести обманутым мужем. Ни президент ассоциации «Азербайджан» Эльхан Мамедов, ни его жена, ни другие персонажи из этой мелодрамы никак не связаны с политикой. Моя же причастность к ней не доказана никоим образом. Не может быть юридически обоснован факт, не имевший места в природе.

Президент: Я сам смотрел видеоленту допроса подполковника Алиева по делу об убийстве профессора Курбанова.

— Интересно, кто же доставил вам видеопленку? Ведь это рабочий документ, составляющий тайну следствия. Он может быть обнародован только на суде! По-моему, вас вовлекли в недостойную вашего высокого положения историю.

Президент: Эту ленту мне показали Руфат Агаев и Ровшан Алиев, заместитель прокурора Баку.

Все — круг замкнулся. Нет смысла продолжать этот разговор. Я даже не буду спрашивать, какое отношение к данному делу имеет партийный руководитель Баку, близкий человек нашего Ильгусейна. И без того все ясно. Руфат Агаев — это Расим Мусабеков в связке с Тамерланом Караевым.

— Мне нужно что-нибудь подписывать, нет? Считайте, что я уже ушел.. А Армения, между прочим, готова к решительным действиям в Карабахе, оппозиция — к решительной атаке против власти — так что вас ждут большие дела. Желаю вам успехов, но, боюсь, что с такими советниками, как Руфат Агаев и Тамерлан Караев, вы не продержитесь и до весны 1992 года...

На том мы расстались. Как оказалось — навсегда. Так, без особого шума, я удалился от власти. Тоже, как оказалось, навсегда. Хотя, признаюсь, очень подмывало крепко хлопнуть дверью.

Утром группа депутатов, явившись ко мне, долго уговаривает разрешить им вызвать президента в Верховный Совет с тем, чтобы он обосновал свой Указ. Я наотрез отказываюсь от этого предложения. И им не советую оспаривать права президента. И потом — зачем давать политическим противникам лишний повод для нападок, для раскачивания лодки?

Взгляд на ситуацию со стороны

В полном соответствии с правилами политических заговоров в прессу запускается информация о якобы имевшей место попытке покушения на Муталибова на радиозаводе. Затем эта деза «подкрепляется» слухком о том, что будто бы по поручению В.Гусейнова в президентской машине устанавливались подслушивающие устройства. Муталибов распоряжается обследовать свою персональную машину. Допрошен даже водитель. Неужели на экране появятся знаменитые «жучки» КГБ? Именно этого ждут с вожделием обыватели и с нетерпением следователи. Но тот, кто придумал небывлицу с прослушиванием, прекрасно осведомлен о том, что в технической службе комитета такого рода оперативные задания строжайшим образом регламентированы и каждый

шаг, каждое действие, каждое имя фиксируются. При необходимости я потребую открыть документы...

Интервью

«— Вагиф-муаллим, читателям интересно знать, чем вы сейчас занимаетесь?»

— Я на пенсии.

— С чем, на ваш взгляд, связана отставка председателя КГБ?

— Я полагаю, что в основе таких решений лежат обычно политические причины, определенный расклад сил. Очевидно, речь идет о наборе новой «команды»...

— В которую вы не вписывались?

— Очевидно, не вписывался. По каким причинам — трудно сказать.

— Сегодня образовалось очень много партий. Вы долгое время занимали руководящее положение. Не намерены ли вы примкнуть к какой-либо из новых партий или создать собственную?»

— По правде говоря, в наше время трудно абстрагироваться от политической жизни. Но я стараюсь не вмешиваться в политику. Я в этих вопросах — наблюдатель».

Мне действительно оставалось молча наблюдать, как на глазах миллионов советских людей распадается Советский Союз, как гибнет вторая республика в истории моей родины — Азербайджанская ССР, как мы уступаем Нагорный Карабах, как армию беженцев из Армении пополняют азербайджанцы из Шуши, из сел, которые мы еще недавно отстояли...

Можно ли было удержать ситуацию под контролем, отстоять азербайджанские земли? Этот вопрос еще долго будет мучить мое поколение и тех, кто придет после нас. Наверное, потери были неизбежны. Но катастрофы можно было бы избежать.

По своим военно-политическим, социально-культурным последствиям события, которые роковым образом пронеслись в Азербайджане, приходится признать катастрофическими в исторических судьбах азербайджанского народа.

Оставляю за кадром геополитическую составляющую противостояния мировых сил. (Это вопрос отдельного рассмотрения.) В контексте возникшей внешнеполитической реальности действия и устремления национальных сил были, несомненно, эгоистическими.

НФА не была готова к решению возникших перед республикой проблем: армянская агрессия, обеспечение независимого курса в сложном клубке разнонаправленных сил в регионе, консолидация национальных, политических сил, квалифицированное управление.

На повестке дня стоял также вопрос о будущем двух политических организаций: плохо организованного, аморфного, недисциплинированного политического движения, каковым оставался НФА, и обреченной на роспуск Компартии. Последняя де-факто утратила право называться правящей ввиду лишения какого-либо правового и уставного обоснования роспуска КПСС, объявленного М.С. Горбачёвым

А.Н. Муталибов, ее формальный глава, тяготившийся функциями партийного лидера, сразу после президентских выборов нацелился на ликвидацию Компартии. В текущем моменте оппозицию интересовала власть, валявшаяся на улице, его же — должность. В этом он удивительно повторял М.С. Горбачёва, первым делом поинтересовавшегося у бело-вежских заговорщиков: «Надеюсь, вы для меня предусмотрели какую-нибудь должность?» Ключевым в этой душевной просьбе были слова «какую-нибудь»...

А.Н. Муталибов категорически отказался поддержать представителей ряда партийных комитетов в том, чтобы сохранить Компартию, собрать чрезвычайный съезд, провести партийную дискуссию. Никто из известных мне видных идеологов, теоретиков партии, как и руководителей партии не сомневался в необходимости ее реформирования. Даже оппозиционные лидеры говорили, что роспуск Компартии приведет к образованию политического вакуума, который нечем будет заполнить. Между тем, то нечто, из которого могло образоваться новое политическое явление, уже маячило на горизонте — Гейдар Алиев и его многочисленный клан.

В Нахичевани он уже консолидировался — бывший глава Компартии избрался членом парламента республики, под-

мял под себя Верховный совет автономии, демонстративно дистанцируясь от официального Баку и всячески заигрывая с самозваными демократами. Не хватило гибкости у первого президента воспользоваться союзом с бывшим главой Компартии.

Задолго до ГКЧП я неоднократно рекомендовал Первому и другим членам бюро ЦК, идеологам незамедлительно заняться подготовкой реформаторской платформы ЦК, выйти с ней на съезд, где желающие могут покинуть ряды Компартии, а оставшиеся заняться процессом обновления. При этом я не исключал и распада на несколько самостоятельных групп, фракций. Важно было сохранить саму структуру, интеллектуальный потенциал организации, ее костяк и принадлежащее ей имущество.

Первое и главное отличие президента от первого секретаря в том, что его никто и ничто не обязывает думать об этих вещах. Например, о том, что больше всего заботит тех, кто составлял интеллектуальный потенциал партии, ее организационную и политическую силу.

А. Муталибов всю осень занят формированием новой команды. Старых партийцев он не шибко жалует, больше полагается на рекомендации своих близких. Ясно, что теперь ему не до партийных кадров, спецов старой школы.

Дела, между тем, в Карабахе все хуже и хуже. Кольцо вокруг Шуши сжимается. Оборону стратегического центра он доверил Рагиму Казиеву, бывшему преподавателю. Дозвониться до президента теперь не так-то просто. А сидеть мне, генералу, как, впрочем, и многим другим отстраненным бурными переменами, в такое время и совесть не позволяет, да и не привыкли мы бездельничать. Эта тема все чаще возникает при встречах с бывшими партийцами.

«Я думаю, как решить эти вопросы. Твоя помощь, кстати, тоже нужна будет. Надо немного подождать, пока улягутся страсти. Сами понимаете...»

Ясно, он все еще хочет нравиться оппозиции. Рассчитывает на союз. Значит, с нами ему не по пути...

Последний руководитель Компартии мечтал остаться в истории первым президентом. И это ему удалось. Во всем остальном он подтвердил информацию, которой я распола-

гал после его визита в ельцинскую Москву. Он ликвидирует Компартию. Здания партийных комитетов в Баку Руфат Агаев передает лидерам НФА, МВД. Слава Богу, сохраняется издательская база, переподчиняемая президентскому аппарату. Вслед за этим освобождается от должности глава МВД М. Асадов. Напоследок президент поручает ему слетать в Карабах, где резко обостряется обстановка. Говорили, что после этой командировки М. Асадов должен был перейти в президентский аппарат.

Трагедия в небе Карабаха избавила президента от брени брать к себе на работу опального министра. Он, как и ряд других государственных деятелей, погиб в вертолете, сбитом неподалеку от армянского села... Одна из многих нераскрытых тайн Карабаха...

Увы, сбываются с лихвой мои прогнозы и относительно сроков удержания власти. Армянские отряды при поддержке российской армии (366-й полк процентов на 80 уже армянизирован, фактически произведено легальное перевооружение армянских боевиков) берут одно село за другим. Ополченцы НФА частью возвращаются в Баку, частью подговаривают сельчан бросать свои жилища, чтобы затем обвинить власть в бездействии.

Апофеозом этого краха становится резня в Ходжалы. Зверства армян заслоняют подозрительное поведение лидеров НФА, некоторые из которых оказались в районе акции геноцида против мирного азербайджанского населения и ничего не предприняли для защиты его (Т. Караев, зампред Верховного Совета, оказавшийся по непонятным причинам в Агдаме, Ариф Алиев, Рагим Казиев тоже ничего вразумительного не могли сказать в оправдание своего бездействия. Да их никто и не спрашивал).

НФА всей мощью своего агитпропа наваливается на Муталибова и его команду. В Нахичевани Г. Алиев торжествуя восклицает при вести о кровавом побоище в Ходжалы: «Наконец-то! Муталибову конец! Считай, что мы победили!»

«Армянская сторона в этот день лишилась морального преимущества», — заключают московские газеты после сообщений о бойне. Но поздно...

Руфата Агаева из здания Верховного Совета, окруженного яростной толпой фронтистов, выводит через черный ход Рагим Казиев, помогая ему перебраться через забор — подалее от президента, которому врачи «Скорой помощи» делают инъекцию, чтобы привести в чувство.

К. Керимов, много лет руководивший службами пожарной охраны МВД, сменивший М. Асадова и посаженный на этот пост по протекции своего родственника Т. Караева, отказывается вызволять президента из плена. У Ильгусейна Гусейнова духа хватает лишь на то, чтобы выкрикнуть угрозы в адрес распоясавшихся фронтистов и незаметно... исчезнуть.

6 марта 1992 года поздно вечером Аяз Муталибов со слезами на глазах покидает пост, который он так мечтал занять и который не смог сохранить более срока, спрогнозированного мною. НФА соглашается отпустить его, сохранив за ним полагающиеся привилегии экс-президента, а вовсе не из-за особого расположения к нему. Всего лишь тактический ход НФА, дабы избежать обвинений в госперевороте.

Власть переходит в руки бывшего ректора мединститута Ягуба Мамедова, депутата Верховного Совета. Его власть эфемерна. Республика катится к гибели.

Может, поговорить с временно исполняющим обязанности президента Я. Мамедовым, вразумить его о надвигающейся угрозе? Может, еще не поздно...

Мне не доверяли так же, как и когда-то царским генералам. И не только мне одному — многим офицерам, генералам, партийным и государственным работникам. И это — в условиях терпящей поражение на всех фронтах страны.

«Помогите мне избраться президентом, и я подберу вам достойное место! Я знаю, вы пользуетесь влиянием на многих глав районов», — так сказал Ягуб Мамедов, профессор мединститута, которому слепой случай предоставил шанс исполнять обязанности президента после падения А. Муталибова.

Так он понял цель моего визита.

Ни единого звука о тревожащих меня вопросах.

Через два с половиной месяца, в середине мая 1992 года, А. Муталибов перечеркнет планы бывшего ректора, отменив

с помощью Верховного Совета мартовское постановление об отставке и вынудив НФА совершить революцию по-азербайджански — с помощью единственного неисправного бронетранспортера и нескольких турецких спецназовцев, которые придали боевой вид толпе, разгромившей сперва здание парламента, а затем захватившей телецентр и только после этого прошеествовавшей с истерическими криками к президентскому дворцу.

За час до развязки к Муталибову прибыл генерал С. Бипаев из штаба Закавказского военного округа. О чем говорил он с вновь впавшим в состояние прострации Муталибовым, так никто и не узнает, хотя всем ясно, что сценарий бесславного возвращения на сутки готовился спецслужбами России. Таким образом, окончательно решался карабахский вопрос в пользу Армении. И план этот лишь подтверждает то, во что не хотели верить еще многие в постсоветском пространстве: Советского Союза нет, а Россия не супердержава.

Уголовное дело В. Гусейнова

Итак, за последние два года Баку покидает второй руководитель республики, ища спасения в Москве — бежать больше некуда... Оставаться в Баку — значит, согласиться с судом толпы.

Я как-то упоминал об особой черте азербайджанской политической ментальности — мстительности. Пришедший к власти обязательно должен свести счеты с бывшими. Это традиция. Суровый Мир-Джафар расстреливал или ссылал в Сибирь. Речистый Гейдар Алиевич исключал из партии или гноил в тюрьмах, обрекая перебежавших когда-то ему дорогу на медленную политическую смерть.

Что уготовили для своих политических противников люди, именующие себя демократами?

Мамед Асадов погиб. Муталибов и Поляничко укрылись в Москве. В Баку остаюсь только я, Вагиф Гусейнов, человек, символизирующий уходящий строй. Лучшего фигуранта для показательного процесса трудно придумать. Судя по всему, новые власти не делают из этого особого секрета.

Тамерлан Караев, заместитель председателя Верховного Совета, вдруг возникает в камере следизолятора, где содержится подполковник С. Алиев. О чем говорят он и сопровождающий его родственник Расим Мусабеков с обвиняемым? Какое отношение они имеют к следствию? Понимают ли они, что они должностные лица (Р. Мусабеков назначен советником Т. Караева) и одно их появление в камере (!) есть неприкрытое давление на попавшего в безвыходное положение подсудимого!

Разумеется, понимают: Т. Караев — бывший декан юридического факультета! С этого вопиющего акта беззакония начинается новый виток в деле «генерала В. Гусейнова», как пишут газеты. Я уже давал показания следователю по особо важным делам О. Касумову, расследующему события 20 января 1990 года. Мною даны исчерпывающие ответы на интересующие следствие вопросы. После командировки О. Касумова в Москву в деле замелькали имена А. Яковлева, А. Лукьянова, В. Крючкова... Нет только М.С. Горбачёва. Бывший генсек тщательно оберегает репутацию великого реформатора, предпочитает избегать встреч с правосудием.

Версия следствия в общем сводится к следующему: 20 января — результат политики, действий, в чем-то осознанных, подчас и ошибочных, не одного или нескольких лиц, а большой группы высших партийно-государственных деятелей, а также политических неформальных сил и группировок союзного и республиканского уровня. Особая ответственность лежит на лидерах НФА.

«Я полагаю, что каждый политик, вольно или невольно вовлеченный в кровавый водоворот января, должен быть готов предстать перед правосудием и народом и разделить со всеми свою долю ответственности за содеянное. Но только — за содеянное!»

Такова моя позиция, письменно представленная О. Касумову на последнем допросе. Высокий, подтянутый, дипломатичный «важняк», внимательно выслушав мою тираду, как бы между прочим сообщает: «Следственные мероприятия практически завершены... Однако у нас сменилось начальство, как вы знаете. У нового начальства иные подходы, иной взгляд на многие события...»

Можно не сомневаться, что этим перемены не кончатся в деле, а главное — в настроениях. Предчувствия меня не обманывают — следует приглашение в Милли Меджлис, усеченный вариант Верховного Совета, подавляющее большинство депутатов которого лишены права осуществлять свои функции. Члены ММ вроде бы заняты парламентской деятельностью профессионально. Одна из первых акций — открытые слушания по событиям 20 января.

Первым делом «на ковер» вызывается председатель КГБ. Бывший, разумеется. По пути в зал заседаний сталкиваюсь с Расимом Мусабековым. Он несколько растерян. На мое ничего не обязывающее, мол, как дела, давно не виделись, вдруг мой бывший комсомольский товарищ громко объявляет: «А мы ведь, Вагиф Алиевич, никогда не были особенно близки!»

Это — удар не наповал, а размахивание кулаками в расчете на зрителя. И все же, каков добрый молодец?! Я его заприметил, комсомольского активиста из нефтяного института, и взял в аппарат ЦК комсомола республики как грамотного, думающего юношу. А затем, будучи в Москве, добился перевода в ЦК ВЛКСМ. Что было совсем не просто. Положительно аттестовал я его и при переходе на работу заведующим отделом пропаганды и агитации Бакинского горкома партии.

Мы не были, разумеется, близки — нас отдалял уровень занимаемого положения, возраст. Я не ждал выражений благодарности. Мне не раз уже доводилось наблюдать нашу номенклатуру при смене начальства. Так что, глубже вдохнув, я двинулся дальше — к трибуне. Впрочем, ситуация, в которой мы находились, более напоминала кораблекрушение, когда капитан, первым поддавшись панике, бросается вон с тонущего корабля, а члены команды, забыв о пассажирах, мечутся по палубе, думая лишь о своем собственном спасении.

Мне еще предстояло увидеть то безобразное в человеке, которое вдруг выплескивается из глубины его нутра, когда взрослый, сильный мужчина вырывает из рук ребенка спасательный круг.

«Хотя при Муталибове я работал в президентском аппарате, фактически все это время я работал на народное дви-

жение, на Тамерлана Караева. Нас связывают друг с другом дружеские, родственные узы» — это признание Р.Мусабекова, прозвучавшее в те дни, я оставил в своих дневниковых записях, чтобы сохранить политико-психологическое своеобразие атмосферы в Азербайджане после майского 1992 года государственного переворота. И еще невольно подумалось в те тягостные дни: как же все-таки повезло Аязу Ниязовичу с изгнанием, что не придется, по крайней мере, выслушивать свидетельские показания своих бывших советников на уготованном ему судебном процессе...

Парламентарии делают все, чтобы повесить на меня кровавые события, спровоцированные, по всеобщему мнению, ими же. Вот характерный сюжет из этого своеобразного дознания.

«Из показаний и выступлений Э. Мамедова ясно видно, кто и по чьему указанию блокировал военные городки, останавливал военные колонны. Есть записи радиоперехватов. Следователи ими даже не интересовались! Как и деятельностью незаконного органа, созданного в середине января лидерами НФА — Комитета национальной обороны. Его дела и состав хорошо известны. Элементарная объективность требует расследовать роль и действия органа, созданного в условиях паралича официальных властных структур и взявшего на себя полномочия военно-политического характера», — заявляю я в самом начале своего выступления.

И. Гамбаров в ответ: «Ни один из членов тогдашнего политического руководства республики не имеет морального права находиться у власти после случившегося!»

«Пожалуй, с этим можно согласиться, — отвечаю я, — но с небольшим уточнением: после январской крови морального права руководить не имеет и ни один из лидеров НФА. Нынешнему председателю парламента И. Гамбарову, легитимность пребывания которого на этом посту более чем сомнительна, не грех бы поразмышлять о том, может ли лидер массового политического движения, взявший на себя ответственность вести за собой миллионы людей, объявлять себя безгрешным перед памятью безвинно погибших женщин, детей, стариков?!»

Это – прямое обвинение, тяжкое, но и обоснованное.

Однако, судя по всему, январь, как говорят следователи, – это политическая окантовка. А вот криминал – во второй линии обвинения. И прокуратура гнет эту свою, вторую, линию.

Следователь И. Татиев, столько сделавший, чтобы доказать политический характер убийства профессора Курбанова, назначен заместителем генерального прокурора республики. Вскоре мне поступает информация о том, что он готовит очередную провокацию по делу С. Алиева, а значит, и против меня. Источник, сообщивший мне о новых передвижениях в правоохранительных органах, ничего хорошего не суливших, считает, что я должен готовиться к худшему.

Интересно, как отнесется к тому, чтобы воспользоваться опытом, знаниями оказавшейся не у дел номенклатуры, разумеется, лучшей ее части, Эльчибей? Ведь таким образом еще и можно добиться консолидации национальных сил. Это не просто государственный – патриотический подход!

«У нас есть достаточно смелых и преданных людей! Тем не менее, я подумаю о поднятом вами вопросе. Я хорошо помню, как вы воевали в Карабахе».

Бывший руководитель Компартии, бывший ректор и бывший диссидент, поочередно возглавившие третью республику Азербайджана, оказались удивительно схожими, когда нужно было отделить личное от общественного. Я им говорил об опасности, нависшей над республикой, противостоять которой можно было, консолидировав все национальные силы и ресурсы. Они же всецело поглощены были думами о власти, которую рассчитывали сохранить, опираясь на «своих». И весь разговор сводили к личным взаимоотношениям с одним из немногих соотечественников, располагавшим военно-политическим опытом.

Не должности просил я у них, а предлагал свои знания и практический опыт...

Отстраняется от дела О. Касумов. Следствие переходит в руки молодого и честолюбивого Р. Усубова. С первого же знакомства он дает понять, что в январских событиях пристальный интерес у него вызывает только моя персона.

Скрытые пружины общественных процессов в Азербайджане, их возбудителей, детонировавших январский взрыв, бросивших людей под гусеницы танков, не волнуют молодого юриста. Работу Р. Усубова ловко направляет замгенпрокурора республики И. Татиев.

Сомнений нет — ретивый исполнитель политического заказа от своего не отступится. И, тем не менее, я исправно являюсь на вызовы в прокуратуру. Друзья советуют — схоронись на время, исчезни. А вот такого подарка своим обвинителям, чем бы мне это ни угрожало, я не могу предоставить. И утром 30 октября я вновь направляюсь в прокуратуру, хотя накануне предупрежден, что, скорее всего, буду арестован.

По суетливым движениям, по напускной хмурости лица чувствуется, что Р. Усубов придумал что-то чрезвычайное. Он все время с кем-то перебрасывается многозначительными репликами по телефону, что-то согласовывает. Ждет кого-то... Может, очная ставка с очередным лжесвидетелем? С него станется. Но вот к нему заносят папку с бумагами. Он долго просматривает трехстраничный текст, шевеля губами. Театр одного актера в исполнении следователя Усубова. Подождем, когда он закончится.

Вот и финальная сцена: он передает мне текст — обвинительное заключение, внимательно наблюдает за мной и, когда я добираюсь до третьей страницы — результативной части обвинительного документа, за моей спиной неслышно отворяются двери и в кабинете появляются двое крепко сбитых, коренастых парней, угрожающий вид которых не оставляет сомнений, что это конвой. Потому как обвинительное заключение заканчивается фразой «изменить ему меру пресечения».

И мне надевают на руки наручники...

Какая все-таки беспощадная штука — эти два железных кольца, обвивающие запястья рук! Они мгновенно стряхивают с тебя на землю все твои звания, должности, регалии, ордена, почетные грамоты и пр., как мусор, и ты сам униженно сгибаешь спину и смотришь себе под ноги, сжимаясь, как в ожидании плевка или удара...

Когда я в сопровождении конвоя покидаю городскую прокуратуру, Р. Усубов, доложив новому руководству (И. Татиев

и Р. Алиев уже сидели в креслах: первый — в качестве заместителя генерального прокурора республики, второй — военного), направляет в «Азеринформ» информацию, которая должна оповестить население о том, что недемократы пришли не шутки шутить: «За причастность к организации январских событий в Баку в 1990 году, а также к противозаконному вводу войск СССР в столицу республики, в результате которых пролилась кровь невинных людей, 30 октября Прокуратурой Азербайджанской Республики арестован бывший председатель КГБ Азербайджана Вагиф Гусейнов».

И произошло это спустя всего лишь несколько дней после памятного разговора с А. Эльчибеем. Удивляюсь не политическому лицемерию президента-демократа. Им я был сыт задолго до него. Удивляюсь политической близорукости того, кто рассчитывал победить в войне, построить крепкое, правовое и справедливое государство, опираясь исключительно на тех, с кем он когда-то в чайханах вел душевные разговоры о единой турецкой нации...

В Баиловской тюрьме

Продержав с неделю в КПЗ горотдела, 7 ноября меня препровождают в Баилов.

7 ноября — дата-то какая выбрана! Те, кто дергает за ниточку И. Татиева и Р. Усубова, очевидно, придают этому акту некое мстительно символическое значение: «Пусть, мол, все видят, как в день коммунистического праздника самого Вагифа Гусейнова, бывшего председателя КГБ, члена бюро ЦК, упрятали за решетку!»

А в дверях Баиловской тюрьмы меня поджидают несколько людей в униформе — недавние активные митинганты, пришедшие поглазеть на историческую сцену: шефа КГБ препровождают в камеру. В их глазах — любопытство обывателя вперемишку со злорадным ликованием фронтиста. Странно, что Эльчибей не распорядился подбросить пару автобусов, набитых своими земляками. Все-таки их интересует не право, основа справедливости, а политическая месть, максимально театрализованная. После семи дней одиночества в следизоляторе это даже забавляет.

Сводятся не только личные счеты. Бесцеремонный арест призван окончательно запугать общественность, и без того впавшую в состояние апатии после свержения законной власти 18 мая. И после шока первых, как внушается публике, демократических выборов, укравших победу у Низами Сулейманова и провозгласивших Абульфаза Эльчибея президентом. Новая власть комплексует, сама того не замечая...

Я никогда не был коммунистом-фундаменталистом. Как и многие, я возмущался репрессиями 1937 года, посмеивался над комчванством, советской бюрократией. Знал о прегрешениях системы, видел ошибки и недостатки государства. Но выход из тупика видел отнюдь не в сломе государственных конструкций, не в отказе от предшествующего опыта государственничества. И сейчас убежден — социализм дал миллионам людей то, о чем могут только мечтать многие народы на всех континентах.

Я родился в советское время, и 7 ноября был и моим праздником, так же как 9 мая является святым днем для всех тех, кто выжил в кровопролитнейшей из войн. Азербайджанские «демократы» отменили и то, и другое. Мне доводилось встречать эти праздники в пути, в разгар работы, в горести. Довелось, стало быть, и в тюремной камере. Подумалось, политики, изгоняющие из жизни людей их праздники, могут подарить им только вечный траур. А ведь так оно и получилось.

...В сопровождении молоджавого майора, представившегося заместителем начальника сего пенитенциарного заведения, мы неспешно шествуем по длинному коридору мимо плотно запертых железными засовами дверей — слева, и высоких решетчатых ограждений — справа. Куда они меняведут? Не в «сталинскую» ли камеру? С них станется... Когда-то Анатолий Рыбаков рвался в Баку, чтобы заглянуть сюда, в Байлов, в «сталинскую» камеру: она была под номером 39, а ее мы уже прошли... Впечатлила тогда писателя камера: «Такие стены, а сбежал ведь отсюда товарищ Сталин!» — восхищенно говорил он мне.

Рассказать бы писателю об этом зигзаге судьбы — развел бы, небось, руками, мол, от тюрьмы и сумы не зарекайся.

Все, что проходит у меня перед глазами, удручает своей неестественностью: гулкий звук кованых сапог надзирате-

лей, тяжелая связка огромных ключей, замочный скрежет и глухой стук засова, и сразу же меня обдает тошнотворным дыханием тесная обитель, открывшаяся моему безрадостному взору. Майор извиняющейся полуулыбкой, абсолютно неуместным жестом приглашает войти, как это делают при появлении свадебного генерала на небогатой свадьбе, — мол, пожалуйста, уж не обессудьте.

И я остаюсь под прицелом десятков глаз со всех углов камеры. Что-то давно знакомое в этих взглядах и самой, длящейся несколько секунд немой сцене, которая заставляет меня вздрогнуть. Где же еще я мог видеть такое? Ах да, в фильмах! Крупным планом лица из неизвестного мира, называемого Изоляцией.

А все остальное, скорее, напоминает встречу в рабочей чайной, чем в тюремной камере. Трое мужиков смущенно переминаются у стола в середине прохода между двухъярусными железными лежаками (скоро я узнаю, что это и есть шпонки), один из них, вежливо поздоровавшись по-азербайджански, пододвигает выдавший виды табурет.

— Ну что ж, давайте знакомиться: Вагиф!

Пожав каждому из обитателей моего нового жилища руку (их оказалось семеро), я сажусь у края вмонтированного в цементный пол стола, отметив про себя, что хоть и тесно тут, но, по крайней мере, тепло. Не то, что в СИЗО горотдела. Другое преимущество: в горотделе меня поселили в одиночной камере, а тут — куча людей. С этим приятным открытием я и растягиваюсь на предложенном мне лежаке, как солдат под деревом после долгого, изнурительного похода. Неожиданно для себя и для своих новых знакомцев я проваливаюсь в состояние забытья — то ли потери сознания, то ли навалившегося неведь откуда сна. Это, скорее, следствие шока от ареста, чем реакция на шесть бессонных ночей в СИЗО. Потом я выплюсь — на воле. Шок, парализовавший все мое существо, когда в «воронке» я двинулся в неизвестность, так и не покинет меня.

Житие в Байлово начинается с сюрприза — наутро в камеру заносят себет (плетеную корзину), набитую доверху всякого рода яствами: от копченых колбас до «сникерсов», входящих в моду. Первая реакция — инстинктивная, я изрядно проголодался. Однако откуда это добро? От семьи?

Непохоже... Порученец внушительно, со значением произносит: «Господин генерал просил выразить вам свое почтение». И, видя, что я никак не могу сообразить, что это за таинственный генерал, поясняет: «Искендер-бек».

Запомнился мне этот жест И. Гамидова, бозгурдовца, ставшего министром внутренних дел АР. Хватило ему ума, такта и совести вспомнить о фронтовом товариществе — как-никак вместе воевали под Чайкендом, в Газахе, Карабахе. Не забыл, видно, министр и о том, как я спас его от быстрого на расправу Мамеда Асадова.

Ну что ж, раз судьба ниспослала мне столь яркое проявление чувства благодарности со стороны ярого политического противника, можно надеяться на солидарность друзей, соратников, не говоря уже о близких. Все эти дни я мучительно размышлял о домашних. Ведь домочадцы мои — одни женщины: Хабиба, Рена, Улдуз ханум — пожилая теща. Я не успел даже попрощаться с ними.

Первые же допросы в Баилове показали, что лидеры Народного фронта, дорвавшиеся до власти, сделают все, чтобы переписать историю. Да так, чтобы во всех случаях они выглядели героями, а остальные предателями. Быстро и безжалостно заработала репрессивная машина новой «демократической» власти. Очень скоро по соседству со мной «справили новоселье» народный депутат Гаджи Абдул, Алямшах и Гатыр Мамед — те, кто оказывал вооруженное сопротивление армянской агрессии — компания-то какая! (Последний трагически погиб в тюрьме при подозрительных обстоятельствах, так и не дождавшись суда.)

Итак, мне предстояло выступить не перед судом в «демократическом» исполнении (помните восторженные речи о правовом государстве Абульфаза Алиева и др.!), а перед репрессивным аппаратом военно-полицейского режима, который окончательно сформировался к концу 1992 года в Азербайджане. После того как адвоката Ефимова, приглашенного из Москвы, Р. Усубов без всяких оснований отказался допустить к делу, стало ясно — рассчитывать на правосудие не приходится...

...Мои сокамерники — мелкий уголовный люд: проворовавшийся счетовод, торговец оружием, точнее, попавшийся на

продаже «мелкашки» учитель, молчаливый верзила, незадачливый участник группового ограбления ювелирного магазина, бывший участковый из Гянджи, и сам толком не знающий, за что угодил в Баилов. То ли в силу своего милицейского прошлого, то ли возраста, он выполняет функции старшего по камере, смущаясь, когда молодые именуют его «общаком».

Особняком держится некто Таир — авторитет бакинского уголовного мира, предпочитающий не распространяться о своем прошлом. Все они уверены, что так или иначе выкрутятся, потому как ничего плохого не совершали.

«Общак» регулярно собирает по десять рублей на нужды камеры: на то, чтобы «вертухай» периодически открывал форточку в дверях для проветривания, передавал мои «гостинцы» Гаджи Абдулу и его соседям, приносил газеты. «При случае можно и водочку», — поясняет «общак».

И еще один, не лишенный практического интереса совет: если пригнуться и постараться осторожно просунуть голову в проем форточки («У вас аккуратная головка, не то что у меня»), можно перекинуться словом с Гаджи. Опять же свежее лицо увидите...

Советом сим не пришлось воспользоваться, потому как меня вскоре перевели в тюремную больницу, называемую по-старинному лазаретом — давление вконец замучило.

В лазарете, как и вообще в остальных камерах, арестанты не засиживаются. «Гостят» тут то и дело вместе с подследственными пересыльные, прежде чем их переправят в «места постоянного проживания» — ИТК (исправительно-трудовые колонии).

Лазарет — это та же камера, только с меньшим числом обитателей. Из медицинских препаратов — таблетки, термометр и иногда аппарат, неизменно фиксирующий у меня 170 на 100!

Таир — завсегдатай лазарета. Впрочем, как и я. Только в отличие от меня его не мучает давление. Он должен селиться в лазарете согласно своему статусу. Интересно, что это обстоятельство уважительно воспринимается не только обитателями, но и администрацией.

В один из дней появилась возможность переслать домой весточку: один из пациентов, некто Мазаир, средних лет му-

жичок, выхлопотал себе досрочное освобождение. Я сажусь писать домашним письмо.

— А надо ли?

Это — Таир, невысокий, сухошавый, с пронзительным взглядом: «В тюрьме люди ходят в масках. Подумайте, прежде чем направлять кого-либо к себе домой».

— Мазаир вроде бы неплохой мужичок.

— В том-то и дело, что вроде бы. Я б на вашем месте был осторожней.

Так кому же верить, товарищ Гусейнов: внутреннему голосу или старому рецидивисту?

«Рецидивисту!» — подсказывает внутренний голос.

Простой человек, конечно, заражен подозрениями, которыми окружена аббревиатура КГБ, но в то же время он полагает, что каждый, кто причастен к этой полутаинственной организации, сведущ во всем и знает многое такое, чего неизвестно остальным смертным. По этой причине я часами консультирую своих сокамерников по поводу юридических тонкостей их уголовного дела, даю советы, как вести себя на допросах. Они даже не подозревают о том, что закон наделил их какими-то правами. Например, правом не отвечать на вопросы без адвоката.

Некоторые мои рекомендации и сведения, почерпнутые из УК и Процессуального кодекса, судя по всему, укрепили некоторых моих новых знакомцев в убеждении, что генерал все знает. Бывший участковый как-то вдруг замкнулся, по долгу лежит, уставившись в потолок. Ясное дело — недобрые вести с воли. Поздно ночью он поверяет мне свою тайну — дошли до него слухи, что жена его куда-то выезжает по ночам, возвращается поздно. Неужели сбилась с пути? А, генерал?

— А если сиднем сидеть в четырех стенах, как тебя вызывать отсюда?

На следующий день он возвращается сияющий со свиданья: «Родные сообщили, что жена нашла ход к новому главе Гянджи. Тот обещал замолвить словечко. Вот молодец!»

Такие вот будни тюремные...

Первой изоляцию прерывает Хабиба. По одному ей известному каналу супруге моей удастся переслать сообщение,

что она не растеряна, что она действует: «Уважаемый господин президент! Арест моего мужа Гусейнова Вагифа Алиовсат оглу считаю незаконным, противоречащим всем известным международным конвенциям, законам Азербайджанской Республики. Считаю, что содержание В.Гусейнова под стражей в то время, как он тяжело болен, что подтверждается медицинским освидетельствованием, имеет своей целью его физическое уничтожение. Хабиба Кашкай».

Ай да Хабиба! А ведь я не рассказывал ей, как комментировал следователь Р. Усубов мое замечание о повышенном давлении: «У нас каждый второй гипертоник...»

Ее письмо — призыв к действию. Ведь в одиночестве, на которое меня обрекли, главное — прервать изоляцию.

Борьба за мое освобождение

С этого дня — 10 ноября — у меня налаживается устойчивая связь с внешним миром. Первая важнейшая новость — ничего не вышло у властей с их расчетами на солидарность со стороны общественности. Что-то клиническое видится в том, что политики, на всех перекрестках кричавшие о правах человека, толерантности, выступающие против авторитаризма, диктатуры коммунистической власти, искренне убеждены в том, что демократия немедленно восторжествует, если эту самую власть взять в собственные руки. Им и в голову не приходит, что коммунистическая диктатура сменяется национал-революционной.

Обо всем этом без обиняков говорится в публикациях Комитета защиты прав Вагифа Гусейнова, созданного Расимом Агаевым. Заявления комитета подписывают мои старые товарищи по комсомолу Ф. Исаев, С. Сейранов и др. Активно подключились к этой правозащитной кампании и депутаты Милли Меджлиса А. Рагимзаде, А. Манафова, Р. Гусейнов и другие. Направляет президенту письмо, полное возмущения, академик, Герой Советского Союза Зия Буниятов. Помимо того, что академик весьма популярен в народе и уважаем в научном мире, к нему с почтением относится и Эльчибей. Ведь Буниятов когда-то рецензировал и благословил его кандидатскую диссертацию о тюркском государстве древности —

тулунидов. Но академик на сей раз рецензирует политические порядки, устанавливаемые его бывшим аспирантом: «Это недемократично. А точнее — произвол!»

«В Москве группой видных представителей общественности Азербайджана создается Комитет по защите чести и достоинства генерала В. Гусейнова, — сообщает радиостанция «Эхо Москвы». — В составе комитета известные писатели Максуд и Рустам Ибрагимбековы, народные артисты СССР Муслим Магомаев, Тамара Синявская, спортивный деятель Эльдар Талышев и другие».

Вслед за этим группа авторитетнейших представителей интеллигенции добивается аудиенции у президента Эльчибея. В числе важнейших проблем, которые они намерены обсудить с ним, положение с правами человека, признаки свертывания демократических начинаний, преследования по политическим мотивам. В частности, явно предвзятый арест Вагифа Гусейнова. В составе группы — Максуд и Рустам Ибрагимбековы, Анар, Фархад Бадалбейли и даже член руководства НФА Юсиф Самедоглу и другие. Они однозначно требуют от изрядно опешившего Эльчибея немедленно изменить меру пресечения. «С головы Вагифа и волос не упадет — слово президента! В ближайшие дни он будет на свободе», — обещает тот.

Увы, обстановка шантажа и террора, воцарившаяся в республике, продолжает накаляться. И эти интеллигентные люди еще не раз выступят с заявлениями и обращениями в мою защиту. Дело вовсе не в моей персоне, не в моей судьбе. Твердая, благородная позиция азербайджанской интеллигенции напомнила обществу о недопустимости новой формы авторитаризма в демократической упаковке.

Мужество и благородство друзей морально поддержало меня и мою семью в первые безысходные месяцы. На первом же разрешенном свидании Хабиша рассказала, что сразу после сообщения одного из российских телеканалов о моем аресте ей позвонил из Новосибирска Анатолий Пантелеевич Дервянко и предложил забрать Рену к себе до лучших времен. Он тогда работал ректором университета и сказал, что Рена сможет пожить у них, сколько потребуется, и спокойно подготовиться к поступлению в вуз. Зная характер дочери,

Хабиша все же предложила ей воспользоваться приглашением друга семьи.

«Она, — сказала Хабиша, — обожгла меня взглядом и, не сказав ни слова, вышла из комнаты и закрылась у себя».

Расим Агаев с его широкими журналистскими связями подключает прессу — азербайджанскую и московскую. Нашлись средства и на издание газеты «Гуртулуш» (название модное, в стиле новых национал-демократических веяний, а раскроешь — письма бывшего председателя КГБ республики ныне действующему президенту). Властям явно не удастся создать завесу молчания вокруг ареста экс-председателя КГБ. Пока они в растерянности, надо переходить в наступление, пишу я на волю членам комитета по защите моих прав. Та же установка дана адвокату Айдыну Балабекову (его рекомендовал председатель Коллегии адвокатов республики А. Абдуллаев, отец известнейшего писателя Чингиза Абдуллаева).

«Совсем недавно, когда я защищал группу активистов НФА, обвиняемых в убийствах армян, лидеры НФА громко возмущались тем, что дела азербайджанцев ведут следователи из Москвы. Теперь эти же люди отказывают адвокату из Москвы, нанятому семьей, чтобы защищать Вагифа Гусейнова, — заявил А. Балабеков в первом же интервью прессе. — Тридцать четыре года я работаю адвокатом. За эти годы вел дела во всех республиках. Люди выбирают тех врачей, тех адвокатов, которым доверяют. Это — их право».

А. Балабеков действительно повидал в своей практике всякое. Его не надо учить наступательности. Я поручаю ряду наших товарищей, имеющих связи с прокуратурой и окружением А. Эльчибея, И. Гамбара, Т. Караева, внимательно отслеживать ситуацию вокруг моего дела в органах. Интуитивно чувствую: что-то замышляется. Усиление линии обвинения они видят в том, чтобы как можно больше запачкать меня. И вот удача.

«Я бы не прибегнул к публикации открытого письма, если бы не был уверен в пристрастном ко мне отношении некоторых работников прокуратуры. К сожалению, общение с ними, особенно с нынешним замом генерального прокурора Азербайджана И. Татиевым в ту пору, когда он был еще сле-

дователем по данному делу, и следователем Р.Усубовым, подтверждает мои опасения в том, что рассчитывать на объективность и непредвзятость мне не придется».

Это из моего обращения к Эльчибею, опубликованного в газете «Гуртулуш».

Далее ставлю президента в известность об определении распорядительного заседания Военной коллегии Верховного суда Азербайджанской Республики в отношении известного уголовного дела о политических убийствах, якобы совершенных подполковником С. Алиевым по поручению Эльхана Мамедова.

«...Татиев вынес в отношении Э. Мамедова постановление об изменении меры пресечения на подписку о невыезде. Безо всяких согласований, уважаемый господин президент. На основании этого постановления Э. Мамедов немедленно освобожден из-под стражи. Вот так».

Р. Усубов взбешен. Явно нервничает. Катит бочку на своих сослуживцев, обвиняя их в подкопах. Однако дело разваливается. К данному эпизоду он больше не возвращается.

Это первая наша серьезная победа над неправым судом. И в то же время это — подарок судьбы, уготованный к моему 50-летию, которое я отмечаю в лазарете Баиловской тюрьмы. Тяжело дается переписка с демократической властью. Вот уж действительно демократура...

Другой эпизод — обвинение в организации взрыва в телецентре — жестоко высмеивает в газете «Бакинский рабочий» (17 февраля) А. Балабеков.

«В Уголовном кодексе Азербайджана 61-я статья начинается предложением «За подрыв мощи СССР и диверсии против Советского государства». Присвоив себе право законотворческой инициативы, следователь сделал небольшую поправку. Слова «Советское государство» он заменил словами «Азербайджанское государство», на что, разумеется, не имел права. Милли Меджлис эту статью пока не менял. Как известно, во время январских событий Азербайджан находился в составе СССР. Если взрыв в телецентре организовал В. Гусейнов с целью подрыва мощи СССР, тогда он не должен сидеть в тюрьме, а быть объявлен национальным героем».

Следующий ход — публикация серии интервью в формирующейся независимой прессе, по существу складывающейся в республике общественно-политической ситуации, надвигающейся катастрофе на карабахском фронте, проблем, связанных с развитием демократии. Вопросы журналистов поступают в Комитет, после чего перенаправляются мне.

Заполучить и переслать текст через толстые стены Баиловской тюрьмы просто. У меня имеется несколько каналов связи. Я их использую поочередно. Кроме того, остается определенный пиетет, чувство корпоративности военных людей перед старшим по званию, тем более генералом. В МВД хоть и поставлены новые фигуры на ключевых позициях, но для смены всего офицерского состава у НФА просто нет своих людей. Как, впрочем, и в остальных сферах государственных структур.

Кадровые работники не скрывают своего сочувствия, симпатии, уважения. Одни помнят меня по комсомолу, другие — по партийной работе, третьи — выражают свое почтение к генеральскому званию. Что и говорить, в ту пору генералов в Азербайджане можно было пересчитать по пальцам. Не то, что нынче...

Очень скоро в соседней камере слышится знакомый хриплый голос.

— Гаджи, и ты здесь?

— Если бы только я, — бодро отвечает Гаджи Абдул, председатель общества «Товбе» («Обет»), ахунд мечети, видный религиозный деятель, сторонник Аяза Муталибова. — Тут и Гатыр Мамед, и наши ребята-бакинцы, воевавшие в Карабахе.

— А тебя-то за что?

— В госперевороте обвиняют. Все, кто против Эльчибея, говорят, враги нации и республики.

Вот и враги народа обнаружили. Одно утешение: есть с кем поговорить, пообщаться по вечерам. И еще очень скоро выяснилось: чем смелее, наступательней действуем я и мои друзья, сторонники на воле, тем больше сочувствия в пенитенциарной охране. Это особенно заметно в регулярно проводимых «шмонах» — надзиратели демонстрируют, что они отбывают повинность: поправят подушки, заглянут в шкаф-

чик — и за дверь. Глядишь, иной и подмигнет по-дружески. Обращаются, отступая от требований устава: не «арестант такой-то», а как к старшему по возрасту и званию: «Господин генерал!» Вертухаи закрывают глаза и на мои ежедневные «переговоры» с Гаджи Абдулом и другими собратьями по несчастью. Регулярно делюсь с новыми соседями гостинцами из «посылок» И. Гамидова, исправно — раз в неделю — доставляемых нарочным мне.

Я принимаю все это, естественно, с чувством благодарности, столь же искренне радуясь благородству, обнаруженному в этом человеке с явно выраженными экстремистскими инстинктами. И все же мое положение велит относиться с величайшей предосторожностью ко всему съестному, попадающему в камеру через окошечко кованой двери. Это обстоятельство вызывает соответствующую реакцию организма, и без того перегруженного обострившимися недугами. Молю Бога, чтобы он помог мне сохранить здоровье до суда, на который необходимо явиться в приличной моральной и физической форме.

Я знаю — каждое мое выступление в прессе вызывает приступ ярости в прокуратуре, президентском аппарате, Милли Меджлисе, где не устают плести интриги вокруг гнусной истории с подполковником С. Алиевым. Я более не возвращаюсь к этому эпизоду. Я веду бой не только за себя, но и за службу, которую пришлось мне возглавить в самый тяжелый период истории Азербайджанской ССР. КГБ, а вместе с ним и десятки азербайджанских разведчиков оболганы, облиты грязью.

Эльчибей и К°, захватив власть, запели нехитрую песенку о том, что, мол, несмотря на кровавую историю и имперскую политику СССР, в КГБ имелись и хорошие ребята. Задавшись целью увеличить число таковых, они посадили в председательское кресло Ф. Тахмазова, руководившего Джалилабадским отделением КГБ АР, подтвердив информацию о его заигрываниях с оппозицией и раскрыв, таким образом, истинные причины известных событий.

Присматривать за Ф. Тахмазовым, он все же кадровый чекист, а вдруг тайно работает на Москву (!), назначен Сульхатдин Акперов, слывший одним из самых решительных

фронтистов. С появлением Г. Алиева в Нахичевани раскрылись новые грани его политического таланта. Явившись в кабинет нового председателя Верховного совета автономии, к чему С. Акперов также приложил руку, он подал генерал-лейтенанту КГБ идею, немало удивившую выдавшего виды старого чекиста: «Назначьте меня председателем КГБ Нахичеванской АССР».

— Но ты же, насколько я знаю, ветеринар, — не без иронии отвечивал Г. Алиев, добавив, что он подумает, как наилучшим образом использовать на пользу отечества животноводческие знания и революционный опыт молодого человека, до сих пор присматривавшего исключительно за колхозной живностью. Теперь Сульхатдин Акперов присматривает за Ф. Тахмазовым и сотрудниками старой советской закалки. В ответ последние прозвали нового зама «Сульфадимезином», намекая на то, что перед Сульхатдином сам Эльчибей поставил задачу оздоровить службу безопасности.

«В течение двух с лишним лет общественности внушается, что КГБ является организатором ввода войск в Баку и, мол, это было сделано 16–17 января по инициативе председателя КГБ. При этом никто не приводит сколько-нибудь убедительных фактов. Ни одного факта! И все это несмотря на то, что В. Гусейнов давно не у дел. Более того, он находится под арестом! Следователи копают день и ночь. Где же факты, господа?!»

Далее я пишу в «Гуртулуше» об информации, переданной мне бывшими сослуживцами: «В последние дни, как мне стало известно, осуществляется усиленная обработка ряда работников КГБ, от которых требуют обязательно вспомнить о содержании шифровок, при этом настаивают, чтобы в этих «воспоминаниях» присутствовали фразы о «ЧП, вводе войск и т.д.».

Не каждый устоит перед перспективой быть выброшенным с работы. Но дело не только в моральной стороне вопроса. Стоит задуматься и над профессиональными издержками такого метода выбивания показаний. Будут ли установлены истинные причины и виновники трагедии? Вот в чем вопрос! Следователей же, судя по всему, заботит одно — привязать эту огромную по масштабам трагедию к одному человеку: Вагифу Гусейнову».

В «Бакинском рабочем» (27 февраля 1993 года) А. Балабеков напоминает: «В Заключении комиссии по расследованию обстоятельств и причин трагических событий, связанных с вводом войск в г. Баку 19–20 января 1990 года, сделан однозначный вывод: ответственность за ввод — преступные действия советских войск в Азербайджане несут М. Горбачёв, Е. Примаков, А. Гиренко, Д. Язов, В. Крючков, В. Бакатин, В. Варенников и другие должностные лица политических и военных органов бывшего Союза».

Логика разоблачительных публикаций убийственна. Их десятки, не считая прямых обращений к руководителям АР, депутатам парламента, прокурору республики. «В Заключении юридически точно установлено, кем, когда и каким образом осуществлен ввод войск», — пишет адвокат. — В то же время из официального сообщения на заседании Милли Меджлиса в годовщину январских событий явствует, что ничего не сделано даже для установления степени ответственности указанных лиц.

Возникает чисто правовой вопрос: можно ли определить степень вины кого-либо, если не установлена ответственность главных исполнителей ввода войск? Кроме В. Гусейнова, к ответственности по этому делу не привлечен ни один деятель ни союзного, ни республиканского масштаба. Ясно, что цель тут одна — представить В. Гусейнова организатором и исполнителем этой чудовищной акции вопреки документам, логике, вопреки закону!»

И далее — вопросы, на которые трудно ответить, но над которыми начинает задумываться общественность, до того заморожено внимавшая лжедемократам: если приказ о вводе войск издал М. Горбачёв, кто же приказал людям строить баррикады, выставлять пикеты, встать на пути движения войск?

Эти обвинения теперь уже не вызывают бурю возмущения среди общественности, как пару лет назад. Как и следующие цитаты: «На заседании меджлиса НФА, состоявшемся в январе 1992 года и транслировавшемся по телевидению, Иса Гамбар подчеркнул, что о вводе войск он знал. Знал и ничего не предпринял?!»

Седьмого октября в телевизионной передаче президент Абульфаз Алиев заявил следующее: «Мы не ожидали, что им-

перия может применить оружие. Думали, войдут танки, и мы, взявшись за руки, встанем перед ними, но в нас стрелять не будут». И это говорит будущий президент!

Независимая пресса всю раскручивает острую, вызывающую всеобщий интерес тему. Уже к январю-февралю 1993 года рейтинг НФА, как и его лидеров, находящихся у власти, стремительно катится вниз. Тлеющие угли тщательно скрываемых распрей, обострившихся после дележа кресел, выплескиваются наружу. От былой восторженности народной, благодушных ожиданий и надежд не осталось и следа. Критика, все более острая, звучит в парламенте, газетах, в домах, на улицах.

Реставрация

Неймат Панахов, сбросивший маску, окончательно переметнулся на сторону нахичеванского сидельца — Гейдара Алиева, сообщают мои источники на воле. Его попытка вновь, как в советские времена, обратиться напрямую к народу неумолимо пресекается полицией, и неукротимого «глашатая свободы» бросают за толстые вековые стены Баилловской тюрьмы, неподалеку от меня.

Партия Этибара Мамедова, ориентированная на ереванский электорат и контролирующая подвижную армию беженцев из Армении, вместе с Расулом Гулиевым, назначенным НФА зампредом Совмина, заключает союз с нахичеванским кланом, возглавляемым Г. Алиевым.

В феврале, во время пребывания в Баку в связи с кончиной старшего брата Гасана, его принимает Эльчибей.

Бывший диссидент в роли президента и бывший член Политбюро в роли просителя? Как бы не так! Президент просит Г. Алиева посодействовать установлению взаимопонимания с Россией.

Несчастный арабист, лучше б ему остаться в рукописном фонде и копать в короткой истории крошечного тюркского государства древности... Доверили козлу огород, считают некоторые аналитики НФА, в том числе и из окружения президента. Конечно, Эльчибей не очень дальновиден, как всякий, кто занимается не своим делом. Но он и не так прост, как кажется. И вовсе не наивен, как думают некоторые.

Он запер меня в этом застенке, как человека, имеющего обширные связи в Москве. Он полагает, что, находясь на свободе, я могу создать для его власти определенные проблемы. Простым и незамысловатым способом он лишает Москву сильнейшей, по его мнению, фигуры в ее игре на бакинской площадке. По той же причине он выдал из Баку А. Муталибова, закрыв навсегда ему дорогу назад. Отчего же он сделал исключение для Гейдара Алиевича? Откуда такое доверие? Надо обладать слишком большим воображением (или доверчивостью ребенка), чтобы поверить и убедить в том других, что Гейдар Алиев, единственной целью, желанием и стремлением которого всегда было обладание властью, ринется в Москву, чтобы использовать свои явные и тайные возможности ради того, чтобы продлить президентство Эльчибея, которого он за глаза называет недоумком!

Во всяком случае именно после этой исторической встречи Эльчибей — Алиев, о которой не сохранилось никакой документальной информации, и последовавшей затем поездки Г. Алиева в Москву, народофронтговскую власть зачихорадило. Она зашаталась.

Не надо быть провидцем, чтобы заключить: Г. Алиев вновь рвется к власти. На него работает десяток газет в Баку, многие его ставленники на министерских постах, по крайней мере, две партии и третья — его собственная, еще не зарегистрированная, но от этого не теряющая притягательной силы. Не говоря уже о силе личности — лидера, многократно возрастающей на фоне комической фигуры главы народофронтцев, которого уже никто не признает президентом и портреты которого срывают в городах и селах.

Как же быстро растеряли «демократы» весь свой флер истинных сынов нации: самых умных, самых патриотичных, самых смелых, самых демократичных. И куда все это подевалось? А никуда. Флер он и есть флер. Подделка, грим, маскарад, игра в демократов. К сожалению, народ часто верит игре, ничуть не интересуясь ее сутью, целями, содержанием. Хорошо, разумеется, прикинуться этаким героем-демократом и втирать очки с трибуны народу. А каково, когда народ очнется от политического гипноза, как сейчас?

Журналисты все настойчивей запрашивают через Комитет интервью о складывающейся внутри республики и вокруг нее обстановке. Мои друзья из тактических соображений рекомендовали сосредоточиться на предъявленном обвинении, чтобы подготовить общественное мнение к предстоящему суду. Процесс планируется начать к лету. Но, скорее всего, он состоится не раньше осени. 13 томов дела летом мне никак не одолеть. Впрочем, если повезет, к лету властям будет не до меня.

В Азербайджане последние пять лет кризис раскручивается с весны, спадает к августу, а затем с новой силой накачивается на обреченную твердыню власти к осени. Счет предъявляется в октябре-ноябре, когда студентов не пошлешь собирать хлопок, когда армянские боевики начинают очередное наступление, когда в магазинах шаром покати.

Чтобы свалить советскую власть в Баку, понадобилось четыре года разгула анархо-демократии. НФА не выдержит и нескольких месяцев. Так что не стоит мне отмалчиваться, когда тандем Эльчибей — Гамбар не критикует разве что только ленивый.

Интервью в камере

— Начнем, пожалуй, со злободневной темы... Азербайджанский президент побывал в Москве. Встретился с Ельциным. Как вы оцениваете азербайджано-российские отношения в свете этой встречи и перспективы урегулирования карабахской проблемы?

— Вспоминаются кадры недавней телепередачи из Москвы о визите азербайджанской делегации в российскую столицу: теплые рукопожатия с Ельциным, звон бокалов с протокольным шампанским. Нет, не случайно на пресс-конференции после московских переговоров азербайджанский президент прервал журналистку, заикнувшуюся было про январь: «Нет, ханум, про январь забудьте!» Это и есть большая политика в исполнении «демократов». За звоном президентских бокалов они уже не слышат грохота танковых гусениц, рева вертолетов над Ходжалы, криков и стонов расстреливаемых в упор...

Одной из главных «скрипок» этого зловещего оркестра был 366-й полк российской армии, сознательно брошенный на произвол судьбы и специально подталкиваемый к этой роковой черте. 366-й полк российской армии, Верховным главнокомандующим которой являлся нынешний президент Б.Ельцин. Тот самый Ельцин, которого забросали телеграммами, письмами с требованием вывести полк из Степанакерта. Политика! А каково ходжалинцам, детям, убитым и без вести пропавшим, глядя на улыбающихся президентов, один из которых главнокомандующий армии России, а значит — и юридически, и морально ответственный за геноцид в Ходжалы!

То, что стало поражением президента А. Муталибова, обрачивается триумфом президента Эльчибея. И наш президент-демократ весьма доволен этим.

— *Война не исключает дипломатических средств достижения национальных целей.*

— Да, дипломатических! Но перед нами политиканство. Поясню свою мысль. Многие высветили лучезарные улыбки в тот час кремлевского братания. Ведь именно после этого визита из политического портфеля был извлечен новый тезис в подходе к карабахской проблеме. Мол, конфликт можно разрешить только мирными средствами. А ведь еще недавно Эльчибей и его соратники за одно только слово «мир» могли любого пригвоздить к позорному столбу. Есть только военное решение проблемы, твердили они. Потом заговорили о военно-политическом. И вот, наконец, новая модель — политическая. Изменения в позиции политика — явление нормальное, свидетельствующее о гибкости или эволюции взглядов. Но ведь и Везиров, и Муталибов до них добивались мирного решения карабахской проблемы. Их предали анафеме!

И вот через разруху, голод, страдания тысяч людей, через горы трупов мы возвращаемся к тому, с чего начался конфликт, — попытке его урегулирования мирными средствами. Что это — политическая слепота? А может, политический расчет? Подумайте сами. Напомню только — Нагорный Карабах потерян. «Миацум» состоялся. Увы... Когда мы были у власти, флаг Азербайджана развевался над Степанакертом.

А азербайджанский спецназ очищал от боевиков целые районы.

– Но стоит напомнить и о том, что Азербайджан – независимая республика. Разве это не главное?

– Подлинная независимость всегда подразумевает социальное благополучие. Кругом нищета, беспросвет, такого не было даже при насильственной коллективизации. А люди начинают вспоминать 1960–1970-е годы, как годы настоящего коммунизма. Когда-нибудь они спросят-таки у «демократов»: зачем надо было отнимать у человека хлеб ценой в 30 копеек, уверяя, что тот же хлеб ценой в 25–35 рублей вкуснее и лучше?

Неужто плохо было простому человеку, когда ему в профкоме выдавали бесплатно путевку для его ребенка в пионерский лагерь, а сам он мог за несколько десятков рублей поправить здоровье в Нафталане, Кисловодске, Крыму? Нет, из такой демократии не может родиться лучшая жизнь. Она лишь деформирует, извращает сознание масс.

Борьба за освобождение в интерпретации мейдана очень скоро выветрила демократическое содержание движения, переродившись в заурядную борьбу за власть. Конечно, теоретически не исключено, что и в таком случае народное движение может завершиться установлением парламентаризма, правда, ограниченного. Но куда вероятней установление диктатуры сильной личности, близкой к восточной деспотии. Запомните это, люди!

Вы молоды, а я вовсе не собираюсь проводить в застенках «демократов» оставшуюся часть жизни. Посмотрим лет эдак через двадцать, чей прогноз подтвердится...

– Я должен вас предупредить, что вы злоупотребляете нашим уважительным отношением к вашему званию и личности. Тексты, которые публикуют ваши друзья за вашей подписью, носят антиправительственный характер. С ними разберутся, и очень скоро. Но вы, похоже, не задумываетесь над тем, в какое положение ставите всех нас.

Начальник тюрьмы, по всему видно, тщательно и долго готовился к этому приводу арестанта Гусейнова. «Мне поручено разобраться с вами. Сделать соответствующее внушение. Вот я и исполняю приказ...», – говорит он мне гла-

зами, одновременно продолжая выдавать для «прослушки» грозные тексты.

— Что же в моих публикациях антиправительственного? Вы ведь не большевики. Вы — демократы, и вам придется терпеть свободу слова. На ваше счастье, осталось, судя по всему, недолго...

На том аудиенция заканчивается.

Военный мятеж Сурета Гусейнова

...Я рассчитался со своими противниками из тесной камеры Баиловской тюрьмы, как говорится, по полной программе. Нет, это не было политической мстью. Я должен был им сказать все, что о них думаю. Не из-за себя лично, а из-за того, что они сделали с моей Родиной, из-за отнятых праздников, за тех, кого они лишили будущего, за тех, кто вынужден горбиться в далеких краях из-за куска хлеба настоящего. И еще. Запуганной части общественности нужно было показать, что из себя представляют временщики с ксировой демократов. А обманутых — разбудить.

Публикации о встречах и беседах председателя КГБ с лидером НФА А. Эльчибеем, о чем его сподвижники и не подозревали, производят эффект разорвавшейся бомбы. А вот нижеследующая информация — о И. Гамбаровом — станет причиной «разборки» среди «демократов»: «Накануне трагедии 19–20 января в обсуждениях с участием Примакова возникли серьезные разногласия. Снова было предложено арестовать всех лидеров НФА. Это предложение не прошло. Но я хорошо помню, что после окончания заседания Примаков сказал мне: если последуют указания об аресте, арестовывайте кого угодно, но не трогайте Ису Гамбарова».

Тема получает неожиданное развитие на заседании Милли Меджлиса.

«Иса-бек, может, вы все-таки отреагируете на обвинения, выдвинутые против вас в прессе? Если вы этого не сделаете, то невольно подтвердите худшие подозрения общественности относительно вас и ваших коллег по власти».

Это переходит в наступление Э. Мамедов. И. Гамбаров — опытный полемист и может держать удар. Пока он собира-

ется с мыслями, его противник наносит решающий хук: «Заодно у вас есть возможность объяснить депутатам, за что вы держите на Баилово бывшего шефа КГБ Вагифа Гусейнова. По мнению некоторых источников, вас интересуют не январские события, а дискетка с именами близких вам деятелей, являющихся агентами КГБ».

Как ни странно, но этот выпад остался без ответа. На следующем заседании в президиуме парламента возникает сам Эльчибей. Он знает, что Э. Мамедов и Н. Панахов находятся на связи с полковником Суретом Гусейновым, вышедшим из подчинения его, главнокомандующего. Знает, что С. Гусейнов вместе с русскими военными затевает в Гяндже что-то недоброе. Знает, что в связи с брожением в Гяндже активизировался и осмелел Э. Мамедов.

— Этибар-бек, я хочу вообще спросить тебя: кто ты есть такой? Что ты из себя представляешь?!

— Мне странно слышать это от вас. Вы ведь мой учитель. А ныне я лидер Партии национальной независимости. И речь идет не обо мне, а о вашей полной неспособности управлять страной. Вы находитесь на пороге краха.

Все перипетии политического противостояния я узнаю по каналам связи с внешним миром. Вывод: дни НФА сочтены. По опыту знаю: если эти двое — Неймат Панахов и Этибар Мамедов — вышли из тени, быть крови. А кровь, тоже известно, означает смену власти.

Кровь на сей раз пролилась в Гяндже — некоронованной столице Азербайджана, центре неистребимой гянджинской самостийности. И первым публично на заседании парламента об этом объявил Э. Мамедов. Любительская власть, сколоченная тандемом Эльчибей — Гамбаров, распадается, как карточный домик. Полковник С. Гусейнов движется со своими повстанцами на Баку. Попытка вооруженной расправы над ним завершается полным крахом тандема Эльчибей — Гамбаров.

Азербайджан скатывается к гражданской войне. И эта катастрофа на их совести.

Весь период весны и начала лета информация потоком врывается сквозь тюремные стены по разным каналам, из разных источников. Следователи про меня начисто забыли,

как и про остальных. Заключение живо обмениваются сведениями. Нетрудно определить две тенденции в начавшейся смуте: гянджинский бастион, возглавляемый Суретом Гусейновым, натиск нахичеванского клана, приступившего к открытой кампании за возвращение к власти Гейдара Алиева. В мае он отмечал в Нахичевани свое 70-летие. На юбилей съехались многие именитые люди, в том числе и Зия Буниатов. Войска С. Гусейнова по дороге в Баку без боя свергают местную народофронтговскую власть, которую уже все называют режимом. Все также говорят, что С. Гусейнов пообещал вздернуть на виселицах (тех самых, что фронтисты соорудили перед президентским дворцом) поочередно Эльчибея, Ису Гамбара и Панаха Гусейнова, только что назначенного премьером.

«Если он обещал, то непременно сделает. Сурет слов на ветер не бросает!» — говорит гянджинец в лазарете, далекий от политики человек, коммерсант, чем-то не угодивший властям.

И тут Эльчибей делает ход — абсолютно неожиданный для своих соратников. Отправив в отставку председателя парламента и премьера, он призывает на помощь Гейдара Алиева. Внешне это выглядит как страх, охвативший бывшего диссидента перед фактом захвата Баку суретовцами. Однако в самом сценарии видится и логика игры, начатой при первой встрече с Г. Алиевым. Как бы там ни было, появляется надежда на консолидацию национальных сил.

Г. Алиев обнадеживает ожидания общественности сразу после своего триумфального возвращения в Баку. В такой исход верят многие: предложения о создании национальной коалиции ему поступали от А. Муталибова, об этом не раз говорил А. Рагим-заде, фактический confident Г. Алиева в Милли Меджлисе, в том же он уверил Расима Агаева. Что ж, может, и впрямь в новых обстоятельствах он забудет старое и станет действовать во имя национальных целей?

Первый его шаг — обнадеживающий. Пожилой претендент на высшую власть направляется в 40-градусную жару в Гянджу — на встречу с Суретом Гусейновым. О чем их переговоры? Это так и останется тайной. Во всяком случае, не о

том, что он поведал поздно ночью вместе с Расулом Гулиевым окончательно потерявшему голову Эльчибею. О чем говорили они — бывший диссидент и бывший член Политбюро тет-а-тет во время своей последней встречи? Эту тайну они оба унесут в могилу. Ее итогом явилось бегство Эльчибея в Нахичевань, что при всех случаях можно однозначно квалифицировать как шаг, недостойный главы государства. Проще говоря, трусость. Хотя был, безусловно, и уговор с Г. Алиевым.

Последний провел всю операцию по второму возвращению к власти со свойственными опытному политику блеском и мастерством. Только раз, в самом конце скрытой политической рокировки, он заспешил и обнажил тщательно скрываемые намерения своей многоходовой комбинации. Сообщив о таинственном исчезновении главы государства Эльчибея, он объявил стране и миру, что берет власть в свои руки. Этот шаг не имел юридической основы. Впрочем, в те часы мне было не до тонкостей политической интриги.

А. Балабеков, комитет, друзья и даже надзиратели считают, что необходимо начать кампанию по освобождению из-под стражи.

Свободен!

По тому, как прокуратура реагировала на обращения адвоката, чувствовалось: в системе власти царят растерянность и полный разброд. Пресса внимательно отслеживала перипетии дела. Первое обращение на имя и.о. Генерального прокурора республики ушло в начале июня. 26 июня газета «7 дней», отличавшаяся информированностью, сообщает: «По сведениям, полученным из заслуживающих доверие источников, заместитель Генерального прокурора И. Татиев ответил отказом на просьбу об освобождении бывшего председателя КГБ. Не совсем ясно, почему ходатайство адвоката оказалось на его столе. Известно лишь, что в интервью под названием «Идут политические игры» В. Гусейнов высказал на адрес И. Татиева несколько нелицеприятных слов».

Автор, как и источники утечки, прекрасно знал, почему мое ходатайство оказалось на столе И. Татиева. К тому вре-

мени Генпрокурор И. Ширинов, направленный президентом Эльчибеем в Гянджу разобраться с восставшим полковником С. Гусейновым, сам становится пленником последнего. Генпрокурор, доставленный к полковнику, считает за благо объявить о своем переходе на сторону восставших и санкционирует приказ об аресте президента-фронтиста, возбудив против него уголовное дело. В ответ Эльчибей отстраняет его от должности, назначив врио И.Б. Мамедова.

И тут происходит бунт в самих органах надзора.

На стол и.о. Генпрокурора ложится письмо начальника отдела по надзору за административной деятельностью органов внутренних дел, старшего советника юстиции С. Искендерова. Он пишет, что бывший председатель КГБ Азербайджанской Республики Вагиф Алиовсат оглу Гусейнов арестован по подложному обвинению.

«Арест В. Гусейнова не единичный факт, — докладывает С. Искендеров. — После долгого пребывания в следственном изоляторе органы вынуждены освобождать многих граждан за отсутствием состава преступления. В бытность начальником следственного отдела я неоднократно докладывал руководству прокуратуры о том, что в действиях В. Гусейнова нет состава преступления. Со всей ответственностью я докладываю вам, исполняющему обязанности генерального прокурора республики: в действиях В. Гусейнова нет состава преступления. Прошу принять в отношении него законное и справедливое решение».

Эльчибея нет. У власти Гейдар Алиев. «Партократия» возвращается, полагают многие. Я не хочу верить в худшее, тем не менее, тюремные камеры пустеют, а я тщетно жду доброй весточки с воли.

Мои друзья попадают на прием к руководителю российской парламентской делегации, заместителю министра обороны РФ, генералу В.А. Ачалову, который знает меня не понаслышке, с просьбой помочь вызволить В. Гусейнова. Десантника не надо просить по этому вопросу дважды.

— Вопрос освобождения Гусейнова явится подтверждением перемен к лучшему в азербайджано-российских отношениях, — говорит Владислав Алексеевич Г. Алиеву и С. Гусейнову.

И после этого визита мое дело становится причиной размолвки между и.о. президента и премьером. Последний не шибко искушен в государственных делах и политике высокой пробы. Но водить себя за нос он никому не позволит. А «Старик», как именуют Г. Алиева, именно этим и занят после того, как немногословный премьер безо всякого почтения разразился тирадой: «Где ты был, когда я и Вагиф очищали Карабах и подступы к Гяндже от армянских банд? Он — молод, многое знает и умеет. Его не в тюрьме надо держать, а вот тут!» — И полковник угрожающе стучит указательным пальцем по столу.

Тем не менее, «Старик» тянет: «Все руки не доходят... Да ты не волнуйся, я помню наш уговор... И куда этот прокурор запропастился?!»

А новый генпрокурор — как раз человек полковника, депутат из Гянджи Али Омаров. Сурету ничего не стоит разыскать новоиспеченного по его же настоянию прокурора и приказать ему ждать до потери сознания звонка «Старика». Через несколько минут полковник возникает в кабинете и.о. президента.

— А-а, Сурет, сынок, заходи.

«Сынок» пододвигает к себе телефон правительственной связи. Набирает номер А.Омарова и передает трубку и.о. президента: «Прикажи ему освободить Вагифа».

Я был освобожден в тот же день. Вечером 18 июля 1993 года.

Вот он, глоток свободы — тюремные двери, захлопнувшиеся за спиной, и радостные лица друзей. Мы обнялись. Никто не догадался прихватить с собой камеру. А к чему она?

Это ведь не историческая минута, а миг счастья. Он останется со мной. Навсегда.

**Мой девиз: не требуйте гарантий.
И не ждите спасения от чего-то одного.
Сами создавайте то, что может спасти
мир – и если утонете по дороге, то хоть
будете знать, что плыли к берегу.**

Рэй Брэдбери

ПОСТСКРИПТУМ

9 января 1994 года около половины шестого утра я вышел из своего дома на Коммунистической, 1 (последняя советская постройка времен застоя для высшей партийной номенклатуры республики). У подъезда меня ждала машина — простенький, неприметный фургон — ГАЗ-24 моего давнего друга. Было еще темно, холодный бакинский «Хазри» — северный, особо свирепый ветер — сыпал пригоршнями снежной крупы. Отметив про себя, что постового не видно — разумеется, отсыпается где-то, вообще-то, в данном случае это и к лучшему, однако как же разболталась служба, я примостился на заднем сиденье, и мы тронулись в путь на аэродром...

В третий раз я улетал в Москву начинать новую жизнь — другого уровня, в других масштабах, с другими людьми. Лишенный привычной отлаженной системы взаимосвязей, теперь я должен рассчитывать прежде всего на себя. Но и Москва для меня не чужой город, я не чувствую здесь себя одиноким и ненужным.

В политику я твердо решаю не возвращаться. И коммерция меня не очень греет, хотя, имея в родословном древе крепкую и удачливую ветвь купцов, промышленявших коврами и золотом, наверное, преуспел бы не хуже других. Опыт и интуиция подсказывают попробовать свои силы в сфере, наиболее близкой по роду моей практической деятельности.

Разумеется, первым делом просыпается давняя мечта о самостоятельной журналистике. Но мне уже рассказывали, что крупные газеты и журналы, составлявшие часть каждодневного бытия миллионов людей в России и дальше по всему, как стали называться бывшие союзные республики — ближнему зарубежью, или закрываются, или дышат на ладан. Значит, будем искать что-нибудь другое, но рядом....

Жизненная стезя, поплутав по лабиринтам политической власти, возвращается к тому, с чего я вступал когда-то в самостоятельную жизнь и с чем связывал свои творческие устремления — к политической журналистике. В новой жизни, при всех её непрекращающихся шараханьях, социальных ухабах и моем неприятии крайнего индивидуализма, меня увлекает дух соревновательности...

Вскоре глава акционерно-финансовой группы «Система» Владимир Евтушенков предложит мне создать в его структуре информационно-аналитический центр и службу безопасности. Это устраивает меня во всех смыслах.

И я начинаю жизнь с чистого листа. Этот биографический факт может заставить опустить руки, но может и заставить собрать волю в кулак — все зависит от того, как осмыслишь вызов судьбы. Я так увлекся этой проблемой, что и не заметил, как вокруг вновь подудли «вихри враждебные», напоминая о том, кто не любил оставлять незавершенными начатые партии.

— Зачем вы вернули его к власти, зная, что будете обмануты — рано или поздно? — спросил я человека, который сказал Б.Н. Ельцину в бурные дни лета 1993 года: «Больше некого». — В конце концов, вы могли настоять на создании баланса сил в руководстве республикой, которую не хотели терять.

— Это был не первый обман, — сказано было мне. — Мы закрыли глаза на это, как и на многое другое, ввиду того, что он сдержал слово в главном вопросе — карабахском. Он предоставил нам решать его так, как нас устраивало. Что было просто, когда создавался пояс безопасности для НКАО, и совсем нелегко, когда он за нашей спиной вступил в сговор с турками, а через них и с американцами... На него давили. В конце концов, он переметнулся. Как и Шеварднадзе. Играл

и с нами, и с теми, кого Ельцин называл стратегическим партнером. Хотя понял позже, что потенциальный противник не являлся выдумкой КГБ и советских политиков. Такая ситуация была — Россия боролась за выживание. Когда речь идет о жизненных интересах державы, все остальное — мелочи.

Так все просто объяснили и понятно. Меня спасли, не позволили с хрустом переломить хребет. Но предпочли иметь дело с тем, кому не верили, но кто обещал оставить Карабах в покое.

— Ты же сам, как и некоторые другие, уверял, что в Азербайджане не найдется политика, который пойдет на это. Нашелся же, как видишь...

Семья моя — жена и дочь — оставались в Баку, и было ясно, что долго искушать судьбу не следует. Но я даже представить себе не мог, какую развернет вендетту наш «ужасный и великий» против уехавших в Москву вчерашних своих сподвижников, какие изощренные сценарии преступлений, якобы совершенные ими, насочиняют его помощники, сколько денег заплатят продажным российским милиционерам, чтобы арестовать и вывезти их за пределы российских границ...

Не ведал, что вынуждена будет бежать из Баку в чем была моя жена Хабиба с дочерью, предупрежденная добрыми людьми о возможном задержании Рены, второкурсницы Института политологии, сотрудниками Министерства национальной безопасности, очевидно, в качестве заложницы, чтобы заполучить меня.

В заложники брали не только в горах Чечни. Лидер Тальш-Муганской республики А. Гумбатов сдался властям после того, как схвачены были его домашние. То же самое, не церемонясь, проделали с экс-руководителем агропрома М. Абдуллаевым, братом бывшего министра обороны Р. Казиева, немало поспособствовавшим второму приходу во власть Г. Алиева...

Не мог даже предположить, как злорадно и беспощадно отыграются на мне и моих близких годы работы под недремлющим оком Самого, борьба с радикалами Народного

фронта, с армянскими боевиками Нагорного Карабаха и всякой мерзостью и подлостью разных чиновных людей...

Вредными все-таки для моего здоровья окажутся все мои последние профессии — совсем не случайно настигнет меня вскоре крутой инфаркт, а затем догонит и добавит проблему не менее грозный инсульт...

Все это еще предстоит увидеть и пережить и мне, и моим любимым женщинам — Хабибе и Рене, все вынесшими на своих хрупких плечах. Благодаря им я и выжил, и встал на ноги, и продолжил свое дело — созданный мною с группой товарищей в начале 2000 года Институт стратегических оценок и анализа, отпраздновавший свое десятилетие. Вместе с журналом «Вестник аналитики» — тоже нашим детищем.

И есть определенно какой-то особый символический знак в том, что я, выйдя 9 января около половины шестого утра из своего дома на Коммунистической, 1 (последняя советская постройка времен застоя для высшей партийной номенклатуры республики), приземлился спустя десять лет на уже Большой Коммунистической же в Москве (одна из последних переименованных — в улицу Александра Солженицына), где и расположился наш Институт.

В этом огромном временном промежутке в 18 лет — срок вызревания нового поколения людей! — началась и протекла, по сути, моя третья жизнь в Москве — столь же насыщенная важными, а порой и судьбоносными событиями, и не менее драматичная, чем та, которую я прожил в Баку. И это уже другая история, о которой я, надеюсь, расскажу в следующей своей книге.

2010–2013 гг.

1. С Юрием Кабаладзе, Алексеем Кондауровым на заседании Совета по внешней и оборонной политике (СВОП).

2. С известным французским историком и писателем Элен д'Анкокс.

3. Сергей Караганов, председатель СВОПа.

4. С принцем Майклом Кентским.

1. С Михаилом Владимиров и Сергеем Кортуновым на конференции по европейской безопасности в Берлине.

2. С писателем Александром Прохановым.

3. С президентом ФРГ Рихардом Вайзеккером.

4. С журналистом и политологом Виталием Третьяковым.

5. С журналистом и телеведущим Михаилом Леонтьевым.

Ближний круг – родные и друзья

МЫ!

Вагиф и Хабиба

▲ Нас уже трое. 1980 г.

▲ Сестра Наиля

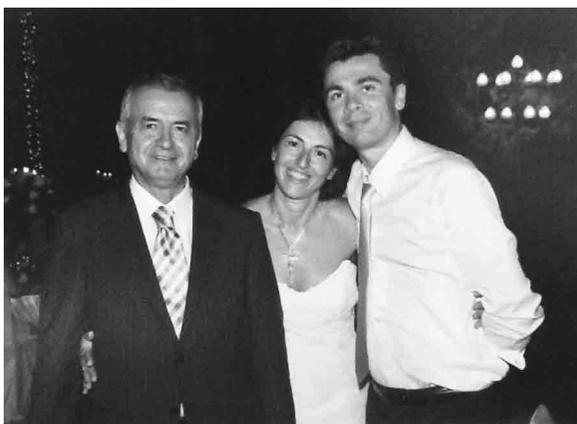
▲
Хранительница
домашнего очага
и семейных
традиций моя
любимая теща
Улдуз ханум

РЕНА

▲ В зажигательном танце

Свадьба
дочери

Рена и Сандро

ВНУК АЛЕССАНДРО

Пока он еще не знает, что будет говорить как минимум на трех языках – английском, русском и азербайджанском. Как не знает и того, что дедушкой уже написана для него большая книга.

Что бы там ни говорили, а один заинтересованный читатель где-то там, в начале 30-х годов XXI столетия, у меня уже есть!

ДРУЗЬЯ И КОЛЛЕГИ С ЖЕНАМИ И БЕЗ

▲ Хороший вопрос задал академик АН Анатолий Деревянко

Недремлющая душа Рустама Ибрагимбеков и его беспокойное сердце — лучшая гарантия того, что жизнь будет не очень спокойной, но зато интересной и творчески плодотворной. Об этом в красках может рассказать его супруга Шохрет...

◀ С Андреем Филатовым всегда есть, о чем поговорить...

▲ Расим Агаев с супругой Сарией — нас с ними связывают долгие годы многократно проверенной испытаниями дружбы.

▲ Рано ушедший из жизни мой друг Анатолий Исаев.

Очень приятно пожать руку старому другу, да еще и Лауреату премии Союза журналистов России «Золотое перо» Рафаэлю Гусейнову...

... и пощептаться с его женой Дилярой

Лена
Поройкова
и Афранд
Дашдамиров

▲
С Юрием Поройковым

Сева и Рустам Везиrowы

▲ Рина с Леонидом и Ириной Драчевскими

Надеюсь, Юрий Еремин и Василий Ламеев разберутся в этой непростой ситуации...

▲ Я же с удовольствием выпью за здоровье Алексея Денисова!

А я все-таки указал ▶ на свое место за столом еще одному Лауреату премии Союза журналистов России «Золотое перо» Геннадю Бочарову

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Об авторе книги

Вагиф Алиовсатович Гусейнов — директор Института стратегических оценок и анализа (ИСОА), главный редактор журнала «Вестник аналитики», член Совета по внешней и оборонной политике (с 1998 года), член Российско-китайского Комитета дружбы, мира и развития, член правления Совета Средиземноморско-Черноморских исследований (Институт Европы РАН), член правления общества «Россия — Германия», генерал-майор в отставке.

Автор книг «Хроника тайной борьбы», «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов» (1999–2000) «Каспийская нефть — экономика и геополитика» (2003), «Политика у порога твоего дома» (2008).

Соредактор и издатель монографий «Иракский кризис и становление нового мирового порядка» (М., 2004) и «Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (2006).

Соавтор, редактор и издатель книг «Россия — Великобритания: очередное охлаждение» (2007), «Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации» (2007), «Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы)» (2008), «Россия в изменяющемся мире» (2008).

Член редакционной коллегии аналитических сборников: «Стратегия для России: 10 лет СВОП» (2002), «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (2006), «Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего» (2007), «Россия и Мир — Новая эпоха» (2008), «Центральная Азия. Геополитика и экономика региона» (2010), «Нефтегазовый комплекс России: тенденции развития (2000–2010 годы)» (2011).

Автор многих статей по вопросам международной политики, отношений России с ЕС, энергетической безопасности, проблемам Ближнего и Среднего Востока, стран Южного Кавказа, внутренней политики и экономики России.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть третья. ПРОТИВОСТОЯНИЕ

ДРУГИЕ ВРЕМЕНА	7
Новый первый секретарь	7
Первый накат	10
На войне как на войне	16
Последний бой	21
В министерском кабинете	35
Лично Ю.В. Андропову	41
Партийное поручение — футбол!	51
Там, за горизонтом!	60
На коллегии МИД СССР	67
Управление по обслуживанию дипкорпуса	69
В ожидании перемен	74
ГОД ДРАКОНА	77
Отставка без почестей	77
Грозовая туча над головой	83
Трагедия Сумгаита	87
Абдурахман Везиров: новый курс	93
Узел	100
Меня бросают на кадры	108
Проглядели, упустили, не заметили... ..	115
Однозначное «нет» сепаратизму	125
Проблема выплескивается на улицы	133
Имеет ли государство право на насилие?	136
Миссия А.И. Вольского	137
Противостояние	147
Раскол	155
О рве, готовом превратиться в окоп	166
ДИАЛОГ ГЛУХИХ	166
О рве, готовом превратиться в окоп	166
Троевластие	175
Оппозиция в оппозиции	183
Руины Спитака	186
Цена власти	192
Между молотом и наковальней	202
Новый этап борьбы за Карабах	206
«Большая политика — понимать надо!»	212
«Если не ты, то кто?»	217

Часть четвертая. ПРЕОДОЛЕНИЕ

ЧЕКИСТСКАЯ СЛУЖБА	227
Я сделал свой выбор	227
Итак, КГБ	233
Свои и чужие	241
Тет-а-тет с Эльчибеєм	251
Республика выходит из-под контроля	254
Снос границы	257
ЧЕРНЫЙ ЯНВАРЬ	259
Январский дневник. 1990 год	260
Приказ министра обороны — взять Баку!	289
Собрание офицеров КГБ Азербайджана	292
Точка невозврата	296
Поиск выхода из кризиса	308
РАЗВЯЗЫВАНИЕ УЗЛОВ	317
Полуночное заседание пленума ЦК	317
Республики сползают к вооруженному столкновению	326
Чекисты учатся воевать	328
Виктор Петрович Поляничко — политический деятель и человек	334
Военная тактика и стратегия	337
Операция «Кольцо». Падение Чайкенда	340
Мы сделали все, что смогли	352
ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ	357
ГКЧП	357
На прицеле НФА	362
Моя отставка	365
Взгляд на ситуацию со стороны	367
Интервью	368
Уголовное дело В. Гусейнова	373
В Баилловской тюрьме	379
Борьба за мое освобождение	385
Реставрация	393
Интервью в камере	395
Военный мятеж Сурета Гусейнова	398
Свободен!	401
ПОСТСКРИПТУМ	405
Об авторе книги	421

Вагиф Гусейнов

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ОДНА ЖИЗНЬ

Книга вторая

Литературный редактор — *Ю.Д. Поройков*

Верстальщик — *А.Н. Багаев*

Формат 60x90/16. Бумага офсетная

Тираж 500 экз. Заказ № 489

Подписано в печать 20.02.2013 г.